

Пол  
КРУГМАН



ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ

---

# PHILOSOPHY

---





---

PHILOSOPHY

---



**Пол КРУГМАН**

---

**ВЕЛИКАЯ  
ЛОЖЬ**

**ас**  
ИЗДАТЕЛЬСТВО  
Москва  
2004

УДК 323(73)  
ББК 66/2(7Coe)  
К84

Paul R. Krugman  
THE GREAT UNRAVELING:  
LOSING OUR WAY IN THE NEW CENTURY

*Перевод с английского Д. Павловой, А. Романовой, Г. Соловьевой*

*Серийное оформление А. Кудрявцева*

Печатается с разрешения W.W. Norton & Company, Inc.  
c/o Toymania LLC

Подписано в печать 31.08.04. Формат 84×108<sup>1/32</sup>.  
Усл. печ. л. 25,2. Тираж 5000 экз. Заказ № 2653.

**Кругман П.**

К84 Великая ложь: Сбиваясь с пути на рубеже нового века: Пер. с англ. / П. Кругман. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. — 474, [6] с. — (Philosophy).

ISBN 5-17-025969-7

Один из наиболее известных экономистов сегодняшнего дня, кандидат на Нобелевскую премию Пол Кругман делится своими размышлениями о злободневных событиях последнего пятилетия — от мирового кризиса 1998 г. до вторжения США в Ирак. Американский еженедельник «Паблшерз Уикли» назвал его книгу «хроникой упадка и разрушения оптимизма 1990-х годов»; этот оптимизм, говорится в рецензии, сменился повсеместным пессимизмом в результате «чрезвычайно невнятного управления как в частном секторе, так и в коридорах власти», а веку корпоративных героев пришел на смену век корпоративных скандалов. Кругман пишет об американских проблемах и предлагает американские рецепты исправления ситуации — однако в нынешнем глобализированном мире американский опыт вполне может стать российским, а взгляды Кругмана — оказаться востребованными по обе стороны океана.

УДК 323(73)  
ББК 66/2(7Coe)

© Paul R. Krugman, 2003  
© Перевод. Д. Павлова, А. Романова, Г. Соловьева, 2004  
© ООО «Издательство АСТ», 2004

ОТ РЕДАКЦИИ

## КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ПОЛА КРУГМАНА

«Дурная экономика в патриотической обертке» — это определение экономической и социальной политики администрации Джорджа У. Буша весьма популярно сегодня в Соединенных Штатах Америки. Прежде всего, естественно, оно пользуется популярностью среди политических противников нынешнего президента США, однако и многие из тех, кто поддерживает политику Буша, вынуждены признавать справедливость такой характеристики, емкой и хлесткой. И не только признавать, но и все больше прислушиваться к словам автора этого определения — профессора Принстонского университета и Массачусетского Технологического института Пола Р. Кругмана.

Пол Кругман — профессиональный экономист, автор ряда аналитических работ о современной экономике, в том числе известного учебника «Международная экономика: теория и политика» (вместе с М. Обстфельдом), выдержавшего, кстати сказать, несколько изданий на русском языке. Одновременно Кругман — колумнист, то есть обозреватель, газеты «Нью-Йорк Таймс», пишущий на экономические темы. В своей второй «ипостаси» он показал себя вдумчивым аналитиком, умеющим писать о сложном просто и не понаслышке знакомым с вопросами экономической теории и управления экономикой (в начале своей карьеры Кругман проработал полтора года в Белом доме; позже он называл этот период «временем, когда у меня открылись глаза»). В одном из интервью Кругман так обозначил свою позицию применительно ко второй, журналистской карьере: «Считается, что экономисты — публика скучная. Что ж, так и есть, в особенности когда мы принимаемся рассуждать о профессиональных вопросах. Тем не менее, об экономике можно и нужно говорить и писать так, чтобы было понятно всем, понятно и даже забавно. Экономике требуются популяризаторы — как Карл Саган в астрономии. Подобно своим коллегам из академических кругов, я мно-

го лет преподавал, писал для профессиональных журналов и убеждал в правоте своих мнений только избранную аудиторию; мир как трибуна был мне неинтересен. Но однажды я осознал, что кругом полным-полно шарлатанов от экономики, чьи рассуждения неискушенная публика охотно принимает за истину в последней инстанции. Принцип “хочешь что-либо изменить — сначала изменись сам” никто не отменял, поэтому мне пришлось оставить академический уют и “перебраться” на полосы газет и страницы журналов».

Кругман-журналист, кроме того, — язвительный сатирик, на протяжении вот уже нескольких лет разоблачающий «тайные игры» президентской администрации. В одном из консервативных политических изданий после публикации очередной колонки Кругмана в «Нью-Йорк Таймс», посвященной делу о бухгалтерских махинациях компании «Энрон», ее автора назвали «экономическим крестоносцем» — за радикализм, постоянство и беспощадность суждений. А по словам самого Кругмана, «крестовый поход», объявленный им, — это поход разгневанного либерала против «блатного капитализма», то есть политики двойных стандартов, активно применяемой «патриотической администрацией» Джорджа У. Буша в экономике и в политике.

В настоящий сборник вошли статьи Пола Кругмана из журнала «Форчун» и газеты «Нью-Йорк Таймс», посвященные злободневным событиям последнего пятилетия — от мирового кризиса 1998 г. до вторжения США в Ирак. Американский еженедельник «Паблишерз Уикли» назвал эту книгу «хроникой упадка и разрушения оптимизма 1990-х годов»; этот оптимизм, говорится в рецензии, сменился повсеместным пессимизмом в результате «чрезвычайно невнятного управления как в частном секторе, так и в коридорах власти», а веку корпоративных героев пришел на смену век корпоративных скандалов. Именно неэффективное управление, по Кругману, является источником большинства переживаемых сегодня Америкой проблем — и эта точка зрения доказывается множеством фактов, широко известных, но получающих в книге зачастую совершенно неожиданную (и очень убедительную) интерпретацию.

Да, Кругман говорит об американских проблемах и предлагает американские рецепты исправления ситуации — однако в нынешнем мире, охваченном глобализацией, практически не осталось проблем, свойственных исключительно той или иной стране: общая экономика — общие трудности. А значит, американский опыт вполне может стать российским, а взгляды Кругмана — оказаться востребованными по обе стороны океана.

*Андрей Лактионов*

---

ПОЛ КРУГМАН

**ВЕЛИКАЯ  
ЛОЖЬ**

СБИВАЯСЬ С ПУТИ  
НА РУБЕЖЕ НОВОГО ВЕКА

---



*Посвящается Робин*

## ВЫРАЖЕНИЕ БЛАГОДАРНОСТИ ЗА ПОМОЩЬ И ПОДДЕРЖКУ

Писать обзоры, особенно в трудные времена, — задача, за которую лучше не браться одному. По счастью, мне всегда помогали.

Сначала мне хотелось бы поблагодарить всех руководителей «The New York Times». Хоуэлл Рейнс и Артур Зальцбергер предложили мне эту работу и убедили меня в том, что ею стоит заняться; они оказались правы. (И слава богу, что редакция «The New York Times» продолжает хранить веру в принцип свободы прессы и готова поддерживать своих авторов.) Сейчас за моей работой следит Гейл Коллинз, и его советы неизменно оказываются полезными.

Еще важнее боссов, конечно, люди, с которыми вы работаете. Большинство этих колонок редактировались Стивом Пикерингом, легендой «Times», недавно ушедшим на заслуженный отдых. Если вы никогда не занимались ничем подобным, трудно понять, насколько важна роль редактора выпуска. Действительно, некоторая часть этой работы состоит из замечаний типа «вы на одну строку превысили лимит, что можно сократить?» Но когда кто-нибудь из редакторов (Стив, или Линда Кон, или Сью Кирби, которые также изрядно покорпели над этими колонками) говорит: «Я не совсем поняла, о чем вы здесь го-

ворите», — это деликатный способ сообщить, что вам потребуется серьезно переработать ваш текст.

Большое спасибо также команде издательства «W. W. Norton & Company»: Дрейку Макфили, который годами сопровождал автора на протяжении его карьеры, Бобу Вейлу, чей энтузиазм довел этот проект до завершения, и Энн Эдельман, еще одному бесценному редактору. И конечно, Ив Лазовиц, которая чутко следила за тем, чтобы работа по обеспечению этого издания не вышла из-под контроля.

Более же других я благодарю свою жену, Робин Уэллс, которая оказала мне больше чем просто поддержку; она читала каждую колонку в черновике, и ее работа — неотъемлемая часть писательского процесса. Эта книга в такой же степени ее, как и моя.

Метафоры могут быть коварными, но манхэттенские «часы долга» столь же хорошо отражают ситуацию, как и в пору, когда они появились.

Бизнесмен, исполненный чувства гражданской ответственности, установил эти часы в 1989 г., надеясь пристыдить и заставить политиков действовать ответственно. Гигантские цифры отсчитывали постоянно увеличивающийся национальный долг: постоянно растущий потому, что ежегодно федеральное правительство тратило много больше, чем получало, и было вынуждено занимать разницу. Но в конце 1990-х гг. случилась смешная вещь: правительственный налог взлетел вместе с фондовым рынком, и этот громадный бюджетный дефицит сначала сократился, а затем обратился в гигантский излишек. В сентябре 2000 владелец часов отключил их.

В июле 2002, когда государство вновь столкнулось с безбрежным дефицитом, часы заработали снова.

Для новейшей американской истории это означает много больше того, что федеральное правительство объявило победу в длительной борьбе с дефицитом, только чтобы увидеть быстрое возвращение отрицательного сальдо.

Но как обстоят дела с бюджетом, так они складываются и в отношении многих других индикаторов нашего национального благосостояния. В начале 1990-х гг. мы были ослабленным государством в экономическом, социальном и политическом плане: быстрее других в ту эпоху расходилась книга под заголовком: «Америка: что пошло не так» (*America: What Went Wrong*). К концу десятилетия, мы, казалось, ликвидировали задолженность. Экономика росла быстро, рабочих мест было навалом, и миллионы людей разбогатели. Бюджетный дефицит проложил дорогу рекордным излишкам. Кривая роста преступности, которая начала расти в 1960-е гг., пошла на спад; крупные города оказались внезапно, на удивление всем, безопаснее, чем они были в течение многих десятилетий. Будущее казалось почти невероятно обнадеживающим.

Затем хорошие времена закончились. К 2003 г. конструктивные особенности нашей экономики и, возможно, нашей политической системы и нашего общества, похоже, проявились еще раз. В государстве возникла тревожная атмосфера, и данные опросов показывали, что большинство людей полагают, что страну ведут в неверном направлении.

Эта книга прежде всего — хроника лет, когда все вновь пошло не так — когда пьянящий оптимизм конца 1990-х гг. уступил заново возвратившемуся мраку депрессии. Это также попытка объяснить, каким образом в стране с такими устремлениями оказалось возможным столь быстрое падение по наклонной плоскости и почему наши руководители принимали столь плохие решения. Ибо по большей части это рассказ о руководстве — невероятно скверном руководстве в частном секторе и в коридорах власти. И, да, в частности, это обвинение в адрес Джорджа У. Буша. Хелен

Томас, корреспондент с огромным опытом работы в Белом доме, назвала м-ра Буша «самым плохим президентом во всей американской истории». Я в этом не уверен — у него есть несколько опасных конкурентов. Но в прошлом некомпетентность и преступления президента значили для страны или мира много меньше, чем сегодня.

Книга в основном состоит из обзоров, написанных мною для «The New York Times» в период между январем 2000 и январем 2003. Я надеюсь, что результатом станет некая цельная картина, а не просто набор описанных в репортерских колонках злободневных фактов. Вкратце я коснусь того, как я пришел к написанию этих обзоров. Но сначала давайте вспомним о фоне, на котором происходили рассматриваемые события.

## БЕЗОТРАДНЫЕ ГОДЫ

---

В конце 1990-х гг., когда казалось, что все идет как надо, так как число рабочих мест быстро росло, повышался курс ценных бумаг, бюджет оказался профицитным и даже уровень преступности снизился, — унылое настроение первых лет десятилетия стерлось из памяти. К 2000 году немногие помнили угнетенную атмосферу, господствовавшую в 1992. Все же эта атмосфера — существенная составляющая подоплеки того, что появилось позднее.

Если вы относитесь к числу людей, полагающих, что величие страны определяется ее военными успехами (такие люди управляют страной сейчас), скверное настроение страны в 1992 г. может показаться загадочным. В военном отношении Америка оказалась впереди других стран. Коммунизм потерпел крах. Война в

Персидском заливе, которая, как многие опасались, станет новым Вьетнамом, вместо этого обратилась в эффектную демонстрацию американской воинской доблести. Мы уже стали тем, чем остаемся сегодня, — единственной сверхдержавой мира.

Но славой счетов не оплатишь. Заголовок, выразивший настроение этого периода — обострение внимания к контрасту между американской стагнацией и явным неуклонным подъемом Японии, — гласил: «Холодная война закончилась. Выиграла Япония». Независимо от того, согласны ли вы с тезисом, что Америка стала жертвой нечестной конкуренции со стороны Японии, или нет (на самом деле это не так), то было время освобождения страны от иллюзий.

Хотя Япония и не плела злодейских интриг, как представляют некоторые, — вскоре и она испытала экономические неудачи, которые стали предостережением всем нам, — американские экономические беды были весьма реальны. Действительно, к 1992 г. статистики объявили, что рецессия 1990–1991 гг. закончилась. Но в 1991–1992 гг. это было еще «восстановление на фоне безработицы» — то есть период, когда ВВП увеличивался, но безработица продолжала расти. В том отношении, в каком это затрагивало рядовых американцев, рецессия продолжалась. Неважно обстояли дела и для рабочих, которые сумели сохранить свое рабочее место: реальная заработная плата обычного работника оставалась на одном уровне или снижалась в течение почти двадцати лет. Традиционные отрасли, такие как автомобилестроение и производство стали, где обычные рабочие могли заработать неплохие деньги, по-видимому, постоянно испытывали спад. Увеличивалось, а не снижалось число бедных: свыше 20 процентов детей жили за чертой бедности — самый высокий показатель с 1964 г.

Массовая культура отразила глубокое ощущение разочарования. Среди значительных кинолент начала 1990-х гг. — «С меня хватит» («Falling Down») — о сотруднике ВПК, отправленном в отпуск без содержания, испытывавшем приступ бессильной ярости, «Большой Каньон» — об угрозе преступности и «Восходящее Солнце» — об американском упадке и подъеме Японии.

Что же с ожиданиями, возложенными на новые технологии? В начале 1990-х гг. они, казалось, не оправдались. Несомненно, новые технологии окружали нас постоянно — но ошеломительных результатов видно не было. Все большее число работников работало на компьютерах, в каждом офисе стоял факс, начали распространяться сотовые телефоны и электронная почта, но ни одно из этих новшеств не улучшило ситуацию в сфере занятости и не повысило уровень жизни. Один известный экономист (позднее ставший глашатаем великих американских побед) сказал мне в частной беседе, что считает высокие технологии «изрядным вздором».

Более того, американцы были разочарованы своими лидерами в частной сфере и на общественном поприще. В книжном магазине любого аэропорта красовались ряды томов с воинами-самураями на обложках, в которых давались обещания обучить читателей секретам японского умения управлять; суть была не в том, что японцы, видимо, знали, как управлять современными корпорациями, но в том, что люди, руководящие американскими компаниями, по всей видимости, этого не знали. Все последние новинки, казалось, прибыли из Японии; «made in the USA» не только перестало быть гарантией качества, но и многим потребителям пришлось отказать в доверии отечественным товарам. Неуклюжесть и некомпетентность менеджеров высокого звена (СЕО) крупных корпораций, получающих завы-



шенную зарплату, стала предметом насмешек, — когда президент Джордж Буш взял с собой в Японию руководителей автокомпании с целью добиться экономических уступок, эта история обернулась скандалом в сфере общественных отношений.

Утрата доверия затронула и политическую сферу. Наиболее примечательным в выборах 1992 г. оказался не проигрыш Буша. Самым удивительным в ходе их стало то, что Х. Росс Перо, кандидат, стоящий совершенно особняком, набрал 19 процентов голосов. В стране, где третьи партии никогда не пользовались большим успехом, это событие стало гигантским вотумом недоверия традиционным политическим лидерам.

Вкратце, эти времена были не лучшими — и многие наблюдатели ожидали, что положение будет ухудшаться. Все же за истекшие восемь лет страна испытала удивительный экономический и общественный сдвиг.

## ХОРОШИЕ ГОДЫ

---

Прежде чем люди поняли, что положение вещей действительно изменилось к лучшему, прошло немало времени. Можно сказать, что пессимизм стал национальной привычкой. Еще зимой 1995–1996 гг., несмотря на постоянное снижение уровня безработицы, газеты были полны паникерскими заголовками, в которых сообщалось о потере рабочих мест и сокращениях. В ходе президентской кампании 1996 г. экономисты Боба Дойла нападали на администрацию Клинтона за то, что они именовали неудавшимся возрождением застойной экономики. Менее тенденциозные экономисты знали ситуацию лучше, но оставались спокойными, ибо им довелось наблюдать слишком много фальшивых рассве-

тов. Но в итоге факты стали слишком очевидными и отрицать их было уже невозможно: американская экономика пошла на поправку. И, таким образом, появилось впечатление, что поправилось и наше общество.

В условиях нашего нынешнего возобновившегося разочарования вновь возникает желание забыть, как о мираже, обо всем, что стало удаваться в годы Клинтона. Действительно, маниакальный оптимизм конца 1990-х гг. обогнал реальность. Но реальные достижения нации были впечатляющими.

Что важнее всего для жизни большинства людей: к концу 1990-х гг. рабочих мест было предостаточно — больше, чем их было в течение десятков лет. В период между 1992 и 2000 гг. американские компании занесли в списки своих работников 32 миллиона человек, снизив уровень безработицы до самого низкого уровня за последние 30 лет. Полная занятость означала рабочие места и шанс выбраться семьям, пойманным в ловушку бедности: резко снизилось число бедных, впервые за период с 1960-х гг. Частично вследствие этого социальные индикаторы, такие как уровень преступности, показали впечатляющее улучшение: к концу 1990-х гг. город Нью-Йорк был столь же безопасен, что и в середине 1960-х гг.

Если рост числа рабочих мест был впечатляющим, то увеличение производительности труда работников впечатляло еще больше. В 1970–1980-х гг. низкий рост производительности — лишь 1 процент в год — был самым большим недостатком американской экономики. Скверные показатели производительности стали важнейшей причиной, по которой для типичной американской семьи не наблюдалось повышения уровня жизни: экономика в отсутствие роста производительности не могла дать значительного повышения заработной пла-

ты. Но в течение 1990-х гг. производительность возросла; к концу десятилетия она росла скорее, чем когда-либо в истории Америки, и уровень заработной платы вышел из долгой стагнации.

Чем вызван подъем производительности? Ответ, скорее всего, в том, что информационные технологии достигли зрелости, все эти компьютеры и сети наконец показали, на что они способны. Но и руководители бизнеса, понятно, получили больше доверия. После того как заколебалась Япония американский бизнес восстановил доверие к себе, и героями стали американские бизнесмены. Это была эпоха СЕО — суперзвезд высшего звена менеджмента. И если эти суперзвезды уносили домой в качестве гонорара чеки на огромные суммы, то почему бы и нет? Казалось, Америка разработала систему, при которой масштабные инициативы дали масштабные результаты.

Затем, существовала фондовая биржа. В конце 1992 г. индекс Доу-Джонса<sup>1</sup> был на уровне 3500; к 2000 г. он поднялся выше отметки 10 000. И все же владельцы акций предприятий, учтенных индексом Доу-Джонса, чувствовали себя неудачниками: они упустили возможность заполучить действительно гигантские прибыли, так как акции высокотехнологичных предприятий сделали многих настоящими миллионерами. Ни разу с 1929 г., и, возможно, даже тогда, быстрое достижение богатства не выглядело столь возможным. И влиятель-

---

<sup>1</sup> Индекс Доу-Джонса — фондовый индекс, рассчитываемый по котировкам акций на Нью-Йоркской фондовой бирже для акций 30 промышленных и 20 транспортных компаний, а также для 15 компаний коммунального обслуживания. Составляется также комбинированный индекс для 65 акций. Индекс Доу-Джонса показывает тенденцию изменения курса акций. — *Здесь и далее примечания редакции.*

но звучащие голоса заверяли нас, что впереди нас ожидает еще многое, что индекс Доу-Джонса вскоре достигнет 36 000<sup>1</sup>.

Были также и скептики, сомневавшиеся в фондовой бирже; к числу их относился и я. (У меня также были сперва некоторые сомнения в чуде, произошедшем с производительностью в США. К 2000 году я поверил в него, но по-прежнему полагаю, что цены на акции в значительной степени не соответствовали действительному положению вещей.) И те из нас, кто следил за зарубежной экономикой, также несколько беспокоились о том, что произойдет, когда фондовая биржа заново откроет для себя законы гравитации. Существовало некоторое сходство, которое отрицать нельзя, между экономикой США конца 1990-х гг. и японской «дутой экономикой» десятилетием раньше; и после того, как мыльный пузырь японского фондового рынка лопнул, с виду неодолимая японская экономика свалилась в глубокую яму, в которой и пребывает до сего дня.

Все же 1990-е гг. дали нам основание для оптимизма, даже на случай если пузырь лопнет. Ибо проблемы Японии обострились из-за плохого руководства, а руководители экономики Соединенных Штатов были исключительно хороши.

В первые годы пребывания у власти администрации Клинтона это не было очевидно для всех. Сам я был весьма жестким критиком экономической команды нового президентства, в период до того, как была установлена

---

<sup>1</sup> *Glassman James K., Hassett Kevin A. Dow 36 000. 1999.* Авторы вышедшей в 1999 году популярной книги «Dow 36 000» предсказывали, что в течение ближайших трех или четырех лет индекс Доу-Джонса для промышленных компаний вырастет примерно в четыре раза.

полная власть Роберта Рубина. К концу декады «рубиномика» праздновала победу. Во-первых, Билл Клинтон посмел поднять налоги, чтобы справиться с бюджетным дефицитом, — поступок, который был смелым вдвойне. Его предшественника, Джорджа Буша, все ругали за произошедшее при нем увеличение налогов (хотя даже Рональд Рейган отказался от части своего собственного налогового сокращения); а консерваторы прогнозировали, что Клинтон, увеличив налоги, утопит экономику. Тем не менее он поступил правильно — и получил в качестве награды рост экономики и избыток бюджета.

Более того, Вашингтон выказал и гибкость, и эффективность в деле преодоления кризисов. Когда в 1995 г. рухнул мексиканский песо, администрация, вновь бросив вызов жесткой критике со стороны правых, пришла на спасение соседа. Затем еще более масштабный финансовый кризис разразился в Азии. Осенью 1998 г. кризис дошел до Соединенных Штатов, так как дефолт в России привел к отказу выплаты долга, вызвавшему крушение «Long-Term Capital Management», крупного страхового фонда. Финансовые рынки быстро отреагировали на ситуацию: получение займов и предоставление кредитов фактически остановилось. Мне довелось побывать на встрече с одним из чиновников Федеральной резервной системы, который разъяснил нам сложившуюся обстановку; когда ему задали вопрос, что можно предпринять, он ответил: «Молиться». Все же Рубину, вместе с Аланом Гринспеном, удалось создать атмосферу благоденствия — припомните какой-нибудь другой подобный случай, когда люди искренне восхищались бы министром финансов? И рынки ожили. В начале 1999 г. на обложке «Time» был помещен портрет председателя Федеральной резервной системы Алана Гринспена, министра финансов Роберта

Рубина и помощника министра финансов Ларри Саммерса, которых журнал в шутку, но вполне заслуженно назвал «комитетом по спасению мира».

Тогда, на пороге нового тысячелетия, казалось, что Соединенные Штаты, к своему счастью, имеют разумное, умелое экономическое руководство, которое в случае необходимости сделает то, что нужно сделать. Эти люди настоят на проведении ответственной фискальной политики, чтобы предотвратить возвращение к безработице начала 1990-х гг., не говоря уже о сползании к стагнации в японском стиле, они будут действовать быстро и эффективно. Даже те из нас, кто считали себя пессимистами, по существу стали оптимистами, полагая, что им лично все равно повезет, даже если играющие на повышение инвесторы испытают приступ внезапного отрешения.

---

## АМЕРИКА: ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

---

Сатирический еженедельник «The Onion» характеризует себя как «лучший источник новостей в Америке» — и в последние несколько лет это в буквальном смысле так. Шуточное изложение новостей 18 января 2001 г. сообщало о речи, в которой избранный на должность президента Джордж У. Буш объявляет: «Долго преследовавший нашу страну страшный сон о мире и процветании более нас не мучит». Так все и оказалось.

Что же произошло с хорошими годами? Для многих значительным эмоциональным поворотным пунктом — моментом, когда рухнули наши иллюзии безопасности, — стало 11 сентября. Но для меня этот перелом был больше растянут во времени и связан с более широким спектром событий.

Я не собираюсь преуменьшать масштабы террора. Но все, кто следили за событиями на Ближнем и Среднем Востоке, знали, что Соединенные Штаты — это мишень для террористов. Вы, возможно, припоминаете, что после взрыва 1995 г. в Оклахоме все сразу предположили, что в нем были замешаны мусульмане. Эксперты по терроризму постоянно, годами предупреждали нас о том, что наступит день, когда на американскую землю будет совершена крупная атака, — но одни только данные о количестве убитых 11 сентября стали шоком. Мы знали, что есть много людей, которые хотят причинить нам боль, и нет ничего удивительного в том, что в конце концов они попали в цель.

Настоящим поводом для удивления стал провал руководства, обнаружившего на глазах у всей страны свою несостоятельность как в личном, так и в социальном плане.

Некоторые люди осознавали, что в 1990-е гг. нарушения в сфере бизнеса имели место, хотя тем, кто это говорил, нелегко было добиться, чтобы их услышали. Но размах и бесстыдство этих нарушений оказались больше, чем кто-либо думал. Рынок, ориентирующий на повышение курсов, одновременно поощрял и скрывал проступки корпораций в эпических масштабах, но узнали мы об этом слишком поздно. Кто бы мог подумать, что известные компании, разрекламированные в школах бизнеса как истинные образцы современной корпорации, как оказалось, являют собой чуть усложненные схемы Понци? (Некоторые говорили об этом, но от них отмахивались, считая их чудаками.)

Еще более тревожным стало открытие, что наша политическая система значительно менее разумна, чем мы полагали, что ответственное руководство, пребывание которого у власти мы воспринимали как нечто

само собой разумеющееся, было чем-то вроде случайности. В ходе кампании 2000 г. Джордж У. Буш предложил налоговый план и план по социальному обеспечению, которые с вопиющей очевидностью строились на фиктивной арифметике. Однако СМИ сосредоточились на политике отдельных личностей и избегали объяснять отдельные вопросы. Тем временем Алан Гринспен оказался не тем человеком, которым, мы думали, он был: суровый сторонник простоты и финансовой дисциплины во времена правления демократов стал защитником и проводником безответственных налоговых сокращений даже перед лицом увеличения дефицита, едва только в Белом доме сменилась власть.

Более того, новая команда не выказала в длительной перспективе ответственности, а в краткосрочной — гибкости своих предшественников. Первоначальный экономический план Буша включал крупные, долгосрочные налоговые сокращения, которые вводились в строй только постепенно. К 2002 г. стало очевидным, что этот план имеет свои оборотные стороны. Подобно своему отцу, Буш продолжал держать курс на «восстановление на фоне безработицы» — то есть экономика росла, но слишком медленно для того, чтобы появились новые рабочие места, так что большинство людей обнаружило, что жизнь их стала хуже. Эта экономика отчаянно нуждалась в краткосрочном подъеме, а не в долгосрочном налоговом сокращении. И бросающееся в глаза ухудшение бюджета означало, что долгосрочные налоговые сокращения более позволять себе нельзя. Однако консультанты Буша продолжали настаивать на том, что их программа, сформулированная еще в 1999 г., когда мыльный пузырь раздулся до максимальных размеров, — это именно то, что требуется для решения нынешних экономических трудностей. А в начале 2003 г.,



когда наконец они поняли, что требуется предпринять нечто большее, новый план «стимулирования»<sup>1</sup> на практике оказался клоном первоначального плана: почти ничего — для стимулирования экономики сегодня, но огромное количество долгосрочных налоговых сокращений, преимущественно для богатых.

Навевает еще более мрачные предчувствия то, что понемногу становится очевидным: корни проблемы прячутся глубже скверно действующей экономической идеологии. Речь идет об изменениях американского политического пространства в целом, и это центральная тема введения в эту книгу.

## ПОЧЕМУ Я?

---

Я начал писать в «The New York Times» в январе 2000 г. Ни я, ни «The Times» не знали, во что ввязались.

Я был и являюсь профессором-экономистом, специализирующимся на проблемах торговли. Международные финансовые кризисы были одной из моих основных специальностей, и в течение 1990-х гг. я много времени провел за отслеживанием и комментированием зарубежных экономических потрясений. Часть моих работ складывается из того, что я именую экономикой для посвященных, из трудных для понимания статей, публикуе-

---

<sup>1</sup> Речь идет о «Законе о создании рабочих мест и предоставлении помощи», который предусматривал экономический рост за счет ряда мер, таких как сокращение налога на дивиденды и прирост капитала до 15% для большинства инвесторов, большие скидки для маленьких предприятий, увеличенные льготы на налог на прибыль, меры для семей, включая налоговый кредит на детей в размере 1000 долларов. Этот закон известен также как «Закон о стимулах»

мых в профессиональных журналах. Но мне также доводилось писать о проблемах мировой экономики для более широкой аудитории. К 1998 г. я был постоянным автором двух ежемесячных колонок в «Fortune» и одной — в он-лайн-овом журнале «Slate»; некоторые из этих колонок включены в данный сборник.

Летом 1999 г. «The New York Times» связалась со мной, предложив написать материал для страницы обзорных статей и политических комментариев. Хоуэлл Рейнс, в ту пору редактор редакционной полосы издания, чувствовал, что в эпоху, когда более чем в любое другое время бизнес в Америке стал бизнесом, «The Times» требуется расширить свой комментарий за пределы традиционной концентрации на международных отношениях и внутренней политике. Меня привлекли в надежде, что я буду писать о превратностях новой экономики, о влиянии глобализации и о плохой политике других стран. Я не собирался уделять много времени внутренней политике, так как все предполагали, что американская политика останется благоразумной и надежной.

Я попытался, насколько это было в моих силах, охватить вопросы экономики и бизнеса. Как вы увидите, некоторые из статей, помещенных в лежащей перед вами книге, в прямом смысле слова — экономические анализы, без малейшего политического уклона. Но с дальнейшим ходом событий вторжение политики стало неизбежным. Все чаще я обнаруживал, что сообщаю правду, очень неудобную для власти.

Почему я?

Ныне мне нередко приходится слышать обвинения в том, что я — сложившийся либерал, даже социалист. Но лишь несколько лет назад истинные твердолобые либералы весьма недолго любили меня — один из жур-

налов даже посвятил центральную статью нападкам на меня за мои прокапиталистические воззрения, и у меня все еще хранится сердитое письмо, которое Ральф Нэйдер послал мне, когда я подверг критике его нападки на глобализацию. Если я часто заканчивал статьи критикой правых, это потому, что правые ныне у власти и руководят они плохо. Дело не только в том, что наша политика плоха и безответственна, а в том, что наши лидеры не говорят правды о том, что они делают и собираются делать.

Я начал указывать на возмутительную бесчестность бушевской администрации задолго до того, как этим занялась остальная часть ученой общественности. Почему я увидел то, что другим не удалось усмотреть? Одна из причин состоит в том, что, будучи профессиональным экономистом, я ни на минуту не испытывал склонности использовать стиль репортажа типа «он сказал, она сказала», который позволяет демонстрировать равное доверие прямо противоположным заявлениям политиков независимо от фактов. Я проделал собственные расчеты — или там, где необходимо, обращался к настоящим экономистам, кто мог бы пополнить мои знания по темам, о которых я писал, — и быстро осознал, что здесь, в США, мы имеем дело с ложью мирового уровня. Я был совсем не одинок в этом: за последние несколько лет я замечал, как бизнес-обозреватели, обнаружив фиктивную цифру, часто обвиняли наших лидеров в откровенном надувательстве даже тогда, когда эксперты по политике восхваляли безукоризненность тех же лидеров. Но сочинения бизнес-обозревателей сосредоточены на узком круге вопросов и редко влияют на политический комментарий. Обладая более широкими полномочиями и местом в колонке для политических комментариев, я привлек много больше внимания.

Я также был готов к тому, чтобы увидеть и осветить реальное положение вещей не с общепризнанной точки зрения, поскольку я не вращаюсь в соответствующем обществе. Комментаторами в большинстве своем выступают люди, живущие в Вашингтоне и посещающие одни и те же званные обеды. Это само по себе побуждает к возникновению группового мышления, в любой отдельной взятый момент существует некая сюжетная линия, формирующая восприятие журналистов. До 11 сентября существовало мнение, основанное на такой фабуле: Джордж У. Буш не слишком образован, но честен; после 11 сентября возник новый поворот темы: что он представляет собой здравомыслящего героя, исполненного решимости и морально безукоризненного, «техасский рейнджер мировых масштабов» (да, один известный автор так прямо и написал). От бесчисленных свидетельств в пользу того, что ни одно из этих представлений ни малейшим образом не походит на действительность, просто отмахивались.

Но я не являюсь частью такого рода группы — я присылаю свои работы из центра Нью-Джерси и продолжаю вести жизнь преподавателя колледжа, так что я никогда не доверял общепризнанному мнению. Более того, меня невозможно было запугать привычными способами. Большинство журналистов извлекают нужные данные для своей работы из информации, поступающей изнутри, — утечек информации от высокопоставленных источников, эксклюзивных интервью с влиятельными лицами, к которым допускаются немногие. Это делает их уязвимыми: их можно убедить с помощью предложений предоставить особый доступ, пригрозить изгнанием из этой сферы деятельности, что таит в себе перспективы крушения карьеры. Но я почти целиком полагаюсь на цифры и аналитические обзоры, которые от-

крыты для всех, и мне не требуется благоволение высокопоставленных чиновников, так что я не испытываю нужды в том, чтобы демонстрировать почтение, что характерно для многих журналистов.

По разного рода причинам значительную часть последних трех лет я провел, создавая видение мира, которое сильно отличается от господствующего среди других специалистов представления. (Комментаторы, работающие для интернет-ресурсов, делают свою работу на совесть, но их труды не доставляются на миллион порогов дважды в неделю.) Один из очерков в этой книге, названный «Альтернативная реальность», посвящен этой теме. В то время когда большинство ученых мужей прославляло дерзкую проницательность, мастерство и моральную непогрешимость наших лидеров, я наблюдал замешательство, тщетность усилий и бесчестье. Эта точка зрения не пользовалась популярностью, особенно в первые месяцы по прошествии 11 сентября. Был ли я прав? Прочтите эту книгу и решите сами для себя.

## ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

---

Я попытался сделать из этой книги нечто большее, чем хронологически последовательный свод статей. Конечно, элемент хронологии здесь присутствует: каждый очерк писался в определенный день, и мои взгляды на одни и те же предметы эволюционировали, так как на свет появлялись новые факты. Но очерки сгруппированы по нескольким крупным темам, и внутри каждой из них разбиты на главы, посвященные конкретным вопросам. Чтобы придать очеркам более широкую перспективу, в начале каждого тематического раздела я также до-

бавил введение, в котором определяется политическое состояние и прочий дополнительный материал.

Обзор начинается с рассказа о том, как возник и как лопнул мыльный пузырь американского фондового рынка, и обо всем том, что сопровождало этот процесс. Как показывают отдельные помещенные здесь заметки, я всегда скептически относился к фондовой бирже, хотя, как вы увидите, недостаточно скептически. Мое внимание к сложной ситуации в экономике других стран подготовило меня к мысли, что, возможно, Соединенные Штаты столкнутся с серьезными экономическими трудностями, когда пузырь лопнет, хотя и здесь я первоначально недооценил риск. Чего, однако, никто не осознавал, так это насколько коррумпированной стала корпоративная система США; подобно другим, здесь я попытался наверстать упущенное.

Затем в книге пойдет речь о федеральном бюджете и судьбе социального обеспечения. Это история прогнозируемого долга. С самого начала мне было ясно, что планы Джорджа У. Буша не согласуются между собой, что он и его люди просто лгали обо всех важных цифрах и что их планы не оставят и следа от профицита бюджета. Ситуация развернулась именно так, как я и опасался, но быстрее и в более крупных масштабах, чем я ожидал. В дни, когда я пишу эти строки, администрация только что признала, что избыток бюджета в 230 млрд долларов, который она унаследовала, преобразовался в дефицит в объеме 300 млрд долларов — и, знаете ли, эта оценка занижена.

Каким образом был совершен такой ошибочный шаг? В третьей части я выхожу за рамки чистой и незамысловатой экономики, пытаюсь понять, что же произошло с американской политикой. Мне теперь кажется, что многие разумные люди, как либералы, так и кон-

серваторы, не могут понять сложившейся ситуации; как я объясняю в помещенных здесь очерках, реальный мир политики много грубее и безобразнее картины, присутствующей в умах большинства из нас.

Последние несколько лет не только потрясли мою веру в нашу политическую систему; они также стали напоминанием о том, что свобода рынка, хотя часто и является замечательной вещью, иногда может повести совсем не по правильному пути. В части IV характеризуются некоторые скандальные провалы рыночной системы за последние несколько лет, от калифорнийского энергетического кризиса до катастрофы в Аргентине.

Конечно, в мире, даже в мире экономики, существует гораздо больше событий, чем подъемы и спады в Соединенных Штатах. Книга завершается более широким обобщением — взглядом на мировую экономику и обзором инструментария, которым мы пользуемся, чтобы понять ее.

Мне весьма жаль, но эта книга безрадостна. В ней рассказывается большей частью об экономических разочарованиях, о плохом руководстве, о лживости власть предержащих. Не отчаивайтесь: все, что в Америке происходит не так, можно будет исправить. Но первый шаг в процессе восстановления, который требуется сделать, — это понять, где и в каком месте система дала трещину.

### РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ

---

Три прошедших года ознаменованы многим: падением рынка акций и скандалами в сфере бизнеса, энергетическим кризисом и ухудшением экологической ситуации, дефицитом бюджета и экономическим спадом, терроризмом и напряженностью международной обстановки, а теперь, наконец, и войной. Я писал обо всех этих событиях, главным образом, как экономист. Однако, как я отмечал в предисловии, говоря об экономике, приходится все больше и больше касаться политики. И во многом, что произошло со страной за последние время, замешана политика: усиление и рост радикального политического движения здесь, в США.

Я, разумеется, имею в виду американских крайне правых: движение, которое ныне практически полностью контролирует Белый дом, Конгресс и, в значительной степени, юстицию и средства массовой информации. Приход к власти этого движения изменил все: старые политические правила больше не действуют. В настоящем «Введении» я хотел бы рассмотреть историю прихода к власти этого движения и последовавшие за ним перемены.



## КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ПОЛИТИКЕ

Большинство еще не успело осознать, насколько глубокий перелом произошел на нашей политической арене. Многие считали, что результаты выборов 2000 года не особенно важны; в первые два года правления администрации Буша немало ученых мужей утверждало, что радикально консервативный курс, избранный администрацией, — всего лишь временный маневр, что Буш, укрепившись в своем положении, вернется к центристскому курсу.

Публика и до сих пор не осознала, насколько радикальны наши ведущие политики. Подтверждением этого является поразительный пример — члены репрезентативных групп, которым осенью 2001 г. было предложено высказаться по поводу имеющего обратную силу закона о понижении налогов с прибыли корпораций (предложение, описанное в десятой главе), буквально отказывались верить интервьюерам, говорившим им об этом законе.

По причинам, описанным в «Предисловии», я оказался среди первых, кто осознал, что происходят радикальные перемены. Будучи профессиональным экономистом, я сумел оценить разрыв между официальными заявлениями и реальными действиями. Как независимый журналист, не принадлежащий к вашингтонскому сообществу, я не был связан правилами хорошего тона, запрещающими подозревать, что реальные цели ведущих политиков могут сильно расходиться с официально заявленными. Однако, обзоревая сейчас обломки, я понимаю, что также не сознавал, насколько далеко зашло дело.

Самый очевидный пример: в 2001 г. даже среди либералов мало кто серьезно беспокоился по поводу финансовой безответственности Буша. Сокращение налогов, говорили они, не лучшая идея, но это не так уж важно. Однако в 2003 году мы стали свидетелями беспрецедентного зрелища: администрация предлагает новое крупное сокращение налогов не просто перед лицом бюджетного дефицита, но и во время войны. («В военное время нет ничего важнее сокращения налогов», — заявляет лидер большинства Палаты представителей Том Делэй.)

Еще один пример: всех, кто предполагал, будто республиканская партия может использовать события 11 сентября для получения политического преимущества, шумно обвиняли в подрыве национального единства. Однако республиканцы этим не погнушались — во время предвыборной кампании 2002 года их группы поддержки распространяли листовки, обвиняющие сенатора-демократа Тома Дэшла в контактах с Саддамом Хусейном.

Что же происходит и почему большинство так медленно осознает происходящее? Уже собираясь отправлять эту книгу в печать, я наткнулся на произведение, почти идеально описывающее ситуацию. Это не новый труд какого-нибудь либерала о современной Америке, это, представьте себе, старая книга Генри Киссинджера о дипломатии девятнадцатого века.

---

## РЕВОЛЮЦИОННАЯ СИЛА

В 1957 году, когда Генри Киссинджер был блестящим, образцовым молодым ученым в Гарварде, а его будущее циничного политического манипулятора и, по-

зднее, одиозного глобалиста было еще далеко впереди, он опубликовал докторскую диссертацию: «Восстановление мира». Трудно предположить, что книга о дипломатических усилиях Меттерниха и виконта Кестльри<sup>1</sup> может иметь отношение к политике Соединенных Штатов XXI века. Однако после прочтения первых трех страниц у меня по спине забегали мурашки: настолько точно она отражала текущие события.

На этих страницах Киссинджер описывает проблемы, возникающие, когда доселе устойчивая дипломатическая система сталкивается с «революционным движением» — силой, не признающей законности существования этой системы. Поскольку книга посвящена восстановлению Европы после битвы при Ватерлоо, под революционным движением в ней подразумевается робеспьеровская и наполеоновская Франция, хотя при этом явственно проводятся скрытые параллели с поражением дипломатии, столкнувшейся с тоталитарными режимами в тридцатых годах двадцатого века. (Примечание: проведение параллелей не означает провозглашение морального тождества.) Для меня кажется ясным, что общественно-политические силы правого крыла, контролирующие сейчас администрацию, обе палаты Конгресса и в значительной степени юстицию и средства массовой информации, следует рассматривать как революционное движение в понимании Киссинджера. Иначе говоря, это движение, лидеры которого не

---

<sup>1</sup> Кестльри (Castlereagh) Роберт Стюарт, маркиз Лондондерри (Londonderry), виконт (1769–1822), военный министр Великобритании в 1805–1806 и 1807–1809, министр иностранных дел в 1812–1822; тори. На Венском конгрессе 1814–1815 заключил тайный договор с Австрией и Францией, направленный прежде всего против России. Поддерживал деятельность Священного союза.

признают законности существующей политической системы.

Может быть, я преувеличиваю? Но на деле достаточно свидетельств, что ключевые силы коалиции, управляющей сейчас страной, считают, что некоторые политические и общественные институты, издавна утвердившиеся в Америке, не имеют права на существование в принципе, и потому не принимают правил, которые большинство из нас полагают сами собой разумеющимися.

Рассмотрим, например, существующее состояние системы социального обеспечения: новые программы «New Deal» по пенсионному обеспечению и страхованию от безработицы или программы «Great Society», подобные «Medicare»<sup>1</sup>. Читая издания «Heritage Foundation» — «Фонда наследования», — определяющего экономическое мировоззрение администрации Буша, вы найдете в них весьма радикальные планы: «Heritage» не просто хочет притормозить программы «New Deal» и «Great Society» — оно рассматривает самое существование этих программ как нарушение основных принципов.

А международная политика? Со времен Второй мировой войны США строили свою международную политику на основе международных институтов и стремились проявить себя не только старомодной империалистической силой, использующей военную мощь по своему произволу. Однако, исследовав взгляды интеллектуалов неоконсервативного толка, разжигавших войну с Ираком, на международную политику, вы обнаружите, что они все это презирают, — Ричард Перл, председатель ключевого консультативного органа Пентагона, отмета-

---

<sup>1</sup> Программа медицинского страхования.

ет «либеральные концепции национальной безопасности, основанные на осуществлении международных законов через международные организации». Они, не задумываясь, готовы применить силу: некий видный мыслитель, близкий к администрации, Майкл Лидин из «Американского института предпринимательства», объявляет, что «мы — воинственный народ и любим воевать». Мысль, что война с Ираком окажется всего лишь опытным образцом для серии удобных малых войн, казалась поначалу измышлением левых, однако множество людей, близких к администрации, открыто считают эту войну лишь началом, и крупный чиновник госдепартамента Джон Болтон дает представителям Израиля обещание разобраться после Ирака с Сирией, Ираном и Северной Кореей.

И даже это — еще не все. Отделение церкви от государства — одно из основных положений конституции США. Но Том Делэй, лидер большинства, провозглашает перед избирателями официальное намерение содействовать установлению «библейского мировоззрения» и заявляет, что его беспощадное преследование Билла Клинтона было вызвано именно несогласием Клинтона с его, Делэя, взглядами по этому вопросу. (Делэй также против изучения в школах эволюционной теории и объявляет ее причиной стрельбы, случившейся в одной из школ штата Колумбия.)

Сомнительно даже, что люди, правящие страной, готовы принять идею, что законность является естественным следствием демократических процедур. Поль Гиго из «The Wall Street Journal», как известно, восславил «бунт буржуа», насильственно воспрепятствовавших пересчету голосов в Майами. (Бунтовщики, как обнаружилось впоследствии, были не возмущенные граждане, а платные политические агенты.) Между тем

Джордж У. Буш, если верить его близкому другу Дону Эвансу, ныне секретарю коммерции, искренне полагает, что Богом избран возглавить нацию. Возможно, именно поэтому сомнительные выборы 2000 года не внушили победителям ни осторожности, ни смирения. Вспомним ответ судьи Антонио Скалиа на вопрос студента: «Что вы чувствовали, вынося решение Верховного суда отдать победу на выборах Бушу? Было ли это мучительно? Тревожили ли вас возможные последствия?» — «Это было изумительное чувство!» — объявил Скалиа.

Предположим на мгновение, что вы приняли все-ррез нарисованную мной картину. Вам пришлось бы сделать вывод, что людям, находящимся у власти, не нравится Америка как она есть. Принимая во внимание их лозунги, можно сделать вывод об их цели: страна, не имеющая сети социального обеспечения для своих граждан, страна, полагающаяся главным образом на военную силу, чтобы навязать свою волю другим странам, страна, в школах которой вместо эволюционной системы преподают Закон Божий, страна — возможно — с выборами, превратившимися в незначущую формальность. Однако тот, кто поймает на слове твердокаменных правых, находящихся теперь у власти, и посмеет предположить, что они могут попытаться реализовать столь радикальные цели, будет обвинен в паникерстве и преувеличениях. Нельзя же, говорит житейская мудрость, принимать всерьез риторику: разумеется, цели правых гораздо более умеренны, чем их лозунги. Так ли это?

Вернемся к Киссинджеру. Он описывает замешательство установившейся системы, столкнувшейся с революционным вызовом, и эта картина точно изображает реакцию американских политиков и журналистов

на радикализм бушевской администрации в течение последних двух лет.

«Убаюканные периодом стабильности, которую считали вечной, они не могут поверить откровенному утверждению революционного движения, что оно намерено разрушить существующую систему. Защитники status quo склонны поначалу предполагать, что заявления революционного движения всего лишь тактический маневр, что оно на самом деле принимает существующую законность и стремится только добиться уступок и что исправление отдельных недостатков может привести к согласию с ней. Те, кто в это время предупреждает об опасности, представляются паникерами, а благоразумным курсом считается приспособление к обстоятельствам... Однако суть революционной силы в том, что она обладает отвагой убежденности и готова, даже стремится, на деле осуществить свои принципы».

Как я уже говорил, от этих строк у меня мурашки пробежали по спине, настолько точно они описывают замешательство, позволяющее администрации проводить радикальную политику, почти не встречая сопротивления оппозиции. Для уточнения позвольте мне привести два существенных примера: снижение налогов в 2001 году и иракскую войну 2003 г.

## СНИЖЕНИЕ НАЛОГОВ И ВОЙНА

---

Война, на первый взгляд, имеет мало общего с экономической политикой — и в обычное время они выступают на политической арене совершенно по-разному. Однако поражает сходство в политическом освещении

введенного Бушем снижения налогов и развязанной им войны.

В главах 5 и 6 рассматривается история снижения налогов в 2001 году. Кандидат Буш первоначально ввел в свою программу намерение снизить налоги, чтобы сплотить поддерживающее его правое крыло и отразить вызов Стива Форбса на первичных выборах. Всякий, кто знаком с новейшей политической историей, знает, что Стив Форбс представлял крыло республиканской партии, которая всегда, независимо от экономической ситуации, желает все большего снижения налогов для богатых. Как-никак, республиканцы каждый год, начиная с 1990 г., пытались провести в Конгрессе закон о крупном снижении налогов, невзирая на удачные или неудачные годы, отрицательный или положительный бюджетный баланс. Разумно было предположить, что цели Буша весьма радикальны, коль скоро он подписался под этим требованием. Как указал Дэн Альтман из «The New York Times», если рассматривать налоговые изменения, введенные администрацией, в целом, то становится видна дальняя цель правых — покончить со всеми налогами на доход с капитала, создав систему, в которой облагается доходом только заработная плата, систему, при которой заработанный доход облагается налогом, а незаработанный — не облагается.

Суть в том, что в проблеме налогообложения правые более или менее декларировали свое намерение, как выражается Киссинджер, «разрушить существующую систему», то есть, в данном случае — знакомую нам американскую налоговую систему. Однако американские политики и журналисты не могли поверить, что Буш и в самом деле попытается выполнить это обещание. Несмотря на явный радикализм стоявших за спиной Буша людей, умеренные убедили себя, что цель



Буша — умеренность и что его можно умиротворить ограниченной победой. Более того, не желая признавать радикализм целей Буша, умеренные принимают за чистую монету то и дело меняющиеся обоснования политики его администрации, притом что сама политика остается неизменной. Сначала снижение налогов должно было вернуть народу избыточную прибыль, и ради этой цели немало сенаторов-демократов голосовали за него в 2001 году. Потом, когда избыток средств куда-то пропал, снижение налогов должно было обеспечить быстродействующее стимулирование экономики. Когда стало ясно, что и эта цель не достигнута, снижение налогов должно было обеспечить долговременный подъем экономики. И даже теперь не многим честным политикам и журналистам удается взглянуть правде в лицо.

---

## А ЧТО ЖЕ С ВОЙНОЙ?

---

Те, кто следил за дебатами по поводу международной политики, помнят, что решимость вести войну на Ближнем Востоке была так же важна для правых, как и снижение налога. Еще в 1992 г. Пол Волфовиц, будучи помощником министра обороны (теперь заместитель министра), пытался разработать то, что в настоящее время называют «доктриной Буша» нашей официальной оборонной программы: написанный им документ призывал к интервенции в Ирак и рекомендовал узаконить превентивное нападение на другие страны. Дик Чейни, бывший тогда министром обороны, поначалу поддерживал его взгляды. Под давлением общественного мнения он отступил, но и он, и многие другие, находящиеся сейчас на ключевых постах в правительстве, все

девяностые годы продолжали агитировать за войну с Ираком и за утверждение превентивных ударов в качестве официальной политики.

Если вспомнить об этом, приходится признать, что ни вторжение в Ирак, ни снижение налогов вовсе не были ответом на текущие события (в данном случае на события 11 сентября): это часть давно существующей и гораздо более радикальной программы. Однако, как и в случае со снижением налогов, политики и средства массовой информации не могут заставить себя поверить, что правые добиваются именно той цели, о которой открыто заявили. Напротив, большинство с готовностью принимает на веру постоянно меняющиеся официальные объяснения, которые представляет администрация Буша. Сперва война с Ираком оправдывалась предполагаемыми связями Саддама Хусейна с Аль-Кайедой. Когда доказать эти связи, несмотря на все усилия, не удалось, вспомнили о предполагаемой ядерной программе Саддама. (Пресса намеренно затемняет проблему, распространяя термин «оружие массового поражения» на химическое оружие, — однако отравляющие газы относятся к совершенно другой категории и никогда не представляли угрозы для Соединенных Штатов. На самом деле общественность запугали призраком ядерного гриба.) Беспокойство по поводу этой программы убедило многих умеренных в полезности войны с Ираком, и Конгресс дал администрации «зеленый свет».

На самом деле оснований верить в ядерную программу Ирака не нашлось. Одна из двух ключевых улик — закупка Ираком алюминиевых труб — оказалась ошибочной: как выяснилось, эти трубы технически непригодны для процесса обогащения урана. Вторая ключевая улика — документ, свидетельствовавший,

как предполагалось, что Ирак закупает в Нигере уран, оказалась неумелой фальшивкой. Но к тому времени Буш сумел протолкнуть идею, что Америка, установив в Ираке демократическое правление, вызовет волну демократизации во всем регионе — идеалистическая надежда, которая, опять же, увлекла многих благонамеренных политиков. Только когда война уже шла вовсю, Джеймс Вулси, которому, по общему мнению, предназначен ключевой пост в оккупационном правительстве, объявил войну в Ираке началом «Четвертой мировой войны» (считая Третьей мировой — «холодную») и неизбежность вовлечения в конфликт вслед за Ираком Ирана и Сирии.

Здесь видится система: примерно та же схема, что и в определении энергетической политики, экологической политики, политики здравоохранения, образовательной и т. п. Во всех случаях, политические деятели, определяющие соответствующую программу в администрации Буша, известны в прошлом весьма радикальными взглядами, что заставляет предположить, что и сама администрация ставит перед собой радикальные цели. Но в каждом конкретном случае администрация успокаивает умеренных заверениями, что для такой политики существуют вполне разумные оправдания. И умеренные неизменно следуют стратегии умиротворения, стараясь найти компромисс с администрацией и забывая как о радикальности ее целей, так и о длинной цепи нарушенных обещаний. Молодой Киссинджер был прав: люди, привыкшие к стабильности, не могут поверить в то, что творит революционное движение, и потому оказываются не в состоянии противостоять ему.

Должен признаться, что я пока не слишком отчетливо понимаю, почему это происходит — почему мы столкнулись с таким радикальным вызовом нашей по-

литической и социальной системе. В девяностых годах богатые преуспевали — откуда же эта ненависть ко всему, что хоть немного напоминает о перераспределении доходов? Корпорации набирали силу и богатели — откуда же такое рвение избавиться от скромных ограничений, направленных на охрану среды? Церкви всех направлений расцветали — с чего бы им нападать на отделение церкви от государства? Мощь и влияние Америки выросли, как никогда — зачем же разрывать договоры и ввязываться в военные авантюры? Тем не менее становится все яснее, что правые добиваются именно этого. Как же вести себя тем из нас, кто не согласен с этими целями?

## ПРАВИЛА РЕПОРТЕРА

---

Первая задача в такое время — понять, что происходит. Как свободный репортер, я думаю об этом в терминах своей профессии: как писать статью. Однако те же правила подходят и обеспокоенным гражданам, пытающимся разобраться в потоке новостей.

*1. Смотреть на дела, а не на оправдывающие их лозунги.*

Имея дело с революционным движением, следует помнить, что оно знает, чего хочет, и будет выдвигать ради своей цели любые оправдания. Так что не следует ожидать, что оправдания, которые политики этого направления приводят для своих действий, что-нибудь значат для них самих. Как я объясняю в гл. 7, план Буша по приватизации системы социального обеспечения не был неудачной или тщетной попыткой поддержать государственное финансирование — он просто не имел

абсолютно ничего общего с заявленной целью и, скорее, углубил проблемы финансовой системы. Предложение по урезанию налогов, внесенное в 2003 году, было заявлено как программа ускорения экономического роста. Однако, когда глава бюджетной комиссии Конгресса — всего несколькими месяцами ранее работавший в администрации — попытался оценить положительный эффект от этого предложения, то оказалось, что нет оснований рассчитывать на сколько-нибудь значительный результат. В то же время большинство независимых аналитиков предполагали, что война с Ираком не уменьшит, а увеличит опасность терроризма.

Журналисту трудно иметь дело с откровенно лживыми аргументами: по профессиональной привычке он всегда склонен видеть две стороны проблемы, и ему трудно допустить, что крупная политическая фигура, объясняя свои намерения, просто-напросто лжет. Я слышал, что несколько журналистов очень рассердились, когда я в своей колонке пошутил: мол, если Буш скажет, что Земля — плоская, то аналитические статьи по этому вопросу будут называться: «Форма Земли: борьба мнений». Каждый из рассерженных журналистов решил, что я намекаю на него.

Честно говоря, имея дело с обычными политическими движениями, разумно предполагать, что их политические предложения, верные или ошибочные, не содержат двойного дна. Но столкнувшись с революционным движением, с движением, не принимающим легитимности существующей системы, не стоит придерживаться этого допущения. Революционное движение не считает нужным соблюдать правила игры и не стесняется скрывать свои цели. Дэвид Вессел из «The Wall Street Journal» пишет о сотруднике Белого дома, который говорил одно для печати и совершенно другое —

не для печати. Когда Вессел возмутился, чиновник возразил: «Почему я лгу? Потому что это входит в мои обязанности. За ложь в прессе меня совесть не мучает».

## *2. Самостоятельно разбираться в реальных намерениях.*

Ни одна серьезная экономическая теория, ни правая, ни левая, не высказывает предположений, что снижение налогов, подобное тому, которое провели в 2003 году — постепенно уничтожающее налог на доход с капитала, но в первый год практически не вливающее денег в экономику, — поможет быстро создать новые рабочие места. Однако администрация официально преподносила свой план как средство борьбы с безработицей. Может быть, их неверно информировали? Ничего подобного. Что бы ни говорили эти чиновники, их цель — не экономический подъем.

Более того, нетрудно вычислить их истинные намерения. Как я уже говорил, радикалы-консерваторы давно стремились отменить все налоги с капитала, и именно к этой цели ведет предложение администрации. Чтобы понять их политику, достаточно оглянуться назад и посмотреть, чего хотели архитекторы до того, как принялись продавать свои проекты общественности. Это и есть общий принцип понимания происходящего — проделать некоторую предварительную работу и выяснить, чего на самом деле хотят эти люди. Я не говорю о глубоко скрытых мотивах, но истинные намерения обычно становятся достоянием общественности. Нужно только разузнать, что говорили те же самые люди прежде, чем начали рекламировать свои замыслы перед более широкой аудиторией. Узнав, что чиновник, занимающийся теперь охраной лесов, прежде лоббировал интересы лесозаготовителей, можете смело пред-

полагать, что программа «Здоровый лес», позволяющая вырубать больше деревьев, создана не для того, чтобы бороться с лесными пожарами. Узнав, что лидер большинства Палаты представителей говорил, что ставит своей целью распространение «библейского мировоззрения», можно догадаться, что инициативы «с религиозной основой» нацелены не на то, чтобы обеспечить дополнительную помощь социальным службам. Узнав, что у архитекторов иракской войны десяток лет чесались руки снести Саддама Хусейна, можете быть уверены, что война эта не была ответом на события 11 сентября.

Это тоже тяжело для журналиста: никому не хочется выглядеть сумасшедшим теоретиком заговоров. Однако нет ничего безумного в том, чтобы раскапывать истинные намерения правых. Наоборот, неразумно притворяться, что здесь нет никакого заговора, хотя и организация и цели его у всех на виду.

### *3. Не думать, что действуют нормальные политические правила.*

История вашингтонских скандалов достаточно обширна. То и дело всплывают неприятные факты о ком-либо из чиновников и пресса поднимает шум, после чего этого чиновника тихо выпроваживают в отставку и жизнь продолжается.

Так что, когда у некоторых чиновников Буша возникли неприятности, все ожидали, что события будут разворачиваться обычным порядком, но этого не произошло. Стивен Грайлз, лоббировавший интересы угольной промышленности и назначенный заместителем министра внутренних дел, вмешался в спор энергетических компаний на стороне бывшего клиента — и остался на своем посту. Томас Уайт, бывший дирек-

тор «Энрон», был назначен военным министром. После этого выяснилось, что его подразделение «Энрон» показывало «дутую» прибыль, но он остался на своем государственном посту. Ричард Перл, глава Комиссии по оборонной политике, оказался замешанным в сделках, упорно наводивших на мысль о конфликте интересов, но он отделался формальным понижением — из председателей в рядовые члены, и остался на месте. И разумеется, президент и вице-президент страны так же отмахиваются от вопросов по поводу их сомнительной деловой карьеры.

Почему здесь не действуют обычные правила? Потому что революционное движение не рассматривает существующую систему как законную и не считает себя обязанным подчиняться ее правилам. Возникает намек на скандал с членами администрации? Ничего, «Fox News», «The Washington Post» или «The New York Times» не коснутся этой истории и перекроют воздух другим изданиям, если те попытаются опубликовать ее. Кто-то жалуется на плохую работу социального обеспечения? Его жалобы утонут в криках об опасности терроризма. «Но не могут же они так поступать!» — возмутится здравомыслящий читатель. При нормальном режиме — не могут. Но мы имеем дело не с обычным правительством, перед нами — революционное движение.

#### *4. Ожидать, что на критику революционное движение будет отвечать нападением.*

Не признавая легитимности существующей системы, революционное движение не признает и за другими права критиковать его действия. Каждый усомнившийся может ожидать в ответ на свои вопросы яростной контратаки.



Яркий пример тому мы наблюдали в апреле 2003 года. Джон Керри, один из тех, кто мог оказаться претендентом на следующие президентские выборы от демократов, сказал перед публикой: «Сейчас нам нужно думать не о смене режима Саддама Хусейна в Ираке, а о смене режима в собственной стране». В рамках нормальной политической риторики — даже в военное время — в этом не было ничего необычного. Например, на выборах 1944 года — то есть в разгар Второй мировой войны, когда миллионы американских солдат бились на различных фронтах, Томас Э. Деви начал кампанию, назвав Франклина Рузвельта «усталым стариком». Насколько я знаю, никто не счел это государственной изменой. В конце концов, не может быть свободных выборов без критики предшественника — а разве не за свободу мы сражались?

Традиция терпимости к критике, в том числе и в военное время, продолжалась и далее. Например, Том Делэй резко критиковал президента Билла Клинтона за кампанию 1999 года в Косово, обвиняя его в гибели гражданского населения и настаивая на прекращении военных действий. Кое-кто в изумлении приподнял брови, но карьере Делэя это не повредило.

Теперь же, когда в Белом доме воцарилась революционная партия, правила переменились. «Сенатор Керри перешел границы, решившись предложить смену главнокомандующего в то время, когда Америка находится в состоянии войны», — заявил председатель Республиканского национального комитета, и десятки республиканских политиков хором подвергают сомнению патриотизм Керри (между прочим, Керри — награжденный орденами ветеран войны во Вьетнаме).

Случай с Керри — лишь последний в серии эпизодов, когда каждый усомнившийся или критикующий

действия администрации представляется в роли дьявола и ему пытаются поломать карьеру. Как я уже упоминал, республиканская партия распространяла материалы, обвиняющие Тома Дэшла, лидера сенаторов-демократов, в связях с Саддамом Хусейном. За этим последовали сомнения в патриотизме сенатора Макса Клиланда, потерявшего во Вьетнаме три из четырех конечностей.

Этого следовало ожидать. Администрация Буша прославилась нетерпимостью к несогласным, даже к тем, кто в целом на ее стороне. Как пишет «The Washington Post»: «Лоббисты и законодатели республиканцев утверждают, что администрация Буша проявляет необычайную агрессивность и мстительность по отношению к друзьям и союзникам». В какой-то степени это может быть фамильной чертой Бушей, но именно этого следует ожидать и от революционного движения. И снова цитирую Киссинджера: «Отличительной чертой революционного движения является не то, что оно чувствует себя неуверенно... но что *ничто не способно внушить ему уверенности* [курсив Г. Киссинджера]. Только полная нейтрализация оппонента считается достаточной гарантией».

*5. Не рассчитывать, что революционное движение остановится.*

Когда в 2001 году произошло снижение налогов, многие умеренные преуменьшали значение этого события, считая, что это просто скромная отмена роста налогов, происходившего в девяностых годах; даже не одобряя его, они не считали нужным мешать Бушу. Когда проект бюджета, которым оправдывали это снижение, оказался явно завышенным, умеренные убеждали администрацию пересмотреть свои планы, надеясь, что к ним

прислушаются и пойдут на компромисс. Ответом администрации было проталкивание дополнительного снижения налогов, и голосовавшим за него на первом круге сенаторам нелегко было объяснить, почему они возражают против продолжения той же политики.

Респектабельные люди только сейчас начинают признавать, что администрация с самого начала поставила себе целью уничтожить налог на доход с капитала и сильно ослабить, если не отменить, систему прогрессивного налога и что податливость умеренных на первой стадии устранила главное препятствие на пути к этой цели. Более того, я не уверен даже, что нулевой налог на капитал и непрогрессивный налог на прибыль удовлетворит амбиции администрации. Не хотите ли подушного налога?

Точно так же кое-кто из умеренных поддерживал войну с Ираком — как исключительную меру в борьбе с опасным и жестоким диктатором. Но с течением времени становится ясно, что в своем кругу администрация рассматривала иракскую войну лишь как начало осуществления «доктрины Буша», в соответствии с которой США будут использовать свою силу для агрессии по всему миру. Однако умеренным, согласившимся с первым шагом, трудно объяснить, почему они не поддерживают свержения всех других диктаторов. Итак, наша цель — «Pax Americana».

Где-то должен был предел стремлениям правых. Возможно, они остановятся на том, что налог с бедных будет составлять большую долю их доходов, чем налог с богатых, но не дойдут до положения, когда богатые будут платить просто меньше денег, чем бедные, — или дойдут? Они могут распространить войну с Ирака на Сирию и Иран, но не станут угрожать военной силой демократическим режимам — или станут? Я не знаю,

к чему стремятся правые, но уверен, что их невозможно заставить примириться с половинчатыми мерами. Ученые мужи, предсказывавшие умеренность со стороны бушевской администрации по какому бы то ни было вопросу, неизменно ошибались. И снова Киссинджер: «Суть революционного движения в том, что оно обладает отвагой убежденности и готово идти до конца в своих целях».

Так обстоят дела. Подозреваю, что многие читатели, несмотря на все, что уже случилось, сочтут нарисованную мной картину паникерством. Как писал Киссинджер: «Тех, кто предупреждает об опасности, считают паникерами, тех, кто призывает приспособляться к обстоятельствам, считают здравомыслящими и уравновешенными людьми». Однако до сих пор паникеры неизменно оказывались правы. Что же мы можем сделать?

---

## КРУТОЙ ПОВОРОТ

---

Все больше людей начинают осознавать опасность ситуации. Может быть, лучше всего это выразил Энди Руни в программе «60 минут» на CBS: «Сейчас возможна только одна добрая весть: что это ужасное время в истории Америки миновало».

Как же приблизить эту добрую весть?

Надеяться на поворот в политике можно, только если предполагать, что большинство американцев на самом деле не поддерживают программу правых, что страна в целом более великодушна, терпима и более миролюбива, чем ее нынешнее правительство. И я думаю, что это так и есть, потому что правые добиваются

успеха, скрывая свои намерения, и, как патриот, я верю, что большинство американцев не допустили бы, чтобы страна двигалась в том направлении, куда движется теперь.

Я ожидаю или, может быть, надеюсь на крутой поворот: когда американский народ увидит, что происходит, поймет, как использовали во зло их добрую волю и патриотизм, и остановит это стремление к гибели всего лучшего в нашей стране. Как и когда наступит это время, я не знаю. Но одно ясно: оно не придет, если все мы не приложим усилий, чтобы увидеть и сказать правду о происходящем.

---

ЧАСТЬ I

# ПУЗЫРИ

---



Помните, как это было, — словно отменили закон всемирного тяготения? Ловкие юнцы — только что из колледжа — в одночасье становились мультимиллионерами. Компании, о которых никто и не слыхивал, вдруг оказывались стоящими 20 миллиардов и использовали свои раздутые до небес акции, чтобы захватить старые надежные предприятия. Каждый владелец акций — особенно высокотехнологичных предприятий — словно выиграл в лотерею. Те, у кого акций не было, чувствовали себя проигравшими и стыдились своей непредусмотрительности. «Где ты был, когда акции взлетели до небес, папочка?» — спрашивала моя коллега Морин Доуд в своей колонке в «The Times».

Кое-кто скажет вам, что наши нынешние неприятности вызваны взрывом на рынке акций в девяностых годах и что мы теперь расплачиваемся за те годы мыльных пузырей. В этой точке зрения есть крупинка истины, но дело не только в этом. Как мы увидим далее в этой книге, долговременные тенденции: экономический рост и политическая поляризация, растущее влияние сплоченного правого крыла — также создавали условия для нынешних трудностей. Важную роль



сыграли и некоторые события, прежде всего — кризис 11 сентября, созданный, чтобы его эксплуатировать. И во многом происшедшее отражает характер человека, занявшего Белый дом. И все же сегодняшний день невозможно понять, не вспомнив иллюзий и крайностей девяностых годов, так что часть этой книги будет посвящена тому необъяснимому взрыву и его последствиям.

Остается загадкой, почему так мало народу забило тревогу, когда индекс Доу-Джонса проскочил отметку 10 000, а NASDAQ<sup>1</sup> — 5000. Это были явные признаки того, что стоимость акций сильно отклоняется от нормы: стандартные показатели курса акций, как и соотношение номинальной цены к дивидендам, вышли далеко за пределы зоны, обычно считавшейся опасной. В эти годы экономического подъема нашлись скептики, среди которых был и я. Однако умники в дорогих костюмах изыскивали оправдания для каждого подъема рыночных курсов. В первой главе приводятся некоторые мои попытки — относящиеся ко времени, когда я еще не работал в «The New York Times», — проанализировать эти сомнительной достоверности обоснования и объяснить, почему люди, в общем здравомыслящие, оказались захвачены лихорадкой.

Сохранившие в отношении курса акций скептицизм были обеспокоены не только тем, что вкладчики теряют свои деньги при возврате рынка к реальности, но и вредным побочным влиянием этих скачков на реальную экономику. В истории можно было найти зловещие уро-

---

<sup>1</sup> Индекс NASDAQ — индекс курса акций во внебиржевом обороте. Публикуется ежедневно Национальной ассоциацией дилеров по ценным бумагам; основан на котировках этой ассоциации (National Association of Securities Dealers automated quotation).

ки: за взлетом акций на рынке в двадцатых годах последовала катастрофа 1929 года, а за ней — Великая депрессия. К счастью, с 1950-х годов в США не было серьезных финансовых кризисов, но у других стран имелся более свежий опыт, о котором я кое-что знал.

Как теоретик-экономист, я несколько напоминаю врача скорой помощи: меня больше всего интересуют неполадки в экономике — от Индонезии до Японии. Поэтому еще до того, как пузырь лопнул, я знал, что депрессия тридцатых годов была естественным явлением: потеря финансовой уверенности после катастрофического взлета акций часто ведет к кризису в реальной экономике. Многие экономисты были уверены, что у нас этого случиться не может, что экономика Штатов обладает иммунитетом к этой болезни, но я не разделял их уверенности. Во второй главе я рассказываю об экономических кризисах других стран и об уроках, которые мы могли бы из них извлечь.

Как же кончились для США эти годы взлета курса акций? Даже пессимисты, в общем, ожидали, что наши экономические лидеры — прежде всего Алан Гринспен, легендарный глава Федеральной резервной системы, — сумют совладать с последствиями, когда курс акций вернется на землю. Но все экономисты, представляющие себе ситуацию за рубежом, с беспокойством вспоминали историю Японии (обладавшей в 1980-х необычайно мощной экономикой), где вырос один из самых огромных в истории финансовых мыльных пузырей. Опыт Японии служил предупреждением, что такие истории не всегда имеют счастливый конец. За падением японского рынка акций последовал длительный период застоя, продолжающийся и по сей день. Другими словами, даже очень передовая страна с разумным руководством может попасть в беду. И, как выяснилось, США

тоже затронула, по крайней мере, легкая форма этой болезни. В пятой главе описывается соскальзывание американской экономики под уклон и ее неуверенный, недостаточный возврат к росту. (Обычно рост, который идет слишком медленно для того, чтобы снизить уровень безработицы, называют «восстановление на фоне безработицы», но я всегда считал, что старый термин «рецессионное развитие» лучше передает происходящее.) В этой главе отражается и растущее во мне чувство разочарования экономической политикой Соединенных Штатов, когда усилия Гринспена оказались недостаточными, а администрация Буша упрямо отказывалась серьезно рассматривать возникшую проблему.

Отчасти последствия девяностых оказались столь серьезными потому, что дело было не только во временно завышенном курсе акций. Этого почти никто не заметил, просто жар лихорадочного взлета цен миновал, и в холодном ясном свете наступившего утра стало ясно: что-то весьма неладно с американским капитализмом. В этом отношении я оказался не проницательнее прочих: во время раздувания рынка я получал много писем от людей, предупреждавших, что крупные корпорации мухлюют с отчетностью, но — к моему великому сожалению — не обращал на них внимания. Однако, когда «Энрон» — в то время самая известная компания, восхваляемая как образчик современного предпринимательства, — оказалась мыльным пузырем и лопнула, я сразу осознал следствия: если столь знаменитая и блестящая компания могла оказаться «пирамидой», маловероятно, что остальные бизнесмены США кристально чисты. На деле быстро выяснилось, что годы, когда курсы акций вздувались мыльными пузырями, вызвали в деловом мире эпидемию нечистоплотности.

Глава 4 далее рассматривает это явление, описывая стратегию и тактику экономических махинаций. Она также рассказывает неприятную для многих историю о том, что наше политическое руководство оказывается замешанным в эту проблему. Остается фактом, что Джордж У. Буш и Дик Чейни разбогатели, используя практически ту же схему, что и исполнительные директора «Энрон» и других скандально известных корпораций, только в меньших масштабах. Это — часть более длинной истории: во времена, когда нам так нужен новый Франклин Рузвельт, нашими лидерами оказываются люди, отчасти виновные в возникших трудностях. Далее об этом — в данной книге.

# НЕОБЪЯСНИМЫЙ ВЗЛЕТ

## СЕМЬ ПРИВЫЧЕК НЕРАЗУМНЫХ ИНВЕСТОРОВ

---

«FORTUNE», 29 ДЕКАБРЯ 1997 ГОДА

Теория эффективного финансового рынка нравится мне так же, как любому из вас. Я согласен, что Роберт Мертон и Майрон Скоулз заслужили недавно полученную ими Нобелевскую премию за то, что показали, как эта теория помогает оценивать сложные финансовые инструменты. Но если вы провели последние пять месяцев не в тибетском монастыре, вы должны были заметить, что рынок в последнее время ведет себя довольно странно. Еще в июне экономическое «чудо» в Юго-Восточной Азии не приносило вреда — инвесторы бодро вкладывали миллиарды в местные акции. К октябрю те же инвесторы обратились в бегство: ведь каждому стало ясно, как плохо управляется и коррумпирована местная экономика. На сентябрьском заседании Международного валютного фонда и Всемирного банка в Гонконге все поздравляли хозяев с удачной экономической политикой, которая позволила им остаться в стороне от сложностей южных регионов и сохранить процветание за счет обращения к Китаю. Но уже через месяц Гонконг

не только пал, но и потянул за собой Бразилию и во многом — остальные страны мира.

Что же происходит на рынке? Присутствуя на встрече финансовых руководителей, я недавно получил возможность ознакомиться с настроением значительной части рынка. Все вместе они контролируют несколько сотен миллиардов долларов, так что я внимательно прислушивался к их словам. Больше всего мне хотелось понять, почему такие умные мужчины и женщины — а ведь они должны быть умными, иначе почему они богатые? — делают такие глупости. И вот что я выяснил: есть семь дурных привычек, помогающих создать какой угодно рынок, но только не тот, который будет эффективно править миром.

### *1. Недальновидность.*

Немногие из присутствовавших на этой встрече пытались заглянуть подальше в будущее — думая о том, какого роста доходов могут добиться корпорации США в следующие пять лет. Подобные рассуждения отменялись слушателями как слишком академичные. Но стойте: любой экономист скажет вам, что даже для краткосрочного инвестирования человек пытается заглянуть в будущее. Курс акций в этом году зависит от дивидендов этого года плюс от того, какие цены на них ожидают покупатели в следующем году... Но курс акций в будущем году зависит от дивидендов будущего года плюс от того, каких цен будут ожидать покупатели через два года... Следовательно, чтобы определить сегодняшнюю цену, нужно видеть довольно дальнюю перспективу. Но попробуйте объяснить это практикам!

### *2. Жадность.*

Многие участники совещания ожидали окончательного обвала цен перед общей коррекцией и стремились как можно дольше продержаться на волне рынка. Что ж,

возможно, они были правы, но, считая цены на акции завышенными, можно ли уверенно вычислить время их неизбежного обвала? Попытка получить несколько лишних процентов может обойтись очень дорого.

### *3. Вера в то, что другие — еще глупее.*

Несколько финансистов доказывали, что на азиатском рынке курс акций занижен из-за слишком большого объема продаж, но что покупать не следует, пока ситуация не начнет изменяться, в то время как другие доказывали, что курс акций США завышен, но что они не намерены продавать, пока курс не начнет снижаться. Возникает очевидный вопрос — если вам ясно, что положение на рынке изменится, почему это не ясно всем остальным? По-видимому, каждый считает такую стратегию безопасной, надеясь, что всегда найдется кто-нибудь, настолько тупой, что спохватится слишком поздно.

### *4. Стадное чувство.*

Казалось бы, инвесторы должны с интересом выслушивать людей с другими взглядами, например — предполагающих, что США стоят на краю серьезных проблем с инфляцией, или что в Японии ожидается быстрое восстановление экономики, или что единая европейская валютная система развалится, — иначе говоря, тех, чья точка зрения расходится с общепринятыми в США мнениями. Однако ничего подобного: немногих, осмелившихся робко выступить с неортодоксальными идеями, подвергли осмеянию. Группа инвесторов явно желала самоутверждения, а не обсуждения общепринятых мнений.

### *5. Чрезмерная страсть к обобщениям.*

Я с удивлением услышал, как собравшиеся единодушно объявляли, что японские компании некомпетентны,

скверно управляются и неспособны приносить прибыль. Но ведь это, разумеется, не может относиться ко всем японским компаниям: у ребят, которые умудряются зарабатывать на экспорте даже при цене доллара в восемьдесят иен, должно быть кое-что в заглазнике. И разве два года назад японской системе управления не посвящались сотни статей и исследований? Японские компании и тогда не были совершенством, но уж конечно они лучше, чем их сейчас считают.

#### *6. Способность поддаваться тенденциям.*

Я ожидал услышать на этом совещании многое о «новой экономике», где глобализация и технологизация отменяют все старые законы, услышать, что неизвестно, сколько времени будет продолжаться безынфляционный подъем последних шести лет, что мы на пороге взрыва, подобного взрыву двадцатых годов, и т. д. Все это в основном чепуха, конечно, но, как я быстро усвоил, эта чепуха, как говорится в «Баффи — охотнице за вампирами», «на пять минут устарела». Все правила успели снова перемениться. Теперь мы стоим на краю ужасной эпохи глобальной инфляции, и, несмотря на то что уже несколько раз удавалось избежать падения, на этот раз правительство окажется бессильно. Как видите, возникла новая «новая экономика».

#### *7. Игра на чужие деньги.*

Опять возникает вопрос: если все эти люди так умны, почему они делают такие глупости? Отчасти, как мне кажется, ответ состоит в том, что они не владельцы, а наемные служащие, озабоченные собственным жалованьем и карьерой. С этой позиции трудно заглядывать далеко вперед: возможно, через несколько лет вы, если будете живы, смените место работы. К тому же, распо-



ряжаясь чужими деньгами, трудно заставить себя действовать независимо. Не так уж страшно ошибаться вместе со всеми: упустив прибыль, вы вряд ли потеряете работу. А вот ошибиться, когда остальные были правы... Поэтому каждый заботится только о ближайшем будущем, стремится уловить тенденцию и покупается на зловещую экономическую белиберду.

Выслушав все эти финансовые рассуждения, я занервничал. Как-никак, эти люди, вложив деньги в национальный рынок, а затем забрав их, способны создать заметный перепад от бума к депрессии. Не думаю, что они поступят так с США — я верю в Гринспена, — но стопроцентной гарантии нет.

Уверен я в одном — азиатское руководство напрасно проклинали злонамеренных спекулянтов. На этом собрании я встретился не с хищной стаей волков-спекулянтов — это было чрезвычайно опасное стадо финансистов-овец.

---

## НАСТУПАЕТ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД

---

«FORTUNE», 25 МАЯ 1998 ГОДА

Чем дольше я наблюдаю за поразительным ростом рынка акций Соединенных Штатов, тем более убеждаюсь, что мы имеем дело с «проблемой мамонта» в психологии. Я имею в виду не величину проблемы (хотя и это тоже), а конкретное животное.

Если вы следите за изменениями в психологии, то знайте, что с Фрейдом покончено и на сцену выступил Дарвин. Основная идея «Эволюционной психологии» состоит в том, что наши мозги идеально приспособлены к окружающим условиям — только, к несчастью, к

тем условиям, в которых мы жили и эволюционировали последнюю пару миллионов лет, а не к тем, которые создали для себя столетие-другое назад. И здесь, говорят теоретики, кроются корни многих наших дурных привычек. Наша любовь к сладкому не вредит в мире, где нет мороженого; наш интерес к сплетням развивался в мире без желтой прессы; наш эмоциональный отклик на музыку возник в мире, где не было Селин Дион. А инстинкты вкладчиков годятся для охоты на мамонтов, а не для приобретения капитала.

Представьте себе то, что психологи-эволюционисты называют «древней адаптивной средой». Живут в тесном соседстве два племени — скажем, клан Пещерных Медведей и клан Пещерных Быков<sup>1</sup>, и испокон веков каждое охотится по своей стратегии. Пещерные Медведи предпочитают охотиться на кроликов — безопасная стратегия, поскольку кролика можно ловить каждый день, но несколько ограниченная в росте, так как кролик — это всего лишь кролик. Пещерные Быки, напротив, занимаются охотой на мамонтов — рискованно, поскольку мамонты попадают не каждый день, зато очень выигрышно в случае удачи: сами понимаете, мамонт — это мамонт.

Теперь представим себе, что в последний год или два Быкам очень везло — добыча попадалась каждую неделю. Через некоторое время Пещерные Медведи начнут завидовать Быкам и попытаются разделить их везение, начав охотиться по их способу. Разумеется, в первобытные времена следование этому естественному инстинкту оправдывало себя. Сочетание условий, вызывающих изобилие мамонтов: климатические изме-

---

<sup>1</sup> В биржевой игре «быки» играют на повышение, а «медведи» — на понижение.

нения, появление хороших пастбищ или изменение путей миграции, приведшее в данную область большие стада, — обычно оказывалось долговременным. Поэтому подражание стратегии, срабатывающей в недавнем прошлом, оказывалось действенным.

А теперь перенесем наши племена в мир современных финансов — и тут (по крайней мере, так утверждают экономические теории) эти инстинкты становятся совершенно неуместными. Теория эффективного рынка говорит, что вся доступная информация о той или иной компании уже учтена в ее текущей цене, так что всякое будущее изменение возникает в результате вероятностного процесса и поэтому совершенно непредсказуемо. В частности, чьи-то большие в прошлом прибыли совершенно не дают оснований предполагать, что они будут таковыми и в будущем. Разумным вкладчиком, в соответствии с этой теорией, не стоит оглядываться назад: если в прошлом году ваш сосед нажил на акциях, в то время как вы оставили деньги в наличных, это не причина бросаться покупать акции. Однако представьте себе, что по каким-то причинам рынок месяц за месяцем остается устойчивым: ваш получивший экономическое образование интеллект может говорить: «Эгей, что-то тут не так», зато инстинктивная программа вопит: «Хочу мамонтины!» — и бороться с этим инстинктом нелегко.

Кроме того, эти инстинкты некоторое время могут сами себя поддерживать. Ведь если увеличение числа охотников за мамонтами сокращает количество мамонтов на человека, то увеличение числа современных «быков» способствует увеличению выигрыша — пока держится эта тенденция. Любой брокер расскажет вам, что в последние месяцы рынок был на подъеме, несмотря на весьма умеренный рост дивидендов, так как все больше людей, сожалея об упущенных возможностях, всту-

пало в игру. Но рано или поздно поступление новых покупателей прекратится — и что тогда?

Ладно, ладно, я знаю, что этого не должно случиться. Умудренные опытом вкладчики должны предвидеть будущее и рассчитывать момент, когда рост сменится депрессией. Так что, может быть, происходящее сейчас с рынком происходит потому, что мудрые и дальновидные люди поняли: «новая экономика» становится все прибыльнее, а развитие взаимных фондов избавило от необходимости в старомодной плате за риск. Однако мне сдается, что люди, которые стремятся быть дальновидными, вышли на опасную черту, привлеченные всего лишь размером недавних прибылей, и что знакомые вам рассуждения об осмысленности нынешних цен — не столько серьезные теории, сколько оправдания.

От всего этого мне становится неуютно. Может быть, я просто неандерталец с черепом слишком толстым для понимания новой эры. Но если вы спросите меня, то я скажу вам, что мне видится на горизонте наступление ледникового периода.

---

## СХЕМА ПОНЦИ (ЭФФЕКТ ПИРАМИДЫ)

---

12 МАРТА 2000 ГОДА

Шарль Понци применил эту схему отнюдь не первым, но его имя, как и имена доктора Бодлера<sup>1</sup> и капитана Бойкота<sup>2</sup>, навеки стало бранным словом. И классиче-

---

<sup>1</sup> От имени издателя Бодлера в английском языке образован глагол «бодлеризировать», т. е. при издании книги выпустить или изменить часть ее.

<sup>2</sup> Капитан Бойкот — Чарльз К. Бойкот (1832–1897) дал свое имя слову «бойкот»: он был управляющим помещьем и его подвергли первому бойкоту крестьяне-арендаторы.

ская схема его имени — схема выплат старым вкладчикам из денег новых, создающая иллюзию успешного бизнеса, — по-прежнему отлично работает.

Потрясающая новая книга Роберта Шиллера «Иррациональное изобилие»<sup>1</sup> приводит краткое описание схемы Понци. Первый шаг — отыскать правдоподобную, но сложную возможность извлечения прибыли, трудно поддающуюся оценке. Сам Понци изобрел международную рассылку почтовых купонов. Более близким к нам по времени примером являются албанские жулики, убедившие вкладчиков, что они изобрели выгодный бизнес по отмывке денег.

Далее все зависит от точного расчета времени и рекламы. Нужно вовлечь первоначальную группу инвесторов, достаточно заметную, чтобы привлечь внимание, но не слишком большую; затем более крупную вторую группу, из вкладов которой вы выплачиваете долг первой, затем еще большую третью группу и т. д. Если все идет хорошо, слухи о том, как обогатились первые вкладчики, распространяясь, привлекают все больше народу, и неизменная успешность предприятия заставляет умолкнуть или заглушает голоса скептиков.

---

<sup>1</sup> *Shiller R. J. Irrational Exuberance. Princeton University Press. 2000.* Названием книги стала формулировка А. Гринспена, который во время бурного роста 1990-х годов пару раз выражал некоторые опасения по поводу уж слишком резкого взлета фондового рынка — однако делал это крайне аккуратно. Одним из самых знаменитых его заявлений является то, которое он сделал в декабре 1996 года: рост фондового рынка он тогда охарактеризовал словами «irrational exuberance», что дословно переводится как «иррациональное изобилие», а наиболее адекватно передать мысль Гринспена можно словами «чрезмерный взлет» или «внезапное обогащение».

Органы финансового надзора США, которые прекрасно знают, как часто оказывается успешным подобное мошенничество, делают все возможное, чтобы прекратить его еще в зародыше. Так что вы могли бы подумать, что схема Понци в наше время — всего лишь исторический курьез. Однако мистер Шиллер не интересуется историей ради истории: он говорит о схеме Понци как об образчике более существенного явления.

Представьте, хотя бы теоретически, что появляется новая технология — поистине совершенно невероятная. И представьте, что создаются новые предприятия, готовые использовать эту новую технологию. Они честно убеждены, что она со временем принесет огромную прибыль — но вероятность этой прибыли очень трудно оценить. Какое-то время эти предприятия почти или совсем не будут приносить прибыли: ведь даже если прибыль появится, то придется вкладывать ее в покупку нового оборудования, материалов и т. п. Однако по мере того, как распространяются сведения о новой технологии, их акции начинают расти в цене и приносят все большую прибыль на капитал, вложенный каждым инвестором. Это привлекает новых инвесторов, и цены взлетают еще выше. Если этот процесс продолжается достаточно долго — а он вполне может идти годами, — сомневающиеся начнут представляться глупцами, а медведи улягутся в спячку. Все действуют совершенно честно — тем не менее вырастает пирамида Понци без Понци, мошенничество без мошенников.

По заголовку книги мистера Шиллера можно угадать основную мысль. Он убедительно доказывает, что рывок на рынке акций последних лет — это огромная пирамида Понци в действии и что конец будет очень

печален. Книга рассматривает главным образом рынок вообще (большая часть цифр приводится для S&P 500<sup>1</sup>), однако к истории акций высокотехнологичных предприятий она подходит еще удачнее. Я надеюсь, что многие прочтут эту книгу, но сомневаюсь, что многих удастся убедить. Видите ли, у медведей сейчас возникают дополнительные проблемы с кредитом доверия. Не так давно многие сомневались не только в перспективности современных технологий, но и в самом технологическом развитии. (Я и сам признаю себя виновным.) Но каждое новое статистическое исследование, показывающее резкое возрастание производительности и рост доходов в этой области, говорит, как они ошибались. Следуя логике, можно признать и реальность технологической революции, и то, что курс акций высокотехнологичных предприятий безумно завышен, но кто станет вас слушать?

Не спору, предусмотрительные вкладчики (или те, кто считает себя предусмотрительным) следуют стратегии Леви Стросса<sup>2</sup>: «Пусть другие болеют золотой лихорадкой, а мы будем продавать им снаряжение». По-

---

<sup>1</sup> S&P 500 Index — сводный индекс фирмы «Стэндард энд Пур», один из важнейших фондовых индексов, охватывает 80 процентов стоимости ценных бумаг, котирующихся на Нью-йоркской фондовой бирже. Включает акции 400 промышленных, 20 транспортных, 40 финансовых и 40 коммунальных компаний. Индекс рассчитывается непрерывно.

<sup>2</sup> Речь идет о баварском эмигранте Леви Строссе, прибывшем в Сан-Франциско в середине XIX века. Он попытался заработать на продаже коричневой парусины для палаток золотоискателей: правда, это дело не пошло. А вскоре, заметив, что большинство его клиентов ходят в дырявых штанах, решил пустить всю свою парусину на пошив дешевых и, главное, надежных по качеству брюк. «Те самые штаны от Леви» тогда пользовались, пожалуй, самым большим после золота спросом. Эмигрант быстро

этому очень вероятно, что оценка компаний, торгующих инфраструктурой для Интернета, разумна, даже если оценка компьютерных производств завышена.

Тем не менее, наблюдая, как те, кто упустил первые несколько тысяч пунктов роста NASDAQ'a, лихорадочно пытаются наверстать упущенное время, начинаешь задумываться. Не будут ли люди 80 лет спустя, говоря, что их «набезосифили»<sup>1</sup> или «оквалкомили»<sup>2</sup>, поминать наше время, как мы — пирамиду Понци?

---

АХ, ДОУ! ОХ, ДОУ!

---

27 ФЕВРАЛЯ 2000 ГОДА

В начале своей книги «Иррациональное изобилие» Роберт Шиллер, сделавший больше всех экономистов нашего времени в изучении наименее рациональных сторон работы финансового рынка, описывает крупнофор-

---

разбогател, открыл свой первый магазин. В 1872 году другой эмигрант, бывший рижанин Джекоб Девис написал Строссу о своем изобретении — медных заклепках, которые он стал ставить на задние карманы штанов, чтобы те не рвались под тяжестью намытого в приисках золотого песка. Это ухищрение, укрепившее швы первых джинсов, получило государственный патент США 20 мая 1873 года. Между прочим, именно эту дату принято считать днем рождения самых культовых джинсов в мире — «Levi's 501».

<sup>1</sup> Основатель крупнейшего книжного Интернет-магазина Amazon.com Джеф Безос любит говорить инвесторам, что он не имеет понятия, когда его компания начнет делать деньги, потому что он сосредоточен на создании торговой марки, доминирующей в Интернете.

<sup>2</sup> «Квалком» — крупная американская корпорация, работающая в области информационных и компьютерных технологий.



матную рекламу, помещенную компанией «Меррил Линч» год назад, когда индекс промышленных компаний Доу-Джонса перевалил за 10 000. «Даже те, кто подходит к делу вдумчиво и дальновидно, как мы, ахнули!» — заявляла реклама. А рядом был приведен график рынка акций под заголовком: «Достижения человечества».

Однако в нынешнем году солидные инвесторы, напуганные ссудными процентами, склонны скорее охать, чем ахать. В пятницу индекс Доу-Джонса снова проскочил отметку 10 000, но на сей раз двигаясь в обратном направлении. Не увидим ли мы вскоре нового графика под заголовком: «Неудачи человечества»?

Да, да, индекс Доу-Джонса все еще на 50 процентов выше, чем был в декабре 1996, когда Алан Гринспен безуспешно пытался притушить наши восторги. И другие индексы акций пока не страдают вместе с Доу: более широкий индекс S&P 500 все еще заметно выше прошлогоднего уровня, а «NASDAQ», тесная связь которого с акциями высокотехнологичных компаний превратила его в неофициальный барометр «новой экономики», ставит все новые рекорды.

Но именно это разнообразие примет и указывает на суть: сколько бы не болтали о том, что сделает мистер Гринспен, вопрос, который задает рынок, звучит иначе: «кому принадлежит будущее?»

Сам стереотип восприятия индекса Доу-Джонса мешает нам вспомнить, что такой вопрос вообще существует. В жизнерадостной статье Стива Бодоу «Доу де цзин», помещенной в «Slate», один из дзен-экономических коанов звучит так:

«Доу не существует, но все существует в Доу.  
И даже тридцать компаний  
Всем становятся в нем».

Мы часто вместо «общий курс акций» говорим просто «индекс Доу» или «Доу» — я сам так делаю, — и многие из-за этой оговорки считают, что колебания цен на акции предприятий в рамках индекса Доу-Джонса предсказывают будущую прибыль корпоративной Америки. Но это не так: ориентируясь на индекс Доу, вы ориентируетесь всего лишь в целесообразности участия в прибыли компаний, которые учитывает этот индекс.

Разница существенная: играя на повышение акций Доу, вы должны верить не только в будущее преуспевание американского капитализма, но и в то, что современные корпорации будут процветать пропорционально его преуспеванию — и не просто в ближайшую пару лет, но и в далеком будущем. И я имею в виду действительно далекое будущее. Вот крайний пример: расчеты, приведенные в прошлогоднем бестселлере «Dow 36 000» Джеймса Глассмана<sup>1</sup> и Кевина Хассета<sup>2</sup>, подразумевают, что прибыльность нынешних корпораций, включенных в индекс Доу-Джонса, будет расти теми же темпами постоянно, и половина той оценки, которую авторы считают честной, вытекает из ожидаемой прибыли после 2070 года (на самом деле даже тогда 36 000 не получается — скорее 20 000 — ну да ладно.)

Итак, верите ли вы, что через семьдесят лет компании Доу — не те компании, которые войдут в него к тому времени, а те, что входят сейчас, — будут получать ту же долю совокупной прибыли, что и сегодня? Инвесторы, предпочитающие компании, включенные в

---

<sup>1</sup> Джеймс Глассман — старший экономист из J. P. Morgan Securities Inc. в Нью-Йорке, научный сотрудник Американского института предпринимательства.

<sup>2</sup> Кевин Хассет — экономист Американского института предпринимательства, один из авторов книги «Доу 36 000».

индекс NASDAQ, не говоря о тех, кто приобретает акции новоиспеченных компаний, явно не верят. Они предполагают, что компания «Имярек.ком» имеет приличные шансы стать завтрашним «Майкрософтом» и, соответственно, что сегодняшняя «Дженерал электрик» и даже сегодняшний «Майкрософт» могут оказаться завтрашними «Сирс, Роубак энд К<sup>о</sup>»<sup>1</sup>. Чтобы серьезно играть на повышение курса акций компаний, учитываемых индексом Доу-Джонса, вы должны поверить, что новая экономика будет принадлежать старым компаниям; чтобы согласиться с ценами на акции высокотехнологичных предприятий, вам придется поверить, что будущее принадлежит новичкам. То и другое одновременно не может быть правдой.

Однако и то и другое может оказаться ложью. Мистер Шиллер считает, что не только рынок акций корпораций Доу-Джонса, но весь рынок акций сейчас — раздутый спекуляцией мыльный пузырь. Я сочувствую этому убеждению, но не разделяю его полностью. Общественные и психологические признаки пузыря — например, то обстоятельство, что телевизор в моей любимой пиццерии теперь настроен на «CBNC», а не на «ESPN», — налицо, однако налицо и впечатляющая скорость технологического прогресса. Я не уверен, что современная оценка NASDAQ'а оправданна, но не уверен и в обратном.

---

<sup>1</sup> «Сирс, Роубак энд К<sup>о</sup>» — компания широкого профиля, владеет сетью одноименных универмагов; основана как фирма торговли по почте в 1886 году; в течение 100 лет вела торговлю по каталогам. Контролирует страховую компанию «Олстейт иншуранс» и сеть прокатных автомобилей «Сирс рент-э-кар». Оказывает финансовые услуги через компанию «Дин Уиттер» и занимается торговлей недвижимостью через компанию «Колдуэлл бэнкер». Входит в список «Форчун 500».

Во всяком случае, падение индекса Доу-Джонса — не приговор экономике в целом. А когда у нас полная занятость и низкий уровень инфляции, солидные вклады, на мой вкус, могут падать куда хотят.

---

## ДЕНЬГИ ДАРОМ?

---

28 МАЯ 2000 ГОДА

Экономисты редко добиваются успеха в игре на бирже: они слишком много рассуждают. Они, как пресловутый профессор, отказавшийся поднять с земли сто долларовую банкноту, склонны предполагать, что если бы где-то можно было получить деньги даром, то кто-нибудь их уже получил.

Однако осторожность, которая может оказаться помехой в торговле, в других случаях становится достоинством. Наблюдателям и в самом деле случается рассмотреть возможность крупного, надежного выигрыша — валяющуюся на земле сто долларовую бумажку — упущенную другими. Однако разумный человек не полагается на то, что такие находки будут попадаться постоянно, и уж во всяком случае, не строит на такой надежде свой семейный бюджет — и не планирует социальное обеспечение.

Исторически вложения в акции оказывались весьма удачными. Наиболее известно доказательство этого факта, приведенное Джереми Зигелем из Университета Пенсильвании, который в своей книге «Акции на длинной дистанции»<sup>1</sup> показал, что в двадцатом веке каждый, кто готов был покупать не для скорой прода-

---

<sup>1</sup> *Siegel J. Stocks for the Long Run. Irwin 3rd ed. McGraw Hill. 2002.*

жи, выигрывал на акциях больше, чем на облигациях. Тут не было равновесия между риском и выигрышем: акции приносили бóльшую прибыль, и точка. Оказывается, на мостовой валялась-таки стодолларовая бумажка (вернее, несколько миллиардов долларов), которую по какой-то причине никто не потрудился поднять.

Но многие неправильно понимают значение этого наблюдения. Это не гарантия того, что благодаря некоему закону природы акции всегда будут наилучшим вложением капитала; это означает только то, что до сих пор акции недооценивались: инвесторы не желали платить за право на долю прибыли корпорации столько, сколько они платили бы, понимая, насколько низок риск.

И вот на пороге двадцать первого века возникло забавное явление: отношение номинала к дивидендам — цена на один доллар прибыли корпорации — стремительно взлетело вверх. В течение времени, которое изучал профессор Зигель, цены в среднем были в пятнадцать раз выше прибыли, и владелец акций в среднем получал 7% реального дохода. Сейчас среднее отношение номинальной цены к дивидендам ближе к 30. Случайное ли это завышение или инвесторы осознали урок профессора Зигеля? Как бы то ни было, банкноту с землей уже подобрали. Если вкладчикам приходится теперь платить за акции вдвое больше, чем прежде, и если прибыль будет расти в дальнейшем с той же скоростью, как до сих пор, эти вкладчики могут теперь рассчитывать только на половину тех процентов, которые приносили акции в прошлом.

Однако многие из тех, кто намерен преобразовать систему социального обеспечения, — в том числе, разумеется, и советники Джорджа У. Буша — настаивают, что акции — самое подходящее средство, и уверяют, что на те же 7% можно рассчитывать вечно. А если

вы укажете, что покупка кусочка «корпорации Америка» обходится теперь гораздо дороже, чем раньше, они будут твердить, как мантру, что исторически акции оказывались великолепным вложением капитала. Иными словами, вчера там лежали сто долларов, значит, они и сегодня там, не так ли?

Почему первоклассные экономисты так наивно попадают на эти наивные рассуждения, где вместо анализа желаемое принимается за действительное? Или они просто склоняются перед политической конъюнктурой? Недавнее замечание мистера Буша показывает, что тут срабатывает старое доброе американское лицемерие.

В своей речи пятнадцатого мая он просит своих слушателей «задуматься над простым фактом: даже если работник выберет надежнейшее в мире вложение капитала: государственные облигации Соединенных Штатов с поправкой на инфляцию, он (или она) получит прибыль, вдвое превышающую проценты пенсионного обеспечения».

Поразительный факт! Особенно поразительный, когда вы понимаете, что система социального обеспечения вкладывает все свои деньги — куда? — правильно, в государственные облигации США. То, что каждый работающий сейчас вкладывает средства не только в собственную пенсию, но и платит за ныне живущих пенсионеров, хорошо известно советникам мистера Буша, даже если сам он этого не понимает. И если вы считаете это незначительной подробностью, считаете вопрос об оплате существующих облигаций при возможном оттоке средств в другие займы отдельным вопросом, то позвольте вас заверить, что я и сам легко придумаю план спасения пенсионной системы, если мне дадут высказать предположение о волшебном исчезно-

вании большей части существующих облигаций этой системы.

Хотя, может быть, «волшебство» здесь — неподходящее слово? Не лучше ли сказать: «шаманство»?

---

## СОЗДАВАТЬ И РАЗРУШАТЬ

---

8 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Придержите лошадей! На прошлой неделе гуру нашего рынка Джеймс Дж. Крамер<sup>1</sup>, некогда прославившийся безграничным оптимизмом по поводу акций высокотехнологичных предприятий, объявил, что он сам, представьте, разочаровался в этом секторе. Он объяснил свое разочарование «четырьмя всадниками» высокой технологии: «Делл», «Майкрософт», «Интел» и «Циско».

Однако на той же неделе статья в «Business Online» также посвящается «четырем всадникам новых технологий» — тут снова «Циско», но другие трое: «Оракл», «Ем-Си» и «Сан». Не говоря уж о том, что большинство читателей, возможно, понятия не имеют, что это за компании (я и сам толком не знаю), представляется любопытным, что в списке мистера Крамера преобладают компании, связанные с производством персональных компьютеров, а второй список имеет дело с предприятиями компьютерной сети. И тут напрашивается объяснение, что дело не только в разочаровании мистера Крамера, но и в потере доверия вкладчиков, из-за которого NASDAQ потерял более двадцати процентов от летне-

---

<sup>1</sup> Джеймс Крамер (James Cramer) — менеджер хеджевого фонда, комментатор по вопросам рынка на телеканале «CNBC».

го уровня. Можете считать это мезью Йозефа Шумпетера<sup>1</sup>.

В последние годы австрийский экономист Шумпетер, перебравшийся в Гарвард перед войной, стал чем-то вроде идола новой экономики. Этим положением он обязан своим ранним работам: молодой Шумпетер перед Первой мировой войной оказался первым из крупных экономистов, распознавших постоянные технологические перемены как часть капиталистической системы. Однако большей частью его сегодняшняя репутация основывается на одной фразе, написанной им в более поздней работе, где он охарактеризовал переход к технологии как силу «созидательного разрушения».

Есть подозрение, что людям делового мира эта фраза понравилась по ошибке — им кажется, что она при-

---

<sup>1</sup> Шумпетер Йозеф (08.02.1883, Трешть, Моравия, — 08.01.1950, Таконик, шт. Коннектикут, США), экономист и социолог, известен концепцией экономической динамики, центральное место в которой отводится предпринимательской функции. Шумпетер выдвинул теорию «эффективной конкуренции», которая изображает рыночный механизм в эпоху «большого бизнеса» как плодотворное взаимодействие сил монополии и конкуренции, базирующихся на нововведениях и придающих особый динамизм экономическому развитию. Ему принадлежит динамическая концепция цикла, где цикличность рассматривается как закономерность экономического роста. Согласно этой концепции, движущая сила процветания — массовые инвестиции в основной капитал, которые служат воплощением определенных новшеств. Кризисы, согласно логике Шумпетера, не являются неизбежными. Они возникают как следствие панической реакции на закономерное прекращение бума. Важнейшая роль в теории циклов отводится кредиту, который создает возможность вовлечения в экономический оборот дополнительных экономических ресурсов и тем самым реализации нововведений.



дает их деятельности больше блеска или оправдывает те трудности и несправедливости, которые часто вызывает рыночная экономика. (Не случайно Шумпетер — любимец изданий правого крыла, подобных «Forbes».) Но как бы превратно ее ни понимали, фраза на самом деле превосходная: новые технологии на самом деле не только создают, но и разрушают. В частности, каждая новая технология уничтожает или, по крайней мере, уменьшает ценность старых умений и старого рынка.

Но понимают ли вкладчики — и их гуру, — какие выводы отсюда следуют? Еще несколько месяцев назад явно не понимали. Они восхищались (законно) происходящим созиданием, но не замечали разрушения. Или, может быть, думали, что гибнут только компании, основанные на старой экономике. Высокотехнологичные компании ценятся так высоко относительно их прибыльности отчасти потому, что инвесторы хорошо выучили урок «Майкрософт» и «Интел»: на рынке технологий победитель получает все, и компания, первой перешедшая на новую технологию, может использовать это преимущество для создания крепкой, прибыльной монополии. Поэтому вкладчики охотно платят очень высокую цену за акции компаний, которые могут в перспективе оказаться новым «Майкрософтом». Падение технологических акций прошлой весной было вызвано тем, что вкладчики осознали: не каждая высокотехнологичная фирма станет «Майкрософтом», а также поняли, что доминирование на рынке, на котором никто не получает прибыли, — дело не первой важности. Однако победители, которые уже «получили все», — компании, добившиеся доминирующего положения на главных рынках и извлекающие из этого положения реальные деньги, — по-прежнему оцениваются во много раз выше их прибыльности.

Что же происходит сейчас? Разочаровывающие прибыли некоторых прежних «новоэкономических» компаний напомнили инвесторам, что создающее разрушение касается не только динозавров. Малые фирмы, зацепившиеся за великолепные технологии, подобные волоконной оптике, вполне могут оказаться будущими «Интел», но «Интел», в свою очередь, может оказаться новым «Ай-Би-Эм»: компанией, значительно сдавшей свои лидирующие позиции, когда на сцену выступили новейшие технологии.

Какое отношение все это имеет к падению акций высокотехнологичных предприятий? С одной стороны, можно обоснованно заключить, что реакция рынка преувеличена, что вкладчики, разочарованные скромными успехами прежних «новоэкономических» компаний, забыли о замечательных возможностях новых.

С другой стороны, понимание, что и высокотехнологичные фирмы тоже смертны, должно ограничить цены, которые вкладчики готовы платить даже за акции компаний с самым блестящим ближайшим будущим. То же стремительное движение технологического прогресса, которое позволило возникнуть из пустоты новым крупным корпорациям, может привести к тому, что век этих компаний под солнцем будет очень краток.

---

## ПРИНЦИП ПИЩЫ

---

9 ИЮЛЯ 2000 ГОДА

Всегда трудно было вести спокойную дискуссию по поводу рынка акций: слишком часто разумные доводы вытесняются надеждой и страхом, жадностью и завистью. Теперь, когда к этой смеси добавилась еще и по-

литика, это стало еще трудней. Дело не только в том, что некоторые идеологи приравнивают любовь к капиталистической системе к любви к акциям, чего бы они ни стоили. Сегодня ожидание высокой прибыли на рынке акций равнозначно кривой Лаффера<sup>1</sup> двадцать лет назад. Иначе говоря, политикам — особенно тем, кто стремится приватизировать Белый дом, — играет на руку представление о растущих на дереве булках и выигрышах без потерь. Тем не менее дискуссия о перспективах рынка акций ведется, и обе стороны выставляют серьезные аргументы.

В прошлом году общественным мнением правили «быки», но в последнее время мы слышим немало голосов мудрых «медведей» — людей, подобных Роберту Шиллеру, автору книги «Иррациональное изобилие», или Эндрю Смитерсу и Стивену Райту, соавторам книги «Важность мер, предпринимаемых на Уолл-стрит по защите богатства в условиях нестабильного рынка»<sup>2</sup>. Их аргументы просты: с исторической точки зрения текущий курс акций выглядит вышедшим из колеи. Соотношение номинала к дивидендам средней компании более чем вдвое превосходит обычное. Так же обстоит

---

<sup>1</sup> Кривая Лаффера — колоколообразная кривая, отражающая соотношение между налоговыми ставками и объемом налоговых поступлений. При этом существует такая налоговая ставка, при которой налоговые поступления достигают максимума. В экономике предложения считается, что снижение очень высоких ставок налогообложения приводит к увеличению налоговых поступлений. Более низкие налоговые ставки стимулируют людей работать более напряженно, получать большие доходы, что обеспечивает возрастающие налоговые поступления.

<sup>2</sup> *Smithers A., Wright S. Valuing Wall Street: Protecting Wealth in Turbulent Markets. McGraw-Hill Book Company. 2000.*

дело с «*q*» — отношением рыночной цены акций владельцев корпорации к оценке ее основного актива. В прошлом высокий уровень отношения номинала к дивидендам или высокий «*q*» обычно указывал на приближение крупного падения. Так что эту точку зрения приходится рассматривать серьезно.

Но повторится ли в будущем то, что было в прошлом? Ученые «быки», представленные Джереми Зигелем, автором приобретшей заметное влияние в 1993 году книги «Акции на длинной дистанции», указывают, что в прошлом акции оказывались надежным и прибыльным долгосрочным вложением капитала. В самом деле, акции до сих пор были таким хорошим вложением, что людям следовало бы платить за них гораздо дороже, чем они платили. С этой точки зрения, которая выглядит очень разумной по историческим меркам, происходящее представляется не как неоправданное раздувание курса, а как неоправданный спад оптимизма. И к этой точке зрения тоже следует относиться серьезно.

Следует, однако, отличать «благоразумных быков» от прочих пород. Долговременная прибыль от акций — это примерно то же самое, что «доход от прибыли», — то же соотношение номинала к дивиденду, о котором обычно говорят, только перевернутое. Так что, даже если вы считаете акции не слишком рискованным вложением, ваши предположения оправдываются только при такой цене на акции, что доход от прибыли — и, следовательно, долговременная прибыль — не выше, чем проценты возврата на безопасные вложения, подобно облигациям. А мы уже дошли до этого рубежа (если не перешагнули его). Так что взгляды «благоразумных быков» не оправдывают предположения, что акции все еще идут намного ниже настоящей цены или что нынешние высоко оцененные акции принесут вкладчикам такую же

прибыль, как вкладчикам, приобретавшим недооцененные акции прошлых десятилетий.

Я подчеркиваю это обстоятельство потому, что без его понимания вы можете спутать благоразумных быков с другой разновидностью — «бешеными быками», которые придерживаются одного или обоих этих предположений. Это недоразумение старательно поддерживают сами «бешеные быки». Например, авторы прошлогоднего издания «Доу 36 000» заявляют, что их идеи основаны на работе профессора Зигеля. И в некотором смысле это верно. Настолько же, насколько верно, что главное в пицце с ананасами, зефиром и копченой колбасой — это тесто. Правда, тесто для пиццы — необходимый ингредиент, но здесь присутствуют и другие существенные составляющие, и притом весьма странного свойства. «Благоразумных быков» нужно принимать всерьез, как и «благоразумных медведей». Но не «бешеных быков».

Однако нам предстоит драка, и она не будет честной. Меня самого не раз гневно обвиняли в непостоянстве за то, что я одновременно критиковал «бешеных быков» и хорошо отзывался о профессоре Зигеле. Другими словами: «В прошлом году вы высмеивали рецепт пиццы с ананасами и колбасой, — а теперь утверждаете, что все-таки любите пиццу. Ха! Вы изменили своему мнению!»

Итак, с вашего позволения приложим принцип пиццы к ценам на акции. Я люблю пиццу, и вы тоже можете ее любить — то есть вы можете серьезно относиться к мнению, что курс акций, который выглядит сильно раздутым, не является таким по историческим меркам. Но даже если вам нравится пицца, вы не обязаны глотать колбасу с зефиром, которую кое-кто пытается вам скормить.

## БЕДА ОТ ДООУ

---

2 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

В конце 1999 года — примерно тогда, когда Джордж У. Буш впервые объявил о своем плане снижения налогов, — я обедал в пивной-пиццерии, где над стойкой стоял телевизор, чтобы хозяин мог смотреть «ESPN». Но телевизор в тот день не был настроен на «ESPN» — он показывал программу «CNBC». Я тогда подумал про себя: «Это плохо кончится». И оказался прав.

Индекс Доу-Джонса впервые перевалил за 10 000 в 1999 году. Хотя уже в начале следующего года индекс ненадолго снова упал ниже этой отметки, это снижение не имело большого значения — это был обратный побочный эффект действительно неоправданного скачка, когда инвесторы покинули надоевшего старого Доу-Джонса ради NASDAQ'a. С другой стороны, на прошлой неделе произошло по-настоящему важное событие: спад широкого рынка перевел показатель Доу-Джонса на отметку ниже 10 000 при движении в обратном направлении. Вот теперь эра рыночного пузыря кончилась всерьез и надолго. И сколько грязи оставил после себя лопнувший пузырь!

Впрочем, прямое воздействие лопнувшего пузыря на экономику — знакомая история. В годы, когда курс акций взлетал до небес под воздействием эйфории от «новой экономики», деловые круги яростно инвестировали, бросая огромные суммы в информационные технологии. Теперь, конечно, многие осознали, что сильно перестарались со вкладами. И теперь, вероятно, долгие годы излишек производственных мощностей будет сказываться депрессией в области капиталовложений.

Эта мысль не ободряет. Однако прямые экономические последствия пузырей — только полдела. Они сказываются печальным образом и на национальной политике.

Не случайно налоговый план Буша был предложен как раз перед тем, как пузырь лопнул. Существует тесная связь между маниакальной одержимостью рынка акций и маниакальной идеей снижения налогов, и обе они влияют друг на друга.

С одной стороны, в конце девяностых годов средства массовой информации правого крыла с энтузиазмом вздували цены. Редакционная колонка «The Wall Street Journal» особенно увлекалась самыми безумными теориями оценки акций, лишь бы они указывали вверх. Помните «Доу 36 000»? А любой, кто указывал, что подобные теории основаны на подтасовке данных, и предостерегал, что акции не вечно будут давать высокие прибыли, объявлялся опасным левым: как-никак, рынок акций — это чистейшее выражение капитализма, так что любой, кто сомневается в рынке, наверняка противник капитализма, не правда ли?

Но более опасное влияние было направлено в противоположную сторону: увы, рыночный пузырь породил условия, в которых абсолютно безответственные политические программы на время обрели правдоподобие. Важно понять, в какой степени оплакиваемый избыток бюджета был следствием взлета акций. Ставка налогов с 1994 до 2000 года не возрастала, однако налоговые поступления бюджета стремительно возросли, в основном из-за дополнительных налогов на эти огромные прибыли. В результате возникло обманчивое ощущение, что на руках у населения много денег и что крупное снижение налогов отлично впишется в бюджет.

Налоговый план Буша был выработан, когда эти иллюзии дошли до высшей точки.

Теперь мы начали возвращаться к действительности. К сожалению, хотя реалистичный взгляд на вещи, возможно, вернулся вовремя, чтобы предотвратить катастрофу с пенсионной системой — поскольку этот план мистера Буша тоже основывался на обманчивом мыльном пузыре, — но катастрофа с налогами уже совершилась.

Конечно, вы имеете право удивляться, почему сам мистер Буш не пересмотрел свое мнение — почему он считал, что налоговый план, предложенный им на лихорадочном подъеме рынка конца 1999 г., будет так же хорошо работать в экономике лопнувшего пузыря 2001 года. Ведь его чиновники, безусловно, знали, что налоговый доход падает камнем, хотя они и уверяли почтенный Конгресс, что все в порядке.

Впрочем, нам уже известно, что нынешняя администрация никогда не реагирует на изменившиеся обстоятельства корректировкой своих намерений — она ограничивается тем, что меняет на них ярлыки. Так что ярлык на снижении налогов сменили, и теперь это — мера по борьбе с депрессией, хотя для этой цели оно малопригодно. Между прочим, и от приватизации системы социального обеспечения администрация тоже не отказалась. Правда, она не может больше манить народ видением растущих на деревьях булок-акций, зато принялась запугивать нас воображаемыми кризисами.

Как бы то ни было, беда уже случилась. Раздувание курса на рынке акций породило дурные политические и финансовые решения, расплачиваться за которые нам придется много лет.



## НЕДОБРЫЕ ВЕСТИ ИЗ-ЗА РУБЕЖА

---

### АЗИЯ: ЧТО ПОШЛО НЕ ТАК?

---

«FORTUNE», 2 МАРТА 1998 ГОДА

Что касается меня, то мне кризис в Азии представляется увлекательным и даже счастливым событием. Я, видите ли, специалист по экономическим катастрофам. Первая моя серьезная работа по экономике, написанная больше двадцати лет назад, называлась «Модель кризисов, вызванных несбалансированными выплатами». Так что я немного напоминаю охотника за ураганами, которому как раз попался потрясающий смерч. Мне не меньше, чем вам, жаль этих бедолаг на трейлерных стоянках, но в то же время я захвачен поразительным зрелищем, разворачивающимся передо мной. Могу даже найти оправдание для своих противоречивых чувств: о глобальной экономике узнаешь гораздо больше, когда в ней что-то нарушено, чем когда все идет гладко. И может быть, урок, который преподаст нам этот кризис, поможет нам избежать следующего или, по крайней мере, справиться с ним.

Итак, чему учит нас беда, случившаяся в Азии? В атаке спекулянтов на валютный курс нет ничего нового, и кое-кто из нас еще пару лет назад предупреждал, что страны Юго-Во-

сточной Азии оказываются в группе риска. Однако масштаб и глубина кризиса оказалась неожиданностью для всех — эта катастрофа показала нам, что экономике угрожает опасность, не предусмотренная нашими прежними теориями.

Зато теперь мы довольно хорошо представляем, что произошло в Азии. В этой драме два действия: первое — о безрассудном поведении, и второе — о его последствиях. Но мы не представляем, когда все кончится. Подходит ли пьеса к концу или еще предстоит трагический для экономики финал?

Действие первое — это история финансового пузыря. Началось все, как нам теперь видится, с плохого управления банками. Во всех странах, охваченных сейчас кризисом, линия, отделявшая личную собственность от общественной, была несколько расплывчатой: племянник министра или сын президента мог открыть банк и извлечь суммы, принадлежащие частным или иностранным вкладчикам. Между тем все считали, что их деньги в безопасности, поскольку финансовые учреждения поддерживались правительством. Во всем мире существует практика, когда правительство гарантирует надежность банковских вкладов, но, как правило, эта гарантия обеспечивается определенными ограничениями. Владелец банка должен выполнять определенные требования: например, вложить крупную сумму собственных денег, воздерживаться от рискованных инвестиций и т. п. Но, по-видимому, в азиатских странах слишком многие считали, что могут пользоваться привилегиями, не неся ответственности и ведя игру по правилу «выигрыш получаю я, проигрыш платят другие». И кредиты выдавались под весьма спекулятивные предприятия с недвижимостью и слишком амбициозные проекты корпораций.

Дальнейшему раздуванию пузыря способствовали доверчивые иностранные инвесторы, с готовностью вкладывавшие деньги в экономику далеких стран, о которых почти ничего не знали (кроме того, что эти страны процветают). Таким образом, какое-то время процесс был самоподдерживающимся: все эти рискованные кредиты создавали бум в недвижимости и на рынке акций, отчего балансовые счета банков и их клиентов выглядели более надежными, чем были на деле.

Довольно скоро Азия перешла ко второму действию — пузырь лопнул. Рано или поздно он должен был лопнуть. В какой-то момент должно было стать ясно, что единогласно принятая оценка азиатского рынка в нашем несовершенном мире нереалистична, что азиатские корпорации не лучше своих западных двойников в смысле стремления участвовать в каждом предприятии в каждой стране. То, что этот пузырь лопнул скорее рано, чем поздно, объясняется чувствительностью спекулятивных пузырей к пессимизму: как только достаточное количество вкладчиков начинают задумываться, не лопнет ли пузырь, именно это и происходит.

Так что Азия покатилась вниз по спирали. Как только нервные инвесторы начали забирать свои вклады из банков, стоимость активов стремительно упала. Падение цен вызвало сомнение, сможет ли правительство обеспечить оставшиеся вклады и ссуды, и бегство инвесторов стало повальным. Иностранные инвесторы рванулись к выходу, вызвав девальвацию валюты, что еще усилило кризис, потому что банки и компании оказались завалены девальвированными батами или рупиями, в то время как твердых долларов оказалось до пригорюнь мало.

С чего на самом деле началась эта ниспадающая спираль? Какая разница? Любой камешек может со-

рвать лавину, если сложились подходящие условия. Возможно, спусковым механизмом оказался спад на рынке полупроводников и поднятие обменного курса иены к доллару, однако если бы не они, кризис вызвало бы что-нибудь другое.

Естественно, азиатский финансовый крах увлек за собой и реальную экономику. Отчасти это произошло потому, что падение номинальной стоимости активов заставило людей почувствовать себя обедневшими и сократило потребительский спрос; отчасти потому, что низкая стоимость акций и высокие процентные ставки подавляли инвестирование. Но наблюдался не только дефицит предложения, но и дефицит спроса, что само по себе тревожно. Хотя вышедшие из-под контроля банки были причиной неполадок, функционирование банковской системы остается необходимой смазкой для двигателя экономики. Когда банки некоторых азиатских стран оказались практически парализованы, двигатель стал давать перебои: даже компании, которые должны были оставаться прибыльными — например, экспортеры, — оказались связанными отсутствием кредитов. Короче говоря, ужасное, но и захватывающее зрелище.

Может ли стать еще хуже? Если развернется третье действие, оно будет посвящено влиянию экономики на политику: экономический кризис вызовет политическую неустойчивость, которая, в свою очередь, вызовет бегство капиталов, усиливающее экономический кризис, и все пойдет вразнос. Но пока признаки возникновения этого нового порочного круга наблюдаются только в Индонезии, и даже в этом случае большинство серьезных наблюдателей считает, что опасность возникновения серьезных потрясений преувеличена.

Я надеюсь, что они правы. Для охотника за экономическими ураганами катастрофа в Азии может стать превосходным образчиком. Однако каждый озабоченный судьбой живых людей, достояние которых — а иногда и жизнь — подвергаются сейчас риску, может только надеяться, что буря скоро уляжется.

## ПОЧЕМУ ГЕРМАНИЯ ОТСТАВАТЬ СТАЛА

«FORTUNE», 19 ИЮЛЯ 1999 ГОДА

Не так давно в Интернете появился шуточный документ Европейской комиссии. В нем доказывалось, что после введения единой европейской валюты следующим шагом должно стать принятие единого языка. Практические соображения подсказывают, что таким языком должен стать английский, но в него придется ввести некоторые усовершенствования. Например, английское «си» следует заменить на общепринятое латинское «к», затем для упрощения грамматики «глагол на конце предложения помещать следует»... и к концу меморандума английский язык плавно переходил в немецкий.

Соль шутки, разумеется, заключалась в том, что Новая Европа, по общему мнению, возглавлялась Германией. Немцы — не только самый многочисленный народ Европейского союза, но и традиционно владеют наиболее мощной экономикой. В самом деле, с восьмидесятых годов Германия удерживала валютную гегемонию над своими соседями: шведские, бельгийские и даже французские банки просто следовали за «Бундесбанком». Но каким-то образом, стоило нам отвернуться на минутку, как Германия из источника энергии превратилась в слабое место Европы.

Когда же Германия стала европейским «экономическим больным»? Для людей, которые по возрасту могут помнить пятидесятые и шестидесятые годы, самое слово «немецкое» неизбежно вызывало в памяти продолжение: «экономическое чудо». И еще в начале девяностых годов Германия неплохо выступала на международной арене. Но последнее время почти все новости из Германии — дурные новости.

Кое-кто объясняет это ошибками правительства Герхарда Шрёдера, который подорвал доверие деловых кругов периодическими обращениями к традиционной риторике социалистов. Но рост германской экономики начал захлебываться еще до избрания Шрёдера: он всего лишь немного осложнил и без того трудное положение.

Другие связывают возникшую проблему с объединением Германии после падения Берлинской стены. Безусловно, нежелательным результатом этого воссоединения стало то, что Германия как бы превратилась в Италию, только без ее «*dolce vita*»<sup>1</sup>. Подобно тому как Италия разделена на богатые производительные северные области и отсталый Юг, так и Германия теперь разделяется на производящий Запад и потребительский, зависимый Восток, и в обоих случаях помощь отсталым регионам не только истощает бюджет, но и создает напряжение в обществе, а у принимающих эту помощь порождает своего рода культуру зависимости.

Однако некоторые относят возникновение проблемы еще дальше во времени. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как немецкий экономист Герберт Гирш ввел понятие «евросклероз», называя так состояние излишней зарегулированности и слишком щедрой социальной сферы, которые подрывали производительность и

---

<sup>1</sup> Сладкая жизнь (*итал.*).

тормозили создание новых рабочих мест. При этом он имел в виду главным образом Германию.

Но тогда, кажется, контраст между германской и бодрой англоязычной экономикой оказывается простым противопоставлением правого и левого: свободный рынок против тяжелой руки правительства. И хотя в этом что-то есть, но каждый, кому случалось говорить с немецкими экономистами и членами правительства, знает, что в некоторых отношениях они даже более консервативны — то есть большие противники вмешательства правительства, — чем американцы. Быть может, они не считают, что нужно позволить каждой бакалейной лавочке определять часы работы по своему усмотрению, однако они — сторонники твердой валюты и надежного бюджета и отрицают право властей снижать процентную ставку или — о ужас! — девальвировать валюту ради снижения уровня безработицы.

Итак, моя собственная теория: существенное различие между успешной экономикой, как сейчас в Соединенных Штатах, и нарушенной — как в современной Германии, лежит не в области политики, но в области философии. Это не «Карл Маркс против Адама Смита», а «категорический императив Канта против прагматизма Уильяма Джемса». Мечта немцев — твердые принципы: правительство, которое определяло бы природу истины, основы морали, время работы магазинов и курс немецкой марки. Американцы, напротив, оппортунисты в области философии и личной жизни: сойдет что угодно, лишь бы кое-как работало. Если кому-то вздумалось ходить по магазинам в 11 вечера, пусть ходит; если доллар сегодня стоит 80 иен, а завтра — 150, тоже сойдет.

Надо сказать, американская система не всегда работает лучше. Даже сегодня Детройт не может или не хочет производить роскошные автомобили, подоб-

ные немецким; «Амтрак»<sup>1</sup> не может или не хочет соблюдать такую точность в расписании, какая кажется обязательной немцам. Американцы все еще отстают в области экспорта: само качество немецких изделий и инженерных решений позволяет этой стране оставаться мощным экспортером, несмотря на самую высокую в мире стоимость рабочей силы. И Германия лучше противостояла давлению инфляции семидесятых-восемидесятых, чем мы.

Но в изменившемся мире гибкость, кажется, важнее дисциплины. При постоянных изменениях в области технологии и на рынке не все, что стоит делать, стоит делать хорошо: в условиях, где снижение цен представляет бóльшую угрозу, чем инфляция, обладание твердой валютой может оказаться рецептом для постоянного спада.

Итак, у Германии сложности, а вместе с ней — и у всего проекта дальнейшего объединения Европы. Ведь Германия должна была стать экономическим двигателем Новой Европы, и если она вместо этого тащит ее назад, не значит ли это, что весь поезд движется не в ту сторону?

---

## МЫ НЕ ЯПОНЦЫ

---

27 ДЕКАБРЯ 2000 ГОДА

Когда Люси уверяет Чарли Брауна<sup>2</sup>, что на этот раз не помешает ему стукнуть по мячу, вы уже знаете, чего ожидать. Когда Виль Э. Койот уверен, что в этот-то раз

---

<sup>1</sup> Американская национальная корпорация железнодорожных пассажирских перевозок.

<sup>2</sup> Персонажи телесериала «Я люблю Люси».



он обязательно поймает Роудраннера, вы знаете, чего ожидать<sup>1</sup>. И когда японские должностные лица заверяют вас, что теперь их народ твердо встал на путь восстановления за счет внутренних резервов...

Новый набор признаков подтверждает, что экономика Японии снова теряет скорость. Деловая уверенность не растет, расходы потребителей падают, безработица увеличивается, дефляция ускоряется. И индекс акций Nikkei<sup>2</sup>, который в начале года показывал 20 000, теперь колеблется вокруг 14 000.

Для Японии это старая знакомая история. Но когда экономика США оказалась в самой черной за долгие годы полосе, когда перепуганные аналитики и независимые политики объявили, что небо вот-вот рухнет, может быть, стоит пояснить, в чем разница между нашей историей и японской.

Видите ли, общее правило — правило, огромным исключением из которого оказалась Япония, — таково, что для крупной современной экономики спад не составляет проблемы. Дело не в том, что исчезли силы, вызывавшие спады, — хотя каждый длительный подъем вызывает дурацкие заявления, что с экономическими циклами покончено. Скорее дело в том, что тенденцию к спаду обычно удается преодолевать простыми общедоступными средствами: на пару пунктов срезать процентную ставку, обеспечить большую ликвидность, и — звоните мне утром.

Или, точнее, примерно через шесть месяцев — или через годик. Как показывает опыт, федеральному правительству, срезав процентную ставку, почти всегда удается убедить потребителя и деловые круги тратить

---

<sup>1</sup> Герои мультипликационного сериала «Роудраннер».

<sup>2</sup> Индекс курсов ценных бумаг Токийской фондовой биржи.

больше, но между уменьшением процентов и увеличением расходов почти всегда оказывается солидный временной зазор. Вот почему мы все еще уязвимы перед спадами: время от времени действия правительства запаздывают, и оно замечает ослабление экономики тогда, когда уже слишком поздно предотвращать спад. Так случилось в 1990 году, так, возможно, случится и теперь. В частности, теперь уже довольно очевидно, что правительство слишком запустило рост процентов, в результате чего последнее полупроцентное повышение в мае оказалось перебором, хотя в 1990–2000 годах повышать их действительно следовало, чтобы охладить раскаленную до предела экономику. Конечно, задним числом мне легко говорить, но тогда это казалось хорошей идеей.

Федеральная резервная система может срезать, и, вероятнее всего, очень скоро срежет процентную ставку, но желаемый эффект в области расходов проявится не сразу. Тем временем развитие экономики затормозится и, возможно, экономическая активность вдвое сократится, что и соответствует определению термина «рецессия». Но этот спад окажется временным, в чем и состоит разница между нами и Японией.

В Японии небо в самом деле падает. Поскольку процентная ставка уже близка к нулю (не ровно нуль, потому что Банк Японии в августе принял дурацкое решение снова поднять проценты — только не давайте мне заводить!), торможение становится признаком того, что базовая национальная экономическая политика не сработала и что давно пора было перейти к решительным действиям. Наше же торможение, напротив, обычное явление, которое не указывает на фундаментальные недостатки в экономической политике и при котором достаточно снизить проценты.

Чего же нам бояться? Нельзя полностью исключить возможности мрачного сценария, по которому мы окажемся куда больше похожи на Японию, чем сами думаем: мы только что миновали собственную стадию пресловутой «экономики мыльного пузыря» — и окажется, что на этот раз срезание процентов не сработает. Но пока этот сценарий представляется маловероятным.

Беспокоит меня не спад, который нам предстоит или не предстоит пережить, а то, как могут среагировать на торможение наши политики. Не используют ли они мелкое, легко поддающееся лечению недомогание как предлог, чтобы влить в глотку нации дорогостоящие опасные лекарства? Я, как вы понимаете, подразумеваю снижение налогов — которое не предотвратит кратковременного торможения, зато подорвет постоянное финансовое здоровье.

Нам нет причин бояться спада: если он и наступит, Федеральная резервная система легко может с ним справиться. Бояться следует самого страха: слишком вероятно, что под угрозой спада мы от страха натворим дел, о которых придется сожалеть долгие годы.

---

## ПРЫЖОК НАУГАД

---

8 ИЮЛЯ 2001 ГОДА

В некотором смысле я жалею, что не мог отзываться о японском руководстве хуже, чем отзывался в последние дни. Если бы руководство явно потеряло связь с реальностью, если бы чиновники были глупы и упрямы, легко было бы отмахнуться от болезни японской экономики, полагая ее результатом глубоко порочной общественной и экономической системы, и считать, что в

Америке такого случиться не может. Но в большинстве своем люди, с которыми мне приходилось беседовать, кажутся разумными и хорошо информированными. В сущности, Япония представляется сейчас гораздо более здравомыслящей, чем была в годы бума. Пятнадцать лет назад просто невозможно было вести аргументированную дискуссию; даже представители частного сектора экономики отказывались критиковать правительственную политику, как бы абсурдна она ни была. Теперь стал возможен настоящий обмен мнениями.

И все же положение в Японии внушает мне опасения.

Если бы для решения макроэкономических проблем было достаточно благих намерений и энтузиазма, выздоровление экономики не заставило бы себя долго ждать. Премьер-министр Дзюньитиро Коидзуми занял свой пост на волне невиданной популярности, которую он использовал для введения в действие смелой программы «структурных реформ». И его рейтинг остается невероятно высоким, несмотря на его откровенное предупреждение о том, что его реформа, прежде чем дать какой-либо выигрыш, заставит Японию пережить несколько болезненных лет.

Но стоит задаться вопросом, что на самом деле означают ключевые слова «структурные реформы», как в душу вторгается сомнение.

Пока, кажется, смысл этой фразы заключен в двух проектах: заставить банки списать просроченные ссуды и сократить огромные программы общественных работ, которые уже много лет применяют для борьбы с безработицей.

Но это и является проблемой — явная и близкая опасность для японской экономики не в неэффективности, а в недостаточном спросе. То есть главная про-

блема не в том, что Японии недостаточно ресурсов, а в том, что она не справляется со своими ресурсами, не успевает их использовать. И план господина Коидзуми может еще углубить проблему. Когда банки лишат права выкупа залогов компании, которым никогда не выплатить свои долги, когда правительство прекратит строительство никому не нужных плотин и дорог, прямым результатом этого будет рост безработицы. При высоком экономическом росте рабочие руки, высвобождающиеся при банкротстве предприятий или закрытии общественных работ, быстро находят себе новое применение. Но в устойчиво депрессивной экономике безработные останутся безработными, а поскольку безработные покупают меньше товаров, экономическая депрессия увеличивается.

Каковы же перспективы оживления экономики? Я задал этот вопрос профессору Хейдзо Такенака, известному гуру от экономики, который — благодаря межотраслевым трансформациям, столь привычным для Америки, но невообразимым для Японии, — получил известность как архитектор экономических планов правительства Коидзуми. К чести своей, он не пытался затемнить вопрос. Он признал, что его план направлен главным образом на ресурсы — то есть предназначен повысить эффективность японской экономики, в то время как основная проблема лежит в области потребления — люди тратят слишком мало. Тем не менее он доказывал, что постепенно эти реформы приведут и к увеличению спроса. Когда потребитель увидит улучшение долговременных перспектив экономики, он, по мнению профессора, развяжет кошелек. Он доказывал также, что дальнейшие структурные реформы — главным образом в направлении снижения централизованного управления и роста приватизации — предоставят новые

возможности для предпринимательства и таким образом прищпорят инвестирование.

Что ж, может, и так. Однако этот план представляется прыжком в темноте, наугад — радикальные меры применяются потому, что они, возможно, сработают, а не в твердой уверенности, что они возымеют действие. Шансы этого проекта на успех были бы значительно выше, если бы его столь же решительно поддержал Банк Японии, контролирующий денежную политику. Однако взгляды представителей этого банка, кажется, противоположны взглядам мистера Коидзуми: они не намерены предпринимать действий, пока не будет уверенности, что таковые сработают.

Итак, добьется ли успеха господин Коидзуми? Надеюсь, что да, но, как я уже сказал, у меня на этот счет дурные предчувствия. Правительство Японии, кажется, действует под девизом: «реформы или провал». Однако боюсь, что в результате выйдет «и реформы, и провал».

---

НЕ СПРАШИВАЙТЕ АЛАНА

---

6 АВГУСТА 2000 ГОДА

На сцене представление идет без сучка без задоринки. Однако за кулисами главный экономический советник Джорджа У. Буша основательно спутал свою роль. В среду «Financial Times» поместила интервью с Лоренсом Линдси, в котором бывший сотрудник Федеральной резервной системы много ссыался на свою связь с Аланом Гринспеном и едва ли не объявил, что мистер Гринспен одобряет экономическую программу мистера Буша. На следующий день мистер Линдси лихорадочно жал на «задний ход», разъясняя, что в действительности никогда не обсуждал эту программу с председателем правления ФРС и, далее, выразил мнение, что «в обязанности главы ФРС Гринспена не входит одобрение того или иного налогового плана, а также того или иного кандидата».

По-видимому, мистер Линдси — вероятно, несколько сбитый с толку аналитиками банка «Голдмен Сакс»<sup>1</sup> и другими, предупредивши-

---

<sup>1</sup> «Голдмен Сакс» — нью-йоркский банковский дом и инвестиционная компания. 9 октября 2001 г. пять аналитиков «Голдмен Сакс» опубликовали сообщение, в котором охарактери-

ми его, что предполагаемое мистером Бушем снижение налогов повлечет рост процентной ставки, — просто оговорился. Надо надеяться, в дальнейшем республиканцы будут защищать свой план, ссылаясь на его достоинства, — а в случае с социальным обеспечением начав с того, что объяснят, в чем, собственно, этот план состоит, — вместо того чтобы уверять нас: мол, все в порядке, раз дядя Алан не против. Однако в этой истории кроется больше, чем простая оговорка мистера Линдси. На мой взгляд, мы в последнее время слышим слишком много ссылок на мнение мистера Гринспена.

Как-никак, положение мистера Гринспена требует немалой скромности, так как степень автономии, которой он обладает, необычна для демократического общества в целом. Ни Конгресс, ни президент не могут предписывать мистеру Гринспену, как ему поступать: он власть в себе.

Для такого особого положения есть основательные причины. Контроль над денежно-кредитной политикой создает для политиков опасные искушения — например, подкачать экономику перед самыми выборами. Чтобы защититься от подобных искушений, даже те страны, где центральный банк прежде находился в распоряжении министерства финансов, как в Британии или Японии, предпочли (получив жестокий урок) сделать орган, определяющий денежно-кредитную политику, независимым.

И ни один центральный банк не оправдывал предоставленную ему независимость так достойно, как наша

---

зовали компанию «Энрон» как «лучшую из лучших» и настоятельно повторили свои рекомендации, согласно которым ожидалось, что их акции «резко поднимутся в ближайшие месяцы». В конце 2001 года крупнейшая американская энергетическая компания «Энрон» обанкротилась.



ФРС. Мистеру Гринспену посчастливилось управлять им в тот период, когда в экономике США все шло хорошо, но он сумел отлично воспользоваться этой удачей, сумев сохранить экономический рост без увеличения инфляции. Кроме того, дважды — в 1987 и в 1998 годах — он сумел успокоить рынок в такое время, когда финансовый крах казался неизбежным. Неудивительно, что к его мнению по многим вопросам внимательно прислушиваются.

Однако в том-то и беда — чиновникам ФРС, раз уж она не подлежит обычному политическому контролю, следует тщательно воздерживаться от участия в политике — прежде всего в собственных интересах. Всякое случается — можно поспорить, что рано или поздно ФРС, под управлением мистера Гринспена или другого председателя правления, совершит серьезный промах. Если на нее будут смотреть как на учреждение, занимающееся исключительно своим делом, этот промах простят. Но если Федеральную резервную систему начнут воспринимать как участницу политических игр, стремящуюся влиять на дела, совершенно ее не касающиеся, трудно будет ответить на вопрос: «Кто их выбирал?»

Поэтому мне беспокоит, когда я вижу, что мистера Гринспена впутывают в дела, далеко выходящие из круга его обязанностей. Например, с какой стати он высказывается в пользу нормальных торговых отношений с Китаем? Между прочим, я согласен с ним в этом вопросе, однако торговые отношения не имеют отношения к денежно-кредитной политике, и ему не следовало бы их касаться.

Да и реакция на неудачное высказывание мистера Линдси была не лучшей. По заявлению представителя мистера Гринспена, он «отдает предпочтение высоко-

му или растущему положительному бюджету», но «если защитить избыточную часть бюджета не удастся, он предпочтет, чтобы эти суммы были истрачены на снижение налогов, а не на требующие расходов проекты».

Кажется, с первой частью этого заявления все в порядке, поскольку денежно-кредитная и фискальная политика взаимозависимы. Но решение, куда тратить избыток бюджета — на снижение налогов или на увеличение благосостояния: отменить налог на недвижимость или обеспечить бесплатные лекарства пожилым людям? — это, конечно, должны решать избиратели, а не неизбираемый финансист-технократ.

Если и когда мистер Гринспен станет частным лицом, его взгляды по этим вопросам будут выслушаны с законным интересом. Но как главе ФРС ему следовало бы быть осторожнее: он должен избегать любого намека на то, что он выходит за пределы своих полномочий.

---

## ОДИННАДЦАТЫЙ РАЗ: ПОДСЧИТАЕМ

---

14 ДЕКАБРЯ 2001 ГОДА

Неприятно, но никуда не денешься: всего месяц назад Институт Джеймса А. Бейкера наградил Алана Гринспена «энроновской премией»<sup>1</sup>. Я не предполагаю ничего неприличного: это всего лишь еще один признак того,

---

<sup>1</sup> Выступая в Хьюстоне в ноябре 2001 года, А. Гринспен заявил: «Новые инвестиции в капитальные активы, в частности в продукты высоких технологий, в скором времени возобновятся». Сразу после этого выступления председатель ФРС благодушно принял награду «За отличие в служении обществу», одним из главных спонсоров которой был только что разорившийся энергетический гигант «Энрон».

насколько глубоко обанкротившаяся энергетическая компания была связана с нашей правящей элитой.

И все же мистер Гринспен тоже оказался в главе одиннадцатой как великий конспиратор. Ведь ФРС уже в одиннадцать раз срезала ставки рефинансирования, а результата так и не видно. Что же происходит?

Один из возможных ответов — что-то неладно с финансовым «механизмом передачи», который обычно связывает действия ФРС с реальной экономикой. А среди людей, испортивших привод, сам мистер Гринспен.

Прямая власть ФРС над экономикой на самом деле более ограничена, чем принято считать. Часто говорят, что ФРС определяет процентную ставку, но в действительности она определяет только процентную ставку вообще, на всем государственном фондовом рынке. А эта процентная ставка сама по себе играет очень небольшую роль в экономике.

Однако обычно падение объемов ставки федерального резерва косвенно влияет на значимые финансовые «переменные»: оно ведет к повышению курса акций, ослабляет доллар и — прежде всего — снижает долговременные ссудные проценты. Экономисты «Голдмен Сакс» включили все эти переменные в «индекс финансовых условий», который, как они показали, до сих пор выступал хорошим показателем будущих перемен в экономике.

Основываясь на прошлом опыте, вы могли бы ожидать, что драматическое снижение объема федерального резерва с января этого года приведет к снижению «индекса Голдмен Сакс» примерно на пять пунктов — что вполне могло обеспечить «ревуший 2002». На деле, однако, индекс упал всего на полпункта, главным образом потому, что долговременные проценты вовсе не снизились. Иными словами, федеральный резерв ничего не заработал. Отчего?

Отчасти объяснение кроется в оптимизме, который подпитывает сам себя. Владельцы облигаций вопреки очевидности продолжают считать мистера Гринспена волшебником и ждут, что он вот-вот наколдует новый потрясающий бум и затем поднимет проценты, чтобы охладить раскаленную докрасна экономику. Ирония в том, что само это убеждение помогает сохранить высокую долговременную процентную ставку и тем предотвращает неизбежность подобного бума.

Затем, существует федеральный бюджет. Всего несколько месяцев назад нас ослеплял проект огромного бюджетного избытка — денег было достаточно, уверяло правительство Буша, чтобы провести большое снижение налогов и притом выплатить государственный долг. Однако во вторник Пол О'Нил скромно просит Конгресс поднять потолок государственного долга, чего, по его прежним заверениям, не должно было понадобиться до 2008 года.

Повлияло ли неожиданное возвращение к дефицитному бюджету на долговременную процентную ставку? Разумеется, повлияло. Всего несколько месяцев назад все ожидали, что федеральное правительство выплатит свои долги и тем самым резко уменьшит выпуск облигаций, а теперь оно, наоборот, снова одалживает деньги. Это неизбежно снижает цены на облигации, а это равносильно увеличению долговременной процентной ставки. Так что среди проблем мистера Гринспена и быстрое удешевление государственных финансов. (Перевесит ли отрицательное влияние снижения налогов на экономику — через влияние на ссудные проценты — положительный эффект от роста потребления? По всем разумным оценкам — да.)

Мистер Гринспен, стало быть, оказался не в состоянии влиять на экономику настолько успешно, как все ожидали. И отчасти это его вина. Ведь он сам приложил

немало усилий к созданию мистических взглядов, которые теперь оказываются помехой. И не будем забывать, что он сам решительно выступал за снижение налогов в январе, убеждая Конгресс предотвратить представлявшееся ему тогда наибольшим риском — слишком высокий избыток в бюджете и, соответственно, слишком быстро выплачиваемый государственный долг.

Возможно, пошло бы на пользу делу, если бы мистер Гринспен высказал сейчас какие-либо соображения, приглушившие веру во внезапный переворот в экономике. Было бы еще более полезно, если бы он признал, хотя бы косвенно, что в январе дал Конгрессу неудачный совет: такое признание помогло бы подготовить почву для предстоящего поворота к фискальной ответственности. Однако глава ФРС, который весьма охотно вмешивался в налоговую политику, когда это шло на пользу администрации Буша, теперь хранит необъяснимое молчание о том, каким образом проект избыточного бюджета оказался ненаучной фантастикой.

Может быть, мистер Гринспен заслуживает-таки «энроновской премии».

---

## СТАДО НА УЛИЦЕ

---

30 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

В пятницу министерство торговли объявило, что в первом квартале 2002 года наблюдался экономический рост на 5,8 процента. Индекс Доу-Джонса немедленно упал ниже 10 000, превратив эту неделю на рынке акций в худшую с 11 сентября. И вчера курс акций снова упал.

Что происходит? Может быть, рынок напуган теми преднамеренными утечками информации об атаке на

Ирак, которые все считают дымовой завесой, но никто не знает точно, что она должна скрывать? Или, может быть, не стоит обращать внимание на индекс Доу-Джонса: ведь старая поговорка утверждает, что рынок акций предсказал девять из пяти последних спадов? Однако по-прежнему справедливо, что цифры, когда к ним приглядишься как следует, сильно разочаровывают. Как может разочаровывать 5,8-процентный рост? Потерпите, если я приведу несколько примеров из учебника. Это не вредно (как правило).

Представим себе компанию, которая производит «штуковины». (Компании в подобных примерах всегда производят «штуковины».) Как правило, она продает 100 штуквин в месяц. Компания эта стремится держать на складах месячный запас, 100 штуквин. Но по каким-то причинам сбыт упал до 90 в месяц. И только через месяц компания осознает, что произошло.

К концу месяца компания, произведя 100 штуквин, продала только 90, и на складах у нее оказывается 110 штуквин, а востребованы всего 90. Чтобы предотвратить затоваривание, она может снизить производство в следующем месяце до 70, а затем вернуться к 90. Однако если сбыт не возрастет снова, производство уже не вернется к прежнему уровню.

Что верно для рынка «штуковин», верно и для экономики в целом. Если спрос падает, запасы на складах увеличиваются и производство резко сокращается, чтобы избавить предприятия от излишков. Затем, когда излишки распроданы, происходит «складской скачок». Но этот скачок не обязательно означает истинное восстановление — для этого потребовалось бы восстановить прежний уровень сбыта.

Так вот, более половины этого 5,8-процентного роста составлял «складской скачок». Уровень окончатель-

ного сбыта вырос в действительности только на 2,6 процента — меньше, чем в предыдущем квартале. И даже такая скорость роста не обязательно сохранится: жилищное строительство стремительно ускоряется, отчасти из-за необычно теплой погоды, но уже появились признаки охлаждения жилищного рынка. Между тем капиталовложения предприятий, под тяжестью избыточных мощностей и малой прибыльности, идут на спад. Короче говоря, данные никак не предполагают близости серьезного бума.

Это не должно было вызвать удивления — однако вызвало, потому что большая часть прогнозистов занимались нагнетанием восторгов. Как высказался в «Barron» Алан Абельсон: «Мы оказались сегодня... не там, где должны были оказаться к началу года, по принятому среди наших мудрецов мнению. Экономисты предполагали, что за великолепным штормом должна последовать тишь да гладь»

Я никогда не мог понять, на чем основывалось это общепринятое мнение. Экономисты с Уолл-стрит заверяли нас, что бизнес-инвестиции обязаны возрасти, однако руководители корпораций — те, кто на самом деле определяет инвестиционную политику, — неизменно оказывались значительно большими пессимистами, нежели прогнозисты. Ну да разве они понимают?

Однако же экономисты оказались тогда под сильным давлением, принуждавшим их не выбиваться из стада «быков».

Тех, кто скептически относился к перспективам экономического чуда, высмеивали, если не подвергали остракизму. Стивен С. Роч, ведущий экономист из «Морган Стэнли», бывший одиноким скептиком в дни, когда NASDAQ перешел отметку 5000, и сейчас является одним из немногих экономических прогнозистов, осмели-

вающихся отрицать ортодоксальные взгляды, и подписывает свои ко мне электронные сообщения: «из глуши».

Разумеется, еще остается возможность, что пророки бума будут отомщены. Но я бы сказал, столь же вероятно, что оживление экономики забуксует. Прямо сейчас я бы поставил с наибольшей уверенностью на вариант «восстановления на фоне безработицы», при котором ВВП растет, но уровень безработицы не падает. Как-никак, скорость роста должна увеличиться не менее чем на 3,5 процента только для того, чтобы предотвратить рост безработицы, — а существует равная вероятность, что скорость роста будет ниже этой отметки.

Забавно, что медленное «восстановление на фоне безработицы» (и на фоне бесприбыльности) — это именно то, что давно предсказывали уравновешенные люди, например экономисты ФРС. Каким же образом гораздо более крайние «бычьи» взгляды оказались не просто преобладающими, но и более или менее обязательными на Уолл-стрит? Как случилось, что под хлопки лопнувших пузырей к власти снова пришли безумные оптимисты? Похоже, что шарлатанство вечно в цвету!

---

## ЖИЗНЬ С «МЕДВЕДЯМИ»

---

23 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

Похоже, что авторы книги «Доу 36 000» — помните такую? — вставили в заголовок лишний знак. Будем надеяться, что лишней была тройка, а не ноль.

С рынком повышения покончено. В самом деле, если измерять уровень инфляции через S&P 500 — гораздо более надежный показатель, чем слишком часто используемый индекс Доу-Джонса, — он уже дошел до



уровня 1996 года, в котором Алан Гринспен произнес свою знаменитую речь об «иррациональном изобилии». Что же следует делать уполномоченным должностным лицам — мистеру А. Гринспену, Джорджу У. Бушу и мистеру Кто-там-у-нас-министр-финансов?

Для начала неплохо было бы прекратить расхваливать рынок как неподражаемую фундаментальную силу экономики. Прежде всего, от таких разговоров несет отчаянием. И еще, курс акций все еще завышен по сравнению с прибыльностью. И самое важное — не все фундаментальное на самом деле так уж великолепно. Правление корпораций внушает все больше сомнений. Государство и местные власти оказались в ужасном финансовом кризисе. И еще до внезапного обвала рынка данные указывали не на бум, а на медленное «восстановление на фоне безработицы», при котором подъем экономики идет слишком медленно, чтобы существенно снизить уровень безработицы.

В самом деле, сообщение, подготовленное в поддержку последнего выступления мистера Гринспена, не обещает значительного снижения уровня безработицы в этом году и говорит лишь о небольшом снижении в будущем. Причем падение рынка внушает опасения, что даже этот прогноз слишком оптимистичен.

Учитывая весьма сомнительное состояние экономики, не следует ли мистеру Гринспену серьезно задуматься о новом снижении процентной ставки? Правда, она и так уже сильно снижена. Но опыт Япо́нии учит, что, рискуя попасть в капкан дефляции (обвала цен) — а этот сценарий уже не кажется столь невероятным, как несколько месяцев назад, — нет смысла заботиться о «сохранении боеприпасов», оставляя в резерве только возможность срезать процентную ставку. Начинать бороться с дефляцией следует прежде, чем она внедрилась в национальную психологию

Правда, ФРС опасалась, что новое снижение вызовет панику на рынке. Но теперь паника возникла сама собой, так что терять уже нечего.

А что прочие правительственные структуры? Реформа корпораций назрела: если инвесторов не убедят, что с ними обходятся честно, они заберут свои денежки и разойдутся по домам. Но нельзя рассчитывать, что реформа обеспечит немедленный рывок экономики; доверие, единожды потерянное, не восстанавливается в одночасье. Что же еще может сделать правительство?

Давайте позабудем о политике и рассмотрим ситуацию беспристрастно. С одной стороны, отчасти благодаря прекращению игры на повышение на рынке, долговременные перспективы государственного бюджета ухудшились настолько, что превзошли предсказания самых безнадежных пессимистов (подобных вашему покорному слуге...). Согласно реалистичному прогнозу, нас ждет дефицитное десятилетие, в котором неизбежно возникнут серьезные проблемы с социальным обеспечением и медицинским страхованием.

С другой стороны, пока восстановление идет еще неуверенно, не время вводить режим строгой финансовой экономии — если на то пошло, именно сейчас федеральному правительству следовало бы подкачивать в экономику больше средств.

Напрашивающееся решение этой дилеммы — сейчас отпустить поводья, но подготовиться натянуть их снова, едва экономика полностью оправится. Например, администрация Буша могла бы немедленно оказать помощь местным властям, чтобы избежать резкого (и болезненного) сокращения социальных программ. В то же время, чтобы смягчить беспокойство по поводу долгосрочной финансовой политики, оно могло бы не вводить в действие снижение налогов, узаконенное тог-

да, когда в наших головах еще царило видение шоколадных дворцов избыточного бюджета.

И... если администрация пойдет на эти ответственные действия, мы увидим в небе над Вашингтоном парящие запеченные окорока.

Взгляните на это таким образом: экономическая программа администрации Буша не претерпела значительных изменений с осени 1999 г., когда она была представлена, чтобы победить Стива Форбса. В то время, когда было объявлено о введении узаконенного позднее снижения налогов, книга «Доу 36 000» возглавляла списки бестселлеров. С тех пор экономические условия полностью изменились, но планы администрации не изменились ни на йоту.

Наши экономические проблемы реальны, но не грозят катастрофой. Пугает меня полное отсутствие гибкости у людей, которым предстоит решать эти проблемы.

---

## W-ОБРАЗНЫЙ «ВТОРИЧНЫЙ СКАЧОК»

---

2 АВГУСТА 2002 ГОДА

Если бы по истории современной экономики США сняли фильм, он бы напоминал «55 дней в Пекине». Случайная компания обычных людей — американских потребителей — осаждается воинственными толпами, силами рецессии (экономического спада). К общему изумлению, горстке бедолаг удастся сдерживать натиск.

Но они не в состоянии держаться до бесконечности. Подоспеет ли помощь — оживление капиталовложений — вовремя?

Такого рода сценарии всегда держат зрителя в напряжении. Осажденная крепость отражает атаку за ата-

кой, но спасение все медлит и медлит. Так все выглядит и в жизни. Потребители продолжали расходовать средства, когда лопнул пузырь Интернета, продолжали, несмотря на атаки террористов. Воспользовавшись снижением процентной ставки, они брали жилищные кредиты и тратили деньги в торговых центрах.

Но предсказания скорого оживления капиталовложений в предприятия оказались преждевременными. Большая часть предприятий не торопится с новыми затратами. А тех, кто мог бы снова начать инвестиции, удерживают соскальзывание курса акций, расширение выпуска облигаций и новые разоблачения скандалов в корпорациях.

Придет ли помощь в последний момент? Не обязательно. Возможно, это окажется сценарием другого фильма. Например: «Мост слишком далеко».

Несколько месяцев назад большинство экономистов, занимающихся бизнесом, смеялись над тревогами тех, кто считал, что за обвалом может последовать «вторичный скачок», являющийся лишь продолжением обвала. Однако нашлось несколько стойких иконоборцев, среди которых наиболее известен Стивен Роч из «Морган Стэнли». Как я не раз повторял в своей рубрике, аргументы опасавшихся «вторичного скачка» звучали очень серьезно. И сейчас их версия приобретает еще большее правдоподобие.

Суть дела в том, что рецессия 2001 года не была типичным послевоенным спадом, возникающим, когда правительство для борьбы с инфляцией поднимает процентную ставку. Такой спад быстро прекращается увеличением спроса на жилье и потребительские товары, едва ФРС снова снизит учетную ставку. Этот же спад относился к типу предвоенного, которые представляют собой завтрашний день «иррационального изоби-

лия». Для прекращения такого спада недостаточно своевременного отступления ФРС. Понадобился бы резкий взлет потребительских расходов, чтобы скомпенсировать умирающие бизнес-инвестиции. А для этого, как пишет Пол Маккалли из инвестиционного фонда «Pacific Investment Management Co» (ПИМКО), Алану Гринспену пришлось бы создать вместо раздутого индекса NASDAQ пузырь потребительских затрат.

Судя по чрезвычайно жизнерадостным последним выступлениям мистера Гринспена, он все еще верит, что это возможно. Однако магический кристалл директора ФРС в последнее время что-то замутился: помните, как он уговаривал Конгресс срезать налоги, чтобы избежать риска излишне избыточного бюджета? А трезвая оценка последних показателей не радует.

На первый взгляд резкое падение экономического роста от пяти процентов в первом квартале до одного во втором неприятно. На второй взгляд это гораздо хуже. Даже в первом квартале инвестиции и потребительские затраты шли довольно лениво: большая часть роста обеспечивалась тем, что предприятия избавлялись от складских излишков. Во втором квартале весь рост шел за счет складов: потребительский спрос на самом деле упал. И последнее время соломинки, летящие по ветру, вроде торгового оборота, которые часто предупреждают о грядущих переменах в официальной статистике, летят не в ту сторону.

Несмотря на дурные вести, большинство комментаторов, подобно мистеру Гринспену, сохраняют оптимизм. Надо ли им верить?

Имейте в виду, что экономические прогнозисты находятся под сильным давлением со стороны запевал в хоре. «Признаться, меня поражает злоба, которую все еще вызывает мое предупреждение о “вторичном скач-

ке"», — пишет во вчерашнем Интернет-обращении мистер Роч (cbsmarketwatch.com). Всегда следует помнить, что Уолл-стрит представляет главным образом продающую сторону.

Не забывайте также, что для правительства выгодно подчеркивать позитивные стороны. Администрация нуждается в восстановлении, потому что при растущем дефиците снижение налогов можно оправдать, только притворившись, что это именно то, в чем нуждалась экономика. А мистеру Гринспену оно необходимо, чтобы избежать неловких вопросов о его роли в создании рыночного пузыря.

Однако если не принимать желаемое за действительное, я просто не понимаю, где берутся основания для оптимизма. Кто именно собирается сильно увеличить свои затраты? В данный момент гораздо легче представить буксующее, чем набирающее скорость восстановление. И хотя я не меньше вас люблю кино со счастливым концом, сценарий должен быть хоть немного реалистичен.

---

## НЕ ЗАБУДЬТЕ О РАЗРЫВЕ

---

16 АВГУСТА 2002 ГОДА

Насколько упал объем экономики Японии с тех пор, как там лопнул пузырь? Некорректный вопрос: он вовсе не упал. Было только два года спада относительно прошлого десятилетия, а в среднем он возрастал на 1 процент в год.

Тем не менее экономика Японии — настоящая депрессивная экономика. Из-за столь медленного роста возникает постоянно расширяющийся разрыв между

тем, что могла бы производить экономика, и тем, что она производит в действительности. Этот «разрыв в производительности» переходит в рост безработицы и ускорение дефляции. Медленный рост может создавать столь же серьезные проблемы, как и действительный спад производства.

А теперь корректный вопрос: что говорит подобный анализ в отношении Соединенных Штатов?

«Производственный потенциал» экономики США — то, что она могла бы производить при полной рабочей занятости, — рос в последнее время примерно на 3,5% в год, благодаря рывку производительности с середины девяностых годов. Но, в соответствии с пересмотренными данными, опубликованными пару недель назад, действительный рост отставал от потенциального на протяжении семи из восьми последних кварталов.

Принято считать, что в прошлом году мы пережили небольшую короткую рецессию и что восстановление уже началось. Но разрыв между потенциальной и действительной производительностью подсказывает другой вывод: два года назад мы вошли в стадию экономического упадка, и она еще не миновала. В каком-то смысле все споры о «вторичном скачке» только сбивают с толку: суть вопроса в том, когда начнется рост ВВП достаточно быстрый, чтобы сократить этот разрыв. И пока нет признаков, что это время близко.

Причины нынешнего упадка у всех на виду: период пузырей оставил после себя слишком большие производственные мощности, слишком много долгов и длинный хвост деловых скандалов. Не следовало ожидать быстрого и легкого выздоровления — мы его и не получили. Кое-кто из читателей уже догадался, к чему я веду. Американские акции второй половины девяностых годов были раздуты не меньше, чем японские во

второй половине восьмидесятых. Не превратится ли у нас двухлетний упадок в пяти- или десятилетний, как в Японии?

Громкий хор голосов уже выкрикивает: «Мы — не Япония!» В половине случаев — в зависимости от съеденного на завтрак (не рис ли с пикунками?) — я готов присоединиться к этому хору. Но позвольте мне поделиться некоторыми тревожными мыслями.

Когда я профессионально заинтересовался японскими проблемами — около четырех лет назад, — я составил для себя мысленный список причин, по которым десятилетие застоя в Японии не могло повториться в США. Список выглядел так:

1. ФРС имеет большой запас возможности снижать процентную ставку, и этого должно хватить для борьбы с любыми непредвиденными обстоятельствами.

2. Долгосрочный бюджет США настолько прочен, что даже если снижение процентной ставки окажется недостаточным (вероятность этого мала), то возможна финансовая стимуляция экономики.

3. Нам не приходится беспокоиться о потере доверия к нашему деловому сектору, каковая потеря случается в Азии, так как наши корпорации находятся под отличным управлением.

4. Возможно, курс наших акций и раздут, но с недвижимостью все в порядке.

Теперь я вынужден вычеркнуть первые три пункта своего списка и не уверен насчет четвертого. Все больше и больше народу нехорошо отзывается о рынке жилья. Недавний анализ, сделанный Дином Бэйкером, содиректором Центра экономических и политических исследований, показывает убедительную картину раздувания рынка жилья. Цены на жилье растут быстрее, чем выплаты жилищных кредитов, что позволяет сделать



выводы о все более частых покупках домов для спекуляции, а не под жилье. А доводы, призванные оправдать рост этих цен, все больше напоминают оправдания отметки 5000 для индекса NASDAQ.

Если пузырь на рынке жилья, весьма вероятный сегодня, лопнет, мы станем самым неуютным образом напоминать Японию.

Последний анализ ФРС показывает, что основной ошибкой Японии в 1990-х годах было «не то, что лица, определяющие политику, не предвидели приближения рывка дефляции (обвала цен) — в конце концов, его не предвидели и большинство прогнозистов, — а то, что они недостаточно застраховались от сопутствующих рисков при дальнейшем освобождении денежно-кредитной политики». На простом языке это означает: «Если вы хотя бы допускаете возможность дефляции, вкладывайте деньги в экономику, не откладывая, и не бойтесь переложить».

Но при этом во вторник ФРС отказалась снижать проценты. Почему?

В последние годы кое-кто из экономистов в частном порядке именовал директора ФРС «Гринспен-сан». Шутка угасла, когда оптимизм по поводу восстановления экономики стал общеобязательным. Однако, может быть, прозвище все же было дано не зря?

---

## ПЕРЕВОДИМ СТРЕЛКИ

---

3 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

Где-то я читал о конференции по оптимальному экономическому планированию, состоявшейся незадолго до развала коммунистической системы. Советский деле-

гат объявил, что органы планирования всегда делают все возможное при данных обстоятельствах. Следовательно, советское планирование — всегда оптимально.

Тот госплановец отлично сошелся бы с Аланом Гринспеном. Мистер Гринспен отказывается от всякой ответственности за раздувание огромного пузыря акций, лопнувшего при его правлении: его политика была верной, говорит он, так как он сделал все, что мог. В своей основополагающей речи на конференции в г. Джексон-Холл (Вайоминг), состоявшейся на прошлой неделе, мистер Гринспен приводит два оправдывающих обстоятельства. Во-первых, заявляет он, даже во время безумного взлета акций в 1999 году не было абсолютно ясно, что что-то не так. «Было трудно определить существование пузыря, которое стало очевидным только постфактум — то есть когда он лопнул, доказав тем самым, что существовал». Во-вторых, он заявляет, что ФРС в любом случае была бессильна что-либо сделать. «Существует ли способ хотя бы ограничить размеры пузыря и, таким образом, уменьшить его разрушительные последствия?.. Ответ, кажется, отрицательный».

Не только мне эта речь кажется неприятно уклончивой. Как заметила «Financial Times», определяя политику, всегда приходится основываться на недостаточной информации. «Вся масса документов, собранных центральным банком, не дает исчерпывающей достоверной картины». Редакционная статья также напоминает читателям, что хотя ныне мистер Гринспен может изображать из себя скептического, но беспомощного наблюдателя, в годы вздувания рынка многим он представлялся запевалой в восторженном хоре. «Председатель правления ФРС... в конце девяностых, возможно, внес немалый вклад во взрывной рост курса своими за-

мечаниями, направленными на еще большее его, курса, повышение».

Более того, по некоторым признакам, мистер Гринспен на самом деле знал, что происходит. В сентябре 1996-го на заседании Федерального комитета по операциям на открытом рынке он сказал своим коллегам: «Мне представляется, что мы имеем сейчас дело с проблемой пузыря рынка акций». И он знал решение проблемы: «У нас есть сейчас возможность... увеличить маржевые требования. Гарантирую, что этого окажется достаточно, если вы хотите избавиться от пузыря».

Однако он так и не поднял маржевые требования, что вынудило бы инвесторов платить за покупку акций больше наличных. В действительности, если не считать одной речи о неоправданном повышении, за которой последовало небольшое повышение процентов федеральных фондов, мистер Гринспен не сделал вообще ничего. Сейчас он говорит, что больше ничего и не мог сделать, но откуда это известно, если он даже не пытался? Есть подозрение, что в действительности произошло следующее: в начале 1997 года мистер Гринспен обнаружил, что его слабые попытки сдуть раздувающийся пузырь привели инвесторов в ярость, и струсил.

Более того, он начал произносить восторженные речи о чудесах «новой экономики». Несомненно, он должен был понимать, что эти речи воспринимаются инвесторами как отказ от его прежних предостережений, как знак, что взлетающий курс акций оказался все-таки оправданным.

Однако важнее всего в речи мистера Гринспена не его оправдания прошлого, но взгляды на будущее.

Видите ли, нашу политику определяет только один человек — мистер Гринспен. Налоговая политика прак-

тически отсутствует, отчасти из-за долговременного дефицита, который углубил своими дурными советами сам мистер Гринспен. Забавно, что он не был уверен, что отметка индекса NASDAQ 5000 означает пузырь, зато верил, что проект десятилетнего избыточного бюджета достаточно надежен для оправдания большого снижения налогов. Как бы то ни было, серьезные налоговые акции исключены из-за неистощимого оптимизма администрации Буша. Каждое предложение быстродействующих экономических стимулов превращается в попытку ввести постоянную налоговую скидку для корпораций и богатых. Так что если восстановление будет по-прежнему буксовать, то ФРС держит дело в своих руках.

Однако замечания мистера Гринспена усилили опасения, которые я испытывал последние месяцы, — что представители ФРС ответят на продолжающееся ослабление экономики не делом, а оправданиями.

Мы слишком хорошо видели, как это происходило в Японии. Сначала чиновники центрального государственного банка Японии утверждали, что борьба с застоем в экономике не входит в их обязанности: они, по их словам, уполномочены были только обеспечивать стабильность цен. Потом, когда инфляция сменилась дефляцией — падением цен, — они уже не отвечали и за цены. Иными словами, вместо того чтобы попытаться решить японские проблемы, хотя бы и неудачно, банк постоянно менял определение своих обязанностей так, чтобы избежать даже попыток.

Я никогда не предполагал, что ФРС пойдет по тому же пути. Однако, послушав, как мистер Гринспен объясняет, что он не мог того и не обязан был сего, я начал задумываться.

## БОМБЫ И АКЦИИ

13 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

«Вот каково положение на рынке акций — не исправит ли его война?» — такая подпись к карикатуре появилась в прошлом месяце в «The New Yorker». Однако в наше время действительность иногда обгоняет измышления сатириков. Еще в июне обозреватель канала «CNBC» Ларри Кудлоу опубликовал в «The Washington Post» статью под названием: «Отбить рынок силой». Он доказывал, что вторжение в Ирак поможет поднять индекс Доу-Джонса.

Потрясающая мысль, однако не столь потрясающая, как июльская статья Джона Подгореца в «The New York Times», озаглавленная: «Прошу, октябрьский сюрприз», с подзаголовком: «Давайте, мистер президент, дерните пса за хвост».

Вообще говоря, дурная примета, когда защитники тех или иных политических решений уверяют, что с их помощью разрешат проблемы, не имеющие отношения к основной цели. Изменение предлогов для введенного Бушем снижения налогов — «это чтобы избавиться от избытка в бюджете; нет, это чтобы повысить спрос; нет, это чтобы поддержать предложение» — должно было убедить нас, что происходит подбор оправданий для навязчивой идеи.

Меняющиеся оправдания необходимости войны с Ираком — Саддам стоял за терактом 11 сентября и вспышками сибирской язвы; нет, он вот-вот начнет производство ядерного оружия; нет, просто он нехороший человек (что чистая правда) — внушают сходные чувства.

Идея о том, что война полезна для экономики, кажется следующим шагом в том же направлении. Однако приходится признать, что иногда война положительно сказывается на экономике. В частности, никто не станет отрицать, что Вторая мировая война вытащила США из Великой депрессии. А сегодня экономика США хотя и не в депрессии, но явно нуждается в помощи; последние данные показывают, что восстановление идет так медленно и неровно, что скорее напоминает продолжение спада. Так, может быть, война поможет решить проблему?

Нет, Вторая мировая война очень неудачная модель для предсказания экономических последствий новой войны в Персидском заливе. Такая война скорее ослабит, чем поможет стимулировать нашу неустойчивую экономику.

Военные расходы несколько не напоминают волшебную палочку: они дают не бóльшую экономическую стимуляцию, чем любые другие расходы — скажем, на борьбу с токсичными отходами.

Вторая мировая дала результат, которого не мог добиться «новый курс», просто потому, что устранила обычные сдерживающие факторы. До Перл-Харбора Рузвельт не мог решиться и добиться законодательного принятия по-настоящему масштабной программы стимулирования экономики. Война же не только дала возможность, но и заставила правительство пойти на невероятные до того затраты, чтобы впервые с 1929 года добиться полной занятости.

Однако сейчас Конгресс, напротив, готов на большие затраты для решения внутренних проблем: если администрация желает подкачать средства в экономику, ей стоит только отказаться от ее собственных возражений против расходов на помощь фермерам при

засухе и поставки новых систем связи для пожарных. Иными словами, если экономика и нуждается в крупном вливании федеральных финансов, то ни она сама, ни политика все-таки не требуют, чтобы такая подкачка шла в форме войны.

И в любом случае, неизвестно, много ли стимулов создаст война. Предполагается, что необходимая техника уже готова, так что новых военных заказов не будет. Потребуются расходы на поддержание мира — не так ли? — но они растянутся на много лет.

Между тем существует потенциальная опасность для экономики, которую можно выразить в одном слове — нефть.

Сам Ирак поставляет на мировой рынок так мало нефти, что прекращение этих поставок в военное время будет едва заметно. Однако ни арабо-израильская война 1973 года, ни революция в Иране в 1979-м прямо не влияли на производство нефти. Цены на топливо взлетели из-за побочных политических последствий этих конфликтов. И на этот раз арабские лидеры предупреждают, что вторжение в Ирак откроет «ворота ада». Это не предвещает ничего хорошего для рынка нефти.

Стоит вспомнить, что за каждым нефтяным кризисом семидесятых годов следовал серьезный спад — и что спад последовал даже за более умеренным подъемом цен на нефть перед войной в Заливе. Может ли подъем цен на нефть-сырец подорвать наш слабый экономический рост и создать новый спад? Да.

Ни одно из этих соображений не должно удерживать нас от вторжения в Ирак, если администрация убедительно докажет, что этого требует национальная безопасность. Но глупо и опасно закрывать глаза на потенциальные экономические последствия войны, и тем более объявлять, что она полезна для экономики.

---

НЕДАЛЬНОВИДНОСТЬ

---

20 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

Так кончается подъем — не взлетом, а хныканьем.

Да, возможно, я ошибаюсь. Объем производства снижается, и еще более сокращается занятость. Но еще нет уверенности, что оставшиеся месяцы будут настолько плохи, чтобы рефери делового цикла объявили возвращение спада. Опять же, администрация, кажется, решительно настроена добиться взлета до наступления 5 ноября<sup>1</sup>.

Но на сегодняшний день экономика явно забуксовала, и похоже, что никто не знает, что с этим делать. Короче говоря, точь-в-точь как в начале девяностых.

Не важно, называть ли происходящее медленным ростом или спадом. Большинству людей безразлично, будет ли ВВП чуть больше или чуть меньше нуля. Им важно, сумеют ли они найти работу и сохранить ее. А ситуация на рынке труда все более отчаянная. 5,7 процента безработных — звучит не слишком страшно, однако все больше людей отказываются от поисков работы. Общие данные по количеству безработных не отражают увеличивающегося числа людей, которые совсем отчаялись, потому что не могли найти работы по шесть и более месяцев. И ситуация на рынке труда заметно повернула к худшему: за последние месяцы резко выросло количество людей, страхующихся от потери рабо-

---

<sup>1</sup> 5 ноября 2002 года были получены первые предварительные результаты промежуточных выборов в Конгресс США. Возглавляемая Бушем республиканская партия удержала контроль над Палатой представителей и завоевала большинство в Сенате.



ты, — а это ведущий показатель будущего уровня безработицы.

Если это и подъем, то для трудящихся он ничем не лучше продолжающегося спада. Центр бюджетных и политических приоритетов указывает, что по показателям сокращения рабочих мест и увеличения количества продолжительно безработных нынешнее замедление роста уже сравнялось с сильным спадом начала 1990-х.

Так что на самом деле повторяется начало девяностых. Сходство нынешнего состояния экономики с упадком, пережитым нами при первом Джордже Буше, больше, чем представляется большинству. В 1990 г., как и в 2001 г., экономика пошла на спад отчасти вследствие предшествовавших излишеств — хотя те жалкие старые скандалы с фальшивыми облигациями и спекуляцией недвижимостью кажутся пустяками в эпоху «Энрон» и «Тайко». В начале девяностых, как и сейчас, за спадом последовал «безработный рост», когда рос ВВП, но не росла занятость. И тогда, как и теперь, были сомнения, достаточно ли для поворота в экономике срезанной ФРС процентной ставки (хотя тогда мы еще не знали из опыта Японии, что в современном мире стала реально возможной «ловушка ликвидности», при которой даже нулевых ссудных процентов недостаточно для создания подъема в экономике).

Но самое разительное сходство с прошлым десятилетием представляет политика. При всех различиях между умеренным отцом и крайне консервативным сыном ключевые фигуры в нашей администрации и тогда абсолютно не интересовались экономической политикой и слабо в ней разбирались.

Это утверждение может показаться странным: разве снижение налогов, проведенное Джорджем У. Бушем, не было его основным достижением до выхода на сцену

Усамы Бен-Ладена? Но цели этого снижения налогов с самого начала не имели отношения к экономической политике: оно задумано было, как политический жест в соперничестве со Стивом Форбсом и для получения поддержки консерваторов. Только впоследствии администрация совершила эпохальное открытие, что снижение налога способно также бороться со спадом в экономике, упрочить семью и излечить от простуды.

И ничего нового, похоже, уже не будет, тем более что снижение налога, вовсе не предназначенное остановить спад, как и следовало ожидать, оказалось неспособно остановить спад. Когда министра финансов Пола О'Нила спросили, какие новые идеи были выдвинуты на забавном форуме в Уэко<sup>1</sup>, он ответил — приго-

---

<sup>1</sup> В августе 2002 года Дж. У. Буш созвал экономический форум в Университете Бэйлора, в городе Уэко, который находится в часе езды от ранчо президента в Техасе. В работе приняли участие представители президентской администрации и более 200 приглашенных специалистов. На форуме обсуждался очень широкий спектр вопросов — от проблем американских корпораций до вопросов, связанных со здравоохранением. Президент США Джордж Буш, выступая на закрытии экономического форума, выразил «абсолютную уверенность» в предстоящем подъеме американской экономики. «Возможно, наша страна сейчас переживает трудные времена, — сказал американский президент, — но нам приходилось преодолевать трудности и ранее, мы сумеем сделать это и снова. Основы американской экономики крепки!» На заседании, посвященном оздоровлению экономики, Буш призвал Конгресс выделить восемь миллиардов долларов на антитеррористические программы, сказав, что это поможет создать новые рабочие места для американцев. Президент Буш заверил граждан США, что его администрация продолжит борьбу с нарушениями в американских корпорациях, возьмет под контроль вопрос выплат пенсий и будет в дальнейшем поддерживать дух свободной торговли.

товьтесь! — «закрепить снижение налогов как постоянную меру».

Стоит ли нам беспокоиться о том, что администрация выказывает недальновидность в вопросах экономики? Да, стоит. Излишества начала девяностых превзошли излишества восьмидесятых, и риск для экономики оказался, соответственно, выше. Предположим, а это становится все более вероятно, что ухудшение положения на рынке труда наконец подорвет упрямый оптимизм американских потребителей. В этом случае необходимо будет принимать решительные меры — меры, которые должны будут определяться нуждами экономики, а не тем, что, по мнению Карла Роуа, понравится избирателям. Есть ли надежда, что такие меры будут приняты?

---

ДЕЛА С «W»

---

2 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

Я увлекся японской экономикой, когда она уже вышла из моды.

Американцы внимательно следили за Японией в восьмидесятых годах, когда японские производители завоевывали мировой рынок. Помните, тогда все прилавки в аэропортах были завалены руководствами, на обложках которых красовались японские самураи? Потом японский пузырь лопнул, и большинство американцев пришло к выводу, что им нечему учиться у Японии —

---

Он обратился к бизнесменам Америки со словами: «Настало время американским корпорациям снова завоевать наше доверие, и главы компаний должны дать в этом достойный подражания пример».

разве что тому, как может сорваться страна при слабом экономическом и политическом управлении. А к нам, разумеется, это не относится.

Или все же относится? Не кажется ли вам, что идеи Джека Уэлча<sup>1</sup> порой выглядят ничем не лучше, чем у бизнес-самураев? Да и наше политическое руководство не вдохновляет. Честно говоря, последнее время меня преследует очень невеселая мысль: как ни дурна была политика Японии, похоже, что политика США еще хуже.

Трудно сказать что-нибудь хорошее о том, как справлялась Япония с проблемами, возникшими после срыва. Но я уже несколько лет с тревогой наблюдал, как справляются с подобными проблемами другие страны. И конечно, когда Америка тоже столкнулась с проблемой лопнувшего пузыря, стало намного понятнее, как принимаются неудачные экономические решения.

Правда, Алан Гринспен с коллегами начал гораздо лучше, чем Япония. Они знали, что Банк Японии слишком медленно срезал процентную ставку, и к тому времени, как там осознали глубину возникшей проблемы, было уже поздно: даже нулевая процентная ставка оказалась недостаточной, чтобы вывести страну на подъем. Так что ФРС снижала проценты в большей степени и чаще: одиннадцатипроцентное снижение в 2001 г. вызвало бум на рынке жилья и в рефинансировании залладных, и этот бум помог удержать экономику от углубления спада.

---

<sup>1</sup> Речь идет о книге Стюарта Крейнера «Бизнес-путь: Джек Уэлч. 10 секретов величайшего в мире короля менеджмента», в русском переводе вышла в издательстве «Крылов» в 2004 году. Журнал «Fortune» назвал председателя совета директоров корпорации «Дженерал Электрик» Джека Уэлча «лучшим менеджером столетия».

Однако начинает казаться, что снижения процентов было недостаточно. Вы сами знаете, каково положение на рынке акций. Экономические индикаторы заставляют предположить, что экономика либо скатывается на «вторичный спад» — спад в форме «W» — а вы, ручаюсь, подумали, что я намекаю на «W.» из Белого дома? — или предельно близка к этому состоянию. Рынок облигаций отчетливо указывает, что ФРС снова придется снижать процентную ставку. Не окажется ли, что ФРС, как и Банк Японии, добравшись до нуля, обнаружит, что экономика все еще не выправляется. Мало кто понимает, что в некоторых отношениях экономическая политика Японии вполне эффективно реагировала на устойчивый спад. Легко смеяться над страной, которая тратит огромные средства на общественные работы — на все эти мосты, которые никуда не ведут, дороги, по которым никто не ездит, и т. п. Бесспорно, были истрачены огромные суммы. Но столь же бесспорно, что эти расходы подкачали финансы в экономику, которая в ином случае могла оказаться в полной депрессии.

Что могло бы в подобном случае произойти в США? Сейчас мы, по существу, избрали противоположную политику: перед лицом экономического спада прекратить расходы на внутренние проблемы. Отчасти это делается на государственном уровне: администрация Буша старается везде, где только можно, сократить расходы на общественные проблемы, срезает миллиард там, миллиард здесь — от ветеранских пособий и внутренней безопасности до выплат по «Medicare». Еще существеннее то, что федеральное правительство бездействует, когда власти штатов и местных образований, бюджеты которых подорваны спадом, сокращают все расходы, кроме самых необходимых, а иногда и их тоже.

Правда, мы еще не отрицаем вероятности, что дядюшка Алан не сумеет спасти нас собственноручно. Но осенние дебаты по экономической стимуляции заставляют сделать вывод, что политическое руководство неспособно разумно реагировать на экономические проблемы. Там, где экономистам видится опасность, Белый дом и Конгресс видят возможность — возможность протолкнуть еще одно снижение налога на корпорацию и богатеев. Меры эти укладываются в их политическую программу, но практически не помогают решить проблемы экономики. Помните предложение задним числом предоставить налоговую льготу «Шеврон Тексако» и «Энрон»?

В конечном счете, необходимость в стимуляции оказалась менее насущной, чем казалось тогда, однако нет оснований надеяться, что если — а это представляется вполне вероятным — рост замедлится, мы справимся лучше.

Конечно, худшее, что может случиться: правительство решит, что экономика — не его забота, и просто попытается отвлечь внимание общественности от роста безработицы и падения курса акций какой-нибудь очередной войной. Но этого бояться нечего, верно?

---

## МОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПЛАН

---

4 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

Хотя лай псов войны заглушил все прочие новости, однако и на экономическом фронте происходят зловещие события.

Они не столь драматичны, но от месяца к месяцу дела идут хуже, чем ожидалось. Давайте хоть раз забу-

дем о политике и подумаем, что происходит и что надо делать.

Суть в том, что мы имеем дело не с тем спадом, с каким сталкивались наши отцы. Иначе говоря, это не тот стандартный послевоенный спад, который был создан ФРС для борьбы с инфляцией. Тот спад легко было остановить, едва ФРС отпустила поводья. Сейчас же происходит классический спад перенакопления, какие часто случались до Второй мировой войны. И с такими спадами всегда трудно оказывалось бороться простым снижением процентной ставки.

Безусловно, в прошлом году проведенное ФРС быстрое снижение учетной ставки помогло предотвратить гораздо более серьезный срыв. Но состояние денежно-кредитной политики наводит на мысль, что действий ФРС было недостаточно. Возможно, любых ее действий оказалось бы недостаточно. Хотя учетная ставка ФРС — обычное средство регуляции финансовой политики — сейчас ниже, чем за время жизни нескольких поколений американцев, однако реальная ставка — номинальная ставка минус уровень инфляции, — которая на самом деле определяет уровень капиталовложений, примерно такова, какая была в нижней точке последнего спада, в начале девяностых, так как инфляция значительно ниже, чем тогда.

И падение фондовой ставки ФРС, созданное Аланом Гринспеном и компанией, происходит хотя и быстрее, чем в прошлый раз, но пока заметно меньше — при прошлом спаде она упала на 6,75 пункта, а в этот раз только на 4,75. Даже если фондовая ставка ФРС упадет до нуля, снижение процентной ставки все еще будет меньше, чем в прошлый раз. Если предположить, что в 90-х годах превышение было больше, чем в 80-х, и экономике для выхода из нынешнего положения потребуется бо́льшая эко-

номическая стимуляция, то кажется вероятным, что действий ФРС недостаточно, и даже если она дойдет до нулевой ставки, этого окажется мало.

И такое положение может затянуться. Накопление избыточных мощностей, особенно в области телекоммуникаций, будет рассасываться очень медленно. Весьма вероятно, что торможение экономики продлится до 2004 года, а может быть, и далее. ФРС следовало бы срезать процентную ставку еще быстрее — этого может оказаться мало, но все же это будет полезно. Что еще следовало бы сделать?

Нам следовало бы выработать разумный план финансовой стимуляции, который бы повысил существующий уровень затрат и перекрыл существующий разрыв (в ВВП) до оживления капиталовложений. Некоторые элементы такого плана напрашиваются сами собой, и они были перечислены Джеффом Мадриком во вчерашнем «The Times» (3 октября 2002 г.). Прежде всего, увеличить пособие по безработице, которое теперь выплачивается гораздо скупее, чем во время последнего спада. Это даст двойной эффект: будет оказана помощь тем, кто более всего в ней нуждается, и деньги окажутся в руках людей, которые наверняка будут их тратить. Второе — обеспечить помощь штатам, финансовые ресурсы которых все более истощаются. Это также даст двойной эффект: предотвратит резкое сокращение социальных программ, среди которых в наибольшей опасности медицинское страхование неимущих, и в то же время повысит спрос.

Если на эти меры уйдет недостаточно средств — а я согласен с мистером Мадриком, что следует нацеливаться на 100 млрд за следующий год, — почему бы не ввести новое снижение налоговой планки, теперь уже для всех, кто платит налог с заработной платы?



Откуда возьмутся средства? Ответ вам известен: отменить снижение налогов, намеченное на будущее. Экономика нуждается в стимуляции сейчас: она может обойтись без снижения налога на самых богатых несколько лет спустя.

Это вовсе не эпохальные открытия. Это просто экономические истины, известные каждому студенту, в применении к нынешней ситуации.

И я хорошо понимаю, что с точки зрения политиков эти меры совершенно непригодны. Но я имею право спросить: почему?

## КАПИТАЛИЗМ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, США

### КАПИТАЛИЗМ ДЛЯ ИЗБРАННЫХ, США

15 ЯНВАРЯ 2002 ГОДА

Четыре года назад, когда Азия боролась с экономическим кризисом, многие исследователи полагали виновным в случившемся так называемый «капитализм для избранных». У состоятельных азиатских предпринимателей никогда не было особой необходимости предоставлять инвесторам правдивую информацию о своих активах, задолженностях или доходах, для успешного ведения дел было достаточно уверенности в политических покровителях бизнесменов. И только в ситуации финансового кризиса люди стали внимательно вникать в свои дела, но их компании это не спасло.

Знакомо звучит, правда?

На первый взгляд, внезапная политическая атака на компанию «Энрон» кажется странной. Как-никак, администрация Буша не спасла эту фирму от банкротства. Тогда почему администрация так долго скрывала свои контакты с компанией «Энрон»? Почему Джордж Буш-младший сначала утверждает, что исполнительный директор компании «Энрон» Кеннет Лэй был его противником в первом туре губернаторских выборов, а чуть позже говорит,

что им удалось познакомиться только после предвыборной гонки? И почему пресса действовала так, будто ожидала грандиозного скандала?

Все можно объяснить тем, что администрация боится, и пресса это понимает, что последние разоблачения деятельности компании «Энрон» приведут к «капитализму для избранных» в американском стиле.

Особое отношение к отдельным людям (избранность — в узком смысле) едва ли новинка для Америки; администрация Клинтона привела нас на грань торговой войны, которую она вела от имени «Чикита Бананас» — основного спонсора этой кампании. Однако администрация Буша, учитывая ее склонность к правовым нормам, не казалась заинтересованной даже в самых явных конфликтах интересов: примером может служить намерение Марка Ракикота, нового председателя Республиканского национального комитета, и дальше получать за лоббирование заработную плату, выражаемую семизначным числом. (Сейчас он говорит, что не будет заниматься лоббированием, однако от зарплаты не отказался.)

Суть разногласий во взаимоотношениях компании «Энрон» и администрации президента затрагивает события, которые произошли до стремительного падения энергетической компании. Г-н Лэй якобы порекомендовал главе Федеральной комиссии по управлению энергетикой быть более сговорчивым, чтобы сохранить работу. (Глава комиссии не согласился и вследствие этого потерял свое место.) Кроме того, компания «Энрон» содействовала Дику Чейни в разработке правительственного плана производства электроэнергии, явно созданного компаниями и для компаний, владельцы которых входят в ближайшее окружение самого Чейни. Нарушив закон, он отказался предоставить любую информацию о своем окружении. Что же скрывает Чейни?

Несмотря на то что фирме «Энрон» пришел конец, другие энергетические компании продолжали пользоваться благосклонным вниманием администрации президента. Всего за несколько дней до последних разоблачений деятельности «Энрон» администрация дала понять, что намерена ослабить правовые нормы, касающиеся загрязнения окружающей среды производителями электроэнергии; в конце прошлой недели она объявила о своем решении продолжать воплощать в жизнь спорный проект по захоронению радиоактивных отходов в Неваде. Каждое из этих решений сэкономило миллиарды долларов компаниям, которые тесно связаны с г-ном Бушем. На сайте CBSMarketWatch.com в статье о ядерных отходах отмечено, что «некая группа ведущих производителей электроэнергии, спонсирующих правительство, только что сорвала джек-пот».

Отметим источник данной цитаты. В последние месяцы политические обозреватели были заняты в основном рассуждениями о патриотизме, а о том, что на самом деле происходит, нам рассказывали экономические обозреватели. Казалось, увиденное вызывало у них отвращение. Именно редактор сайта CBSMarketWatch.com, а не ведущие политические комментаторы, заметил, что «маленькая группа лидеров делового мира оказывает невероятное воздействие на Буша и его команду, заставляя изменять правовые нормы ради своей выгоды».

Журнал для деловых людей «Red Herring» опубликовал крупнейший очерк о таинственной инвестиционной компании «Карлайл Груп», чья история весьма напоминает сюжет плохого телесериала.

«Карлайл» занимается скупкой простаивающих предприятий, которые ориентированы на выполнение оборонных заказов. Спустя некоторое время дела этих компаний чудесным образом поправляются после получения нового госзаказа, и «Карлайл» их просто пере-

продает. Среди служащих компании числится бывший президент США Джордж Буш-старший, а одним из инвесторов группы до октября предыдущего года была семья Бен-Ладен из Саудовской Аравии.

Другая администрация посчитала бы роль старшего Буша в компании «Карлайл» неподобающей, нынешней администрации так не кажется. Недавно министр обороны Дональд Рамсфельд сделал своему приятелю по колледжу Фрэнку Карлуччи, главе компании «Карлайл», очень приятный подарок — г-н Рамсфельд решил поддержать раскритикованную артиллерийскую систему «Crusader», несмотря на то, что от нее хотел отказаться даже Пентагон. Подобная резолюция была чрезвычайно важна для одной компании, которая принадлежит «Карлайл».

К сожалению, подобные действия нельзя охарактеризовать как безусловно незаконные, хотя видно, что здесь не все чисто. Именно поэтому администрация Буша будет стараться сфокусировать внимание исключительно на компании «Энрон». Ведь, если припомнить, изначально круг проблем был гораздо шире.

---

## ДВЕ, ТРИ, МНОГО?

---

1 ФЕВРАЛЯ 2002 ГОДА

Меня волнует следующий вопрос: сколько еще появится таких компаний, как «Энрон»?

Даже сейчас обычный здравый смысл подсказывает, что «Энрон» просто подловили. Допустим, это так, но ведь многие компании ведут «черную бухгалтерию» — законом это классифицируется как мошенничество. Однако насколько вероятно, что другие ведущие компании, которые с первого взгляда представля-

ются столь респектабельными, окажутся лишь финансовыми пирамидами?

Увы, это слишком похоже на правду. Я не могу точно сказать, какие известнейшие корпорации окажутся просто замками на песке, однако я очень удивлюсь, если в будущем не появится две, три, много таких компаний, как «Энрон».

Почему я так говорю? Как у любого преступления, у финансовой пирамиды должны быть средства, мотив и возможность его осуществления.

Далее я поясню, что это значит.

Средства. Сейчас мы знаем, как просто компания, которая получает весьма скромные прибыли или даже терпит убытки, может сделать вид, что она высокодоходна. Самый простой путь — платить служащим заработную плату не денежными средствами, которые при учете относятся на затраты, а путем предоставления фондовых опционов, которые учитываются в других статьях, — такая мера может изумительным образом увеличить бухгалтерскую прибыль компании. По исследованиям британского экономиста Эндрю Смитерса, в 1998 году компания «Циско» заявила о том, что ее прибыли составили 1,35 млрд долларов; однако если посчитать рыночную стоимость фондовых опционов, которые она выпустила в качестве затрат, то ей пришлось бы заявить об убытках в размере 4,9 млрд долларов. И фондовые опционы — лишь одна из многих уловок, позволяющих искусственно завысить чистую прибыль.

Мотив. Цель искусственного завышения прибылей, конечно же, состоит в том, чтобы поднять стоимость акций. Однако зачем же компании идут на это?

Ответ заключается в том, что высокая стоимость акций способствует росту компании — проще брать ссуды, приобретать другие компании, привлекать служащих и так далее. И несомненно, большинство менед-

жеров завышали цены на свои акции, руководствуясь желанием стимулировать рост компании. Однако многим руководителям высшего звена удается отойти от дел, оставшись богатыми людьми, несмотря на то, что их компании развалились (есть примеры похуже, чем «Энрон»: основатель «Глобал Кроссинг» сохранил 750 млн долларов, хотя его компания обанкротилась). Следовательно, необходимо учитывать и личные намерения руководителей. Спросите себя не о том, чем высокая стоимость акций выгодна для компании, спросите, чем она выгодна лично для вас.

Именно поэтому стремление завысить стоимость акций приводит к тем самым бухгалтерским трюкам, которые используют компании, чтобы создать фантомные прибыли, вновь повышающие стоимость акций. Самое время для финансовых пирамид!

Как насчет возможности? В конце 1990-х гг. совокупность следующих трех факторов открыла дверь для невиданных ранее финансовых афер.

Во-первых, это возникновение новых отраслей экономики. Новые технологии, несомненно, создали новые возможности и перевернули существующий ранее промышленный порядок. Однако вместе с этим возникла своеобразная путаница, которая способствовала процветанию афер. Как вы думаете, действительно ли компании создали высокодоходные ниши на рынке или они просто мошеннически их захватили?

Во-вторых, это «дутый» фондовый рынок. Как отметил Роберт Шиллер в своей книге «Иррациональное изобилие», рынок с растущими ценами — это по своей сути та же схема Понци: каждая последующая волна инвесторов приносит доходы предыдущей, и все выглядит замечательно, пока есть простачки, готовые отдать свои деньги. Однако он не отметил, а сейчас это совершенно очевидно, что в подобных условиях легко

создавать финансовые пирамиды. Если люди верят в чудеса, то самое время для шарлатанов.

И наконец, никогда не существовало (и не существует) строгих правовых норм в этой сфере. Было время, когда над компаниями и аудиторами, ведущими сомнительный учет, нависала угроза судебных процессов. Однако в 1995 году Конгресс, аннулировав вето Билла Клинтона, принял закон о реформе судебных процессов, касающихся ценных бумаг частных лиц, и этот шаг сильно усложнил ведение подобных дел. И действительно, в скором времени бухгалтерские фирмы, компании, где они проводили аудиторские проверки, и инвестиционные банки, которые продавали их акции, очень удобно устроились.

И здесь также необходимо учитывать не только мотивы корпораций, но и личные мотивы исполнителей. Мы знаем, что менеджеры компании «Энрон» предоставляли своим инвестиционным банкирам — именно отдельным людям, а не банкам — возможность инвестировать средства в свои холдинговые компании, которые использовались для сокрытия долгов и перекачивания денег. Могу поспорить, что подобные сделки заключали и другие компании.

Я надеюсь, что история с компанией «Энрон» будет единичной. Но если так случится, то меня это очень удивит.

---

## ВРАГИ РЕФОРМЫ

---

21 МАЯ 2002 ГОДА

«Я всегда убеждал вас в том, что единственным важным нововведением, которое формирует [американский] рынок ценных бумаг, было создание общеприня-



той системы бухгалтерского учета», — заявил Лоренс Саммерс, занимавший должность заместителя министра финансов, в своей ежегодной речи в 1998 году. Он убеждал азиатские страны, которые в то время переживали пик катастрофического финансового кризиса, последовать примеру Америки и ввести такую же «прозрачную и открытую» систему.

Сейчас США сами столкнулись с проблемами бухучета в корпорациях, примером чему служит случай с компанией «Энрон». Итак, последуем ли мы своему собственному совету? Будем ли предоставлять инвесторам необходимую для принятия решений информацию? Вероятно, нет. И это плохо, поскольку случай «Энрон», хотя и был исключительным, несомненно, повторится.

Для всех корпораций Америки 1997 год был переломным. По статистике правительства, в период 1992–1997 гг. прибыли корпораций быстро росли, а потом остановились на одной отметке. В третьем квартале 2000 года чистая прибыль была лишь незначительно выше показателей трехлетней давности. Однако чистые прибыли, соотнесенные с индексом S&P 500, то есть те прибыли, о которых компании заявляют инвесторам, за эти три года выросли на 46%.

Существуют определенные причины технического характера, из-за которых показатели бухгалтерской и фактической прибыли растут неравномерно, однако обычно расхождение между ними незначительно. Почему же внезапно эта разница оказалась существенной? Основная причина заключается в том, что после 1997 года компании стали невероятно часто и настойчиво использовать бухгалтерские уловки, чтобы создать иллюзию роста прибыли.

Понимаете, главы корпораций отчаянно пытались сохранить рост цен на акции, при этом в нынешних эко-

номических условиях рост прибыли менее 20% в год считается провалом. Откуда же взялось их отчаянье? Ответить можно одним словом: опционы. Рост цен на рынке и раздутые пакеты опционов привели к бурному росту выплат исполнительным директорам. В 1980 году, по оценкам «Business Week», члены исполнительного аппарата в крупных компаниях зарабатывали в 45 раз больше обычных сотрудников. Однако к 1995 году соотношение выросло до 160 раз, а к 1997 году достигло отметки в 305. Исполнительные директора стремились сохранить свое благосостояние, и им это удалось — к 2000 году, несмотря на то, что реально прибыли компаний не росли, они получали в 458 раз больше рядовых сотрудников.

Проблема не в том, что руководителям переплачивают, хотя это действительно так. Проблема в том, что им выплачивают большие премии, чтобы создать иллюзию успеха, не имеющего с действительностью ничего общего.

Но, скажете вы, бухгалтерские стандарты были созданы, чтобы предотвратить подобного рода ситуацию. Однако именно несовершенная система бухгалтерского учета (о ней я писал на прошлой неделе) позволяет главам корпораций скрыть свою наготу. Кроме того, ведущие бухгалтерские фирмы охотно позволяли себя обманывать, пока получали выгодные контракты на оказание услуг.

Самое время для реформы? Не все так считают. Комитет по делам банков в Сенате планировал принять к рассмотрению законопроект, созданный Полом Сарбэйном — председателем Комитета. Он спровоцировал бы некоторые действия для осуществления реформы в области бухучета и аудита. Этот законопроект был поддержан некоторыми авторитетными финансистами —

например, Полом Уолкером, бывшим главой Федеральной резервной системы, и Джоном Боглем, знаменитым инвестором. Однако сенатор Фил Грэм, направляющий все свое влияние на лоббирование интересов бухгалтерских фирм, ясно дал понять, что он сделает все возможное, чтобы похоронить законопроект.

Мне не хочется быть сторонником таких мер, но, похоже, ничего другого не остается. Несмотря на то что среди демократов были те, кто получал дань от бухгалтерских фирм, нынешняя попытка предотвратить значительные реформы в области бухучета была предпринята республиканцами, причем главными лидерами этой партии. Газета «The New York Times» сообщает, что г-н Грэм «тесно сотрудничает с администрацией Буша», пытаясь заблокировать законопроект Сарбэйнса.

Я позволю себе повториться. На самом деле система бухгалтерского учета в корпорациях не может быть политическим вопросом, он касается защиты интересов инвесторов. Препятствуя осуществлению реформы в этой области, хотя она необходима, администрация Буша защищает интересы небольшой замкнутой группы олигархов.

Напоследок хотелось бы высказать еще одну мысль. Эта проблема затрагивает не только интересы американских инвесторов. Подобно азиатским странам до кризиса, Соединенные Штаты сильно зависят от притока иностранного капитала, который, в свою очередь, зависит от веры международного сообщества в честность сделок на американских рынках. Возможно, администрация Буша полагает, что инвесторам больше некуда вкладывать капиталы, и приток средств не остановится, даже если реформа не будет проведена. Что ж, Сухарто думал точно так же.

## ЖАДНОСТЬ — ЭТО ПЛОХО

---

4 ИЮНЯ 2002 ГОДА

«Суть в том, дамы и господа, что жадность — это хорошо. Жадность работает, жадность — это правильно... и именно жадность спасет не только “Тэлдар Пэйпер”, но и другие умирающие корпорации, которые составляют мощь Соединенных Штатов».

Гордон Гекко, скупщик акций корпораций, произнесший эту речь в 1987 году в фильме «Уолл-стрит», получил отповедь на свои слова. Однако в реальной жизни его философия составляет сущность деятельности корпораций. Это предыстория волны скандалов, которые сейчас захватили американский деловой мир.

Я хочу пояснить: это не морализирование, это теория управления. Люди, лидеры корпораций не стали хуже (или лучше), чем когда-то, изменились стимулы.

Современные расчетливые институты имеют мало общего с корпорациями двадцатипятилетней давности. Ведь по современным стандартам они были просто социалистическими республиками. Зарплаты исполнительных директоров не выражались запредельными цифрами. Только увеличение стоимости акций не было единственной целью исполнительных директоров, они считали себя простыми сотрудниками, частью сложной структуры.

Сейчас мы настолько погрязли в этой идеологии, что уже не можем представить, что когда-то работала другая система. После Второй мировой войны уровень жизни на самом деле повысился в два раза, однако потом рост остановился и, как следствие, появились скупщики акций (рейдеры).

Рейдеры утверждали, и, как правило, справедливо, что они способны увеличить прибыли и, следовательно, стоимость акций, побуждая компании становиться «среднестатистическими». Ведь рейдеры могут скупать долги, а не акции, таким образом, они вынуждают менеджмент начинать активно действовать, в противном случае компании придется заявить о банкротстве. В то же самое время, если заработная плата исполнительных директоров зависит от цен на акции, у них есть стимул делать все возможное, чтобы повысить эти цены.

Все это имеет смысл для тех, кто хорошо разбирается в финансовых делах корпораций. Речь Гекко была настоящим учебником по теории «принципалов и агентов», суть которой сводится к тому, что оплата менеджеров должна жестко зависеть от цен на акции: «Сейчас руководство не владеет большими пакетами акций компании. Все исполнительные директора имеют на руках менее 3% всех акций компании».

В 90-е гг. XX века корпорации стали применять эту теорию на практике. Хищники исчезли со сцены, поскольку для них больше не было места. Корпорации Америки выбрали своего собственного Гекко. Или, как одобрительно сказал Стивен Каплан с экономического факультета Чикагского университета в 1998 году: «Сейчас все мы как Генри Крэвис». Новая жесткая политика была принята, главным образом, в том смысле, что исполнительные директора получали поистине королевские премии, если цены на акции росли.

Еще несколько месяцев назад мы полагали, что такая система работает.

Сейчас, когда каждый день можно ждать нового скандала в области коммерции, мы понимаем, что эта теория трещит по всем швам. Исполнительные директора, получающие огромные премии за успех, убежда-

ют тех, кто контролирует огласку информации о компании, создавать видимость успеха. Что только не предпринимается: и черная бухгалтерия, и фиктивные сделки, которые раздувают представление о продажах.

Понятно, что спустя довольно длительное время правда выплывает на поверхность. Однако всего несколько лет такой иллюзии, и исполнительные директора становятся очень богатыми людьми. Кен Лэй, Гэри Винник, Чак Уотсон, Дэнис Козловски — все эти люди спокойно отнесутся к своей ранней отставке, поскольку на черный день у них отложены суммы, выражаемые девятизначным числом. До тех пор пока дело не дошло до криминала, лучшая политика по отношению к таким людям — это просто не обращать на них внимания.

Однако ведь дело же не в мелочах. Статистика за последние пять лет свидетельствует о весьма значительной разнице между той прибылью, о которой сообщают инвесторам, и фактической прибылью компании. И это говорит о том, что многие, а возможно, и большинство крупных компаний фабрикуют данные о своей доходности.

Сейчас недоверие корпорациям угрожает нашему все еще сомнительному экономическому росту, и в конце концов оказалось, что жадность — это плохо. И какая же реформа нам нужна? Похоже на то, что Вашингтон вынужден согласиться с выводом довольно аполитичного сайта [corpgov.net](http://corpgov.net), который создан «Corporate Governance», о том, что, «учитывая силу лобби корпораций, правительственный контроль ничем не отличается от контроля корпораций».

Возможно, корпорации сами себя реформируют, но пока они не предпринимают никаких шагов для этого. Возникает следующий вопрос: кто же спасет эту огромную корпорацию, называемую «Соединенные Штаты Америки»?

## СТРАТЕГИИ МОШЕННИЧЕСТВА

---

28 ИЮНЯ 2002 ГОДА

Предположим, что вы владеете мороженицей. Ваше предприятие не слишком рентабельно, как же вам разбогатеть? Все скандалы, связанные с крупными компаниями, открыли некоторые секреты; оказалось, что у каждой корпорации была своя собственная коммерческая стратегия.

Сначала рассмотрим стратегию компании «Энрон». Вы заключаете договоры с покупателями о ежедневной поставке мороженого сроком на 30 лет. При этом вы намеренно завышаете цену каждой порции мороженого, а затем учитываете все предполагаемые прибыли за будущие продажи мороженого как часть чистой прибыли за год. Внезапно оказывается, что ваша фирма приносит высокий доход, следовательно, вы можете продавать акции по завышенным ценам.

Компания «Динеджи» применяла другую стратегию. Вы не получаете высокой прибыли от продажи мороженого, но вам удастся убедить инвесторов, что в будущем прибыли возрастут. Затем вы тайно заключаете договор с мороженицей, находящейся по соседству: вы будете ежедневно покупать друг у друга сотни порций мороженого. Или, скорее, делать вид, что покупаете — нет необходимости на самом деле возить это мороженое туда-сюда. В результате оказывается, что вы значительный игрок на рынке, следовательно, вы можете продавать свои акции по завышенной цене.

Следующая стратегия принадлежит компании «Адельфия». Вы заключаете контракты и обращаете внимание инвесторов только на стоимость этих контрактов, а не

на их прибыльность. То есть вы выдумываете не конкретные продажи, а покупателей. Поскольку количество подписанных документов быстро растет, аналитики считают вас успешной компанией, следовательно, вы можете продавать акции по завышенной цене.

И наконец, стратегия компании «Уорлдком». Вы не создаете воображаемых продаж, вы делаете так, что истинная стоимость товара исчезает, представляя текущие расходы — сливки, сахар, шоколадный сироп — частью покупной цены нового холодильника. Таким образом, на бумаге нерентабельное дело становится высокодоходным: получается, что вы одалживаете деньги исключительно для того, чтобы приобрести новое оборудование. Следовательно, вы можете продавать акции по завышенным ценам.

Ой, я чуть не забыл! А как обогатиться лично вам? Самый простой способ — это предоставить самому себе право на получение большого пакета фондовых опционов, таким образом вы получаете прибыль от завышенных цен. Однако еще вы можете воспользоваться филиалами особого назначения (как сделала компания «Энрон») или предоставить личный заем (уловка корпорации «Адельфия») и так далее. Хорошо все-таки быть исполнительным директором.

Однако у этих уловок имеются некоторые дурные последствия. Во-первых, каждый из скандалов вокруг крупных компаний разоблачал различные виды мошенничества. Об этом неприятно говорить, но нет никаких сомнений, что другие компании используют те же приемы, которые применяли «Энрон» или «Уорлдком», — хотя, конечно, у них есть и свои хитрости. Во-вторых, жульничество не обязательно должно позорить компанию. Например, сейчас «Уорлдком» заявляет, что 40% инвестиций за прошлый год, объявленные подделкой,



на самом деле были текущими расходами. Как же могли люди, обязанность которых предугадать возможность мошенничества в делах корпораций: аудиторы, банки, правительственные структуры — не заметить столь больших сумм? Ответ, разумеется, заключается в том, что они или не хотели этого видеть, или их попросили этого не видеть.

Я не пытаюсь утверждать, что все американские корпорации коррумпированы. Однако понятно, что те руководители компаний, которые хотят быть коррумпированными, сталкиваются с некоторыми препятствиями, но тем не менее их легко преодолеть. Судите сами. Аудиторы не заинтересованы в том, чтобы слишком уж активно проверять компании, которые приносят им высокий доход за оказанное консультирование. Банк не заинтересован в том, чтобы слишком уж вмешиваться в дела компании, которая позволяет ему заключать некоторые сделки на стороне (мы видели это в случае с компанией «Энрон»). А власти, которые становятся сговорчивыми благодаря вкладам и другим поощрениям, удерживают ревизоров от их обязанностей самыми разными способами, начиная от недостаточного финансирования и заканчивая принятием «хитрых» законов, которые позволяют процветать таким практикам.

(Даже сейчас, когда все только и говорят, что об обвинениях, предъявленных компании «Уорлдком», Джордж Буш-младший пытается назначить на должность главы ключевого ведомства, отвечающего за финансовую дисциплину, человека, который способствовал бесславному «освобождению “Энрон”», создав закон, защитивший корпорацию от проверки. И похоже на то, что многие члены Конгресса больше заинтересованы в том, чтобы всеми средствами мешать генеральному прокурору Нью-Йорка, Элиоту Спитцеру, бороться с коррупцией, чем помогать.)

Тем временем разоблачения продолжаются. Полгода назад была напечатана одна моя колонка, которая многих возмутила. Тогда я писал, что конец скандала с корпорацией «Энрон» является поворотным моментом для Америки и эта история значительно изменит самоощущение американцев, чем события 11 сентября. Сейчас это уже не кажется слишком неправдоподобным, верно?

---

## ВОЗМУЩЕНЫ ВСЕ

---

2 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

Артур Левит, которого Билл Клинтон поставил во главе Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, боролся за более пристальный надзор за бухгалтерией корпораций, хотя часто не мог победить лобби корпораций. Джордж Буш-младший заменил его на Харви Питта, который пообещал, что Комиссия станет «добрее и мягче». Даже после скандала с компанией «Энрон» администрация Буша изо всех сил противилась любым значительным реформам бухгалтерского учета. К примеру, были отклонены призывы людей вроде Уоррена Баффета требовать четкого разделения стоимости фондовых опционов, предоставляемых высшему руководству, и объявленной прибыли.

При этом г-н Буш и г-н Питт заявили, что они возмущены случаем с компанией «Уорлдком».

Член Палаты представителей Майкл Оксли, представляющий республиканскую партию и являющийся главой парламентского Комитета по финансовым услугам, играл ключевую роль в принятии нового закона в 1995 году (несмотря на вето Билла Клинтона). Этот закон препятствовал судебным искам со стороны инвес-

торов, таким образом открывая широкое поле деятельности для мошенников в корпорациях. Некоторое время спустя «Меррилл Линч» признал, что сбывала акции, которые по частным оценкам экспертов не имели цены. Г-н Оксли пришел в ярость, однако не потому, что компания ввела в заблуждение инвесторов, а потому, что согласилась заплатить штраф, возможно, создавая прецедент. Тем не менее он тоже сказал, что возмущен поведением компании «Уорлдком».

Может ли это внезапное крушение строгой морали как-то повлиять на общественное мнение, опросы которого свидетельствуют об общественном беспокойстве по поводу «попавшихся» корпораций?

Как бы там ни было, даже те прозрения, которые основаны на таких опросах, это шаг вперед. Однако, возможно, они не всегда соответствуют действительности. Как было отмечено на сайте [dailyEnron.com](http://dailyEnron.com), на прошлой неделе «политикам все же удалось убедить американцев, что преступникам не уйти от наказания».

Показную ярость президента едва ли кто-то воспринял серьезно. Чак Льюис, президент Центра общественной интеграции, деликатно заявил, что г-н Буш «более тесно связан с проблемными энергетическими компаниями и бухгалтерскими ошибками, чем любой другой глава исполнительной власти». Г-н Льюис ссылается на историю с компанией «Харкен Энерджи», которая действительно заслуживает общественной огласки.

Я уже описывал техники корпоративного мошенничества, однако не рассказал еще об одной уловке, которую тоже использовала «Энрон», — фиктивная продажа активов. Вернемся к нашему примеру с мороженицей. Итак, вы делаете следующее — по абсурдной цене продаете свой старый грузовик, скажем,

компании «XYZ Корпорэйшн», и заявляете, что вырученные средства можно считать прибылью. Сделка является фиктивной по той простой причине, что «XYZ Корпорэйшн» на самом деле это вы, только под другим именем. Однако инвесторы этого не понимают, и вы можете продать значительное количество акций по завышенной цене.

Теперь рассмотрим историю, произошедшую с компанией «Харкен Энерджи» в изложении «The Wall Street Journal» за 4 марта. В 1989 году г-н Буш входил в состав совета директоров и аудиторский комитет этой компании. Когда он занимал эту должность и владел довольно значительным пакетом акций, «Харкен Энерджи» заплатила 2 млн долларов маленькой, нерентабельной, влезшей в долги компании «Спектрум 7», исполнительным директором которой был г-н Буш. Объясняя, что же они все-таки покупали, основатель «Харкен Энерджи» сказал: «Его звали Джордж Буш».

К сожалению, «Харкен Энерджи» продолжала быстро терять деньги. Однако в 1989 году компании удалось скрыть большинство своих убытков, показав прибыль от продажи своей дочерней компании «Алоха Петролеум» по высокой цене. Кто купил эту компанию? Группа сотрудников «Харкен Энерджи», которая большую часть денег для покупки «Алоха Петролеум» взяла в долг у самой компании «Харкен Энерджи». В конечном счете Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям признала сделку фиктивной и вынудила компанию пересмотреть свою прибыль за 1989 год.

Однако задолго до этого постановления, хотя всего за несколько недель до сообщения о том, что акции «Харкен Энерджи» ничего не стоят, г-н Буш продает две трети своего пакета за 848 000 долларов. Просто для сравнения, это примерно в 4 раза больше, чем имела Марта

Стюарт<sup>1</sup>, тоже попав в сложную ситуацию. Странно, несмотря на требование закона о немедленном оглашении сделок с аффелированными компаниями, Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям была поставлена в известность только спустя 34 недели. В служебной записке Комиссии было заключение, что закон был нарушен, однако никаких обвинений предъявлено не было. Все прекрасно понимали, что это произошло потому, что президентом тогда был Джордж Буш-старший.

Зная эту историю и не менее интересное происшествие, имевшее место, когда Дик Чейни занимал должность исполнительного директора компании «Халлибертон»<sup>2</sup>, вы можете сказать, что эта администрация

---

<sup>1</sup> 62-летняя Марта Стюарт — одна из самых известных женщин США, создательница медиа-империи, занимающейся вопросами ведения домашнего хозяйства, ведущая популярной телепрограммы «Образ жизни от Марты Стюарт». Федеральный суд Нью-Йорка слушал дело о предъявленных ей обвинениях в махинациях с ценными бумагами, препятствовании отправлению правосудия и даче ложных показаний. Ее брокер Питер Баканович из корпорации «Меррилл Линч и К<sup>о</sup>» в декабре 2001 года помог Стюарт избавиться от принадлежавшего ей пакета акций компании «ImClone Systems». Через несколько недель после этого был обнародован доклад правительства, дававший негативную оценку широко разрекламированному лекарству от рака, представленному на рынке этой фирмой, что повлекло массовый сброс акций компании.

<sup>2</sup> В бытность Чейни главным исполнительным директором компании «Халлибертон» условиями контрактов на строительство разрешалось вести переговоры в случаях превышения смет. В 1998 г. компания начала помещать эти неполученные суммы в доход, даже если клиент не был согласен платить. Комиссия по ценным бумагам проводила расследование этих операций, но искивые заявления против «Халлибертон», Дика Чейни и аудитора компании «Артур Андерсен» пока не удовлетворены.

просто великолепно охотится за корпоративными злодеями. В конце концов, г-н Буш и г-н Чейни знают предмет не понаслышке.

И если какой-нибудь циник заявит, что очередной приступ негодования г-на Буша по поводу мошенничества в корпорациях, мягко говоря, неискренен, то я знаю, какотреагируют его представители. Они будут возмущены.

---

## УСПЕШНЫЙ БИЗНЕС

---

7 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

На вторник у Джорджа Буша-младшего запланирована речь, цель которой — поставить его во главе растущего движения народа против экономических преступлений корпораций. Он будет сурово отчитывать финансистов с Уолл-стрит, а также изображать себя поборником старомодной честности в деловой сфере.

Однако есть в этой картине нечто сюрреалистическое, если учесть, каким образом представители высшей власти, например министр обороны Томас Уайт, Дик Чейни, да и сам г-н Буш, заработали свои состояния. Как говорит Джошуа Грин из «The Washington Monthly» в весьма интересной статье, которая была написана буквально перед тем, как администрация внезапно стала поборником корпоративной этики: «Этот “новый тон”, который Джордж Буш-младший привнес в Вашингтон, говорит не о честности, а о вседозволенности... Эта администрация обогатилась на банкротстве компаний, поэтому маловероятно, что она осуждает такое поведение».

К сожалению, администрация зашла слишком далеко, привлекая внимание прессы к самому незначи-

тельному вопросу о коммерческой деятельности г-на Буша: его нежеланию подчиниться закону, своевременное сообщив о продаже пакета акций. Это правда, что молва об этом нежелании г-на Буша внезапно трансформировалась из «собака съела мое домашнее задание» в «мой адвокат съел мое домашнее задание, четыре раза». Однако администрация рассчитывает на то, что, привлекая внимание к ошибкам в отчетности, она отвлечет его от более серьезной проблемы, которая заключается в том, что сам г-н Буш заработал состояние теми же незаконными методами, которые недавно потрясли всю нацию.

В 1986 году могло показаться, что г-н Буш просто неудачный делец. Он промотал миллионы долларов, которые принадлежали другим людям, однако компания все равно продолжала терпеть убытки и сидеть в долгах. Он был спасен от банкротства, поскольку «Харкен Энерджи» купила его компанию по непомерно высокой цене. Совершенно ясно, что на самом деле «Харкен Энерджи» заплатила за связи г-на Буша.

Однако, несмотря на эти связи, дела компании «Харкен Энерджи» были плохи. Какое-то время компании удавалось скрывать свои неудачи, поддерживая цены на акции, и, как оказалось, этого времени хватило, чтобы г-н Буш выгодно продал свою долю, причем он использовал ту же бухгалтерскую хитрость, которую применила компания «Энрон» десять лет спустя. (Да, Артур Андерсен был бухгалтером.) Как я уже пояснял, суть уловки сводится к следующему. Руководство корпорации создает фиктивную организацию, которая кажется независимой компанией, но на самом деле находится под их контролем. Эта организация скупает активы корпорации по невероятно высокой цене, создавая видимость высокой прибыли, которая искус-

ственно завышает цены на акции, что позволяет руководителям выгодно продавать свои пакеты.

Именно эта схема была применена компанией «Харкен Энерджи». Группа лиц из высшего руководства заплатила непомерно высокую цену за дочернюю компанию под названием «Алоха Петролеум», причем средства были взяты в долг у самой компании «Харкен Энерджи». Эта сделка принесла 10 млн долларов, что позволило на три четверти покрыть убытки компании за 1989 год. Белый дом сознательно снизил значимость этого происшествия, заявив, что 10 млн долларов это не так много по сравнению с недавними скандалами. И в самом деле, это лишь малая толика видимых прибылей, которые получила компания «Халлибертон», используя лазейки в системе бухучета, пока Дик Чейни занимал пост исполнительного директора. Однако на цены акций компании «Харкен Энерджи» и, следовательно, на личное состояние г-на Буша эти трюки повлияли весьма значительно.

Кстати, фиктивная прибыль компании «Харкен Энерджи» была в десятки раз больше, чем прибыль, полученная компанией «Уайтуотер»<sup>1</sup> от сделок с землей,

---

<sup>1</sup> Дело «Уайтуотер» восходит еще к началу 80-х, когда Билл Клинтон был губернатором штата Арканзас, а Хиллари — партнером во влиятельной адвокатской конторе. До последнего времени существовало подозрение, что после неудачного капиталовложения в земельный участок в северном Арканзасе Билл и Хиллари Клинтон попытались добиться незаконной налоговой скидки и потом отрицали это, препятствуя следствию. Расследование этого дела начал еще предшественник Роберта Рэя на посту независимого прокурора Кеннетт Старр. Он подготовил доклад по этому поводу в 1998 году, но затем переключился на скандал с Моникой Левински и отложил менее интересное и менее ясное дело «Уайтуотер». После расследования Рэя подозрение с четы Клинтон снято за недостаточностью улик.



хотя и составляла лишь одну седьмую от стоимости исследований компании «Уайтуотер».

Г-н Буш входил в состав аудиторского комитета компании и специального комитета по реструктуризации. Вернемся немного назад, в 1994 год. Тогда другой член обоих комитетов, Э. Стюарт Уотсон, уверял репортеров, что он и г-н Буш постоянно держат под контролем финансы компании. И если г-н Буш не знал о маневре с филиалом «Алоха», значит, он был очень халатным директором.

В любом случае нет никакого сомнения, что г-н Буш прекрасно знал, что происходит в компании к тому моменту, когда Комитет по ценным бумагам и биржевым операциям постановил пересмотреть прибыль компании. Поэтому он никак не мог быть шокирован теми уловками, которые стали известны публике после недавних скандалов с корпорациями. Его собственная компания использовала те же приемы для своей выгоды. Что действительно сделало г-на Буша богатым человеком, так это инвестиции компании «Харкен Энерджи» в «Тексас Рейнджерс»<sup>1</sup>, но это уже совсем другая история.

Суть проблемы заключается в контрасте между миром и реальностью. Г-н Буш позиционирует себя как простого парня, того, с кем может отождествлять себя обычный американец. Однако сам он сделал состояние, пользуясь связями с чиновниками и заключая аффели-

---

<sup>1</sup> Дважды, в 1986 и 1988 годах, компания «Харкен» ссужала Буша деньгами под низкий процент для покупки акций компании. Общая сумма ссуд составила 180 375 долл. Позже компания еще более либерализировала условия займа, сняв вето на акции Буша, использовавшиеся в качестве залога. Буш продал те акции, использовав выручку — 848 тыс. долл. — для вложения в бейсбольную команду «Тексас Рейнджерс».

рованные сделки, а после того, как его компанию купила «Харкен Энерджи», он смог воспользоваться и капиталами корпорации. Некоторым людям все дается легко.

---

## ТОЛЬКО ДЛЯ ИЗБРАННЫХ

---

12 ИЮЛЯ 2002 ГОДА

Нынешний кризис американского капитализма касается не только каких-то частностей — хитрой бухгалтерии, фондовых опционов, займов руководителям и так далее. Суть в том, что игра ведется по правилам, которые создаются только для заинтересованных лиц.

А в администрации Буша таких людей очень много. Именно поэтому президент Буш не может отделаться лишь риторическим осуждением таких правонарушителей. Приведем более яркий пример (по крайней мере, на сегодняшний день). Как мы можем серьезно относиться к этому морализаторству, если Томас Уайт до сих пор остается министром обороны? Хотя было доказано, что его отдел в компании «Энрон» сфабриковал 500 млн долларов фиктивной прибыли, а самому ему удалось продать акций на 12 млн долларов буквально за миг до краха компании.

Все ответные слова и действия г-на Буша ясно показывают, что ему нет никакого дела до этого. Его как-то спросили о сделке с «Алоха Петролеум», дочерним предприятием его компании «Харкен», — тогда эта аффелированная сделка принесла большие деньги и, кроме того, помогла раздуть прибыль компании. Он ответил: «Это совершенно естественная разница во мнениях... когда дело касается бухгалтерии, вещи перестают быть черно-белыми».

Однако он продолжает противиться реформе, которая сократит возможности для мошенничества корпораций. Например, г-н Буш не поддерживает требование не учитывать фондовые опционы при расчете прибыли или предложение запретить бухгалтерским компаниям получать гонорары от корпораций, которые они проверяют, что значительно затруднило бы злоупотребления.

Вспомните совершенно бессодержательную, но весьма грозную речь г-на Буша во вторник, когда он призвал ужесточить наказание для директоров компаний, уличенных в мошенничестве, — ведь это же пустая угроза. В реальной жизни исполнительным директорам редко выдвигают обвинения; компании «Энрон», например, до сих пор не было предъявлено ни одного обвинения, и даже г-н Данлэп по прозвищу «Бензопила Эл» отделался только гражданским иском (хотя было доказано, что он сфабриковал большое количество бухгалтерской отчетности), — несмотря ни на что их никогда не признают виновными. Вопросы, связанные с бухгалтерией, имеют настолько специфический характер, что могут запутать любой суд присяжных, и высокооплачиваемые адвокаты как раз и вносят эту путаницу, а если уж ничего не помогает, то у высших менеджеров есть влиятельные друзья, которые их защищают.

В этом случае, как и в большинстве подобных вопросов, нынешняя волна скандалов предваряется собственной историей президента Буша.

Немного отклонимся от темы. Некоторые «мудрецы» старались замять вопрос о деловой карьере г-на Буша — он казался им нечестным, кроме того, это было давно и, следовательно, сейчас не имеет значения. Однако многим этим ученым казалось совершенно уместным потратить семь лет и 70 млн долларов, исследуя фиктивные сделки с землей, которыми так богато про-

шное Билла Клинтона. Если вам хочется более свежих примеров, то как насчет невероятно выгодного капиталовложения г-на Буша в компанию «Тексас Рейнджерс», которая стала столь прибыльной благодаря кровосмесительной паутине общественной политики и дружеских отношений? Как и в случае с компанией «Харкен», не требуется никакого тяжелого труда, Джо Конасон<sup>1</sup> все подготовил в деле о «Харпер» почти два года назад.

Однако история с «Харкен» может многому нас научить, поскольку расследование Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям о продаже пакета акций г-на Буша является прекрасной иллюстрацией того, что его пылкая речь никогда не испугает преступников со связями.

Г-н Буш утверждает, что Комиссия подвергла его контрольной проверке. Фактически эта проверка была абсолютно поверхностной. Каким-то образом было принято решение, что столь удачная по времени продажа пакета г-ном Бушем не отражала внутреннюю информацию, хотя не допрашивали ни его, ни других членов совета директоров компании «Харкен». Возможно, высшее руководство Комиссии и так достаточно знало о г-не Буше, поскольку его отец, президент, назначил одного своего хорошего друга на должность председателя этой Комиссии. А главный консультант, который обычно принимает решение о законности операции, когда-то был личным адвокатом Джорджа Буша-младшего, именно он вел переговоры о покупке «Тексас Рейнджерс». И я это не выдумываю.

---

<sup>1</sup> Джо Конасон, автор книги «Большая ложь: Машина пропаганды правого крыла и как она коверкает правду» (*Joe Conason. Big Lies: The Right-Wing Propaganda Machine and How It Distorts the Truth*), журналист, демократ.

Конечно, у большинства директоров, занимающихся мошенничеством, нет столь сильных покровителей, как у молодого г-на Буша, однако большинство из них ожидают и, возможно, получают весьма снисходительное наказание. Можно провести довольно интересную параллель с нынешним поведением Комиссии; сейчас она должна разбираться с весьма спорным бухгалтером в компании «Халлибертон», которая превратила свои убытки в бухгалтерскую прибыль, и ей надо допросить исполнительного директора — Дика Чейни.

Суть состоит в том, что на прошлой неделе вы могли надеяться на то, что г-н Буш порвет со своим прошлым и возьмется за проведение так отчаянно необходимой реформы бухучета в корпорациях, однако сейчас эта надежда испарилась. Вы сами прекрасно понимаете — г-н Буш не настоящий реформатор, он просто выступает по телевизору.

## ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОЗМУЩЕНИЕ

---

23 АВГУСТА 2002 ГОДА

Высокая оплата СЕО в Америке отражает высокий уровень конкуренции среди компаний за лучшие администраторские кадры. Фондовые опционы и другие типичные формы поощрения руководящих сотрудников применяются для создания стимула к совершенствованию. Эти выплаты уравнивают личные интересы менеджеров с интересами владельцев акций.

Однако все вышесказанное ложь. Это отрывок из довольно необычного документа, составленного Национальным бюро экономических исследований, своеобразным хранилищем экономических идей. Этот доклад

должен прочитать каждый, кто пытается понять, что же действительно происходит в нашей экономике.

Впервые я прочитал этот документ — «Поощрения для руководящих сотрудников в Америке: заключение выгодных контрактов или обеспечение ренты?», написанный Луцианом Бебчуком, Джесси Фрид и Дэвидом Уолкером (из университетов Гарварда, Беркли и Бостона соответственно), в прошлом декабре. И во многом благодаря их анализу еще в самом начале всей этой неразберихи я понял, что скандал с компанией «Энрон» — только первый из серии подобных разоблачений.

Авторы исследования ясно показали, что официальная теория корпораций, в которой исполнительный директор служит совету директоров и выражает интересы владельцев акций, абсолютно не соответствует действительности. На практике современный исполнительный директор сам устанавливает размер поощрения, ограниченный только «общественным возмущением», то есть не возмущением совета директоров, благосостояние которого во многом зависит от доброго к нему расположения исполнительного директора, а возмущением посторонних людей, что может послужить причиной некоторых неприятностей. И истинная цель высокой оплаты звена СЕО состоит не столько в том, чтобы обеспечить им стимулы для хорошей работы, а в том, чтобы создать видимость — позволить высокопоставленным менеджерам щедро награждать себя, компенсируя таким образом связанные с этим моральные издержки.

И это наиболее заметно на примере фондовых опционов. Существуют веские причины для того, чтобы поставить заработную плату исполнительного директора в строгую зависимость от цен на акции, но истинные намерения почти невозможно увидеть на практике. Например, оплата исполнительного директора долж-

на зависеть от стоимости акций компании, которая соотнесена с эталонным индексом. Этот индекс рассчитывается на основе стоимости акций похожих компаний; таким образом, зарплата директора отражает то, что он делает, а не реальные рыночные условия.

Однако, как правило, исполнительный директор получает фондовые опционы по текущей рыночной цене — все, конец истории. Если акции растут, то он извлекает выгоду, если нет, то получает новые фондовые опционы по более низкой цене. Если быть честным, то в налоговом законодательстве есть дыры, которые вдохновляют эту практику. И все же главная причина такой системы оплаты исполнительных директоров заключается в том, что они получают уверенность в следующем — до тех пор, пока акции постепенно снижаются в цене, сотрудник, продолжающий получать фондовые опционы по текущей цене, все равно получит свою прибыль, рано или поздно, даже если ему придется замаскировать сделку. Опционы даже зачастую не учитываются как затраты корпорации, а когда приходит время выплат, их всегда можно представить как премию за достижения в работе.

Благодаря растущему мастерству компаний в этом камуфляже, а также постепенному распаду старой системы запретов на явные превышения полномочий, средняя оплата исполнительного директора в крупной компании просто заоблачная. Несколько лет назад она была «всего» в 40 раз выше, чем у обычного сотрудника, сейчас она в 500 раз выше. Это очень большие деньги, однако прямые затраты это не главная проблема. На самом деле суть в том, что уловки, позволяющие замаскировать непомерную зарплату руководителей, дают им существенный стимул сделать так, чтобы акции росли в цене, что позволит им когда-нибудь продать свои фондовые опционы.

Сейчас мы только начинаем понимать, насколько такие стимулы искажают цели корпорации. Сегодня мы знаем, что многие компании осуществляют грандиозные программы по расширению деятельности и скупке мелких предприятий. Вся эта деятельность заканчивается печально, однако только после того, как высшие руководители невероятно обогатятся. Мы также знаем, что многие компании стремятся к тому, чтобы соответствовать или даже превосходить ожидания аналитиков, которые занимаются бухучетом на крупных предприятиях. Последнее время самые крупные компании показывают рост прибыли в два раза ежегодно, хотя общенациональная статистика показывает, что фактические прибыли корпораций едва ли растут вообще.

Я не пытаюсь изобразить исполнительных директоров этакими злодеями, которые покручивают усы и хихикают, вспоминая свои темные делишки. Человек всегда найдет себе оправдание, ведь даже Джефф Скиллинг считает себя жертвой, и большинство исполнительных директоров не переходят границ закона.

Однако факт остается фактом, существующая ныне корпоративная система дает повод для злоупотреблений. И я очень удивлюсь, если выступление в среду представителя «Энрон» Майкла Коппера — это начало конца, в лучшем случае — это конец начала.

---

## ОБЫЧНЫЙ БИЗНЕС

---

22 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

По мнению сотрудника из Фонда наследия<sup>1</sup>, настроение среди тех, кто лоббирует интересы делового мира,

---

<sup>1</sup> Фонд наследия (Heritage Foundation) — неправительственная консервативная организация по исследованию



можно охарактеризовать как «оптимизм, граничащий с легкомыслием». Они ожидают, что выборы, которые пройдут 5 ноября, поставят республиканцев во главе всех трех ветвей власти, и готовят списки желаний. «Это отечественный эквивалент послевоенного планирования Ирака», — говорят представители власти.

Белый дом, очевидно, тоже ожидает Рождественского чуда уже в ноябре. По сути, все настолько в этом уверены, что лоббисты уже получили самый желанный подарок: окончание всей этой суеты, связанной с реформой корпораций. Вспомним июль, когда Джордж Буш-младший провозгласил, что «все нарушители закона в корпорациях будут найдены и наказаны», в этот момент он протаскивал законопроект, который «даст новые средства для контролеров Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, чтобы разоблачать правонарушителей». Но это было тогда... а вы случайно не знаете, идет ли эта война?

Первый огромный шаг, направленный на подрыв реформы, был сделан, когда Харви Питт, председатель Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям, отказался от своих планов назначить на пост главы нового совета по бухгалтерскому надзору сильную независимую личность.

Однако это было только прелюдией. Финансирование комиссии всегда было недостаточным, и большинство исследователей, включая Ричарда Бридена, возглавлявшего комитет при Буше-старшем, полагали, что даже тот бюджет, который г-н Буш-младший подписал в июле, явно недостаточен. Однако сейчас администрация хочет отменить большинство «новых средств», о которых столько говорил г-н Буш.

---

политических проблем, создана в 1974 году. Финансируется преимущественно филантропическими фондами.

Представители администрации полагают, что комиссия может делать свою работу, даже если бюджет будет гораздо меньше. Однако средства, выделяемые комиссии, просто смешны, юристы и бухгалтеры получают вдвое меньше, чем они могли бы зарабатывать в частном секторе, обычно оказывается, что служащих юридических отделов проверяемых компаний значительно больше, чем аудиторов, а зачастую сотрудникам приходится самим копировать и печатать документы. Представители Комиссии говорят, что они не могут проводить многие необходимые проверки из-за нехватки ресурсов, а новый закон расширяет ответственность Комиссии.

Что происходит? Проведем такую параллель. С 1995 года Конгресс систематически вынуждает Налоговое управление сокращать количество проводимых операций, число аудиторов сократилось на 28%. Совершенно ясно, что будь у Налогового управления больше средств, дефицит национального бюджета был бы меньше. По подсчетам управления, государство ежегодно недополучает налогов на сумму, по крайней мере, в 30 млрд долларов, поскольку крупнейшие налогоплательщики знают, что смогут уклониться от уплаты налогов. Поэтому Налоговое управление стремится не к тому, чтобы получить как можно больше денег, а к тому, чтобы предотвратить многочисленные налоговые мошенничества.

Точно так же высшие власти прекрасно понимают, что Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям не может выполнять свою работу при меньшем финансировании, — речь идет о том, чтобы помешать Комиссии делать ее работу.

Сейчас трудно понять, почему все были уверены, что наша нынешняя власть серьезно настроена в отношении корпоративной реформы. Как показали недавние беспрецедентные истории, это правительство со-

стоит из членов корпораций и работает для них. Я не говорю о влиянии, я имею в виду личные карьеры. В администрации Буша столько бывших исполнительных директоров, как ни в одной другой администрации, однако, как заметил Джеймс Суrowецки из журнала «The New Yorker», «практически ни один из исполнительных директоров команды Буша не возглавлял конкурентоспособную успешную компанию». Напротив, это представители «капитализма для избранных», где тот, кого ты знаешь, важнее, чем то, что ты делаешь, и то, как ты делаешь. Почему они повернулись спиной к этому миру?

И не забывайте о личных мотивах. Большинство этих экс-директоров в администрации заработали свое состояние благодаря связям в Вашингтоне, не исключение и сам г-н Буш, который разбогател благодаря своему отцу. Этот процесс продолжается. Сенатор Фил Грэм, протолкнувший законопроект, который избавил торговые операции компании «Энрон» от проверки, когда его жена была в совете директоров, просто уволился и перешел на другую работу, сейчас он работает в компании «Ю-Би-Эс Варбург», которая получила клиентов компании «Энрон». Как бы там ни было, истинные борцы со злоупотреблениями в деловой сфере не принимают подобных предложений.

Суть в том, что не стоит верить телевизионному образу интеллигентного человека в костюме — это имидж для общественного потребления; сейчас, когда люди сконцентрировались на других проблемах, можно вернуться к «бизнесу для избранных» как обычно.

---

ЧАСТЬ II

**СТРАННАЯ  
МАТЕМАТИКА**

---



Однажды я читал об одной латиноамериканской стране, политики которой взяли за правило давать невыполнимые обещания. Одна партия даже пообещала улучшить пропускную способность газопроводов, проектируя их так, чтобы они все время были под наклоном.

Сейчас так же шутят над нами.

Совершенно очевидно, что снижение налогов Бушем в 2001 году и снижение налогов Рейганом 20 лет назад — это схожие меры. Однако сами политики довольно сильно изменились за это время — они стали гораздо более осмотрительными. Я не большой поклонник Рейгана, но он, по крайней мере, честно говорил о своих планах, и не отрицал, что это грандиозное снижение налогов для богатых, и не скрывал того факта, что воспользоваться этой привилегией смогут только те, кто принимает его экономические теории с концепцией приоритета предложения. Однако, когда Буш предложил похожий план, он все исказил, поскольку заявлял, что налоги будут снижены для облегчения жизни среднего класса, кроме того, он настаивал, что эта мера вполне осуществима в рамках надежного бюджета. Понадобилось бы совсем немного времени, чтобы показать лживость обоих этих утвержде-

ний, но по некоторым причинам очень мало репортеров уделили этому внимание.

В начале 2000 года, когда началась предвыборная кампания, у меня были неприятные предчувствия по поводу того, что происходит. Действительно ли кандидат в президенты главной партии страны просто банально лгал по поводу содержания своей собственной программы? Действительно ли средства массовой информации спускали ему все с рук? Оба этих вопроса имеют утвердительные ответы.

И каков результат? Это был самый крупный в истории пример политики «кнута и пряника». Сначала Буш обещает снижение налогов, которое обрекает бюджет на крах и выгодно только очень богатым людям. Изначально этот шаг предпринимался в рамках скромного плана облегчить налоговое бремя обычных семей. Затем, когда стало не хватать чернил для записи долгов, он со своими сторонниками схватил флаг и стал проклинать террористов и военные силы, вышедшие из-под контроля, обвиняя их в бюджетном дефиците. Будучи экономистом, я понимал, что происходит, и пытался объяснить это в своей колонке. Критики называли меня Кассандрой и были правы, ведь пророчествам Кассандры никто не верил, однако они сбывались.

Глава 5 посвящена тому, как Буш преподносил свой план сокращения налогов, тем уловкам, уверткам и открытой лжи, которые он использовал сначала, чтобы набрать очки во время предвыборной гонки, а затем при обсуждении его в Конгрессе. Подтекст той истории заключается в неспособности учреждений и людей, ответственных за защиту общественных интересов, выполнять свои обязанности. Пресса потерпела сокрушительное поражение, объясняя эти вопросы: Бушу сошла с рук совершенно наглая ложь о бюджете. Люди,

которые считали себя стражами фискальной честности, отказались от своих принципов. Особенно поражает то, что Алан Гринспен, главный блюститель налоговой дисциплины при Клинтоне, противоречил сам себе, чтобы оказать поддержку заведомо провальному плану Буша по снижению налогов.

Мне было абсолютно ясно, что план Буша промотает с таким трудом доставшийся профицит бюджета. Чего я не предвидел, так это того, насколько быстро все произойдет. И конечно же, я не знал, что события 11 сентября дадут администрации возможность прикрыть свои трюки, обвиняя в долгах иностранных террористов. В главе 6 описываются дебаты по бюджету после 11 сентября, и хотя масштаб бюджетной катастрофы стал очевиден, это, казалось, никого не волновало.

Хорошо, а почему мы должны волноваться? Сторонники политики администрации Буша говорят нам, что по историческим стандартам долг федерального правительства не так уж велик, учитывая размер экономики. А бюджетный дефицит, хотя и беспрецедентен в долларовом выражении, также не столь исключителен по сравнению с ВВП. Однако эти любители сравнений глубоко ошибаются: политика администрации губительна и безответственна, она приведет нас к громадному кризису в не столь далеком будущем. Почему? Потому что осталось всего несколько лет до часа X, того дня, когда поколение, появившееся на свет во время всплеска рождаемости, начнет выходить на пенсию.

Правительство Соединенных Штатов представляет собой большую страховую компанию, у которой, правда, есть армия. Гигантские пенсионные программы — по социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию — уже съедают львиную долю федерального бюджета, и они будут стоить гораздо дороже че-



рез десяток лет. Если мы должны платить по этим счетам, а также погашать проценты по огромному национальному долгу, то должны чем-нибудь пожертвовать. Поэтому сейчас самое время выплачивать федеральный долг, используя излишки бюджетных средств. Трудно вообразить, что будет еще хуже и дефицит возрастет.

Почему бы, в самом деле, не реформировать социальное обеспечение и медицинское обслуживание? Звучит заманчиво, и во время предвыборной кампании Буша план «реформы» системы социального обеспечения сыграл свою роль. Однако глава 7 объясняет, почему этот план был мошенничеством с самого начала. Когда вы дойдете до этой главы, то поймете, что по сути Буш настаивал на том, что  $2 - 1 = 4$ , убеждая всех, будто зачисление налоговых выплат не в общие фонды системы социального обеспечения, а на частные счета укрепит финансы системы, хотя простейший арифметический подсчет показывает, что результат будет прямо противоположным. Обман администрации относительно медицинского обслуживания был изощреннее, однако ложь остается ложью. В обоих случаях предполагаемые меры только ухудшили бы существующее положение дел и создали новые проблемы, связанные с безответственной фискальной политикой.

К чему это все приведет? Составляя эту часть книги, я долго думал о налоговой политике страны в будущем и, в частности, об ипотеке с фиксированным процентом. В скором будущем и, возможно, быстрее, чем вы думаете, финансовый рынок страны оценит эту ситуацию и поймет, что правительство Соединенных Штатов давало невыполнимые обещания — большие пособия пенсионерам, погашение внутреннего долга и невероятно низкие ставки процента. Чем-то придется пожертвовать, и это будет неприятно. Я ду-

маю, что Соединенные Штаты сами себя приведут к финансовому кризису, похожему на тот, который был в Латинской Америке, где все были убеждены, что правительство попытается решить проблему долгов с помощью инфляции, что привело к просто заоблачным процентным ставкам.

Читая эту книгу, вы узнаете об этом первыми.

## ОЙ! ОН ОПЯТЬ ЭТО СДЕЛАЛ

---

1 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Наступило время покаяния для финансистов. Поскольку многие компании признали, что их прибыль не отвечает запросам рынка, передачи вроде «Moneyline» на канале CNN, стало больно смотреть: вечер за вечером руководители компаний увиливали от ответов на вопрос о том, почему прибыли низки как никогда; понятно, что речь шла о реальном положении дел. Кроме того, ведущие программ использовали свои домашние заготовки — вцеплялись мертвой хваткой во все очевидно неверные числа.

Однако я полагаю, у некоторых людей есть своя особая точка зрения.

Я на самом деле, правда, не собирался больше посвящать свои колонки арифметике Джорджа Буша. Однако его последний спектакль в передаче «Moneyline» в прошлую среду был просто ошеломляющим. Мне пришлось прочитать стенограмму, чтобы удостовериться, что я не ослышался. Было такое ощущение, что помощники г-на Буша напутствовали его так: «Вы говорили некоторые вещи, которые были ложью. Ваша задача за те несколь-

ко минут, которые у вас будут, повторить эти вещи. Не надо обобщать, просто говорите ложные цифры. Это их убедит!»

Сначала г-н Буш говорил о бюджете. «Ожидаемый профицит бюджета примерно 4,6 триллиона», — заявил он. Это можно принять за правду, даже если подобные ожидания сомнительны. Далее он продолжал: «Я собираюсь часть этих денег, примерно триллион, пустить на такие проекты, как обеспечение лекарствами пенсионеров, укрепление армии, поддержание мира. У меня есть некоторые соображения по поводу образования во всем мире. Я хочу — и вы об этом знаете — потратить некоторую сумму на охрану окружающей среды».

Примерно триллион? Проект бюджета, представленный во время избирательной кампании 3 недели назад, предполагал, что общие затраты на новые проекты составят 474,6 млрд долларов — меньше, чем полтриллиона. Вероятно, г-н Буш хотел убедить всех, что он этаким сострадательный парень, который заботится об образовании, окружающей среде и тому подобных вещах. Однако это не оправдывает его утверждений о желании потратить на эти замечательные вещи вдвое больше, чем заложено в его же собственном бюджете.

Он продолжал: «Однако примерно четверть остается неизрасходованной, это примерно 1,3 триллиона долларов (как раз размер понижения налогов). Я думаю, что нам следует вернуть их налогоплательщикам». Увы, но если умножить 4 на 1,3, то получается 5,2, а не 4,6, и в любом случае для обеспечения предлагаемого снижения налогов, включая проценты, придется потратить 1,6 триллиона долларов, то есть более трети ожидаемых излишков бюджетных средств.

Потом пришел черед социального обеспечения. Здесь не требуется особых объяснений. Причина, по

которой социальное обеспечение переживает трудные времена, заключается в том, что в системе есть большая «дыра» — по сути, это скрытые долги, — поскольку предыдущие поколения пенсионеров получали выплаты за счет вкладов работающего населения. Эта дыра также означает, что вы не можете доверять негосударственной системе социального обеспечения, которую так защищает г-н Буш; он основывается на сравнении дохода по государственным облигациям и по личным вкладам в фонды системы социального обеспечения, игнорируя, однако, долг в несколько триллионов долларов, который должен кто-то выплатить.

Г-н Буш, не теряя времени, прямо перешел к этому липовому сравнению. «Но что я могу гарантировать абсолютно точно, это ставку в 4% (но ведь доход по правительственным облигациям такой же!), что вдвое больше, чем предлагается фондами системы социального обеспечения на сегодняшний день».

Существуют ли какие-нибудь способы объяснить замечания г-на Буша — три опровержения своих же собственных слов за какие-то пару минут? Я не могу придумать. Мы не говорим о спорном экономическом анализе, только о фактах — все, что сказал г-н Буш по национальному телевидению, это банальная ложь.

Что действительно поражает, так это молчание СМИ — тех самых «либеральных средств массовой информации», которые всегда всем недовольны. «Moneyline» никогда не позволяла какому-нибудь исполнительному директору обещать потратить в два раза больше на исследования, чем заявлено в пресс-релизе компании. Однако когда г-н Буш пообещал потратить на правительственные программы вдвое больше, чем во время своей кампании, ведущий ничего не сказал, более того, никто не заострил на этом внимание.

Как я уже говорил, я не собирался больше писать об этом. Однако репортеры, казалось, были слишком заняты суматохой предвыборной кампании, чтобы следить за обещаниями кандидатов. Но ведь хоть кто-нибудь должен был заметить, что в интервью по своей экономической программе г-н Буш сделал это снова: слишком раздул планы по затратам, преуменьшил стоимость сокращения налогов и искажил вопросы, касающиеся социального обеспечения.

## МЫ НИ ЗА ЧТО НЕ ОТВЕЧАЕМ

---

18 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Какими бы ни были результаты этих выборов, в будущем историки, скорее всего, скажут, что этот год был для Америки своеобразным политическим тестом и она его провалила.

После десятилетий безответственности со стороны обеих партий к 1990-м гг. Америка, казалось, повзрослела, государство научилось планировать, извлекать выгоду из хороших времен, чтобы подготовиться к будущему. Однако это было иллюзией: получается, мы просто играли во взрослых.

Главное правило фискальной ответственности правительства перед народом то же, что в любой семье: отдавай долги и создавай финансовые резервы, когда дела идут хорошо, тогда ты сможешь воспользоваться своими сбережениями позже. И нынешнее время самое лучшее для правительства Америки, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, мы живем в мирное время, у нас нет значительных военных соперников. Понятно, что новой хо-

лодной войны не будет и не надо будет постоянно увеличивать затраты на оборону.

Во-вторых, уровень рождаемости сейчас весьма высок, более того, в обозримом будущем не ожидается серьезных изменений. Современное правительство Соединенных Штатов строго контролирует деятельность страховых компаний, которые обеспечивают выплату пенсий и медицинское обслуживание пожилым гражданам. Программы начались всего 10 лет назад, но уже сейчас население, имеющее право на медицинское обслуживание и социальное обеспечение, стало неуклонно нарастать, чему не видно конца, то же произойдет и со счетами. Если налоги, которые платит все уменьшающаяся работающая часть населения, не будут расти, то нам сейчас имеет смысл начать сберегать средства.

Наконец, именно сейчас экономика Соединенных Штатов и косвенно федеральный бюджет извлекают выгоду из того, что остальной мир полагает, будто в Америке самый благоприятный климат для инвестиций. Громадные потоки иностранного капитала позволяют Соединенным Штатам поддерживать низкую ставку процента, а стоимость акций продолжает расти, по этим причинам деньги бесперебойно пополняют американскую казну. Некоторые экономисты считают, что такая же ситуация была в Азии до 1997 года. Эти финансовые потоки только создают условия для будущего кризиса, поэтому я не могу сказать, что это меня не беспокоит. Однако даже если кризис не наступит, мы знаем, что иностранные инвесторы (да и американские тоже) рано или поздно предпочтут Соединенным Штатам другие страны, и приток капитала когда-нибудь превратится в отток, и мы очень пожалеем, если не будем готовы к этому дню.

Поэтому правительство Соединенных Штатов поступит своевременно и разумно, если постарается сформировать большой профицит бюджета прямо сейчас. Бюджетные аналитики, которые способны спрогнозировать ситуацию, доказывают, что даже без уменьшения налогов и без проектов затрат, предлагаемых кандидатами в президенты, мы не сможем создать необходимый нам профицит за ближайшее десятилетие, и нам в любом случае надо повышать налоги и сокращать затраты.

Однако как можно объяснить эти далеко идущие планы простым людям? А правда в том, что наши лидеры никогда особо и не пытались. В действительности, даже те политики, которые старались что-то объяснять, обращались к полуправдам. Вся эта суeta вокруг того, что программы по социальному обеспечению и медицинскому обслуживанию надо положить в «долгий ящик», — это просто попытка переложить ответственность за финансы на избирателей, не объясняя, почему это необходимо. Наверное, поэтому нам не стоит удивляться, что мы получили худший из миров. С одной стороны, общество думает, и не зря, что политики вроде Алана Гора просто заговаривают зубы, используя «полуправду», чтобы проводить «полуответственную» политику. С другой стороны, общество думает — и ошибается, — что политики вроде Джорджа Буша-младшего защищают интересы простого народа, обещая ему кусок хлеба с маслом.

Невероятное желание г-на Буша добиться народного доверия продолжает удивлять. Во втором туре дебатов он превзошел самого себя, заявив на этот раз, что его налоговый план — «это самое большое снижение налогов для тех людей, которые стоят у самого основания экономической лестницы». (При этом отчетливо



слышится хихиканье миллионеров и гогот мультимиллионеров.)

Однако радость толпы, которая выбрала оруэлловский лозунг «никаких странных чисел» (оруэлловский потому, что на самом деле это означает «мы ничего не хотим знать»), показывает, что наша страна просто не была готова тщательно подумать, что позволило бы действовать ответственно. Возможно, более грамотные политики сделали бы все по-другому, а может, виноваты не политики, а мы.

---

## ВСЕ СТРАНЬШЕ И СТРАНЬШЕ

---

25 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Вы знаете, что если бы Алан Гор стал президентом и воплотил свой экономический план в жизнь, то 2,3 млн американцев умерли бы в следующем году? Надменные люди из Вашингтона могли попытаться смутить вас, отметив, что если бы г-н Гор не стал президентом, то 2,3 млн американцев все равно умерли бы — и статистика смертности за следующий год никоим образом не зависит от того, кто является президентом. Однако вы можете мириться с лозунгом: «Не надо странных чисел!» только до тех пор, пока выборы не пройдут.

Нет, г-н Буш не обвиняет г-на Гора в уровне смертности, но он сделал нечто подобное. Г-н Гор совершенно справедливо заметил, что г-н Буш пообещал 1 триллион долларов на программу социального обеспечения для двух совершенно разных категорий граждан. С одной стороны, он говорил молодым рабочим, что позволит им копить деньги на личных счетах, а пожилым обещал, что сможет выплачивать пенсию из общего фон-

да. При этом г-н Буш обвинял г-на Гора в том, что его план социального обеспечения увеличит национальный долг по крайней мере на 40 триллионов долларов.

Это кажется огромной цифрой. На самом деле эта цифра складывается из общей стоимости выплат правительства в фонды социального обеспечения и процентов, которые накопятся за последующие 50 лет. Я не буду утомлять вас скучными подробностями, но эта цифра бессмысленна.

Однако действительно удивляет то, что эта цифра не имеет ничего общего с планом Гора. Нельзя не согласиться, что если план Гора будет воплощен в жизнь, то для программы социального обеспечения потребуются выплаты из федерального бюджета. Однако столько же денег понадобится, если план г-на Гора не будет воплощен в жизнь. Единственная возможность сократить сумму — это уменьшить размер обещанных пенсий.

Тем не менее г-н Буш ничего не говорил о сокращении пособий. Таким образом, его план обойдется ровно во столько же, во сколько и план его оппонента, а скорее всего, и значительно дороже, поскольку Буш давал весьма противоречивые обещания найти другой источник средств.

Возможно, ответственность г-на Гора за уровень будущей смертности не сработала бы, однако советники г-на Буша, видимо, решили, что будущие долги перед системой социального обеспечения — это веский довод, который, по крайней мере, временно смутит избирателей, не позволяя им четко поразмыслить над предметом спора. До выборов осталось всего лишь две недели, мусор ведь можно убрать и потом, правда?

Однако о каком мусоре идет речь? Ведь выплаты в систему социального обеспечения это не просто некие суммы, обещанные двум группам людей.

Планы г-на Буша и г-на Гора — правда, в меньшей степени — основаны на предположении, что в течение следующих 10 лет федеральное правительство не сможет тратить деньги по собственному усмотрению. Однако последние несколько месяцев, пока ваше внимание было занято выборами, у обеих партий Конгресса случился просто приступ трат, причем и республиканцы, и демократы признают, что если так будет продолжаться, то в ближайшее десятилетие эта сумма превысит 800 млрд долларов.

Что же следующий президент будет делать с этими плохими известиями? В бюджете г-на Гора мало слабых мест, и он заявил, что получение профицита является его приоритетом, возможно, он даже пойдет на отказ от уменьшения налогов. Однако и бюджет г-на Буша даже сейчас имеет смысл только благодаря виртуозному бухучету, и он дал понять, что ничто не сможет его убедить отказаться от снижения налогов. (Кто-то сказал: «Читайте по губам»?)

Тогда странно вот что: скоро, вероятно, буквально в следующем году эти предполагаемые излишки будущего бюджета драматически модифицируются в спад, а долгосрочные прогнозы покажут дефицит даже в отдаленном будущем. Это может привести к реальным экономическим рискам, кроме того, существенно пошатнуть нашу веру в себя. Мы будем качать головами, удивляясь нашему оптимизму, и недоумевать, о чем же мы думали.

Ответ, конечно же, заключается в том, что мы и не думали, более того — осуждали тех, кто думал. Кто бы ни выиграл выборы, реакция на дебаты показала, что избиратели интуитивно не любят кандидатов, которые выглядят слишком умными, надо давать избирателям право самим производить арифметические подсчеты.

На самом деле девиз этого предвыборного года и, соответственно, эпитафия для «скоро-мы-распрощаемся-с-излишками-бюджета» следующая: «Настоящие мужчины не думают». К сожалению, то, о чем вы отказываетесь думать, может все же нанести вам вред.

И ТЫ, АЛАН?

---

28 ЯНВАРЯ 2001 ГОДА

Несмотря на то что Алан Гринспен всегда говорит очень заумно, его мысли, как правило, довольно ясны и логически связаны, если их, конечно, перевести на простой человеческий язык. Однако его заявление в бюджетном комитете Сената в прошлый вторник было уклончивым и зачастую противоречивым. Трудно отделаться от впечатления, что намерением г-на Гринспена было оказать поддержку новой администрации и придать ей уверенность, сохраняя видимость альтернативных решений.

Действительно, во всеуслышание г-н Гринспен отрицал довод администрации, что нам срочно необходимо уменьшить налоги во избежание спада. Признавая, что рост экономики может быть незначительным, а в следующем квартале его может вообще не быть, он предположил, что восстановление, возможно, начнется, когда налоги будут взиматься по новой, пониженной ставке. Кстати, последние данные свидетельствуют, что производство, которое страдало от мучительного спада несколько месяцев, уже начало приходить в нормальное состояние.

Тем не менее тезисы доклада касались исключительно продвижения законопроекта о снижении налогов,

хотя кто-кто, а глава Федеральной резервной системы должен понимать к чему это приведет. И когда мы смотрим на извращенную логику, с помощью которой г-н Гринспен пришел к такому заключению, невольно задумываемся, действительно ли он согласен с тем, о чем говорит.

Его аргумент был следующим: учитывая предполагаемые излишки бюджетных средств в последующем десятилетии, федеральное правительство сможет не только выплатить свой долг, но также будет иметь возможность использовать эти излишки для покупки негосударственных активов. Он согласился, что это может вызвать проблемы, поскольку «трудно оградить правительственные инвестиционные решения от политического давления». Поэтому нам следует подготовить «прямую дорожку» для принятия решений, то есть сократить налоги, что на самом деле будет означать, что правительство никогда не сможет выплатить свой долг.

Сейчас я хочу поспорить с этими проектами по поводу излишков. Мне хотелось бы отметить еще один момент в речи г-на Гринспена: «Гораздо лучше, если излишки будут меньше из-за сокращения налогов, чем из-за увеличения расходов». Здесь г-н Гринспен перешел все границы. С каких это пор Федеральная резервная система стала решать, должны ли мы уменьшить налоги, или, скажем, расходы на лекарства, или, в конце концов, на противоракетную оборону? (Ни одна из этих программ не финансируется из этих предполагаемых излишков.) Сам г-н Гринспен, казалось, был озабочен тем, что встал на шаткую почву, и предложил довольно невразумительное извинение: «Я говорю от своего имени, а не обязательно от имени Федеральной резервной системы».

Однако действительно странно игнорирование им главной причины, по которой федеральное правительство однажды будет вынуждено стать инвестором, заключающейся в том, что системы социального обеспечения и медицинского обслуживания должны иметь на руках значительные средства. Этим фондам следует аккумулировать средства, чтобы подготовиться к буму рождаемости в будущем, ведь по всем оценкам даже огромные предполагаемые излишки этих трастовых фондов будут недостаточными. «Несомненно, — заявил г-н Гринспен, — мы должны быть уверены, что излишки фондов системы социального обеспечения будут достаточно велики, чтобы удовлетворить наши потребности в отдаленном будущем». Хорошо, но я прошу прощения, — это невозможно, если федеральное правительство не станет инвестировать средства.

Однако если г-на Гринспена действительно беспокоила эта перспектива, то он должен был сосредоточиться на проблеме, каким образом предотвратить злоупотребления, если правительство станет инвестором. И существует много способов это сделать, включая, кстати, довольно выполнимые планы по частичной приватизации системы социального обеспечения, которая (в отличие от фантастических обещаний во время кампании г-на Буша) потребует от федерального правительства внести триллионы долларов для погашения выпущенных облигаций, легко решая «проблему» непомерных излишков.

В конце концов, г-н Гринспен был вынужден признать, что решением этой проблемы является уменьшение налогов. Опустив аргумент о необходимости снижения налогов, чтобы справиться со спадом сейчас, и признав, что, как показывает история, подобная мера «оказывается нецелесообразной во время краткосроч-

ного экономического спада», он промямлил: «Поскольку есть причины полагать, что экономическая ситуация будет ухудшаться и дальше, то фактически уменьшение налогов будет благоприятной мерой». Однако, принимая во внимание сказанное, если к тому времени, когда снижение налогов окажет свое действие, экономика опять станет сильной, не принесет ли это снижение значительный вред? Г-н Гринспен отказался отвечать на вопросы, касающиеся этой темы.

Когда человек, который всегда отличался ясностью мысли, сам загоняет себя в логические ловушки, только чтобы угодить новому президенту, то нетрудно догадаться, что происходит. Однако об этом неприятно думать.

---

## САЛЯМИ В НАРЕЗКЕ

---

11 ФЕВРАЛЯ 2001 ГОДА

Продвижение Джорджем Бушем-младшим его законопроекта о налогах сильно напоминает нарезку салями: отрезая постепенно по кусочку, он шаг за шагом избавляется от оппозиции. Надо оценить существующее положение дел, чтобы понять, насколько абсурден его план.

Итак, каждый гражданин выплачивает 3 базовых налога в федеральный бюджет. Во-первых, это налог на заработную плату, которым облагаются по единой ставке в 15,3% доходы, не превышающие 70 000 долларов в год. Это главный налог, и его платят примерно 4 семьи из 5. Далее, ставка подоходного налога, которая для большинства семей составляет менее 10%, но она может достигать 30% для тех, чьи доходы превы-

шают миллион долларов. И наконец, налог на наследство, которым облагается недвижимость стоимостью более 675 000 долларов (для семейных пар он удваивается). Это налог для очень состоятельных людей — его платят не более 2% налогоплательщиков, большая часть этого налога ложится на плечи нескольких тысяч владельцев недвижимости стоимостью несколько миллионов долларов.

А теперь, собственно, о самой тактике.

Консерваторы, которые недооценивают налоговое бремя, всегда включают налог на заработную плату в свои калькуляции. А администрация, выступая за снижение налогов, всегда начинает с цифр, которые подразумевают все налоговые поступления. Снова и снова мы слышим об излишках в 5,6 триллиона долларов. Вам не следует верить этим проектам, поскольку бóльшая часть этих средств (причем часть, заслуживающая особого внимания) пойдет в фонды систем социального обеспечения и медицинского обслуживания, которые финансируются за счет налога на заработную плату.

Однако когда дело доходит до снижения налогов, люди г-на Буша игнорируют налог на заработную плату, то есть они не обещают снизить налог, который платят большинство семей, и требуют значительно понизить подоходный налог, который в основном ложится на плечи состоятельных людей. А также они хотят отменить налог на наследство, который платят вообще только очень богатые люди.

Предлагая отменить налог, касающийся только богатых, сократить налог, который платят в основном очень состоятельные люди, и совершенно игнорируя основной налог, выплачиваемый большинством людей, администрация приняла продуманное решение облегчить жизнь тем, кто стоит на верху социальной лестни-



цы. Семьи, которые зарабатывают 50 000 долларов в год, сэкономят примерно 800 долларов, а семьи, доход которых составляет 1 млн долларов, получают примерно 50 000 долларов. Да, состоятельные семьи в настоящий момент платят налог по большей ставке — но ведь она не настолько больше. Однако я не стал бы называть этот шаг «классовой борьбой», где несправедливое снижение налогов принесет выгоду только очень, очень состоятельным людям.

Сейчас снижение налогов для состоятельных людей можно оправдать тем, что ставки слишком высоки даже для богатых людей и снижение налогов, которые они платят, будет способствовать росту экономики. Однако администрация преследует другую цель, ведь мы помним опыт Клинтона, поэтому глупо утверждать, что высокие налоги тормозят экономическое развитие.

Вместо этого администрация претендует на существенное облегчение налогового бремени для работающих семей. На прошлой неделе министр финансов Пол О'Нил заявил, что этот план «в основном поможет тем людям, которые, скорее, зарабатывают мало или средне», добавив, что «он касается всех американцев, которые в настоящее время платят налоги». С логической точки зрения его высказывание нельзя назвать ложью, ведь «скорее» не обязательно значит «на самом деле», а «касается» не обязательно значит, что семья на самом деле будет платить меньшие налоги. Однако надо отметить, что г-н О'Нил, который всегда четко излагал свои мысли, очень быстро научился новому ремеслу скрывать суть дела.

Такое популистское снижение налогов продвигается, будто постепенное отрезание тонких ломтиков салами. Советники Буша часто отмечают, что снижение подоходного налога для семей с низким доходом будет

значительнее, чем для богатых. При этом они надеются, что вы не заметите, что основное бремя для семей с низким доходом — это налог на заработную плату, который не снижается, а детки состоятельных родителей получают значительное финансовое облегчение от отмены налога на наследство.

Эти поэтапные события с «семейными налогами» перераспределяли налоговое бремя очень осторожно, тщательно избегая любых ссылок на крупных бенефициариев. Единственный налогоплательщик с высоким доходом и единственный возможный наследник налогооблагаемого поместья, упомянутый во время этих событий, был сам г-н Буш.

Считается, что Отто фон Бисмарк как-то сказал: «Люди спят спокойнее, если не знают, как делается политика». Г-н Буш, несомненно, согласен с этими словами, он надеется, что американцы не станут дотошно интересоваться ни качеством самой налоговой салями, ни способом ее нарезки.

---

## ДОЛГОВАЯ ЯМА

---

18 МАРТА 2001 ГОДА

Представьте, что некий подрядчик ремонтирует ваш дом. Забавно, как он получил работу: вы отметили не те пункты в запутанной анкете, и приятель подрядчика рассудил, что вы просто не разобрались в ситуации. В любом случае, несмотря на то, что в первую очередь вы хотели поменять протекающую крышу, он настаивает на строительстве роскошной ванной комнаты.

Теперь вернемся к тому моменту, когда подрядчик только собирался получить заказ. Он сказал, что ему

потребуется для ванной комнаты только 10 000 долларов, хотя все полагали эту оценку заниженной. Сейчас, конечно, оказалось, что вам придется потратить на ремонт по крайней мере 25 000 долларов. Однако ваш подрядчик утверждает, что он сможет сэкономить деньги на ремонте других помещений, и эта разница в конечном итоге не будет заметна. Кроме того, один из его работников лично заверил вас, что о крыше не забудут, хотя и признал, что окончательное решение принимает не он, а босс отказывается что-либо подписывать.

В мае прошлого года, когда г-н Буш утверждал, что он планировал снизить налоги на сумму только в один триллион (помните всю эту историю с векселями?), независимые эксперты оценивали фактические бюджетные затраты на снижение налогов на срок 10 лет примерно в 2 триллиона долларов. Они также предупреждали, что в плане г-на Буша есть туманный момент, касающийся налогового кодекса и минимального альтернативного налога, и это может стать главной проблемой, разрешение которой резко увеличит затраты на осуществление плана.

Кроме того, месяц назад Объединенный комитет Конгресса по налогам подсчитал, что предложение г-на Буша сократит налоговые поступления в следующем десятилетии на 2,2 триллиона долларов. Также этот комитет сделал некоторые шокирующие оценки по поводу минимального альтернативного налога.

Большинство людей никогда не слышали об этом налоге, который должен был затруднить уклонение от уплаты налогов для состоятельных людей, а в результате он коснулся в основном семей с уровнем дохода несколько выше среднего, налоговая база которых рассчитывается достаточно сложно. Когда этот налог вступил в действие, он взбесил всех; вы всегда тщательно

подсчитываете свои доходы, потом вдруг оказывается, что вам надо сделать другой подсчет, кроме того, получается, что вы должны гораздо больше. Однако прямо сейчас эти изменения коснулись только 1,5% налогоплательщиков. Но комитет сделал вывод, что если план г-на Буша воплотится в жизнь, эти перемены затронут примерно треть налогоплательщиков. Нет никакого сомнения, что надо изменить закон, чтобы избежать подобных казусов, однако эта мера увеличит расходы по этому плану по меньшей мере на сумму в 300 млрд долларов.

Таким образом, «сокращение налогов на 1 триллион» на самом деле обойдется в 2,5 триллиона, а это значит, что такие проекты, как противоракетная оборона и обеспечение лекарствами, придется финансировать, отнимая средства у программ социального обеспечения и медицинского обслуживания.

На прошлой неделе министр здравоохранения Томми Томпсон попытался развеять подозрения по поводу подобного сокращения средств, лично заверив граждан, что средства на медицинское обслуживание, которые «Medicare» аккумулирует для медобеспечения беби-бумеров, не будут потрачены на другие нужды, несмотря даже на то, что г-н Буш включил эти деньги в свой «резерв на покрытие чрезвычайных потерь». Однако г-н Томпсон признал, что на деле это от него не зависит, и сторонники администрации в Сенате блокировали меру, которая гарантирует обещание г-на Томпсона. Как бы там ни было, но меня это не убедило.

Последняя новость — г-н Буш настаивает на дополнительном снижении налогов в этом году, чтобы стимулировать экономику; очевидно, он считает, что снижение, поэтапное осуществление которого займет 10 лет, никак не повлияет на увеличение затрат сегодня — од-

нако на самом деле это добавит сотни миллиардов долларов к затратной части бюджета. Вы можете подумать, что он признает рост затрат по его плану снижения налогов и, наверное, предложит сократить предполагаемое уменьшение налогов. Этого совершенно точно никогда не произойдет: представители администрации утверждают, что снижение налогов в этом году не повлияет на сделанные расчеты, так как их бюджет касается периода с 2002 по 2011 год, поэтому то, что происходит в этом году, не считается. Я с этим не согласен.

Самое главное то, что эта оценка затрат на снижение налогов не разрушится из-за новой информации, она разрушится оттого, что изначальные оценки были просто-напросто нечестными. Г-н Буш всегда знал, что вводит народ в заблуждение своими предложениями, точно так же, как он сейчас знает, что вводит людей в заблуждение в отношении того, какие именно налоги будут уменьшены и насколько. Этот подрядчик не ошибся, он намеренно обманул домовладельца. И до тех пор, пока подобное будет сходиться с рук, у него не будет причины менять стиль работы.

## ПАНАЦЕЯ ОТ ВСЕХ БЕД

---

16 МАЯ 2001 ГОДА

Сцены из драмы под названием «План снижения налогов».

Январь 2001 года. Советник Белого дома по экономическим вопросам Лоренс Линдси убеждает, что план г-на Буша по снижению налогов (мы не имеем виду снижения ставок процента) это правильное решение в условиях экономического спада, поскольку

уменьшение налогов «имеет невероятно большое значение». Экономисты озадачены попыткой провести долговременное снижение налогов в ответ на краткосрочный спад, особенно учитывая тот факт, что большинство предполагаемых снижений начнется не раньше второй половины десятилетия. Далее, когда Конгресс принимал резолюцию по бюджету, которая санкционирует трату 1,35 триллиона долларов на этот план, сторонники администрации пытаются без всякого обсуждения потребовать потратить 100 млрд долларов от общей суммы немедленно для стимуляции экономики. Причем они предполагают использовать эти деньги для налоговых льгот богатым семьям, несмотря даже на то, что это снижение предполагалось не ранее 2006 года.

Март 2001 года. Президент Буш заявляет, что «в стране более 17,4 млн мелких фирм и частных предпринимателей, которые получают выгоду от снижения высшей ставки налога с 39,6 до 33%». Пресс-релиз министерства финансов, похоже, поддерживает его, заявляя, что «совершенно очевидно, что по крайней мере 17,4 млн владельцев мелких фирм и частных предпринимателей, многие из которых сейчас платят налог по ставке 39,6%, получают выгоду от плана президента по смягчению налогообложения». Экономисты озадачены, поскольку лишь 1 млн налогоплательщиков имеют доход, облагаемый по ставке в 39,6%, и большинство из них нельзя назвать владельцами мелких фирм. Независимые эксперты полагают, что лишь 1% мелких предпринимателей получают какую-нибудь выгоду от снижения высшей ставки налога, придавая новое значение слову «многие».

Май 2001 года. Г-на Буша спросили, что будет делать администрация, если повысятся цены на бензин.

«Я позволю себе повториться, хотя не думаю, что смогу еще четче ответить на этот вопрос, — ответил он. — Конгрессу, который заинтересован в том, чтобы потребители могли платить за бензин больше, нужно как можно быстрее принять план снижения налогов. Мы зарезервировали примерно 100 млрд долларов, чтобы помочь потребителям справиться с высокими ценами на энергоносители. Я сильно беспокоюсь о потребителях. Я сильно беспокоюсь о высоких ценах на бензин. Всем, кто хочет понять, как помочь потребителям, надо принять план снижения налогов как можно быстрее». Экономисты озадачены, поскольку беднейшие семьи, которые больше всего пострадают от скачка цен на бензин, не получают никаких льгот по плану г-на Буша. Кроме того, эти 100 млрд долларов, которые г-н Буш зарезервировал, «чтобы помочь потребителям в связи с повышением цен на бензин», — это кратковременное снижение налогов, которое его сторонники в Конгрессе пытались исключить из бюджетной резолюции.

Июнь 2001 года. Заоблачные цены на электричество тяжело сказались на многих семьях и мелких предприятиях в нескольких частях Соединенных Штатов. Г-н Буш продолжает настаивать, что нет немедленного решения энергетических проблем, что ответ в том, чтобы найти нефть в Антарктиде, на территории, которая принадлежит США. Однако он добавляет, что его план снижения налогов поможет семьям оплачивать электричество или покупать свечи и газовые лампы.

Июль 2001 года. Яшур перешел границы Соединенных Штатов и быстро распространяется. Г-н Буш отрицает, что эта эпидемия ставит вопрос об изменении бюджета министерства сельского хозяйства. Он утверждает, что лучший ответ — это широкие налоговые льготы, которые помогут фермерам закупать новых

животных, а покупателям — платить более высокую цену за мясо, кроме того, домохозяйки могут посещать курсы по приготовлению вегетарианской пищи.

Август 2001 года. Сложные погодные условия и слабый контроль над загрязнением окружающей среды привели к серьезным проблемам качества воздуха в Хьюстоне, который во время президентства г-на Буша перехватил пальму первенства у Лос-Анджелеса по уровню загрязнения атмосферы. Г-н Буш отрицает, что загрязнение это опасный знак для его энергетической политики, направленной на производство, и утверждает, что его план снижения налогов поможет смягчить эту проблему, поскольку у семей будут деньги для покупки воздушных фильтров, респираторов и для медицинского обслуживания.

Сентябрь 2001 года. Критики разнесли в пух и прах новый осенний план телепередач, описывая, как «не надо смотреть ТВ», и назвали его худшим за последнее десятилетие. Г-н Буш заявил, что он «очень обеспокоен» ухудшением качества развлекательного вещания. Он убеждает телезрителей поддержать его план снижения налогов, поскольку он позволит семьям сэкономить деньги для оплаты кабельного телевидения, например, канала НВО, который транслирует телесериал «Клан Сопрано».

---

## ДЕНЬ ПЛОХОГО НАСЛЕДНИКА

---

30 МАЯ 2001 ГОДА

Хочу вам напомнить сцену из английской комедии 1966 года «The Wrong Box». Сын вспыльчивого плутократа везет инвалидное кресло с отцом по краю крутого об-



рыва, отвечая на сыплющиеся из него оскорбления подобающим для сына: «Да, отец». Потом старик показывает рукой на простирающийся внизу индустриальный пейзаж и провозглашает: «Когда меня не станет, это все будет твоим». «Да, отец», — отвечает сын и сбрасывает его с обрыва.

Я вспомнил эту сцену, когда копался в налоговом законодательстве, разработанном Сенатом и которое Джордж Буш-младший с видом победителя подписал на прошлых выходных.

План снижения налогов Буша всегда был своеобразным; для того чтобы скрыть действительное влияние на бюджет, его авторы отложили большинство снижений налогов на конец десятилетнего периода; в частности, отмена налога на недвижимость была отложена до 2010 года. Но даже если не принимать во внимание все путаные подсчеты, на прошлой неделе участники переговоров добавили еще одну статью, которая официально устанавливала срок действия закона — по новой поправке налоги вернутся на уровень 2000 года в начале 2011 г.

Итак, по сегодняшнему законодательству наследники серьезных состояний сталкиваются со следующей ситуацией. Если ваша болеющая матушка умирает 30 декабря 2010 года, то вы наследуете ее поместье без налога. Однако если она умирает 1 января 2011 года, то половина облагается налогом. Это порождает некоторые интересные стимулы — вроде «сбрось маму с поезда» по версии 2001 года.

Это, несомненно, единственный столь фатальный элемент законопроекта о налогах. Больше всего удивляет внезапное снижение налогов для состоятельных семей, намеченное на конец 2004 года. Все, кто участво-

вал в дебатах по поводу налогов, особенно на очень содержательном сайте Центра бюджетных и политических приоритетов, знают, что минимальный альтернативный налог — это своеобразный подводный камень. Как только законопроект будет принят, количество людей, которые должны платить этот налог, вырастет с 1,5 до 36 млн. В результате многие люди, как правило, достаточно состоятельные, но не богатые, которые и так платят высокие федеральные и местные налоги, поймут, что снижение налогов, на которое они рассчитывали, их никак не коснется.

Почему бы не изменить некоторые статьи закона? Потому что это серьезно скажется на доходной части бюджета: такое снижение налогов обойдется в сотни миллиардов долларов. Однако наши законодотворцы понимали, что нужно что-то предпринять, поэтому изменения коснулись минимального альтернативного налога. Но даже несмотря на эти поправки, при условии, что они не будут отменены в течение всех 10 лет, не обойдется ли снижение налогов слишком дорого, чтобы отвечать требованиям бюджета. Итак, что же получается? Изменения, касающиеся минимального альтернативного налога, потеряют силу в 2004 году, в результате миллионы семей внезапно столкнутся со значительным увеличением налогов.

В двух словах, законопроект о налогах — это издевка, и если администрация не изменит своего мнения, то эта издевка дорого нам обойдется. Что касается самого законопроекта, то он изначально был разработан абсурдно. Администрация, прекрасно понимая, что такое снижение налогов невозможно даже при самом благонадежном бюджете, всеми силами протаски-

вает законопроект, который им так выгоден, поскольку снижает налоги для очень, очень богатых людей, при этом используются бухгалтерские уловки, которые позволяют занижить значение этой меры для всего бюджета. Идея заключается в том, что когда все эти абсурдные моменты станут очевидными, толпы молодых разозленных вице-президентов из Нью-Джерси начнут проводить демонстрации против минимального альтернативного налога, а пожилые мультимиллионеры станут внезапно гибнуть от несчастных случаев, нести ответственность за это будет Конгресс. И если цель этого снижения налогов в том, чтобы не дать возможности правительству выполнить предвыборные обещания г-на Буша, в частности обеспечение лекарствами или увеличение затрат на образование, то, что же, это часть плана.

Когда-нибудь ответственным политикам — или это оксюморон? — придется разгрести весь этот мусор. Да, это действительно значит, что некоторые снижения налогов, одобренные Конгрессом, придется отменить. (Как насчет изменений в минимальном альтернативном налоге и возвращении его ставки на уровень 2000 года? Но это так, к слову.)

Но на данный момент это оборонительная игра. Администрация, которая успешно протаскала глупейший законопроект о налогах, обязательно попытается надуть нас и в других моментах. Следующий вопрос: будет ли человек слова настаивать на честной бухгалтерии, когда дело коснется реформы системы социального обеспечения? Да, сенатор Мойниган, я имею в виду вас.

---

НА ВОРЕ ШАПКА ГОРИТ!

---

24 АВГУСТА 2001 ГОДА

Для г-на Митча Дэниелса, Административно-бюджетное управление.

Дорогой Митч, у меня есть предложение. Оно нечестное и безответственное, однако я подозреваю, что Вас такие мелочи не остановят. Мое предложение поможет Вам справиться с проблемой, которая, как мы с Вами прекрасно понимаем, сама не исчезнет.

Несомненно, Ваши увиливания и увертки были впечатляющими. Некоторые люди Вам действительно поверили и считают, что излишки бюджетных средств растают из-за больших трат Конгресса, несмотря на то, что они едва ли изменились после вашей предыдущей оценки с завышенными цифрами. И большинство репортеров, неспособных пораскинуть своими куриными мозгами, считают дефицит бюджета временной проблемой, — они не удосужились ознакомиться с таблицей 3 Вашего же собственного доклада, который, несмотря на все подделки бухгалтерских документов, предполагает лишь незначительные затраты на другие программы, кроме социального обеспечения, в течение последующих пяти лет.

Однако впереди еще много трудностей. Вы практически угрозами заставили Бюджетное управление Конгресса отложить рассмотрение их проекта по бюджету до следующей недели, поэтому Вы можете первым представить свои подсчеты. Однако когда дело дойдет до плана Конгресса, все будут знать, что его предложения значительно хуже Ваших.

И конечно, мы оба понимаем, что на самом деле ситуация еще хуже, однако члены Бюджетного управления Конгресса вынуждены верить словам политиков. Например, когда Вы утверждаете, что сможете выделить только треть предполагаемых средств на обеспечение лекарствами, или когда Вы отказываетесь урегулировать вопросы, касающиеся минимального альтернативного налога, а миллионы взбешенных граждан спрашивают, куда делись их налоговые льготы, Бюджетное управление обязано подгонять свои подсчеты под Ваши проекты.

Это хорошо, что репортеры оказались слишком ленивыми, чтобы прочитать отчет Международного Валютного Фонда за прошлую неделю. Я признаю, что «2001 Article IV Consultation» не слишком броское название, но содержание впечатляет. А на самом деле отчет МВФ можно назвать «На воре шапка горит!», поскольку он многое прояснил. Когда сотрудники МВФ справедливо отметили, что на самом деле снижение налогов на 1,35 триллиона долларов обойдется по крайней мере в 2,5 триллиона, всем стало понятно, что Вы год за годом покушаетесь на средства, предназначенные для системы социального обеспечения, и конца этому не будет.

Итак, мое предложение. Заявите о том, что бюджет на оборону на самом деле является частью бюджета по программе социального обеспечения. Ведь трудно не согласиться, что армия защищает общество. Затем с абсолютно каменным лицом Вы можете заявить, что в фондах системы социального обеспечения нет излишков средств, — учитывая затраты на оборону, их бюджет дефицитен! Таким образом, Вы соскочите с крючка, поскольку Вам не придется беспокоиться о защите несуществующих излишков, о которых Вы, однако, заявляете.

Признаю, что просто развил Вашу тактику с программой медицинского обслуживания.

Страхование в системе медицинского обслуживания работает так же, как и в системе социального обеспечения: они обе финансируются за счет поступлений налога на заработную плату и создают фонды для выплаты пособий поколению, которое появилось на свет во время бума рождаемости и сейчас выходит на пенсию. Вам стоит поступить с системой социального обеспечения так же, как с медицинским страхованием, поскольку обе программы работают одинаково, тогда станет очевидно, что Вы платите за сокращение налогов из тех денег, которые считаются резервом для будущих пенсионеров.

Однако система медицинского обслуживания имеет дополнительную страховую программу. Она всегда финансировалась за счет основных налоговых поступлений, как и оборона, но Ваша администрация настаивает, что необходимо выделять больше средств на больничное страхование. Это позволяет Вам заявлять, что у системы медицинского обслуживания нет никаких излишков, и позволяет использовать все же существующие излишки для компенсации сокращений налогов.

Некоторые люди отметили, что у Вас весьма странная политика. Даже не обращая внимания на очевидно нечестную бухгалтерию, несомненно, что страна со стареющим населением должна копить деньги для обеспечения медицинского обслуживания будущим пенсионерам. Однако Вам легко удалось заткнуть этих людей. Поэтому я не вижу причины, которая не позволит Вам сделать то же самое, когда Вы начнете учитывать затраты на противоракетную оборону вместе с социальным обеспечением.

И последнее: мы оба знаем, что все тайное рано или поздно становится явным. В конечном счете, невозможно скрыть тот факт, что благодаря этому снижению налогов страна не смогла в должной мере подготовиться к демографическому спаду, а деньги, которые должны были быть отложены на пенсии, на самом деле были использованы для обеспечения снижения налогов для очень, очень состоятельных людей.

Однако ведь план в этом и состоял, не правда ли?

ВЫИГРЫШНАЯ СТАВКА

---

7 ДЕКАБРЯ 2001 ГОДА

Вскоре после событий 11 сентября г-н Буш прервал свои яростные нападки на злодеев, чтобы отпустить шутку. Г-н Буш неоднократно обещал добиться профицита бюджета, которого хватит, по крайней мере, на нужды системы социального обеспечения, если, конечно, не произойдет экономический спад, война или другие события, угрожающие национальной безопасности. «Повезло мне, — как-то сказал он Митчу Дэниелсу, директору по бюджету. — Я поставил на ту лошадку».

Ему и в самом деле повезло. Я понимаю, что аналогии с компанией «Энрон» скоро станут затасканным клише, но в этом случае сравнение напрашивается само собой. Руководство «Энрон» разработало стратегию, а нынешняя администрация приложила все усилия для ее повторного применения. Сначала фабрикуются данные для того, чтобы скрыть значительные злоупотребления руководства, потом, когда дела идут плохо, обычные рабочие, которые, кстати, вам доверяют, платят за все. Однако руководителей компании «Энрон» уличили в злоупотреблениях, а г-н Буш убежден, что события 11 сентября помогут ему избежать ответственности.

В начале этого года г-н Буш прикрывался огромными предполагаемыми излишками бюджетных средств, чтобы проташить законопроект о невероятном снижении налогов на десятилетний период. Бóльшая часть налоговых льгот касалась людей с годовым доходом более 200 тыс. долларов. Сейчас г-н Дэниелс говорит нам, что этот бюджет — не остаток бюджетных средств после отчислений в фонды системы социального обеспечения, а весь бюджет будет страдать от дефицита вплоть до 2004 года. Таким образом, если заглядывать в будущее, и так фиктивные подсчеты администрации становятся еще более нереальными, а это значит, что фактически мы вернулись к состоянию перманентной нехватки средств.

Однако, учитывая тот факт, что телевидение передает только репортажи о пещерах Тора Бора, это откровение, которое показывает, что исходные предпосылки для снижения налогов были сфабрикованы, не стало новостью дня.

Представители администрации настаивают, что причиной растущего дефицита бюджета является экономи-



ческий спад и борьба с терроризмом, а вовсе не уменьшение налогов. Однако это банальная ложь, затраты на антитеррористические операции не столь значительны, а поскольку дефицит, судя по всему, будет увеличиваться очень долго, то кратковременный экономический спад не может быть его причиной.

В любом случае представители власти опускают следующий момент. Противники плана администрации всегда предостерегали, что глупо столь сильно снижать налоги, надеясь исключительно на предполагаемые излишки бюджетных средств. Они убеждали, но безрезультатно, что нам следует дожидаться реальных результатов. Сейчас их предостережения оказались пророческими, но страдают обычные американцы, которыми пренебрегли.

Сейчас администрация говорит, что снижение налогов было необходимо для борьбы с экономическим спадом. Однако никого не интересуют 40 млрд долларов, которые уже были потрачены на налоговые льготы, и лишь некоторые, наверное, сожалеют по поводу дальнейшего временного снижения налогов в следующем году. Именно дальнейшее огромное снижение налогов, которое уже узаконено и произойдет после 2002 года, является проблемой. Но предполагается, что мы воспримем это снижение налогов как свершившийся факт. Эй, а ведь г-н Буш поставил на ту лошадку.

Тем временем бюджет дефицитен, что привело к предсказуемым и опасным последствиям. Программа по обеспечению лекарствами пенсионеров, конечно же, умерла. Помощь системе социального обеспечения? Не говорите глупостей, сборы от налога на заработную плату не используются ни для приобретения активов, ни

для выплаты долга федерального правительства, вместо этого они идут на выплаты по другим дефицитным статьям бюджетных расходов.

Сейчас правит аскетизм, даже в тех областях, которые всегда считались приоритетными. Деньги на восстановление Нью-Йорка? Извините, нет. Все эксперты, даже правительственные, говорят, что нам не хватает 3 млрд долларов для защиты от биологического терроризма? Срезать средства наполовину. Снижение налогов важнее.

Тем временем федеральные и местные власти, загнанные в угол экономическим спадом и новыми затратами на безопасность, увольняют учителей и сокращают штат сферы обслуживания. Как насчет обращения к фондам Федеральной резервной системы? Не имеет значения.

Когда бы вы ни спросили граждан Америки, они всегда ответят, что «благотворительные» пункты предвыборных обещаний г-на Буша: поддержка системы социального обеспечения, предоставление больших средств на программы обеспечения лекарствами и на образование — были для них важнее, чем снижение налогов. Однако их уверяли, что денег хватит на все. Эти уверения были ложью, однако план по снижению налогов неприкосновенен, а остальным можно пожертвовать.

Г-н Буш может попытаться исправить причиненный вред, отменив будущее уменьшение налогов для людей с уровнем дохода выше среднего. Но он, наоборот, собирается еще больше их снизить. С моральной точки зрения, это своеобразный эквивалент больших премий, которые выплатила компания «Энрон» своему руководству буквально накануне банкротства.

Скачки — это игра без счета, оказалось, что бюджетная политика тоже. Г-н Буш поставил на ту лошадку, а большинство американцев проиграли, — это действительно большая победа.

---

## НЕМНОГОСЛОВНЫЙ ЧЕЛОВЕК

---

8 ЯНВАРЯ 2002 ГОДА

Во вторник газеты пестрели статьями о заявлении Джорджа Буша-младшего, что отменить снижение налогов смогут «только через его труп». Однако единственной новостью был выбор слов, он не стал их повторять, возможно, потому, что его помощники осознали, что они звучат не по-президентски и являются дурным тоном в свете последних событий.

Однако, как мне показалось, эти интересные новости об экономической политике подразумевали мнение еще одного человека, точнее его молчание. Что же случилось с Аланом Гринспеном — главным блюстителем фискальной дисциплины?

Что касается г-на Буша, то на самом деле никто и не ждал, что он уступит хотя бы пядь, хотя стало понятно, что проекты об излишках бюджетных средств, которые должны были обеспечить снижение налогов, теперь не имеют смысла. Администрация Буша оперирует принципом «в своем стане нет врагов», то есть предполагая, что сам г-н Буш непогрешим. Какую бы политику он ни предлагал в прошлом, его помощники всегда настаивают, что она отвечает и интересам настоящего. Ведь это действительно забавно, хотя никто не осмеливается этого сказать.

Например, в прошлом месяце Карл Роув объяснял, что снижение налогов было разработано для подавления экономического спада, хотя впервые об этой мере заговорили во время экономического подъема. «Все эти признаки уже были во втором, ну, может, в третьем квартале 2000 года», — заявил г-н Роув. Когда спрашивающий осторожно отметил, что г-н Буш предложил свой план в конце 1999 года, г-н Роув просто не заметил вопроса.

Однако, если г-н Буш непогрешим, почему он вынужден все время пересматривать свои решения?

И все же вернемся к Алану Гринспену. Год назад г-н Гринспен поддержал администрацию при обсуждении вопроса о снижении налогов. Беспокоясь, что национальный долг может быть выплачен слишком быстро, он убедил Конгресс уменьшить налоги, чтобы поставить бюджет на «гладкую дорожку» постепенного снижения излишков бюджетных средств.

Гладкая дорожка — звучит довольно бессмысленно. В 2000 году Америке удалось добиться рекордного профицита, сейчас аналитики обеих партий считают, что федеральный бюджет будет страдать от дефицита по крайней мере нескольких ближайших лет. Они все еще прогнозируют излишки бюджетных средств в конце десятилетия, но стоит ли верить этим прогнозам? У меня есть несколько акций компании «Энрон», может, вы хотите их купить?

Г-н Гринспен, должно быть, расстроен. Ведь за годы правления Клинтона он стал эталоном фискальной честности, но внезапно бюджет — снова с дефицитом. дело его рук разрушено.

Понимаете, в начале 1980-х гг., до того как он стал председателем Федеральной резервной системы, г-н

Гринспен возглавлял комиссию, которая должна была создать основу для будущего системы социального обеспечения. Главным достижением деятельности этой комиссии стало повышение налога на заработную плату, как раз в то время, когда Рональд Рейган сократил подоходный налог. Целью этого регрессивного снижения налогов, ведь налог на заработную плату в основном ложится на плечи семей со средним достатком, было создание излишков, которые, в свою очередь, облегчат федеральному правительству выплату пособий стареющему населению.

Однако сейчас, из-за испарившегося профицита бюджета, чрезмерные сборы налога на заработную плату не используются для приобретения активов или погашения долга федерального правительства, они идут на покрытие дефицита других статей бюджета. И дело касается немаленьких цифр, — лишь 70 центов с каждого доллара средств системы социального обеспечения используется на выплату пособий на данный момент времени. В результате оставшиеся 30 центов направляются на другие нужды — в основном для снижения налогов для богатых, которые, кстати, составляют меньшую часть населения.

Действительно ли этого добивался г-н Гринспен — увеличения налогов для семей с низким и средним достатком, чтобы богатые смогли платить меньше? В конце концов, лишь одно его слово способно изменить всю ситуацию в экономических спорах, как это произошло год назад.

Однако, произнеся это слово, Алан Гринспен признает, что был не прав в том году. И все же он не политик, который стремится к переизбранию, и если он беспокоится о своей репутации, то должен понимать, что если он будет продолжать молчать, то история его стро-

го осудит. Прямо сейчас можно сказать, что он лицемер, поскольку сурово требовал фискальной дисциплины, пока у власти были демократы, однако не сожалеет по поводу того, что республиканцы быстро все разрушат, а ведь его молчание только способствует этому.

Это не окончательный вердикт, все, что я сказал, лучше расценивать как осторожные ремарки. Я весь превратился в слух.

---

## НАШИ БЕДНЫЕ ШТАТЫ

---

11 ЯНВАРЯ 2002 ГОДА

Многие американцы удивлены той скоростью, с которой страховые программы, финансируемые громадными излишками федерального бюджета, привели к появлению дефицита средств. Однако некоторые из нас все же не удивились. Мы просто шли по следу, оставленному в таких местах, как Ричмонд и Остин. В 1990-х гг. в большинстве штатов губернаторами были республиканцы, и они применяли ту же самую стратегию — использование прогнозов «что меня волнует» и бухгалтерские махинации для того, чтобы поддержать снижение налогов для состоятельных людей; эту стратегию администрация Буша применила в государственном масштабе в 2001 году. В обоих случаях последствия были предсказуемыми.

Разница в том, что конституции штатов, как правило, запрещают брать займы для покрытия дефицита. В конце концов, федеральное правительство тоже должно жить по средствам, однако увертки и протесты могут отсрочить подведение итогов. Но рано или поздно все приходит к своему логическому завершению. Дру-

гими словами, государство, состоящее из государств, не может игнорировать проблемы своих субъектов.

Как далеко зашел кризис фискальной политики государства? Национальная ассоциация губернаторов недавно доложила, что ее члены столкнулись с составным дефицитом — разницей между предполагаемыми налоговыми сборами и предполагаемыми затратами — на сумму по крайней мере в 40 млрд долларов, а скорее всего, и во все 50 млрд. Последняя сумма составляет почти 10% от бюджетов штатов, это действительно очень, очень много.

Если эта сумма в 10% не производит на вас впечатления, вспомните, что большинство затрат отдельных штатов, так же как и большая часть федеральных затрат, не может быть снижена, особенно в столь короткий срок. Бюджетный дефицит в 6,5% в начале 1990-х гг. привел к серьезному сокращению государственных социальных программ и вынудил 44 штата увеличить налоги, что, без всяких сомнений, плохо.

Как же штаты приспособятся к сложившейся ситуации? Самая главная и непосредственная причина бюджетного краха — это окончание стремительного экономического взлета 1990-х гг., на втором месте — облачные медицинские расходы. И последняя капля — затраты на безопасность страны.

Однако что случилось, то случилось. Почему же штаты не подготовились к трудным временам? Хотя местные правительства не могут брать займы в период кризиса, они все же могут сберегать средства, когда экономическая ситуация стабильна. Однако вместо этого большинство губернаторов вело себя так, будто всерьез полагало, что этот экономический взлет никогда не закончится.

Они увеличили расходы, хотя и несущественно. Уровень затрат как на государственном, так и на местном уровне на данный момент составляет ту же часть от ВВП, что и в начале 1990-х гг.

Более важно то, что были снижены налоги. Все знают о том, что в начале 1990-х гг. правительства штатов повысили некоторые налоги, однако, как показывает последнее исследование Центра бюджетных и политических приоритетов, сейчас были снижены другие налоги. Несколько лет назад повышения коснулись регрессивных налогов, таких как налог с оборота, который в основном ложится на плечи семей с низким и умеренным доходом, а нынешние меры не вернули эту категорию налогов на прежний уровень. Вместо этого штаты уменьшили налоги, касающиеся в основном семей с доходом выше среднего. В результате налоговое бремя было перенесено с обеспеченных семей на необеспеченные. Семья, зарабатывающая, скажем, 30 тыс. долларов в год, сейчас платит значительно более высокие местные налоги, чем в 1990 году, при этом семья с доходом в 600 тыс. долларов в год стала платить значительно меньше.

Путь этому «избирательному» снижению налогов расчистили не прогнозы, основанные на анализе реальной ситуации, а виртуозный бухучет, достойный компании «Энрон». К примеру, в 1999 году губернатор Техаса (да, именно, он) ввел налоговые льготы для корпораций. Эти меры были предприняты на основе бюджета, в который, во-первых, не были включены расходы на медицинское обслуживание в размере 550 млн долларов, а во-вторых, этот бюджет не учитывал регулярные выплаты за сестринский уход и другие услуги — эти расходные статьи просто были перенесены с пос-



ледного месяца 2001 отчетного года на первый месяц 2002. Буквально в прошлом году, когда фискальная картина уже стала смутной, губернатор Вирджинии Джеймс Гилмор (оставивший пост главы Республиканского национального комитета после того, как его партия потеряла власть в Вирджинии и Нью-Джерси) пренебрег ключевым пунктом закона, который предполагал отсрочку снижения налогов в случае сокращения налоговых поступлений. Он сфабриковал оценку полной стоимости будущих выплат от табачных компаний, выдав их за текущие налоговые поступления.

Сейчас отдельные штаты вынуждены пожирать плоды прошлого крючкотворства. Поскольку они столкнулись с экономическим спадом, приходится невероятно завышать расходы на медицинское обслуживание и снижать расходы на борьбу с терроризмом. В результате были уволены учителя и полицейские, бедным было отказано в медицинской помощи, отложен ремонт дорог и мостов и, наконец, когда другого выхода уже не было, были повышены налоги. И почему же мне кажется, что я знаю, кого именно коснутся эти повышения?

Это неприятная картина, но вам надо к ней привыкнуть. Америка состоит из отдельных штатов, поэтому общая политика государства складывается из политики всех ее штатов.

---

## ВИРТУОЗНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ БУША

---

5 ФЕВРАЛЯ 2002 ГОДА

Сенатор Кент Конрад действительно был не прав вчера, когда критиковал новый бюджет администрации Буша за бухгалтерию в стиле «Энрон». Прошлогодний

бюджет, который предполагал большое снижение налогов, несомненно, был в стиле «Энрон». Бюджет этого года представляет другой, хотя и не менее губительный, вид фиктивной бухгалтерии.

Иллюзия прибыльности компании «Энрон» в основном была основана на бухгалтерии «переоценки активов». Компания заключала контракты, которые могли бы принести прибыль, может быть, за много, много лет. Однако компания совершила фальстарт, она учитывала общую стоимость этих гипотетических будущих прибылей как текущую прибыль, что позволяло ей поддерживать высокие цены на акции, платить большие премии руководству и т. д.

Что-то в этом роде происходит с бюджетом этого года. Администрация Буша включила в бюджет завышенные предполагаемые излишки за 10 лет, причем это предположение изначально было весьма спорным и по многим причинам могло рассматриваться только как вопрос — администрация же трактовала его как строгий факт. На основе этих фантазий об излишках администрация, поддержанная аудиторским комитетом (я имею в виду Конгресс), который выполнял свою работу с должным усердием, выдала сама себе огромную премию — огромное снижение налогов.

Год спустя эти неправильные основы прошлогоднего бюджета стали известны всем, и в цивилизованном мире администрацию призвали бы к ответственности за то, что она ввела в заблуждение американский народ. Однако вместо этого администрация Буша провернула политический эквивалент другого широко известного бухгалтерского трюка — под названием «разовый сбор».

Согласно данным сайта Investopedia.com, разовые сборы «используются, чтобы избавиться от не-

желательных затрат или инвестиций, которые оказались неудачными». То есть вместо того, чтобы признать, что работа была выполнена некачественно, менеджмент утверждает, что плохие результаты вызваны экстраординарными, непредсказуемыми событиями: «Мы получаем большие прибыли, однако у нас есть 1 млрд долларов на непредвиденные расходы, связанные с покупкой некой корпорации X». И конечно же, экстраординарные события действительно произошли, уловка заключается в том, чтобы использовать бо́льшую их часть для уклонения от ответственности. (Некоторые компании, например «Циско», имеют привычку постоянно проводить «разовые сборы».)

События 11 сентября потрясли и ужаснули нацию, но, кроме того, они предоставили администрации Буша невероятную возможность похоронить свои прошлые ошибки. Более 4 триллионов предполагаемых излишков внезапно испарились? Снижение налогов здесь ни при чем, это произошло из-за войны с террористами.

В двух словах, стратегия администрации заключается в том, чтобы предотвратить критику, завернув крах фискальной политики в национальный флаг. Я говорю это в прямом смысле, обложка представленного вчера отчета по бюджету была сине-бело-красной, что явно намекает на американский флаг.

Почему я столь циничен? А вам не кажется, что борьба с терроризмом это грандиозная сделка?

Ответ заключается в том, что с эмоциональной и моральной точек зрения это действительно грандиозная сделка, но с точки зрения фискальной политики это, в принципе, можно назвать ошибкой.

Администрация действительно использует угрозу терроризма для оправдания громадного наращивания вооружений. Однако есть пара занятых вещей, связанных с этим наращиванием. Во-первых, если нам действительно надо отказаться от масла, которое мы мажем на наши бутерброды, чтобы оплатить все это оружие, может, нам стоит пересмотреть планы по снижению налогов, поскольку они были составлены во времена изобилия? «Только через мой труп», — но ведь это не ответ. Однако действительно трудно относиться серьезно ко всей этой болтовне о беспощадной войне, когда администрация в это же время предлагает дополнительное снижение налогов, которое обойдется казне в 600 млрд долларов.

Во-вторых, есть такое ощущение, что это наращивание вооружений имеет мало общего с реальной угрозой, если вы не думаете, что следующим шагом Аль-Кайеды будет прямой удар несколькими тяжеловооруженными дивизиями. Мы не очень разбираемся в обороне, однако мы слегка озадачены тем, что атака маньяков, вооруженных подручными средствами, оправдывает трату 70 млрд долларов на 70-тонные артиллерийские установки или на другое передовое оружие (до событий 11 сентября представители администрации полагали, что даже имеющегося оружия слишком много). Ни один из политиков, которые собираются переизбираться, не посмеет вам сказать, что новый девиз администрации, похоже, — «задействуем всех подрядчиков обороны».

Я могу продолжить, но мне кажется, что суть понятна. Администрация настаивает, а может быть, даже верит, что война с террористами это ее миссия. Однако, учитывая состояние бюджета, это не миссия, это предлог.

---

ИСТИННЫЕ АМЕРИКАНСКИЕ ДЕМОКРАТЫ

---

7 МАЯ 2002 ГОДА

Помните, как тяжело пришлось бороться членам Палаты представителей от Нью-Йорка, чтобы получить 20 млрд долларов помощи убитому горем городу, причем эта помощь уже была обещана? Итак, недавно Конгресс согласился выделить 180 млрд долларов фермерам в качестве субсидий в течение следующих 10 лет. Кстати, население Нью-Йорка примерно в два раза больше общего числа фермеров в Америке.

Я жестко критиковал администрацию Буша, однако в этом случае главными злодеями в Сенате были демократы. С их подачи администрация изначально была против повышения субсидий фермерам, хотя, как и в случае с защитой сталелитейной отрасли, совсем не много времени потребовалось для того, чтобы политические расчеты победили сомнительные принципы администрации. Однако оставим политику в стороне, может быть, крах законопроекта о фермерских хозяйствах поможет нам наконец освободиться от вредного национального мифа: тылы Америки, включающие центральные, «деревенские» штаты, имеют моральное превосходство над остальной страной.

Вы слышали эту историю много раз: жители центральной Америки, говорили нам, грубоваты, уверены в себе, преданы семье, а жители побережья это обычные яппи. Да, и сам Джордж Буш-младший заявил, что он ездит на свое ранчо в Крофорде, чтобы «пообщаться с настоящими американцами». (А те, кто живет в Нью-Джерси, — просто шушера?)

Однако для подобного восхваления «провинциальной» Америки и принижения жителей побережья нет никакого основания.

Я сделал некоторые статистические сравнения, используя одно популярное определение средней части Америки: «провинциальные штаты» («red states»), которые традиционно поддерживают республиканцев на выборах (кстати, выборы обычно делят страну на две части — побережье и центр), голосовали за г-на Буша.

Как их можно сравнить с «городскими штатами» («blue states»), которые традиционно поддерживают демократов и на последних выборах отдали свои голоса Алану Гору?

Конечно, центральные штаты не претендуют на первенство, когда дело касается семейных ценностей. Во всяком случае, «провинциальные» штаты уступают «городским» штатам, если сравнивать их по показателям личной ответственности и преданности семье. Во-первых, дети, как правило, рождаются у подростков и незамужних женщин — в 1999 году 33,7% детей были рождены вне брака. Национальная статистика по разводам неоднородна, но на душу населения в Монтане на 60% больше разводов, чем в Нью-Джерси.

Кроме того, в «провинциальных» штатах особо серьезная ситуация с шестой заповедью: число убийств в этих штатах составляет 7,4 человека на 100 000 населения, в традиционно «городских» штатах эта цифра равна 6,1, а в Нью-Джерси — 4,1.

Но действительно возмущает утверждение, что в «провинциальных» штатах люди более независимы и самостоятельны. Этот гротескный законопроект о фермерах сам по себе должен был положить конец подобным утверждениям, однако он только увеличивает и без

того чрезмерные субсидии, которые центральные штаты получают от остальной страны. В целом «провинциальные» штаты платят меньше налогов, чем получают субсидий от федерального правительства, налоговые сборы в «городских» штатах значительно больше. В конце концов, «демократическая» Америка субсидирует «республиканскую» Америку по крайней мере на 90 млрд долларов ежегодно или около того.

И в центральных штатах, конечно, есть городские зоны, которые платят налоги, в то время как сельские районы только получают субсидии. Когда составляются цифры для этих штатов без учета главных городов, то получается, что они неспособны себя содержать; например, штат Монтана в 1999 году получил из федерального бюджета 1,75 доллара за каждый доллар налоговых сборов. Цифры для моего родного Нью-Джерси прямо противоположные. Получая и скрытые субсидии, вроде льготного водоснабжения для орошения, центральные штаты обладают федеральными землями под пастбища почти бесплатно — и так далее, и становится понятно, что с точки зрения экономики американская сельская провинция это отечественная версия южной Италии. Тот регион тоже поддерживается своими более продуктивными соседями.

Нет никакой тайны, почему это происходит, это следствие избирательной системы, которая предоставляет штатам с маленьким населением — в основном, хотя и не только, центральным штатам — непропорционально большое число представителей в Сенате и, в меньшей степени, — в коллегии выборщиков. Факт: половина Сената выбирается 16% всего населения.

И пока эти политические условия являются частью нашей жизни, мы можем, по крайней мере, потребовать окончания лицемерия. У провинции нет особого жела-

ния представлять себя «настоящей Америкой». И у «городских» штатов есть право спросить, почему именно тогда, когда федеральный бюджет снова страдает от дефицита, а важнейшие правительственные программы под угрозой, крошечное меньшинство американцев, живущее за счет субсидий, должно чувствовать за собой право получить еще больше.

---

## ВЕЛИКОЕ УКЛОНЕНИЕ

---

14 МАЯ 2002 ГОДА

На прошлой неделе компания по производству оборудования из Коннектикута «Стэнли Уоркс» отложила свой план по уклонению от уплаты налогов, каковой состоял в регистрации на Бермудских островах. Это решение отражает давление, исходящее от Белого дома, который заявил, что такой шаг непатриотичен, учитывая времена критической ситуации во всей стране.

Насчет заявления Белого дома — это я, конечно, придумал. Голосование владельцев акций, одобряющее этот шаг «Стэнли», было спровоцировано властями Коннектикута, кроме того, компания попала под пристальное внимание благодаря Дэвиду Кэю Джонстону, великолепному репортеру газеты «The New York Times», который освещает вопросы, связанные с налогами. Однако администрация Буша, которая всегда быстро признает патриотизм всех, кто поддерживает ее программу, ничего не сказала по поводу компании «Стэнли Уоркс» и лишь коротко высказалась по поводу все растущего числа американских корпораций, которые провозглашают себя иностранными по налоговым соображениям.



Если быть честным, администрация не создавала специально какой-то лазейки в законодательстве, которую хочет использовать в своих интересах «Стэнли». Однако недостаточно просто перечислить корпорации, которые пользуются недоработками налоговой системы, необходимо лишить их этой возможности. Поэтому молчание администрации непонятно. Что происходит?

Единственное, что можно считать официальным заключением по вопросу компаний, регистрирующихся в оффшорных зонах, это заявление главы подразделения министерства финансов по контролю за сбором налогов: «Возможно, нам нужно пересмотреть некоторые из наших законов, касающихся международного налогообложения, эти законы были написаны 30 лет назад, когда наша экономика была совсем другой, а сейчас они препятствуют конкурентоспособности американских компаний на международной арене».

К сожалению, эта точка зрения представляет проблему в неверном свете. Прежде всего, совсем не обязательно, что американские компании платят более высокие налоги, чем зарубежные, в Германии эти налоги значительно выше, во Франции уровень примерно такой же, и лишь в Великобритании он существенно ниже. В любом случае позиция министерства финансов представляет дело так, как если бы мы теряли налоговые поступления, поскольку американские компании переносят свои штаб-квартиры в места с меньшим налогообложением или потому, что они теряют свое место на рынке из-за иностранных соперников. Оба этих предположения неверны. На самом деле мы теряем налоговые поступления, поскольку прибыльные американские компании используют многочисленные грязные уловки, чтобы уклониться от уплаты налогов.

Регистрируясь на Бермудах, американские компании могут, не перенося свою штаб-квартиру, уклоняться от уплаты налогов, скрыв свои «заморские» прибыли. Однако лучше, если компания может потом основать «легальную резиденцию» под юрисдикцией страны с низким налогообложением, например на Барбадосе, и представить все таким образом, что американские сделки невероятно убыточны, а филиал на Барбадосе зарабатывает огромное количество денег. Другими словами, дело не в конкуренции, а в уклонении от уплаты налогов.

Естественное решение этого вопроса — покарать компании, которые уклоняются от уплаты налогов, — надо найти способ обнаруживать прибыли, которые компании на самом деле зарабатывают в Соединенных Штатах, и предотвратить ведение черной бухгалтерии. Ведь компании пользуются бухгалтерскими уловками, чтобы сделать вид, что прибыль приносят зарубежные, а не американские филиалы. Это трудно, но возможно.

В этом и заключается главная трудность: администрация не хочет помочь собрать налоги с корпораций. Законодательно закрепить налоговые льготы для корпораций администрация, конечно, не может, поэтому она приложила все силы, чтобы эти льготы все-таки существовали, просто не имели юридического подкрепления. «The Hill», внепартийное издание, освещающее деятельность Конгресса, недавно сообщило «о серии малозаметных исполнительных решений... которые предоставят корпорациям налоговые льготы на миллиарды долларов без согласия Конгресса».

Теперь понятно молчание по поводу действий компании «Стэнли». Администрация не хочет откровенно заявлять, что она занимает такую позицию, чтобы корпорации могли не платить налоги, кроме того, она в са-

мом деле не хочет собирать эти налоги. Что тут еще скажешь?!

Плохо то, что это мнение, будто все в порядке, если вы не платите налогов, даже когда оно не высказывается открыто, это опасная игра, потому что она может обернуться значительным сокращением налоговых поступлений. Бухгалтеры и планировщики налогов поняли намек, сейчас они уверены, что можно смело сорвать обертку со своей деятельности. Налоговые сборы в этом году пали ниже всяких оценок, даже принимая во внимание экономический спад. Держу пари, окажется, что это новое наглое уклонение от уплаты налогов корпорациями (и состоятельными гражданами) — это важная часть истории. И в следующем году ситуация усугубится.

Более того, что может подумать народ, если компании, которые гордятся своим американским происхождением, наказываются, а те, которые приспосабливаются, бросив свою страну, только поощряются?

Если администрация хочет ликвидировать налог на прибыль для корпораций, давайте устроим нормальные открытые дебаты, начнем с объяснения, чем можно будет заместить низкие налоговые сборы во время жесточайшего дефицита бюджета. Если нет, то давайте бороться с уклонением от уплаты налогов.

---

## ВОЗВРАЩЕНИЕ ГИТЛЕРА

---

18 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

Может быть, вы помните, что г-н Буш, помимо прочих вещей, обещал изменить общую атмосферу в Вашингтоне. Он выполнил свое обещание: атмосфера существенно изменилась.

Насколько я знаю, раньше для президента считалось неприемлемым говорить, что члены оппозиционной партии не заинтересованы в национальной безопасности. Кроме того, никто не позволял себе сравнивать с Адольфом Гитлером тех, кто считает, что богатые должны платить налоги, или хотя бы тех, кто полагает, что прошлогоднее снижение налогов — это льгота для состоятельных людей.

Хорошо, может нам не стоит принимать в расчет замечание сенатора Фила Грэма. Когда г-н Грэм заявил, что предложение возложить однократный сбор на людей, которые отказываются от американского гражданства, чтобы избежать уплаты налогов, «достойно нацистской Германии», даже республиканец Чарльз Грэсси из сенатского Комитета по финансам, был против этого сравнения.

Однако г-ну Грэсси следовало лучше продумать свое возражение, поскольку буквально несколько недель назад он сам решил использовать аналогию с Гитлером: «Я уверен, что избиратели не верят статистике, согласно которой план Буша по снижению налогов создан, чтобы угодить 1% налогоплательщиков. Это не просто неправильно, это явная ложь. Некоторые ребята, наверное, считают, что если что-то очень долго и часто повторять, то это становится правдой. Именно таким образом Адольф Гитлер получил власть».

На заметку: Роберт Макинтайр из общества «Граждане за справедливые налоги», который сделал такую оценку налоговой политики г-на Буша, — не Адольф Гитлер. Изумляет то, что иногда г-на Грэсси называют весьма умеренным. Его замечания — это еще один показатель, что мы вступили в новую эру всеобщей политизированности, где любой факт сразу обретает политическую окраску. Что касается утверждений, кото-

рые г-н Грэсси охарактеризовал как «явную ложь», на деле они являются абсолютно правдивыми, в рациональном мире это не было бы даже предметом спора.

Может показаться, что у г-на Грэсси есть альтернативный вариант решения проблемы, «Какая часть от снижения налогов пойдет в угоду этому 1%?» — в какой-то мере администрация попыталась объяснить, что снижение налогов будет выгодно не только богатым. На деле, однако, толкового ответа на этот вопрос так не было получено. Когда представителей администрации спрашивали напрямую, они начинали обсуждать другую тему.

Тем не менее в прошлом году министерство финансов действительно обнародовало данные, которые свидетельствуют (иногда непреднамеренно), что более 25% дохода от снижения налогов пойдет людям, зарабатывающим более 200 000 долларов в год. Эта цифра не включает последствия от отмены налога на наследство; в 1999 году лишь 2% недвижимости облагалось хоть каким-то налогом, а половина налоговых сборов поступала от 0,16% особняков. Кроме того, приведенный подсчет не учитывает минимального альтернативного налога, который съест доход от снижения налогов у семей с доходом несколько выше среднего, но не затронет богатых.

Если сложить все эти моменты вместе, то становится ясно, что примерно 40% от снижения налогов — может, чуть меньше, а скорее всего, значительно больше — будет выгодно 1% населения. Систематическое уклонение администрации от ответа на вопрос, кто получит выгоду от снижения налогов, приводит к оправданию в стиле «не желаю оспаривать».

Это приводит нас обратно к вопросу о новой атмосфере в Вашингтоне.

Когда Рональд Рейган снизил налоги для богатых людей, он не отрицал того, что он делает. Можно соглашаться и не соглашаться с экономическими теориями с приоритетом предложения, на которые он ссылался для оправдания своих действий, однако г-н Рейган не претендовал на то, что он повышает эффективность налоговой системы.

Стратегия, которую использовал Буш, чтобы проташить свой план снижения налогов, — это просто отрицание фактов и нападки на всех, кто пытается ему на это указать. Трагедия в том, что эта стратегия сработала здесь и теперь применяется в других странах.

Майкл Кинсли недавно написал, что «кампания Буша за войну с Ираком потрясла граждан Америки не просто потому, что она была нечестной, а потому, что она была несерьезной. Ложь потрясает, а очевидная ложь потрясает вдвойне». Все, что я могу сказать на этот счет: он что, только сейчас это понял? Все было понятно с самого начала, исходя из экономической политики.

Видите ли, некоторые ребята, должно быть, полагают, что если что-то долго повторять, то это становится правдой. Именно таким образом г-н Буш пришел к власти.

---

## МАЭСТРО ВСЕ-ТАКИ ПРОДАЛСЯ?

---

7 ФЕВРАЛЯ 2003 ГОДА

Скорее всего, это принятие желаемого за действительное, однако некоторые люди надеются, что знаменитый Алан Гринспен — человек, которого мы все так уважали, — ответит в своем выступлении на следующей неделе.

Во время президентского срока Клинтона г-н Гринспен стал идеалом фискальной честности, постоянно убеждая политиков в важности избавления от дефицита и погашения внутреннего долга. Когда Джордж Буш-младший занял пост президента, г-н Гринспен стал — или просто хочет казаться — другим человеком.

Сначала глава Федеральной резервной системы оказал убедительную поддержку плану Буша по снижению налогов, убеждая Конгресс сократить налоги, иначе излишки бюджетных средств будут слишком велики, а внутренний долг будет погашен слишком быстро. Нет, правда.

После того как бюджет стал снова страдать от дефицита, г-н Гринспен не просто отказался пересмотреть свою точку зрения, а поддержал план, согласно которому снижение налогов будет постоянным. Суровый финансист внезапно преобразился в доброго дядюшку.

Однако сейчас падение налоговых сборов приняло катастрофическую пропорцию. В своем первом проекте бюджета администрация Буша предполагала, что в 2004 году излишки бюджетных средств составят 262 млрд долларов. Во втором бюджете, в следующем году, соответственно, они уже предполагали дефицит в 14 млрд долларов в том же году. Сейчас они прогнозируют дефицит в 307 млрд долларов. Это значит, что спад составит 570 млрд, и это только в следующем году, и каждый следующий год принесет новые ухудшения. Знаете, 570 млрд сюда, 570 млрд туда, но, помилуйте, речь ведь идет о реальных деньгах!

Г-н Буш говорит, что он не виноват. «Экономический спад и война — это не наш выбор, но именно они привели бюджет к дефициту», — заявил он. Правда? Неужели спад и война обходятся нам в 570 млрд в каждом году? Кроме того, г-н Буш прекрасно знал и об эко-

номическом спаде, и об Усаме Бен-Ладене (помните его?) и год назад, когда он прогнозировал излишки бюджетных средств на 2005 год. А сейчас он обещает дефицит навсегда, даже не принимая во внимание затраты на войну с Ираком.

В любом случае, не должен ли лидер страны решать конкретные проблемы, а не подыскивать себе оправдания? Однако предложения г-на Буша только усугубляют ситуацию. В противоречие всему предыдущему опыту, он хочет сократить налоги еще больше, несмотря на вполне понятный «военный» дефицит.

Хотя репортеры, освещающие финансовые новости, стали осознавать, что г-н Буш выходит из-под контроля — у него «мозги совсем набекрень съехали», отметила программа «Market Watch» на канале CBS, абсолютная легкомысленность и безответственность его планов пока еще не всем понятна. 674 млрд долларов снижения налогов, о которых вы слышали, это даже меньше половины. Даже в соответствии с его собственными заниженными оценками, администрации нужно 1,5 триллиона долларов на снижение налогов в течение следующих 10 лет — больше, чем сообщалось в 2001 году. Еще 575 млрд или около того потребуется для введения минимального альтернативного налога — администрация говорит об этом, но в бюджет не включает.

Администрация использовала различные уловки, чтобы отложить большинство затрат по этому снижению налогов до 2008 года, и я знаю, что Административно-бюджетное управление внезапно перестало говорить о 10-летних прогнозах и сейчас официально заглядывает только на 5 лет вперед. Однако эти долгосрочные проекты все же спрятаны в бюджете, они сверхоптимистичны, но даже в этом случае они предполагают фискальную катастрофу, когда люди, появившиеся на свет во



время бума рождаемости, начнут выходить на пенсию и получать пособия из фондов социального обеспечения и медицинского обслуживания. («Мы не передадим наши проблемы следующим Конгрессам, следующим президентам, следующим поколениям», — с каменным лицом заявил г-н Буш в своем ежегодном обращении к Конгрессу.)

Итак, когда же состоится выход г-на Гринспена? На следующий неделе он будет делать доклад сенатскому комитету по делам банков. Признает ли он наконец беспомощность администрации?

Г-н Гринспен должен понимать, что многие люди, что бы они ни говорили на публике, считают его продажным человеком. Особенно это относится ко многим республиканцам, которые уверены, что он поддержит любые предложения г-на Буша. То, что он скажет на следующей неделе, покажет, так ли это.

Конечно, г-ну Гринспену трудно найти оправдания. Как известный поборник фискальной дисциплины, он не может одобрять столь легкомысленный подход администрации к проблеме дефицита бюджета. Кроме того, он не может поддерживать ту точку зрения, что снижение налогов увеличит налоговые сборы, ведь всего два года назад он доказывал обратное.

Если тем не менее г-н Гринспен придумает способы рационально объяснить безответственность г-на Буша или же он по-прежнему будет сохранять гордое молчание, которое может значить что угодно, то в историю он войдет как человек, который всегда поддерживал выбор других, но сам был неспособен сделать выбор.

Возможно, для г-на Гринспена это последний шанс сохранить свою репутацию — и платежеспособность страны, кстати, тоже.

## СВИНЬЯ В ПИТОНЕ

---

21 ИЮНЯ 2000 ГОДА

Демографы называют поколение, которое появилось на свет во время бума рождаемости, «свиньей в питоне»: соответственно, «свинья» — это поколение бума рождаемости, а «питон» — это родители. Невероятный всплеск рождаемости вызвал крайне неравномерное распределение по возрасту. Но подобно тому, как свинья рано или поздно должна выйти из этого питона, так и мы имеем две проблемы — узкую «финансовую» и широкую «реальную». Однако дебаты во время предвыборной кампании, как оказалось, не затронули ни одной из них.

Суть «финансовой» проблемы заключается в том, откуда брать средства для выплаты пособий пенсионерам. Эта проблема является наследием прошлой системы социального обеспечения с ее принципом «все налоги идут на пособия»: поскольку взносы работающего населения использовались для выплаты пособий прошлым поколениям, то сейчас в фондах системы недостаточно средств, чтобы платить пособия выходящим на пенсию в обещан-

ном объеме. «Хорошая» новость в том, что решение финансовой проблемы не решит всех трудностей. Несмотря на апокалипсические пророчества, допустимые вливания средств помогут системе справляться с трудностями по крайней мере в течение следующих 50 лет.

«Реальная» проблема заключается в том, что через несколько десятков лет распределение по возрасту на всей территории США будет таким же, как во Флориде сейчас. Каким образом относительно небольшое число работоспособных граждан сможет и платить достаточно высокие взносы для обеспечения пособиями пенсионеров, и поддерживать приемлемый уровень жизни для себя лично?

Эту проблему решить гораздо сложнее. Единственный путь — помимо того, что можно впустить в страну большое число иммигрантов, — это повысить насколько возможно производительность работников. Можно надеяться на технический прогресс, но если на предприятии имеется достаточно умных машин, то кому нужны рабочие? Однако ответственное правительство все равно постаралось бы удостовериться, что национальные сбережения — общественные и частные — достаточно велики, чтобы в будущем работоспособное население имело достаточно средств и не было обременено чрезмерным иностранным долгом.

Увы, похоже, что основным вопросом предвыборной кампании является другой, а именно — предположение, что американцы получают слишком маленькую отдачу от своих взносов в систему социального обеспечения. Как я уже объяснял раньше, на самом деле эта отдача мала, поскольку сегодня работоспособное население платит налоги, чтобы фактически погасить прошлые долги системы. Вам может это не нравиться, также вам может не нравиться тот факт, что 15% фе-

деральных налогов идет на погашение процентов по долгам, которые появились в 80-х и начале 90-х гг. Однако в любом случае эти долги — часть нашей жизни.

Однако наносная привлекательность плана Джорджа Буша-младшего по реформе системы социального обеспечения основана на бессмысленном контрасте. Он настаивает, что отдельный человек, если он лично копит себе на пенсию, то есть рассматривает свои взносы как инвестиции, а не содержит предыдущее поколение, получит большую прибыль, чем те выплаты, которые может предложить «перегруженная» система социального обеспечения. Но и план г-на Гора по субсидированию счетов пенсионеров не имеет ничего общего с реальной проблемой, он — лишь ответ на мишуру г-на Буша.

В принципе, план г-на Гора мог быть еще хуже. Он не разорит бюджет, вероятнее всего, поощрит частные сбережения. Наверное, этот план будет последовательным, как и сама система социального обеспечения, что не приведет к большой разнице в доходах.

Кроме того, следует присудить г-ну Гору несколько очков за честность. Детали его плана полностью разъяснены, он так же четко высказался по поводу того, каким образом он собирается продлить жизнь системе социального обеспечения, а именно, перечисляя деньги из государственного бюджета. Г-н Буш, наоборот, ничего не сказал по этому поводу, он не уточнил, насколько собирается понизить выплаты, чтобы позволить рабочим размещать свои средства в других фондах, и опустил вопрос, что он будет делать с угрозой долгов прошлого. К вопросам такого плана прилагается примечание: «Детальные объяснения вы получите позднее». Мое предположение состоит в следующем — неважно, где и когда г-н Буш, наконец, объяс-

нит эти детали, размер предполагаемого снижения пособий вызовет настоящую политическую бурю, вынудив его использовать общие налоговые поступления для спасения системы социального обеспечения, в конце концов. Однако это произойдет не раньше его избрания президентом.

Откуда же появятся деньги? Помните, г-н Буш помимо всего прочего обещал грандиозное снижение налогов? Отказываясь от излишков бюджетных средств, которые могли бы помочь спасти систему социального обеспечения, это снижение налогов вдохновит нацию больше потреблять и меньше сберегать, а это противоположно тому, что следует делать стареющему обществу.

Тем временем свинья все еще в питоне и неумолимо идет к своей судьбе. Но разве кого-нибудь это волнует?

## РЕЦЕПТ ПРОВАЛА

---

26 ИЮЛЯ 2000 ГОДА

Республиканцы пользовались своей обычной демагогией, критикуя план президента Клинтона по увеличению финансирования системы медицинского обслуживания для обеспечения лекарствами престарелых граждан в необходимом объеме и рекламируя свое контрпредложение. Они категорически выступали против плана Клинтона, называя его бюрократическим и доказывая, что это решение проблемы по принципу «все зависит от размера». Кроме того, республиканцы утверждали, что их предложение предполагает большую свободу выбора.

И по крайней мере в одном они правы — план республиканцев действительно предполагает бóльшую свободу выбора.

К сожалению, это тот случай, когда свобода выбора на самом деле вредит всем. Фактически, предлагая людям больше альтернатив, в конечном итоге план республиканцев лишает их выбора вообще.

Демократы предлагали обеспечивать лекарствами непосредственно пользователей системы медицинского обслуживания, то есть пенсионеров, республиканцы же считают целесообразным передать средства негосударственным страховым компаниям, полагая, что последние соблазнятся обслуживанием людей преклонного возраста. Однако все свидетельствует о том, что подобный план неосуществим. Да и сами страховые компании настроены скептически, было много случаев, когда собственное лобби этой сферы говорило Конгрессу, что им не нужны субсидии. Кроме того, попытка штата Невада осуществить подобный план оказалась нерезультативной, ни одна страховая компания, имеющая лицензию на проведение государственных программ, не заинтересовалась этим предложением.

Причина проста — так называемый «невыгодный выбор», эта проблема беспокоит многие рынки, а рынок страховых услуг особенно. Из-за «невыгодного выбора» вам не следует покупать полисы компаний, которые говорят, что «им не требуется данных о состоянии здоровья». Когда страховка стоит одинаково и при плохих, и при хороших прогнозах, высоких рисков рано или поздно станет больше.

Почему пожилые люди не станут покупать страховку для обеспечения себя лекарствами? Представьте себе страховую компанию, которая должна предложить план по обеспечению лекарствами с достаточно высо-

кими взносами, чтобы покрыть счета среднестатистического пациента системы медицинского обслуживания. Получится, что годовые взносы в программу по обеспечению лекарствами будут крайне неравномерно и несправедливо распределяться среди пенсионеров, в зависимости от того, есть ли у них хронические заболевания, а если есть, то какие. Здоровые пенсионеры, которые понимают, что их счета за лекарства не будут большими, скорее всего, не захотят покупать страховку, поскольку ее стоимость будет выше, чем затраты из своего кармана. Это значит, что в страховках будут заинтересованы только те пенсионеры, которые много тратят на лекарства, следовательно, им нужны высокие выплаты (соответственно, и высокие взносы), а это, в свою очередь, будет и дальше отпугивать относительно здоровых пенсионеров, и так до бесконечности. Страховые компании прекрасно понимают эту логику, поэтому и не заинтересованы в том, чтобы ставить подобные программы на первое место.

Проблему можно решить, и личная страховка на приобретение лекарств может быть предложена по разумной цене, только если размер взносов будет назначаться до того, как будет выяснено, требуются ли застрахованному лицу дорогие лекарства или нет. Подобная политика не может быть предложена в случае, когда те, кто позже обнаружат, что им не требуются дорогие лекарства, смогут прекратить выплачивать взносы, что, опять же, приведет к их повышению.

И пока в принципе можно заключить договор, который не предусматривает одностороннего расторжения со стороны застрахованного лица, просто попробуйте вообразить правовые осложнения, если частная страховая компания попытается заставить здорового пенсионера продолжать выплачивать высокие взносы

до конца десятилетия, даже если окажется, что ему не нужны страховые выплаты. На практике единственный способ избежать проблемы расторжения договоров, это сделать программы обеспечения лекарствами государственными.

Все описанное выше в той или иной степени соответствует классическим экономическим теориям. Так почему же лидеры республиканской партии так усиленно продвигают свой план, хотя нет никакой гарантии, что предложенные ими меры будут действенными?

Несомненно, циничные политики играют важную роль.

То же происходит и с деньгами. Страховые компании всеми силами противятся плану республиканцев, однако фармацевтическая промышленность очень сильно хочет избежать любых ситуаций, когда цены на лекарства снизятся, и боится, что план администрации заключается именно в этом. Ситуацию усугубляет искренний фанатизм. Лидеры республиканской партии, особенно те, которые занимают должности в Белом доме, действительно верят в волшебное могущество свободного рынка. Их можно сравнить с членами секты, которые убеждены, что рынки будут функционировать, даже когда предприниматели наотрез откажутся от коммерческой деятельности, при этом правительственное вмешательство воспринимается как абсолютное зло даже в тех областях, где аналитики признают его необходимым.

В двух словах, план республиканцев — это утверждение веры, которая трансцендентна земной логике экономистов.

Однако какое это имеет значение для нашего здоровья?



## БАСНЯ О ПЕНСИОНЕРЕ

---

11 ОКТЯБРЯ 2000 ГОДА

Давным-давно была такая страна, где люди жили только два года. Первый год они работали, а второй — жили на свои собственные сбережения.

Прошло время, и правительство решило помочь пожилым гражданам, для этого оно создало систему социального обеспечения. Каждый молодой работающий человек платил налог, который тут же использовался для выплаты пособий пожилым пенсионерам.

Для первого поколения пенсионеров эта система была очень выгодна, ведь они не платили взносы в молодости, но все равно получали пособия. Однако следующие поколения неправильно поняли принцип работы системы. Они считали, что их взносы — это инвестиции, хотя на самом деле они просто платили налоги, чтобы можно было выплачивать пособия поколению их родителей. Потом они вообразили, что смогут получать больший доход, инвестируя эти деньги в рынок.

Как раз вовремя появился амбициозный политик и заявил: «Это ваши деньги! Я доверяю людям, а не правительству!» Он сказал работающему населению, что позволит им вкладывать половину своих взносов по собственному усмотрению. Когда критики попытались обратить внимание на то, что эти деньги уже были обещаны пожилым согражданам (вклады которых пошли на выплату пособий предыдущему поколению пенсионеров), то их призывы потонули в выкриках: «Не надо нам странных чисел!» И план был воплощен в жизнь.

И в следующем году система социального обеспечения стала разваливаться. Поскольку в ее фонды поступало недостаточно средств, пенсионеры не могли получать заслуженных пособий.

Конечно, я понимаю, что моя басня предельно упрощает ситуацию с системой социального обеспечения и связанные с ней споры, которые происходили в этом году, однако я делаю это намеренно. Совершенно ясно, что предложение г-на Буша, который предполагает перевести часть взносов в фонды системы социального обеспечения на личные счета, не предлагая им никакого замещения, абсолютно безответственно. Поскольку американцы живут дольше двух лет, эта пьеса будет долгой. При существующих условиях система социального обеспечения не развалится еще лет 30, поэтому жертвами станут нынешние люди среднего возраста, а не те, кто сейчас на пенсии. Однако кризис наступит гораздо раньше, поскольку надвигающаяся катастрофа становится очевидной.

Г-н Буш сделал важное политическое открытие: с действительно откровенными ложными заявлениями трудно успешно спорить, поскольку избиратели просто не верят, что этот приятный мужчина может действительно поступать неправильно. Во время дебатов на прошлой неделе г-н Буш опять заявил, что он планирует потратить четверть предполагаемых излишков бюджетных средств на новые популярные программы, несмотря даже на то, что его собственный бюджет показывает, что на самом деле он собирается потратить на это меньше половины объявленной суммы. («Не надо нам странных чисел!» — ревет толпа, но ведь это его собственные оценки.) Г-н Буш настаивает, что у него есть план, как спасти систему социального обеспечения, хотя на самом деле его предложение обанкротит систему.

Вы спрашиваете, есть ли хорошие экономисты или эксперты по системе социального обеспечения, которые поддерживают план г-на Буша? Считайте, что они, как Фауст, заключили сделку — продали свои души, но не за силу или богатство (хотя, может, и за них тоже, это не моя епархия), а за реформу.

Да, сейчас удобный момент для реформы системы социального обеспечения, если мы, конечно, готовы заплатить такую цену. Существующая система, по сути, обещает работающему населению, что будущие поколения позаботятся о них так же, как они заботились в свое время о поколении своих родителей. Как отметил советник г-на Буша Мартин Фелдштейн, существующая сейчас система заставляет людей думать, что они богаче, чем есть на самом деле, поэтому они много тратят и мало сберегают.

Для решения этой проблемы потребуется много средств, которые пойдут на оплату нынешних обязательств системы. Но сам вопрос можно поставить по-другому (в другом контексте). С тех пор как проблема системы социального обеспечения заключается в том, что она дает людям мнимое чувство богатства, любая реформа заставит их чувствовать себя беднее. Однако, конечно, г-н Буш добивается не этого.

Скорее всего, экономисты, которые поддерживают его предложение, уверены, что после выборов все эти трудности разрешатся. Когда обнародуют настоящий план, то все встанет на свои места.

Только вот трудно понять как. Попробуйте представить г-на Буша, с победоносным видом объясняющего, что он вынужден, в конце концов, срезать пособия или отменить снижение налогов, чтобы добыть достаточно денег для системы социального обеспечения.

Совершенно ясно только одно — предложение г-на Буша по реформированию системы социального обеспечения обанкротит ее.

И это не странные числа — это голый, беспристрастный факт.

---

## НЕБЛАГОРОДНЫЙ ПОСТУПОК

---

5 НОЯБРЯ 2000 ГОДА

Все началось с благого дела. Вспомним 1980-е гг., когда Конгресс решил действовать ответственно и подготовиться к кризису, наступление которого прогнозировали только через 30 лет.

До 1980-х гг. система социального обеспечения финансировалась из средств, которые вычитались прямо из заработной платы, причем практически все отчисления за год использовались для выплаты пособий. Однако к 1980 году стало ясно, что системе, которая успешно проработала 30 лет, грозит кризис. Поколение, появившееся на свет во время бума рождаемости, — главный тому виновник: когда оно начнет выходить на пенсию, общего числа работников, которые платят взносы в систему социального обеспечения, будет явно недостаточно, чтобы обеспечить полную выплату пособий. Сейчас на одного пенсионера приходится примерно 3,4 работающих граждан, к 2030 году их будет только 2. Таким образом, для поддержания системы нужно будет либо значительно повысить налоги, либо значительно снизить пособия, а может, и принять обе эти меры.

В 1980-х гг. Конгресс сделал следующее: повысил налоги, поступающие в систему социального обеспе-

чения — причем это было терпимое повышение — на 2%, чтобы предотвратить неблагоприятные последствия в будущем. Когда демографический кризис только начинался, системе следовало создать большой резерв, отсрочив день краха, а возможно, и предотвратив его. Это не обязательно должно было быть окончательное и бесповоротное решение, однако оно дало бы нам больше возможностей для маневра. Система могла бы существовать без изменений, по крайней мере, до 2037 года, а умеренные дополнительные меры могли продлить срок до 2050 года, а может, и дольше.

Однако любое политическое действие, предпринятое в прошлом и направленное в будущее, обычно разрушается политиками следующих поколений, у которых возникает искушение поделить все по-иному. Именно в этом заключается причина нынешних споров.

Г-н Буш хочет отменить предпринятое двухпроцентное повышение налогов. Он, разумеется, не предлагает вернуть полученные средства наличными, однако он хочет перевести их на личные накопительные счета, которые в основном принадлежали бы молодым рабочим и, следовательно, были бы недоступны, когда придет время выплачивать пенсии нынешним работающим гражданам среднего возраста, чье право на получение этих пособий, предположительно, защищено. И что дальше?

А дальше, несомненно, что-то будет. Если средства, которые должны были пойти на выплату пособий поколению, появившемуся на свет во время бума рождаемости, используются для других целей, нам нужно сделать что-то еще — уменьшить пособия, перевести дополнительные средства из других источников или что-то другое. Правильно?

Однако г-н Буш никогда не заканчивает свои высказывания. В его рекламных роликах по-прежнему провозглашается, что он поставит систему социального обеспечения на твердую почву, однако его предложение не предполагает ничего, абсолютно ничего, для укрепления финансов системы. Он даже не пытается. Это вовсе не спорный вопрос, здесь просто нет предмета спора.

Я не понимаю, почему пресса совершенно не обращает внимания на этот факт. Возможно, репортеры просто не осмеливаются сказать, что король-то голый и что ключевое предложение человека, который, возможно, станет президентом, не просто не предполагает никаких мер, оно не предполагает даже попыток что-то изменить.

Даже сейчас большинство средств массовой информации терпимо относятся к «плану» г-на Буша, заявляя, что прямой угрозы для выплат сегодняшним пенсионерам нет, поскольку на данный момент в фондах достаточно средств, чтобы поддерживать уровень выплат неизменным в течение еще 20 лет или около того. Однако это просто отсрочивает появление проблемы. В целом требование реформы системы социального обеспечения было вызвано обвинениями в том, что система долго не выдержит, и сейчас, внезапно, мы решаем провести реформу, которая сократит срок жизни системы на 14 лет?

В любом случае, как вы думаете, что действительно произойдет? Будет ли руководство системы социального обеспечения продолжать выплачивать пособия того же размера следующие два десятилетия, а потом вдруг внезапно заявит: «Извините, ребята, но деньги кончились. Мы сокращаем пенсии на 40% прямо сейчас»? Правда жизни в том, что пенсии придется сокра-

тить, как только средства начнут перечисляться на личные счета, и многие сегодняшние пенсионеры будут остро нуждаться.

Возможно, если г-н Буш победит, он обнародует свой тайный план, согласно которому пенсии все же придется сократить, иначе откуда же возьмутся деньги? (Ведь излишки бюджетных средств пойдут на поддержку плана снижения налогов.) Или, может быть, он прикажет комиссии, состоящей из представителей обеих партий, разработать новый план, а потом обвинит демократов, работающих в комиссии, в неспособности сделать что-нибудь из ничего.

Конечно, это шутка. Ответственные действия Конгресса в 1980-х гг., как оказалось, создали условия для вульгарно безответственной политической уловки. Но ведь вы знаете поговорку: «Благие дела наказуемы».

---

## 2016 И ВСЕ ТАКОЕ

---

22 ИЮЛЯ 2001 ГОДА

Я знал, что комиссия по реформе системы социального обеспечения, назначенная Джорджем Бушем-младшим, представит лицеприятный отчет, направленный на то, чтобы принудить Конгресс принять проект создания негосударственной системы социального обеспечения. Однако проект доклада, обнародованный на прошлой неделе, это абсолютная, полная ерунда.

Комиссия в своей попытке посеять панику утверждает, что системе социального обеспечения грозит надвигающийся кризис, который произойдет букваль-

но в 2016 году. Это прямо противоречит стандартным прогнозам, согласно которым резервов системы социального обеспечения хватит до 2038 года, причем эти прогнозы основаны на довольно пессимистичных предположениях о будущем экономическом росте и, следовательно, о поступлениях в казну налога на заработную плату. А в соответствии с более оптимистичными предположениями, скажем, в соответствии с прогнозами по бюджету, которые использовал г-н Буш для поддержки своего плана по снижению налогов, финансовое благополучие системы продлится до 2075 года.

Каким же образом комиссия пришла к столь пессимистичному заключению? С помощью удвоенной мощи оруэлловского метода двоемыслия, то есть искусства убеждать, что две взаимоисключающие вещи одновременно истинны.

Это правда, что в 2016 году по (пессимистичным) прогнозам общий размер выплат системы социального обеспечения будет превышать поступления от налога на заработную плату. Однако к тому времени система сформирует «трастовый фонд», на счетах которого скопится много триллионов долларов. Точно так же, как частные пенсионные фонды используют прибыли, полученные от оборота своих активов, для выплаты пособий, система социального обеспечения может использовать прибыли от оборота своего трастового фонда все для той же выплаты пособий. И этот трастовый фонд продлит жизнь системы на несколько десятилетий, а может быть, и до бесконечности.

Однако комиссия заявляет, что эти собранные активы не «реальны» и их нельзя рассматривать как источник для выплаты пособий в будущем. Почему? По-



тому что они выражены в государственных облигациях — это прекрасный способ накопления для частных пенсионных фондов и абсолютно бессмысленный, говорит комиссия, для государственного учреждения.

Имеет ли это какой-то смысл? Существует такая экономическая школа, которая говорит, что у системы социального обеспечения не должно быть отдельного бюджета и отчисления в фонды системы должны рассматриваться как часть общих налоговых поступлений, а выплаты — как часть общих затрат бюджета. Однако в этом случае трудно понять, зачем нам продолжать работать до 2016 г.: кого волнует, если налог на заработную плату, то есть один из многих налогов, принесет меньше средств, чем правительство потратит на выплату пенсий, которые являются лишь частью многих затрат бюджета? Пособия системы социального обеспечения можно выплачивать из общего федерального бюджета; можно переводить средства, полученные от налогов, поскольку если сборы налога на заработную плату шли на погашение внутреннего долга, то должны были освободиться крупные суммы денег, которые можно потратить на выплату пособий.

С другой стороны, по политическим причинам важно, чтобы у системы социального обеспечения был отдельный бюджет. Однако в этом случае надо рассматривать правительственные облигации трастового фонда системы как реальные активы, как если бы система была частным пенсионным фондом. (Есть предложение: давайте отмоем средства трастового фонда, передав их в частные банки, которые затем купят правительственные облигации. Это сделает активы «реальными»?)

Итак, комиссия пытается идти двумя дорогами одновременно. Когда система социального обеспечения

сможет добиться излишков, она не получит никаких кредитов, поскольку она часть правительства. А если у системы будет дефицит, то это ее проблемы, поскольку она отдельная структура. На деле эта извращенная логика приведет к тому, что государство присвоит себе все излишки средств, которые скопились с 1983 г. из отчислений работающего населения. Когда сенатор Дэниел Патрик Мойниган, среди прочих, настоял на увеличении налога на заработную плату, это повышение должно было скопить средства на счетах трастового фонда, которые комиссия, где одним из руководителей является г-н Мойниган, сейчас признает «нереальными».

И насколько велик будет дефицит системы социального обеспечения и трастовый фонд, который прибрали к рукам? Комиссия говорит о 37% поступлений от налога на заработную плату, — это очень большая цифра, однако она составляет лишь 2% от ВВП. Это интересная цифра — примерно столько сейчас правительство платит как проценты по внутреннему долгу — долгу, который использует для выплат излишки системы социального обеспечения.

Есть еще один момент, касающийся бюджета, причем его размер равен дефициту частных пенсионных фондов — это снижение налогов, которое сократит налоговые поступления примерно на 1,7% от ВВП.

Сейчас самое время для реформы системы социального обеспечения, как раз время для приватизации. Однако мы не можем нормально обсудить реформу, пока стороны спора не захотят быть честными. А члены комиссии, включая г-на Мойнигана, лишь дискредитируют себя.

## ГРЕШКИ КОМИССИИ

25 ИЮЛЯ 2001 ГОДА

Предположим, вы начали сберегать на пенсию 18 лет назад. Вы могли купить акции или облигации корпорации, однако ваш племянник убедил оставить деньги в семье, более того, вы ему их одолжили. Ваша помощь помогла ему в трудное время, а недавно он использовал взятые займы у вас деньги, чтобы погасить свой кредит на жилье.

Однако сейчас этот племянник говорит, что вам стоит начать инвестировать средства для обеспечения себе пенсии. В конце концов, говорит он, у вас нет никаких реальных активов. «А как насчет денег, которые ты мне должен?» — спрашиваете вы. «Это не реальные активы, — отвечает он, — это лишь обещание. Для того чтобы я смог рассчитаться в срок, я должен больше зарабатывать и меньше тратить, я могу дать вам обещание, и это единственный способ. Однако вы не можете рассчитывать, что я так поступлю». Тем временем вы случайно узнаете, что он заказал себе яхту и потраченных денег вполне хватило бы, чтобы выплатить долг.

Большинство людей посчитают, что такое поведение просто беспардонно. Однако члены созданной Джорджем Бушем-младшим комиссии для подготовки реформы системы социального обеспечения полагают, что вашему племяннику пришла в голову гениальная идея. Системе социального обеспечения удавалось копить излишки средств с 1983 г. (когда был повышен налог на заработную плату), чтобы создать трастовый фонд, из которого будут выплачиваться по-

собия в будущем. Эти средства можно было вложить в акции или облигации корпораций, однако оказалось безопаснее и менее проблематично вместо этого купить долг правительства США. Сейчас в быстро растущем трастовом фонде системы есть 1,2 триллиона долларов. Однако комиссия заявляет, что государственные облигации этого фонда не могут считаться реальными активами.

Это все равно что сказать, что вы не сделали ничего, чтобы улучшить финансовое положение вашего племянника, когда вы выплатили кредит на его жилье.

Каждый доллар, который система социального обеспечения вкладывает в государственные облигации, вместо того чтобы инвестировать его в другие активы, например в облигации корпораций, — это доллар, который федеральное правительство не должно изыскивать в других источниках. Если бы трастовый фонд системы социального обеспечения не использовал свои излишки, чтобы купить государственные облигации на сумму в 1,2 триллиона долларов, правительству пришлось бы занять средства для погашения своего долга где-то еще. И вместо того чтобы выделять кредит на сумму в 65 млрд долларов в этом году, правительству следовало признать купленные облигации настоящими активами, как это произошло бы при покупке сих облигаций частными лицами. Таким образом, трастовый фонд сделал реальный взнос в федеральный бюджет. Разве это не делает его активы реальными?

Поскольку средства трастового фонда были использованы для выплаты внутреннего долга, то затраты правительства на погашение долга уменьшились, поэтому средства на пособия пенсионерам должны быть. Итак, на деле должно было произойти следующее: когда си-

стема социального обеспечения начала продавать свои долговые обязательства, федеральное правительство должно было собрать больше налогов и/или меньше потратить, то есть оно просто изменило своему слову. Однако комиссия утверждает, что на самом деле мы говорим о тяжелейшем бремени.

Сделаем некоторые подсчеты. Если бы сейчас была такая демографическая ситуация, какая, по прогнозам ученых, будет в 2040 г. (на 100 работающих граждан будет приходиться 48 пенсионеров, а не 30, как на сегодняшний день), то разница между сборами налога на заработную плату и общим размером пенсий составила бы 180 млрд долларов. Подобная цифра впечатляет. Однако так и произойдет, поскольку снижение налогов, закон о котором был принят два месяца назад (пользуясь моим сравнением, это яхта вашего племянника), постепенно вступит в действие сейчас, что сократит налоговые сборы примерно на 170 млрд долларов.

Вчера как никогда преданный администрации Алан Гринспен — который 18 лет назад убедил комиссию повысить налог на заработную плату, чтобы создать излишки в фондах системы социального обеспечения, — выступал перед Сенатом и говорил, что план г-на Буша по снижению налогов «довольно умеренный». Хорошо, если этот план можно назвать умеренным, тогда дефицит системы социального обеспечения, который надо покрыть, тем более умеренный. Невозможно идти по двум дорогам одновременно.

Однако именно это пытается сделать комиссия, и это четко видно из ее отчета — Оруэлл называл это двоемыслием. Предполагается, что мы поверим, будто излишки системы социального обеспечения не

имеют смысла, поскольку бюджет системы включен в общий федеральный бюджет. Однако когда дело касается дефицита, то это ужасно, поскольку система независима от государства. Предполагается, что мы поверим, будто сумма в 170 млрд долларов «умеренная», если дело касается снижения налогов для состоятельных граждан, однако она тяжкое бремя для бюджета, когда разговор идет о пособиях пенсионерам.

И наконец, предполагается, что мы будем серьезно выслушивать рекомендации комиссии, которая представила бессодержательный, некомпетентный и заведомо ложный отчет.

---

## ПЛОХАЯ МЕДИЦИНА

---

19 МАРТА 2002 ГОДА

В воскресенье «The Times» поместила на первой полосе статью о докторах, которые стараются не лечить пациентов, имеющих медицинскую страховку; это может быть тревожным знаком, поскольку стало ясно, что недавнее сокращение финансирования системы медицинского обслуживания ведет к тому, что доктора вообще отказываются лечить пациентов со страховкой. Однако это только начало борьбы, которая вскоре станет главной темой американской политики.

Думайте об этом как о столкновении неодолимой силы (растущие расходы на здравоохранение) и перемещаемого объекта (неизменной приверженностью консервативного движения Америки к дешевому управлению). В настоящий момент администрация Буша и

его сторонники все еще не желают признавать, что существует конфликт между обещаниями, которые они дали пенсионерам, и их келейной идеологией. Однако мы уже прошли ту стадию, когда конфликт был спрятан за сфабрикованными оценками. Попытка жить с нереально низкими затратами на медицинское обслуживание уже трансформировалась в нереально низкие выплаты по медицинским страховкам. И ситуация становится все хуже и хуже.

Почему увеличиваются затраты на медицинское обслуживание? Не потому, что больницы и доктора жадные, а из-за прогресса в области медицинских технологий. Доктора способны лечить все больше и больше болезней, добавляя годы к жизни пациентов и значительно повышая их качество — повышая, соответственно, и затраты. Аортокоронарное шунтирование будет значительно полезнее простого постельного режима, но оно и стоит дороже, намного дороже.

В течение 1990-х гг. увеличивающиеся затраты на медицинское обслуживание, казалось, остановились. Однако сейчас понятно, что это была единовременная остановка, благодаря переходу к страховкам Н.М.О. Сейчас медицинские расходы продолжают победоносно расти.

Если бы медицинское обслуживание было только частным сектором, то медицинский прогресс не ставил бы проблем серьезнее, чем, скажем, прогресс домашних развлечений. Однако на деле Соединенные Штаты, как любая развитая страна, считает медицинское обслуживание правом, а не привилегией. Проблема в том, что наши системы медицинского страхования и бесплатного медицинского обслуживания работают несогласованно, а главное правило системы: никому не

может быть отказано в оказании лечения по жизненно важным показателям из-за отсутствия средств.

Почему бы нам не предоставить медицинские страховки отдельным людям? По сути, даже в Соединенных Штатах существуют пределы неравенства, за которые не готово выйти общество. Одно дело, когда богатые могут себе позволить более роскошные дома и более длительные отпуска по сравнению со среднестатистическим американцем, — люди спокойно воспринимают такое неравенство. Однако другое дело, когда богатые могут вылечить серьезные болезни, а среднестатистический американец умирает от них, — это слишком даже для нас.

Итак, у нас есть система медицинского страхования для престарелых граждан (Medicare) и программа бесплатного медицинского обслуживания (Medicaid). И общество единодушно поддерживает расширение программы медицинского обслуживания для пенсионеров и включение в нее программы обеспечения лекарствами по той же причине: американцам кажется несправедливым, что жизненно важные лекарства будут доступны только состоятельным гражданам, которые могут заплатить за них из своего кармана. Включение программы по обеспечению лекарствами в систему медицинского обслуживания пенсионеров — это не столько вопрос расширения программы, сколько вопрос сохранения ее изначального предназначения.

Но правительству придется потратить значительные средства, чтобы удовлетворить требования общества, которые последнее предъявляет программе медицинского обслуживания, то есть дать уверенность каждому американцу, особенно пенсионного возраста, что



он получит необходимое лечение. И консервативное движение в целом, а администрация Буша в особенности, не готово выделить на это необходимые средства. В конце концов, затраты правительства должны состоять из налоговых поступлений.

Тем не менее пока власть не смеет открыто признать, что она готова отказать в базовом медицинском обслуживании тем, кто не может себе этого позволить. И что же администрация может предпринять?

Однако помощники Буша все еще пытаются всех обмануть; проект бюджета, обнародованный в прошлом месяце, заставил экономистов, занимающихся вопросами медицинского обслуживания, протереть глаза. Этот бюджет предполагает гораздо меньший рост затрат на медицинское обслуживание, чем кто-либо считает допустимым, кроме того, в следующем десятилетии предполагается потратить на 300 млрд долларов меньше, чем будет необходимо по подсчетам оппозиционной администрации бюджетного комитета Конгресса. Невероятно, но этот бюджет вновь подтверждает, что мы будем тратить меньше на программу обеспечения лекарствами, поскольку выделение средств срезано наполовину по сравнению с минимальными оценками.

Тем не менее уже достигнут тот момент, когда мы должны или признать, что денег надо больше, или отказать в здравоохранении пенсионерам. Мораль воскресной статьи в том, что средств на медицинское обслуживание выделяется настолько мало, что доктора уже не хотят принимать застрахованных пациентов. Чем-то придется пожертвовать, причем скоро.

---

## СТРАХ ПЕРЕД ЛЮБЫМИ ПОДСЧЕТАМИ

---

21 ИЮНЯ 2002 ГОДА

«Трудно найти человека, который хоть что-нибудь понимает, — писал Эптон Синклер, — когда его зарплата зависит от непонимания этого». Чтобы осознать смысл того, из-за чего идут споры по поводу реформы системы социального обеспечения, надо понять, что те, кто защищает приватизацию для замены ныне существующей системы, по крайней мере отчасти (когда дело касается личных накопительных счетов) изначально не понимают простейшей арифметики. Иначе они бы признали, что подобные счета ослабят, а не усилят финансовое состояние системы.

Социальное обеспечение, как мы знаем, — это система, которая использует поступления от налога на заработную плату каждого поколения, в основном чтобы обеспечить выплату пенсий предыдущему поколению. Если отчисления нового поколения пойдут на личные счета, должна появиться очевидная проблема: кто будет платить пенсии нынешним пенсионерам и пожилым людям, которые сейчас еще работают? Это простая арифметика:  $2 - 1 = 1$ . Таким образом, приватизация создает финансовую брешь, которой можно избежать, сократив размер пособий или переводя средства из общего федерального бюджета, а может быть, потребуются и обе эти меры.

Во время предвыборной кампании 2000 г. Джорджу Бушу-младшему сошло с рук бредовое утверждение о том, что личные счета не просто обеспечат высокий, безопасный доход, но и спасут саму систему социаль-

ного обеспечения. По понятной причине репортеры отметили, что он утверждает, что  $2 - 1 = 4$ . Однако когда пришло время предлагать конкретные планы, арифметикой больше нельзя было пренебрегать.

Нетрудно понять, что планы, составленные Комиссией по укреплению системы социального обеспечения, созданной г-ном Бушем, хотя и были представлены в максимально запутанной форме, предполагают и серьезное снижение пособий, и огромное количество «волшебных звездочек» (т. е. примечаний, фактически говорящих о том, что триллионы долларов находятся непонятно где). Размер ущерба представлен в отчете нового центра по бюджетной политике, который был написан Питером Даймондом из Массачусетского технологического института и Питером Оршагом из Института Брукингса. (Г-н Даймонд, один из ведущих экономистов в мире, являющийся признанно лучшим экспертом в области систем пенсионного страхования, был моим коллегой, когда я преподавал в Массачусетском технологическом институте.)

Отчет Даймонда—Оршага весьма интересен, даже я был удивлен парой откровений. Например, о мистических денежных вливаниях, которые, как полагает комиссия, грядут и будут вполне достаточны для сохранения на веки вечные системы социального обеспечения без снижения размера пособий. Кроме того, планы комиссии включают серьезное сокращение пособий по нетрудоспособности, которые являются существенной частью системы социального обеспечения, и их сторонники приватизации, как правило, игнорируют.

Однако самое интересное в этом отчете — это реакция администрации.

Чарльз Блэхус, который был исполнительным директором комиссии, а сейчас работает в Белом доме,

быстро ответил пояснительной запиской, лучшая характеристика которой — истеричность. Количество нестыковок и искажений действительности, которые г-н Блэхус ухитрился сделать всего на нескольких страницах доклада, может считаться рекордным. Помимо всего прочего, он злобно обвиняет Даймонда и Оршага в упущении важнейших вопросов, которые на самом деле они осветили довольно ясно. На одно из этих обвинений г-н Оршаг жестко заметил, что «поспешность, с которой г-н исполнительный директор ответил на наш отчет, говорит о том, что он не прочитал заключительные параграфы, которые непосредственно посвящены этому вопросу и предоставляют сравнения, которых он требует (хотя его могут и не порадовать наши выводы). Я привлекаю его внимание к заключительному параграфу».

Суть тактики г-на Блэхуса в его упорстве, он настаивает, что личные счета не ослабят систему социального обеспечения, поскольку перевод средств из общего трастового фонда на эти счета не уменьшит общей суммы, если считать личные счета частью общего фонда. Конечно, деньги не исчезнут, однако из этих средств уже нельзя будет платить пенсии пожилым американцам, отчисления которых в систему социального обеспечения были использованы для выплаты пенсий предыдущим поколениям.

Поскольку факты о приватизации системы социального обеспечения становятся известными постепенно, общая стратегия этого процесса оставляет общество в недоумении настолько долго, насколько это возможно. Республиканцы действительно сейчас отрицают, что личные счета, которые подвергают их собственников всем возможным рискам любой частной системы, составляют суть «приватизации». «Не принимайте учас-

тия в демагогии демократов», — гласит одна заметка партии. Похоже на утку, ходит как утка, но это не утка — таков, видимо, подход администрации, по крайней мере, до следующих выборов.

Однако, что бы они ни говорили, утка это утка. И экономисты администрации, которые утверждают, что приватизация укрепит финансовое положение системы социального обеспечения, еще больше, чем когда-либо, лгут.

---

ЧАСТЬ III

# ПОБЕДИТЕЛИ И ТРОФЕИ

---



Как мы дошли до такого? Каким образом американская политическая система, по справедливости добившаяся на протяжении 1990-х гг. экономического лидерства, ввергла нас в нынешнюю пучину мошенничества и безответственности? Это не тот вопрос, на который я надеюсь когда-либо получить ответ: я по-прежнему не считаю, что я — в первую очередь политический обозреватель. По сути, как мне уже довелось объяснять во «Введении» к этой книге, первоначально я ожидал, что моя колонка в «The New York Times» будет посвящена преимущественно бизнесу и международной экономике, но никак не вопросам внутренней политики. Но с усугублением кризиса я счел необходимым дать объяснение тому, почему наш политический курс приносит вред.

Как я полагаю, ответ отчасти состоит в том, что американская политика крайне поляризовалась: она не придерживается центра. Подоплекой политической поляризации является растущее неравенство доходов. В результате возникает некая разновидность классовой борьбы, ее движущая сила — не попытки бедных выкачать деньги у богатых, а усилия экономической элиты, направленные на расширение своих привилегий. В главе 8 поля-



ризация американской политики рассматривается наряду с экономическим курсом, параллельно с поляризацией распределения доходов. В ней также говорится о том, как мысли, высказывать которые еще не так давно считалось неприличным (такие, как утверждение, что унаследованные привилегии — это хорошо или что бедные платят недостаточно много налогов), постепенно проникли в сферу политического дискурса.

Крестовый поход против государства всеобщего благосостояния, предпринятый государством, базируется на идеологии, которая порочит практически все, помимо идеи национальной обороны. Нынешние консерваторы стремятся лишить правительство даже традиционных ролей, таких как защита окружающей среды, регулирование ценных бумаг и контролирование воздушных перевозок. Некоторые — в том числе и редакционная страница «The Times» — полагают, что террористическая атака 11 сентября, которая несколько не походила на привычный военный конфликт, сможет изменить это отношение. Но нет — как документально показано в главе 9, администрация Буша и ее союзники в Конгрессе остались непоколебимыми. К примеру, через считанные дни после 11 сентября они по-прежнему пытались помешать передаче в государственную собственность сферы обеспечения безопасности на авиалиниях. А после того как спала волна сочувствия Нью-Йорку и с первых полос исчезли многочисленные фотоматериалы о пожарных, обещания оказать помощь стали нарушаться. В феврале 2003 г. логика отстранения достигла верха абсурда: не сделав практически ничего для укрепления безопасности страны, администрация с помощью слоганов на рекламных щитах призывает общественность усилить бдительность и обеспечить себе защиту.

Можно понять, почему после 11 сентября многие ожидали от администрации Буша сокращения активности в сфере внутривнутриполитической борьбы. В конце концов, администрация заявила, что идет война, а традиция гласит, что война — не время для осуществления политики, вызывающей раскол нации. Вот наиболее известный пример: после Перл-Харбора Франклин Д. Рузвельт заявил, что «новый курс» требуется сменить на курс на «победу в войне» — он отложил выполнение своей политической программы в интересах национального единства.

Однако после 11 сентября администрация Буша сделала все наоборот — она использует терроризм как дополнительную возможность осуществить свою политику. То немногое, что я написал, вызвало столь же гневные письма с откликами, что и газетные колонки, в которых я обвинил администрацию в том, что она эксплуатирует 11 сентября ради политических выгод, в том, что она прикрывается лозунгом защиты национальных интересов, в то же время добиваясь ослабления законодательства в сфере охраны окружающей среды, снижения налогового бремени корпораций и богатых граждан и, главным образом, верховного контроля на промежуточных выборах. Но, как объясняется в главе 10, эксплуатация такого рода началась через считанные часы после атаки, и постепенно не только для меня, но и для растущего числа других обозревателей стало очевидным, что люди, руководящие страной, весьма неразборчивы в средствах. В любую администрацию входит то или иное число циничных политиков, занимающих высшие должности в государстве, без них даже лучшие не имели бы шанса занять высокий пост. Но в нынешней администрации, по-видимому, нет никого, кроме циничных политиканов, которые используют национальную трагедию

ради получения политической прибыли, даже не пытаются понять реальные проблемы и оценить то, что кому-то придется наводить порядок в неразберихе, которую они оставят после себя.

Так как же получилось, что эти люди управляют нами? Глава 11 позволяет взглянуть на грязные, не столь уж и скрываемые секреты недавней американской политики: увеличение числа случаев манипулирования средствами массовой информации и политическим процессом, осуществляемого щедро спонсируемыми правыми группировками. Да, в Вирджинии существует обширный заговор правых. Это даже не слишком маскируется — любой, у кого есть модем и некоторое количество свободного времени, сможет получить информацию о сети учреждений, которые ведут систематическую травлю известных либералов и информационных агентств, не придерживающихся установленных правил. (Я, само собой, также был их целью.) Но в крупных газетах это обсуждается не часто, и об этом вы сможете прочитать здесь.

## НЕСОВМЕСТИМЫЕ ПОНЯТИЯ

### ПОЛЯРИЗОВАННАЯ АМЕРИКА

---

4 ЯНВАРЯ 2002 WJLF

Когда Конгресс вернется в Вашингтон, бои возобновятся — и каждая сторона будет обвинять другую в отстаивании партийных интересов. Почему они не могут ужиться друг с другом?

Потому что во главу угла поставлены фундаментальные проблемы, и стороны придерживаются диаметрально противоположных взглядов на эти проблемы, как и было всегда.

Недавно вышедшая в «Slate» статья вывела меня к Киту Пулу и Говарду Розенталю, политологам, использовавшим данные по голосованию в Конгрессе для создания «карт» идеологических принципов политиков. Они выявили, что результаты голосования членов Палаты представителей можно достаточно точно предугадать по позиции, какую они занимают по двум вопросам: по отношению к расовым проблемам и по уклону влево или вправо их экономической политики (в этом понятии отражены такие статьи, как предельные ставки налогов и щедрость в предоставлении льгот для бедных).

Они, что не слишком удивительно, также обнаружили, что центр не удерживается. Ральф Нэyder может посмеиваться над «республикратами», но демократы и республиканцы резко разошлись с 1980-х гг., и в том, что касается экономических вопросов, они продолжают еще более отдаляться друг от друга по сравнению с позициями начала XX века.

Чья позиция изменилась? Том Дэшл не выглядит заметно либеральнее, чем, скажем, в последние годы Тип О'Нил. С другой стороны, Том Делэй, который вскоре станет лидером большинства в Палате, очевидно, правее прежних республиканских лидеров. Короче говоря, бессистемные наблюдения предполагают, что американская политика стала поляризованной потому, что республиканцы сдвинулись вправо, а демократы за ними не последовали. И вполне определенно цифры Пула—Розенталя, показывающие расхождение между партиями, также демонстрируют, что это расхождение отражает движение республиканцев в сторону более консервативной экономической политики, в то время как демократы остались более или менее там же, где и находились раньше. Как выяснили такие люди, как Джеймс Джеффордс<sup>1</sup> и Линкольн Чефи<sup>2</sup>, быть тем, что мы привыкли именовать умеренным республиканцем, стало чрезвычайно трудно.

Но почему же республиканцы сдвинулись вправо?

Это может быть вопросом исключительно рационального убеждения. Республиканцы осознали, что низкие налоги и маленькое правительство хорошо для каждого, а демократы просто этого не поняли. Но идеи склонны укореняться, если почва была подготовлена

---

<sup>1</sup> Сенатор, бывший республиканец, покинул из-за разногласий Республиканскую армию в 2002 г.

<sup>2</sup> Сенатор-республиканец.

общественными и экономическими тенденциями. Доктор Пул предполагает, что наиболее вероятным источником политической поляризации является экономическая поляризация — резкое увеличение неравенства в сфере доходов и состояния.

По опыту я знаю, что даже простое упоминание о распределении доходов влечет за собой сердитые обвинения в «классовой борьбе», но, как бы то ни было, вот (истинно) беспристрастные данные, установленные недавно Бюджетным управлением Конгресса: с учетом инфляции средний доход семей в США вырос с 41 400 долларов в 1979 до 45 100 долларов в 1997 г., то есть доходы увеличились на 9 процентов. Тем временем доход 1 процента наиболее богатых семей вырос с 420 000 долларов до 1016 млн долларов, увеличившись на 140 процентов. Или, если взглянуть иначе, доход 1 процента наиболее богатых семей в 10 раз превышал доход типичной семьи в 1979 г. и в 23 раза — в 1997 г., и разрыв продолжает расти.

Было бы поистине удивительным, если бы этот тектонический сдвиг в экономическом ландшафте не отразился бы никоим образом в политике.

Вы могли бы ожидать, что концентрация дохода в верхах вызовет популистские требования — качать деньги у богатых. Но как я уже сказал, случайные наблюдения и данные Пула—Розенталя говорят нам о том, что демократы не сдвинулись влево, республиканцы сдвинулись вправо. Действительно, республиканцы настолько поправили, что простые избиратели с трудом им верят; как мне доводилось указывать ранее, участвовавшие в опросах в буквальном смысле слова отказались верить точному описанию «законопроекта о стимулах», принятому в октябре лидерами республиканцев в Конгрессе по результатам партийного голосования.

Почему реакция на растущее неравенство стала толчком для снижения налогов на богатых? Прекрасный вопрос. Проблема не только в том, что богатые голосуют за то, чтобы получить для себя более выгодные условия: их для этого слишком мало. Чтобы понять политические тенденции в Соединенных Штатах, нам, вероятно, потребуется задуматься о финансировании кампаний, лоббировании и власти, которую оказывают на формирование политических споров деньги в целом.

В любом случае мораль этой истории в том, что политическая борьба в Вашингтоне ныне — это мелкая перебранка. Правые наступают, левые занимают позиции, которые прежде именовались центристскими, пытаясь выдержать линию. Многие комментаторы все еще обманывают себя успокаивающим замечанием, что все это отстаивание партийных интересов — временное отклонение. Извините, ребята, в предсказуемом будущем ситуация такой и останется. Привыкайте.

---

## ЗАРЯ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ<sup>1</sup>

---

22 НОЯБРЯ 2002 ГОДА

Америка, как все мы знаем, — это страна возможностей. Ваш успех в жизни зависит от ваших способностей и настойчивости, а не от того, кем был ваш отец.

Стоит только спросить об этом у братьев Буша. Поговорите с Элизабет Чейни, которая занимает специально созданную должность в Государственном депар-

---

<sup>1</sup> В оригинале игра на созвучии слов «son» и «sun»: The sons also rise (букв. «Сыновья тоже поднимаются») — The sun also rises («И восходит солнце», название романа Э. Хемингуэя).

таменте, или с ее мужем, старшим советником в Административно-бюджетном управлении.

Возьмите интервью у Юджина Скалиа, главного юриста Министерства труда, и Джанет Ренквист, генерального инспектора Министерства здравоохранения и социальных служб. И не забудьте отметить это в разговоре с Уильямом Кристолом, редактором «The Weekly Standard», и с консервативным комментатором Джоном Подгорецем.

Что интересно, так это то, насколько мало комментариев, не говоря уже о критике, вызывает этот перечень имен. Возможно, это всего лишь один случай проявленной прессой деликатности, но я полагаю, что это симптом ширящегося явления — возвращения наследственного статуса.

Иметь богатого и влиятельного отца всегда было хорошо. На прошлой неделе мой принстонский коллега Алан Крюгер написал статью для «The Times», где дал обзор статистическим исследованиям, развенчивающим миф об американской социальной мобильности. «Если Соединенные Штаты и выделяются в сравнении с другими странами, — пишет он, — так только тем, что в них доходы распределяются по поколениям более равномерно, при этом возможностей продвинуться вверх меньше». А Кевин Филлипс в книге «Богатство и демократия» показывает, что удачи баронов-разбойников<sup>1</sup> оказалась куда более стабильными, чем о том говорят легенды.

Но прошлое — это только вступление. Согласно одной из процитированных г-ном Крюгером работ, в последние десятилетия значение наследственного стату-

---

<sup>1</sup> «Robber barons» — крупные американские бизнесмены конца XIX — начала XX в., в том числе Дж. Рокфеллер.



са возросло. И это только начало. Базовые экономические, социальные и политические тенденции дадут детям нынешних богатых гигантское преимущество над теми, кто выбрал не тех родителей.

Во-первых, существует больше привилегий, которые можно передать. Тридцать лет назад главный управляющий крупной компании был бюрократом — хорошо оплачиваемым, но не богатым в истинном значении слова. Он не мог передать своим наследникам ни своей должности, ни большого состояния. Нынешний имперский СЕО, напротив, оставит после себя безбрежное состояние — и зачастую они также в состоянии дать своим детям прибыльную работу. Если брать шире, эффектный рост неравенства в Америке увеличил пропасть между богатыми и средним классом и, следовательно, затруднил ее преодоление по сравнению с прошлым.

Тем временем закрывается одна из основных лазеек, способствующих мобильности, — хорошая система образования, доступного всем. Все большее и большее количество честолюбивых родителей понимают, что образование в бесплатных средних школах — это тупик. Рассказывают, что Джек Грубман, бывший аналитик банка «Саломон Смит Барни», по всей видимости, продал душу, но не за личное богатство, а за два места в подходящем детском саду. Увы, большинство американских душ не стоят столько, чтобы им удалось устроить детей в заведение на 92-й улице N.Y.<sup>1</sup>

Также значимость наследственного статуса получает мощную поддержку благодаря аннулированию налога на имущество — превосходный пример того, по какому странному пути пошли общественная полити-

---

<sup>1</sup> Улица центрального района Манхэттена, Нью-Йорк.

ка и общественное мнение, склонившись в пользу мер, приносящих выгоду богатым, как раз когда наше общество становится все более разделенным на классы.

Так было не всегда. Влиятельные династии XX века, такие как Кеннеди, Рокфеллеры и, да, Зальцбергеры, столкнувшись с подозрительным отношением общественности к наследованию должностей, преодолели подозрение, демонстрируя глубокое осознание обязательств, налагаемых их положением, и найдя оправдание в поддержке высоких принципов. Действительно, легенда о Кеннеди пахнет историей о Bonnie Prince Charlie<sup>1</sup>; законные наследники также воспринимались защитниками униженных от могущественных.

Но нынешние наследники не чувствуют нужды в демонстрации заботы о тех, кто оказался не столь удачливым. Напротив, зачастую они являются алчными защитниками власти имущих, выступая против тех, кого притесняют. Мистер Скалиа лично сделал заявку на приобретение известности, организовав крестовый поход против постановлений, защищающих рабочих от эргономической угрозы, тогда как госпожа Ренквист вызвала полемику своими попытками смягчить наказание медицинских компаний, которые были обвинены в мошенничестве.

Официальной идеологией американской элиты остается приверженность системе, в которой положение

---

<sup>1</sup> Речь идет о Чарльзе Эдварде Стюарте (1720–1788) — внуке английского короля Якова II, «молодом претенденте», в отличие от старого, своего отца Джеймса Фрэнсиса Эдварда Стюарта, — неоднократно пытался восстановить власть Стюартов в Англии и Шотландии, после неудачной попытки захватить Шотландию бежал во Францию, умер в Италии. В данном случае он оценивается как человек, борющийся за дело своих предков.

человека определяется его способностями, в полном соответствии с популизмом, на которое претендует наше политическое руководство. Но долго так продолжаться не будет. Достаточно быстро наше общество заново осознает значимость хорошего происхождения и вульгарность талантливых выскочек.

Годами авторитеты твердили нам о том, что речь идет о семейных ценностях. И так оно и есть, но пройдет время, прежде чем большинство людей поймет, что имелась в виду такая ценность, как происхождение из привилегированной семьи.

---

ЭЙ, СЧАСТЛИВЧИКИ!

---

3 ДЕКАБРЯ 2002 ГОДА

Придирчивые критики консервативного движения, как известно, говорят, что пункты его экономической программы — это немногим более чем сокращение налогов, сокращение налогов и еще более значительное сокращение налогов. Возможно, даже я говорил так.

В таком случае приношу свои извинения. Подбодренные промежуточными выборами, главные идеологи консерваторов теперь заявляют о своей поддержке увеличения налогов — но только для тех людей, которые имеют низкие доходы.

Первой эту идею обнародовала, как это часто бывает, редакционная страница «The Wall Street Journal». Авторы редакционной статьи, кажется, были расстроены тем, что некоторые люди с низкими доходами платят маленький налог с доходов или не платят вовсе ничего. Не из-за потерянной статьи дохода, как могли бы вы подумать, но потому что «счастливики» — это тер-

мин «The Wall Street Journal», а не мой, — возможно, не питают должной ненависти к правительству

«The Wall Street Journal» рассматривает гипотетический пример счастливого, зарабатывающего лишь 12 000 долларов в год — вот счастье привалило некоторым, — а потому, согласно передовице, «выплачивающего налоги в размере немногим менее 4% от своего дохода». Вряд ли следует удивляться тому, что это утверждение сознательно искажено: расчеты относятся только к подоходному налогу. Если вы включите в эту цифру налог на заработную плату и налоги с продаж, рабочий, зарабатывающий 12 000 долларов, вероятно, выплатит в виде налогов свыше 20 процентов своего дохода. Но кто будет заниматься этими подсчетами?

Однако вызывает интерес то, что же не устраивает «The Wall Street Journal» в этой картинке: налоги работника не «столь велики, чтобы довести его или ее до бешенства».

В случае если вы зададитесь вопросом, к чему это следует отнести, то знайте — речь идет о внутренних разногласиях среди правых. «The Wall Street Journal» испытывает страх, что в будущем сокращения налогов смогут охватить символические уступки обычным семьям — он хочет обеспечить передачу всего корпорациям и богатым. Но политическая теория, обнародованная передовицей, — политика должна отталкивать людей с низкими доходами, чтобы у них не осталось добрых чувств к правительству, — может объяснить многое из того, что произошло в последнее время.

К примеру, представители республиканцев в Палате представителей недавно отказались продлить страховку по безработице. Их бездействие означает, что к

концу этого месяца свыше 800 000 рабочих получают от правительства поздравления с Рождеством, содержащие уведомление об урезании предоставляемых льгот. При любых обстоятельствах это решение было бы суровым. Но в то самое время, когда администрация говорит о том, что нам требуется дальнейшее сокращение налогов, стимулирующее спрос, сокращение доходов этих семей, которые, вероятнее всего, сократят свои траты, выглядит предложением, невыгодным во всех отношениях. Но как вы догадались, огорчение полезно потому, что заставляет граждан ненавидеть свое правительство, так что это имеет смысл.

Еще более подходящим примером является отказ Конгресса в предоставлении достаточного количества средств для государственной программы страхования детского здоровья. Детали законодательных маневров запутанны, но свелись они к тому, что консерваторы выказали отсутствие интереса в предоставлении соответствующего финансирования этой весьма успешной программе. По вашингтонским стандартам суммы, о которых идет речь, невелики. Но результаты могут оказаться впечатляющими: в течение трех следующих лет, по оценкам Административно-бюджетного управления, 900 000 детей потеряют страховые полисы на случай болезни.

Конечно, мы теперь живем в эпоху, которую Джордж Уокер Буш назвал «эрой личной ответственности»: если ребенок выбрал родителей, которые не могут позволить себе заботы о его здоровье, такому ребенку придется взять на себя ответственность за это. Но здесь возможен также и политический расчет. Помимо всего прочего, правительство не должно предпринимать ничего хорошего, потому что тогда люди могут не догадаться, что правительство плохое. Поняли?

Так что же мы извлекли из этого перечня бездушных поступков? Мы знаем теперь, что «сострадательный консерватизм» и «не оставим без внимания ни одного ребенка» оказались всего лишь простыми лозунгами — но, хотя это могло оказаться сюрпризом для Джона Дж. Дилулио, исходящего из своих воззрений, некоторые из нас считают, что это всегда было очевидным. Важнее то, что теперь мы знаем, насколько безжалостным и экстремистки настроенным является в действительности нынешнее консервативное движение.

Некоторые — умеренные республиканцы, не готовые принять то, что произошло с их партией, и демократы, считающие, что их партия может попустительствовать правым, которые сами обещают уменьшить сферу влияния правительства, — этого еще не осознали. Они воображают, что в определенный момент правые решат, что получили то, что хотели, и остановятся.

Но амбиции правых безграничны, и их не удовлетворит ничто из того, что могут предложить умеренные. В итоге общественность, в действительности извлекающая выгоду из большинства программ, которые правые полны решимости отменить, поймет это. Но как быстро осознают это избиратели, зависит от того, четко ли умеренные политики сформулируют проблемы, или они попытаются остаться незамеченными, создавая о себе то же впечатление, что и консерваторы.

16 СЕНТЯБРЯ 2001 ГОДА

В данный момент большинство американцев сосредоточено на проблеме наказания преступников. Но трагедия, произошедшая в этот вторник, отчасти была вызвана нами самими. Почему мы остались столь уязвимыми?

Ибо история эта — повесть не только о злодеянии, но и о системе, которая поощряла скупость, даже вынуждала быть скупыми. Это проблема, выходящая за рамки терроризма. Что-то не так с нашей политической философией: мы нация, которая не расположена платить за общественную безопасность.

Если мы оглянемся назад, то будем поражены национальным масштабом пренебрежения безопасностью аэропортов. Мы много лет знаем, что Америка — цель для террористов. И эксперты в один голос предупреждали, что в наиболее вероятном сценарии террористического нападения будут задействованы коммерческие авиалинии.

По-прежнему аэропорты в Соединенных Штатах полагаются на охрану, сотрудникам которой платят около 6 долларов в час, мень-

ше того, что они могли бы получить, разнося заказы в ресторанах быстрого питания. Эти хранители наших жизней обучаются в течение лишь нескольких часов, а более 90 процентов людей, занимающихся просвечиванием вещей пассажиров, работают на этих местах менее полугода.

Так не должно быть. В прошлом году в отчете Управления общей бухгалтерской отчетности состояние безопасности в американских аэропортах было подвергнуто критике, и указывалось на то, что обеспечение безопасности проигрывает в сравнении с системами других передовых стран. В Европе люди, занимающиеся просвечиванием вашего багажа, получают около 15 долларов в час, помимо дополнительных льгот, и им предоставляется всесторонний курс обучения. Почему Соединенные Штаты не проявили такую же заботу?

Ответ состоит в том, что в Европе безопасность аэропортов рассматривается как вопрос обеспечения правопорядка и ее оплачивает либо аэропорт, либо правительство страны. В Соединенных же Штатах за безопасность в аэропортах платят авиалинии, неудивительно, что они тратят на это как можно меньше средств. Не обвиняйте их, это наш промах — мы полагаемся на то, что частные компании справятся с задачей, которая по существу является общегосударственной.

В течение ряда лет выдвигалось множество предложений относительно того, чтобы выполнение этой задачи было передано в надлежащие руки. К примеру, в 1997 г. Роберт Крэндалл, председатель правления «American Airlines», предложил передать вопрос о безопасности в аэропортах в ведение государственной некоммерческой корпорации. Но такого рода предложения не получили поддержки. Они слишком противоречили



духу времени, который стремится к сужению, а не к расширению роли правительства во всем.

И дух времени определенно был против всего того, что напоминало бы о возможности увеличения затрат правительства, если только эти затраты не носили откровенно военный характер. Если взглянуть на печальную летопись непринятых мер предосторожности, камнем преткновения вновь и вновь становились деньги, которые теперь выглядят незначительными. Вернемся в 1996 год: правительственный консультативный комитет по безопасности авиаперевозок рекомендовал затратить на внесение улучшений 1 млрд долларов в год — в расчете около 2 долларов на одного пассажира. Группа специалистов отвергла идею о введении особого налога в аэропортах для оплаты этих улучшений, утверждая, что деньги должны быть получены из налоговых поступлений в целом, поскольку это вопрос национальной безопасности. Но чиновники Административно-бюджетного управления предупредили, что комитет питает «нереалистичные ожидания относительно дискреционных фондов», то есть не ожидайте, что политики найдут выход, как быть с деньгами. Так оно и вышло.

Это проблема, которая простирается далеко за рамки темы «терроризм». В прошлом году Лори Гаррет, автор книги «Грядущая чума» (*The Coming Plague*), выпустила очередную работу под названием «Злоупотребление доверием: крах системы здравоохранения» (*Betrayal of Trust: The Collapse of Global Public Health*), при чтении которой дрожь пробегает по коже. История, рассказанная ею, зловещим образом сходна с историей о безопасности в аэропортах: ключевому, но непривлекательному сегменту нашей общественной инфраструктуры позволили изветшать до состояния полного упад-

ка — частично потому, что мы положились на частный сектор в деле выполнения задачи общественного сектора, частично потому, что правительственные учреждения испытывают недостаток ресурсов из-за политиков, энергично отстаивающих свою позицию отрицания «большого правительства». Не удивляйтесь, если окажется, что мы столь же уязвимы перед атакой микробов, как и перед атакой террористов, и по тем же самым причинам.

Я надеюсь, что виноватые в произошедшем на этой неделе нападении предстанут перед судом. Но я также надеюсь и на то, что после того, как приступ гнева пройдет, американцы будут более расположены к усвоению одного из основных уроков случившегося кошмара: существуют вещи, на которые правительство обязано тратить деньги, и не все они связаны с военным ведомством. Если мы откажемся усвоить этот урок, если продолжим выделять гроши на важнейшие государственные задачи, может обнаружиться, как обнаружилось на этой неделе, что наша экономия станет причиной нашей смерти.

## ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНТЕРЕС

---

10 ОКТЯБРЯ 2001 ГОДА

Я выявил правительственную организацию, которая по обычным критериям должна стать первоочередной мишенью для сокращения и, может быть, даже ликвидации.

Некоторые приводят доводы в пользу того, чтобы передать большую часть функций этой организации частной инициативе. И не вызывает сомнений то, что рас-

ходы организации будут уменьшены, если ее работа будет передана по субдоговору частным организациям, которым не требуется соблюдать жесткие правила найма и увольнения работников. По существу, многие из служащих этой организации получают значительно больше денег, чем люди с равной квалификацией, работающие в частном секторе.

О какой же организации я говорю? О пожарном управлении города Нью-Йорка.

Почему Нью-Йорку требуется иметь пожарное управление? Очевидно, или должно быть очевидно, почему мы не можем вменить защиту от огня в обязанность отдельных владельцев зданий: огонь, начавшийся у меня дома, может распространиться на ваш.

Менее очевидно, возможно, то, почему Нью-Йорк не может нанять частные компании, которые займутся пожаротушением. Прежде всего потому, что город не может подписать контракт, оговаривающий все возможные случаи, и, таким образом, частная фирма всегда будет иметь стимул экономить копейки за счет общественной безопасности. А это совершенно неприемлемо, когда ставки столь высоки и, в частности, когда мы нуждаемся в доблестных слугах общества, готовых сделать все для нашей защиты, — таких людях, как героические пожарные Нью-Йорка, а не в наемных работниках, понимающих, что компания, мысли которой сосредоточены на проблеме безубыточности, платит им по минимуму.

Вкратце подытожим: существуют задачи, решение которых должно брать на себя правительство. Это приводит нас к проблеме, существующей в данный момент, — проблеме безопасности в аэропортах.

Исследование за исследованием выявляли необходимость передачи обеспечения безопасности в аэропор-

тах в ведение федеральных властей, во многом по тем же причинам, по каким городские власти несут ответственность за пожаротушение. Может быть, мы не ожидаем от персонала, обеспечивающего безопасность в аэропортах, что он пожертвует жизнью, работая на авиалинии, но мы доверяем ему свои жизни. К этому списку причин добавилась еще одна — необходимость сообщать засекреченную информацию о потенциальных террористах. Убедили ли, наконец, сомневающихся недавние события?

Ни малейшей вероятности. Член Палаты представителей Боб Барр, республиканец из штата Джорджия, сформулировал это таким образом: «Я смотрю на эту проблему как консерватор и задаюсь вопросом: а функция ли это федеральной власти?».

Задумайтесь об этом хотя бы на минуту. Террористы захватывают самолеты в Бостоне и используют их для того, чтобы убить тысячи невинных людей в Нью-Йорке, а мистер Барр все еще не видит причин для того, чтобы безопасность в аэропортах стала функцией федеральных властей. Что же убедит его в том, что вмешательство государства оправданно? Возникает подозрение, что если бы американская армия еще не существовала, он противился бы ее созданию и, возможно, привел бы доводы в пользу того, что с обязанностями армии справилось бы и добровольное ополчение штатов — при помощи некоторого числа независимых подрядчиков (то есть компаний по вербовке наемников).

И м-р Барр никоим образом не одинок в своих взглядах. Республиканцы в Конгрессе решительно выступили против любого предложения о федерализации обеспечения безопасности в аэропортах на том основании, что это создало бы новый федеральный бюрократический аппарат, они даже осудили федерализацию как «со-

циализм». И, по некоторым данным, они заявили администрации Буша, что предпочтут отсутствие законопроекта об обеспечении безопасности в аэропортах тому проекту, который создаст новые федеральные функции.

Речь идет о чем-то более значительном, чем безопасность авиаперевозок. Что теперь стало очевидным — если у вас были какие-то сомнения, — так это то, что крайне правые в Америке попросту фанатики: не существует буквально ничего, что убедило бы этих людей согласиться с потребностью увеличения федеральных расходов. И мы не говорим здесь о некоторых отдельных фанатичных приверженцах, мы говорим о тех, кто контролирует деятельность республиканской партии в Конгрессе и, скорее всего, контролирует Белый дом.

Так как администрация Буша, поигравшая в умеренность в течение нескольких недель, последовавших за террористической атакой, по-видимому, в последние несколько дней вернулась к убеждению, что с мнением крайне правых — непреклонных и недовольных — требуется считаться всегда, даже во времена национального кризиса.

В той или иной степени я должен это принять, но я этого не понимаю. Я могу понять, почему люди могут противостоять тому, что пахнет перераспределением доходов, даже если я с этим не согласен. Но как можно в принципе противостоять программе, единственная цель которой — защитить общественность и восстановить доверие?

Каким бы ни было объяснение, споры о безопасности аэропортов не оставляют сомнений в одном: фанатическое недоверие правых к правительству — это центральный факт американской политики даже в эпоху террора.

## РЕШЕНИЕ НА 55 ЦЕНТОВ

21 НОЯБРЯ 2001 ГОДА

Когда Джеральд Форд<sup>1</sup> отказал Нью-Йорку в финансовой помощи, передовица «The Daily News» гласила: «Форд — городу: хватит!». Такие были тогда времена.

В наши дни только усердные читатели газет знают, что Джордж У. Буш взял назад свое личное обещание предоставить помощь городу, подвергнувшемуся атаке. И только те, кто серьезно интересуется политикой, знают, что это только фрагмент более масштабной картины — что экономические меры, обсуждаемые в Вашингтоне, доведут до обнищания правительства штатов и власти городов по всей стране.

Джеральд Форд на самом деле не заслужил такого заголовка. Он никогда ничего не обещал городу, фискальные беды которого, без сомнения, во многом были спровоцированы им самим. Почему у Форда должно было возникнуть ощущение, что он обязан оказать помощь?

На этот раз ситуация иная. Для м-ра Буша, как вы можете припомнить, после террористической атаки наступили трудные дни. Некоторые подвергали сомнению правильность действий, предпринятых им 11 сентября, в Нью-Йорке возникло раздражение, что он не торопился посетить этот город. Но Белый дом откликнулся на первую критику сообщением о «вероятной угрозе» «самолету ВВС № 1»<sup>2</sup>. Важнее, что мистер Буш быстро установил дружеские отношения в Нью-Йорке,

<sup>1</sup> Президент США в 1974–1977 гг.

<sup>2</sup> То есть самолету президента США.

пообещав делегации из членов Конгресса, представляющих штат, предоставить обширную помощь — сенатору Чарльзу Шумеру объявили, что город получил «карт-бланш».

М-р Буш мог не указывать конкретные детали, но все заинтересованные лица решили: они знают, что он обещал. В те первые дни все программы новостей, которые я сумел отыскать, сообщали о том, что Буш ассигнует Нью-Йорку половину из 40 миллиардов долларов, т. е. из средств, которые предполагалось выделить на антитеррористические меры. И многие это рассматривали только как первый взнос.

Но на истекшей неделе Комитет по ассигнованиям Палаты представителей наконец предоставил детальную информацию. И выделенные на борьбу с последствиями террористического акта средства, с учетом рекомендаций администрации, составили только 9 миллиардов долларов для Нью-Йорка, менее чем половину от обещанных 20 миллиардов долларов. Переговоры с разгневанными конгрессменами-республиканцами, проведенные в последний момент, привели к тому, что эта цифра была увеличена до 11 миллиардов долларов, но эта цифра по-прежнему составляет лишь 55 центов от каждого обещанного доллара.

Чиновники администрации говорят, что в итоге они предоставят все 20 миллиардов долларов. Но так как они не сдержали данное Бушем обещание включить эту сумму в пакет средств, выделенных на ликвидацию последствий теракта, почему мы должны верить им? Воспоминания о нападении теряют остроту, и администрация возвращается в объятия бескомпромиссных консерваторов, как и было до 11 сентября, — это в значительной мере уже произошло, и все меньше и меньше вероятность того, что Нью-Йорк увидит оставшуюся часть денег.

Вполне возможно, что тот день, когда администрация Буша заявит городу, что она бросает его, не наступит никогда. Взамен будут даваться туманные обещания, а затем приводиться множество творческих расчетов, к примеру, расходы от применения Национальной гвардии будут сосчитаны как часть этих 20 миллиардов долларов. Но все больше вероятность того, что помощь, которая, как думали нью-йоркцы, им была обещана, помощь, которая, как предполагалось, поможет выстроить город заново, окажется миражом.

Как я уже говорил, это фрагмент более обширной картины. Сочетание экономического кризиса и последствий 11 сентября поставило правительства штатов и местные власти по всей стране в весьма тяжелое финансовое положение. Так как почти все правительства штатов по закону должны сбалансировать свои бюджеты, это вызовет драконовские урезания расходов.

Можно было бы ожидать, что пакет «законопроектов о стимулах», разрабатываемый в Вашингтоне, предоставит в это трудное время некоторую поддержку правительствам штатов. Напротив, опасное положение только усугубится. Планы освобождения большой доли прибыли корпорации от выплаты федеральных налогов также снизят прибыль, подлежащую налогообложению в штатах. В следующем году, по всей вероятности, перед нами предстанет интересное зрелище: значительное сокращение налогообложения для корпораций и тех, кто зарабатывает свыше 300 000 долларов в год, при этом резкое сокращение расходов доведенных до отчаяния правительств штатов, и все это притом, что наибольшие сокращения упадут на образование и здравоохранение для бедных.

Если мы вернемся к истории с Нью-Йорком — меня обескураживает то, как мало внимания привлекла к



себе история с невыполненным обещанием. В течение нескольких недель после 11 сентября все считали само собой разумеющимся, что государство предпримет все усилия для того, чтобы помочь восстановить город. Теперь очевидно, что этого не произойдет: администрация может утверждать, что она сдержит обещания, но Нью-Йорку придется вымалывать каждый доллар из 20 миллиардов долларов, о которых шла речь.

Где же возмущение? Неужели нью-йоркцы забыли, как принято выражать недовольство?

---

## СТЯЖАТЕЛЬСКИЕ ИГРЫ

---

8 ФЕВРАЛЯ 2002 ГОДА

Сначала было дано обещание. Затем обещание не было выполнено. Затем было дано еще одно обещание — и так продолжалось до ослабления вашего внимания.

Сразу после событий 11 сентября, прежде чем по данным опросов рейтинг Джорджа У. Буша взлетел до небес и как раз перед его первым после теракта визитом в Нью-Йорк, Буш дал личное обещание: город получит по меньшей мере 20 млрд долларов помощи на восстановительные работы. В то время все думали, что это нижний предел, но не потолок возможного.

Затем все оказалось смешным: в действительности городу были ассигнованы только 11 млрд долларов помощи. Я писал об этом в ноябре прошлого года в статье под заголовком «Решение на 55 центов», но был раскритикован теми, кто настаивал на том, что Буш, конечно, сдержит свое слово.

Теперь у нас имеются бюджетные предложения администрации Буша в размере 2,1 триллиона долларов.

Как это ни странно, они не содержат пункта о дополнительной помощи Нью-Йорку. Кажется, дальше этого дело не пойдет, и первоначальные обязательства будут выполнены на 55 процентов.

Законодатели Нью-Йорка немедленно отреагировали на это и потребовали от Митча Дэниелса, руководителя Административно-бюджетного управления Белого дома, объяснений по поводу отсутствия этого пункта. М-р Дэниелс сперва ответил, что в качестве части пакета помощи он намерен выделить 5 млрд долларов в помощь жертвам 11 сентября, — как все понимают, это очевидное нарушение смысла обещания. Затем он набросился на представителей Нью-Йорка, заявив: «Я испытываю недоумение, сталкиваясь с этими мелкими стяжательскими играми».

Белый дом попытался быстро сгладить инцидент. М-р Дэниелс взял свои замечания обратно, а м-р Буш повторил свое обещание предоставить 20 млрд долларов — как раз в то время, когда в очередной раз фотографировался с полицейскими и пожарными Нью-Йорка. И этот эпизод — наряду с тем фактом, что первоначальные замечания м-ра Дэниелса, без сомнения, отразили его истинные чувства, — говорит многое о приоритетах администрации.

Чтобы оценить холодность по отношению к Нью-Йорку в общем контексте, вам потребуется понять, что когда дело доходит до сокращения налогов и военных расходов, бюджет для администрации Буша — это поле для демонстрации неограниченного попустительства самому себе. Присутствует изрядная доля энергичной риторики, в адрес нации делается предупреждение о том, что ныне военное время, во время которого все должны быть готовы на жертвы. Впрочем, этот аскетизм не распространяется на несколько процентов наи-

более богатого населения, которые не только получают львиную долю сокращения налогообложения в будущем, что уже записано в закон, но и большую часть дополнительных 600 млрд долларов налоговых сокращений, которые предлагает ныне администрация. (На самом деле эта цифра, если не брать в расчет бухгалтерские уловки, составит около 1 триллиона долларов, но кто займется пересчетом?)

И в то время, когда вокруг идут разговоры о трудном выборе, администрация, по-видимому, вовсе не склонна раздумывать над выбором, когда дело доходит до затрат на оборону. Имеется ли у компании, подконтрольной «Карлэйль груп», какая-либо артиллерийская установка, которую если и можно было использовать, так только в эпоху холодной войны? Мы ее купим. Предлагают ли два конкурирующих подрядчика истребители последнего поколения, предназначенные для борьбы с несуществующим следующим поколением МиГов? Мы возьмем и те и другие.

Но в других местах повсюду идут огромные сокращения и наблюдается значительное перенаправление ресурсов, которое станет причиной сокращений в будущем. Вам известно, что остаток по социальному обеспечению перераспределяется на покрытие дефицита остальной части правительства, дефицита, который стал бы намного меньше, если бы администрация воздержалась от некоторых сокращений налогообложения, и исчез бы вовсе, если бы она попробовала также ограничить военные закупки. Но знали ли вы о том, что администрация выделила на медицинское обслуживание на 300 млрд долларов меньше, чем, по словам Бюджетного управления Конгресса, требуется для сохранения имеющихся льгот, не говоря уже о таких дополнительных статьях, как дотации на лекарства, выписываемые по рецептам? Неясно, действительно ли

администрация намерена отказаться от медицинского обслуживания для пенсионеров или просто пытается скрыть весь масштаб ширящейся финансовой катастрофы.

Невыполненные обещания Нью-Йорку в действительности мелочи по сравнению со всем этим. И это в определенном смысле даже делает их загадочными. Так как бюджет в обозримом будущем уже испытывает глубокий дефицит, почему бы не включить еще 9 млрд долларов дефицита на год и не стать мишенью для столь необременительной критики.

Один из ответов состоит в том, что, есть ли террор или нет террора, ведущие республиканцы-законодатели сохраняют неизменную неприязнь к Большому Яблоку — и нынешняя администрация никогда не обидит своих сторонников справа.

Но я предполагаю, что причина сводится исключительно к самоуверенности. Поддерживаемая одобрительными рейтингами, эта администрация попросту полагает, что ее прежние обещания не имеют значения. В конце концов, разве люди не знают, что идет война?

---

## ДОЛГИЙ ПУТЬ

---

10 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

Американцам следует гордиться своей реакцией на 11 сентября. Они не откликнулись на призывы принести жертвы, ибо такие призывы не были сделаны. Но они отреагировали на террор, проявив спокойствие и выдержку. Паники не было, и хотя произошло несколько преступлений, вызванных ненавистью, но озлобленных толп воинствующих ксенофобов не собралось. Американский народ остался верен духу Америки.

Однако по прошествии года в стране чувствуется большая тревога. Эта напасть вызвана в значительной мере корпоративными скандалами, снижением курса акций и ростом безработицы. Но отчасти нас заставляет тревожиться то, что мы еще не знаем, как осмыслить произошедшее с нами. Наши руководители и большая часть СМИ говорят нам о том, что мы находимся в состоянии войны. Но с самого начала эта метафора была скверной, и по прошествии времени она звучит все хуже.

И в том, что касается человеческого фактора, и по экономическим меркам сами по себе последствия 11 сентября напоминают не следы военного нападения, но природной катастрофы. В самом деле, существуют почти мистические параллели между 11 сентября и последствиями землетрясения, потрясшего Японию в 1995 г. Подобно террористической атаке, землетрясение в Кобе без предупреждения унесло жизни тысяч невинных людей. Как и террористическая атака, землетрясение оставило у нации ощущение ужаса и глубокое чувство ненадежности. И подобно террористической атаке, землетрясение ударило по государству, уже борющемуся с последствиями финансовых «мыльных пузырей».

Однако землетрясение в Кобе имело скоротечное влияние на японскую экономику, что означало, что последствия 11 сентября для американской экономики будут в равной степени мимолетными. Так это и оказалось. Кобе на долгое время оставил отпечаток в душе Японии, как оставило в наших душах 11 сентября. Но Япония в целом двинулась вперед, и то же должно произойти с нами.

Конечно, есть разница между Божественным провидением и намеренным злодеянием. Мы в равной сте-

пени были разгневаны, испытывали потрясение, были полны решимости найти и наказать преступников. Естественно было думать об 11 сентября как о моральном эквиваленте Перл-Харбора и о борьбе, которая началась в этот день, как об аналоге Второй мировой войны для нынешнего поколения.

Но если это война, она очень мало походит на войны, которые Америка выиграла в прошлом. Где призыв к жертвам, к грандиозным усилиям нации? Как мы узнаем, когда мы выиграем, или выиграем ли вообще? Не требуется быть военным экспертом, чтобы понять, что в грядущей борьбе не будет ни дней начала решающих операций, каким был день высадки союзных войск на Атлантическое побережье Европы в 1944 г., ни дня победы, каким был день победы над Японией. Никогда не наступит день, когда мы сможем заявить, что терроризм уничтожен навсегда. Это будет более походить не на ведение войны, а на борьбу с преступностью, успех в которой всегда относителен, а победа никогда не бывает окончательной.

И метафора, которую мы используем для описания нашей борьбы, также имеет значение: некоторые вещи, которые могут быть оправданы в период войны, не могут быть оправданы в эпоху перманентной борьбы с преступностью, даже если преступники — кровожадные фанатики.

Это справедливо даже в том случае, когда мы имеем дело с прозаичными проблемами, такими как федеральный бюджет. Войны традиционно являются веским доводом для того, чтобы иметь дефицит, ибо у правительства есть резон взять деньги на покрытие расходов в случае тяжелого, но ограниченного по времени критического положения. Но данный непредвиденный случай не является ни суровым, ни временным. Существу-

ют ли причины ожидать, что когда-либо в обозримом будущем расходы на обеспечение безопасности внутри страны и на национальную оборону снизятся до уровня, предшествующего 11 сентября, не говоря уже о такой далекой перспективе, как восстановление бюджетного баланса? Нет, причин для этого нет. Так что мы лучше прикинем, как оплачивать счета правительства на постоянной основе.

Намного важнее, конечно, вопрос о законности и о гражданских свободах. Великие лидеры демократов нарушали нормы: если бы Авраам Линкольн не приостановил действие *habeas corpus*<sup>1</sup> в 1861 г., сегодня Соединенных Штатов не было бы. Но ситуация была крайней, а отступление временным: победа в Гражданской войне принесла с собой возврат к нормальному судопроизводству. Может ли кто-нибудь представить себе событие, которое убедило бы нынешних руководителей, что более им не нужны чрезвычайные полномочия?

Суть состоит в том, что наше новое состояние пребывания под угрозой не является временным. Мы еще долго будем находиться в этих условиях, так что любые меры, которые мы предпринимаем для борьбы с терроризмом, лучше пусть будут мерами, с которыми мы готовы жить неопределенно долго.

Реальная проблема теперь состоит не в том, чтобы уничтожить терроризм, это недостижимая цель. Проблема в том, как найти способ справиться с угрозой терроризма, не утратив свободу и процветание, благодаря которым Америка является великой державой.

---

<sup>1</sup> То есть закон о неприкосновенности личности.

## НА РАЗВАЛИНАХ 11 СЕНТЯБРЯ

---

### ОДНОГЛАЗЫЙ ЧЕЛОВЕК

---

31 ОКТЯБРЯ 2001 ГОДА

Я где-то читал, что для того, чтобы действительно понять, о чем идет речь в законе, вам потребуется поискать статью, в которой особое внимание уделяется одноглазому бородатому хромоту, — то есть вам придется искать то положение, которое превратит билль, с виду служащий общественным целям, в лазейку для некоторых деловых кругов.

Большинство комментариев к «законопроекту о стимулах», выпущенному Конгрессом на истекшей неделе, сосредоточено на громадных льготах, даруемых гигантским корпорациям. Но это немного говорит нам о тех, чьи конкретные интересы были удовлетворены. Что хорошо для корпоративной Америки, то хорошо для «Дженерал Моторс», — трудно было бы разработать законопроект, который состоит преимущественно из лазеек для корпораций, не давая большого количества денег крупнейшим компаниям. Чтобы понять, о чем на самом деле говорит этот законопроект, понадобится бросить взгляд на крупные вознаграждения не столь крупным компаниям.



Одна часть законопроекта выполнена на заказ с целью принести выгоду маленькой группе мультинациональных финансовых корпораций. Другая, очевидно, создана ради отдельных компаний, занимающихся страхованием здоровья. Но наиболее примечательно то, сколь много льгот от отмены альтернативного налога на минимум (minimum tax) — меры, которая также включена в предлагаемый администрацией Буша план стимулирования и которая, по-видимому, является одним из ключевых приоритетов администрации, — пойдет компаниям, которые вовсе не столь уж велики.

К примеру, неудивительно, что расчеты организации «Граждане за налоговую справедливость» (Citizens for Tax Justice) показывают, что «Дженерал Моторс», где 380 000 сотрудников, получит чек на 800 млн долларов. Но приводит в изумление то, что «Ти Экс Ю» (в прошлом «Даллас Пауэр энд Лайт»), компания, в которой трудится лишь 16 000 наемных рабочих, получит чек на 600 млн долларов. Также существует ряд среднего размера компаний, которые, подобно «Ти Экс Ю», стоят в очереди за удивительно крупными льготами. Среди этих компаний «Шеврон Тексако», «Энрон», «Филипс Петролеум», «Ай Эм Си Глобал» и «Си Эм Эс Энерджи». Что у них общего?

Заметим, что все они тяготеют к энергетическим или горным разработкам и расположены в штате Техас или поблизости от него. Другими словами, одноглазый бородатый хромой выглядит очень похожим на Дика Чейни.

Почти наверняка существует частичное совпадение между тем, какие компании извлекут значительную выгоду от аннулирования альтернативного налога на минимум, и тем, кто получит крупные субсидии по энергетическому плану, разработанному комиссией м-ра

Чейни. Вы, возможно, припоминаете, что администрация, открыто пренебрегая законом, отказалась вести протоколы совещаний этой комиссии, которые были бы доступны Конгрессу, — это один из тех вопросов, о которых после 11 сентября забыли.

И, как я полагаю, излишним было бы указывать, что в наибольшем выигрыше от всего этого, по-видимому, компании, которые вносили крупные вклады в ходе последней избирательной компании исключительно на счета республиканской партии. (Я вовсе не предполагаю, что демократы менее подвержены влиянию денег.)

Что касается меня, история администрации Буша начинает походить на сюжет «Victor/Victoria»<sup>1</sup>. Сначала у нас есть кандидат, который, как предполагалось, является умеренным. Затем мы узнали или думаем, что узнали, что это была маска; на деле он является бескомпромиссным консерватором, который разыгрывал из себя умеренного, чтобы получить пост.

Но последние экономические предложения, исходящие от администрации, такие как энергетический план Чейни, не выглядят предложениями, исходящими от серьезных сторонников свободного рынка. Они бессмысленны с точки зрения экономических факторов как со стороны спроса, так и со стороны предложения, но некоторым компаниям они дают много денег. Так что, возможно, идеология была лишь еще одной маской того, кто на деле был кандидатом корпораций, — не корпораций в целом, но узкого круга компаний, с вполне конкретным перечнем коммерческих интересов, — и кто только притворялся бескомпромиссным консерватором, прикидывающимся умеренным, чтобы добиться поста для себя.

---

<sup>1</sup> Комедия 1982 г. с Джули Эндрюс в главной роли.

Это любопытный и во всех отношениях правдоподобный ракурс. Но большинство людей никогда не увидят со своих телеэкранов такую картину, и многие откажутся смириться с этим представлением вне зависимости от того, насколько убедительны представленные доказательства. В этом, конечно, причина того, что все это стало возможным. В стране слепых одноглазый бородатый хромой — король.

---

## АЛЬТЕРНАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

---

25 НОЯБРЯ 2001 ГОДА

Большинство американцев узнают новости из телевизора. И то, что они видят, греет душу — перед ними портрет нации, ведущей себя должным образом в период кризиса. Действительно, подавляющая часть американцев оказалась решительными и благородными людьми.

Но это далеко не вся история, и образы, которые TV не демонстрирует, можно назвать как угодно, но только не трогательными. Показ картины в целом позволил бы увидеть, что политики и бизнесмены ведут себя не лучшим образом, и это их поведение сделалось возможным и еще более ухудшается благодаря тому, что в настоящее время эгоизм прикрывается национальным флагом. Если вы обратите внимание на картину в целом, у вас появится ощущение, что живете вы не в той реальности, которую демонстрирует телевидение.

Альтернативная реальность скрывается неглубоко. Она доступна любому обладателю модема, и некоторая часть ее попадает в добротные газеты. Часто лучшие

отчеты о том, что действительно происходит, вы можете найти в разделе «экономика», так как от репортеров и комментаторов, работающих в сфере бизнеса, не ждут взгляда на мир через розовые очки.

С точки зрения экономиста самым разоблачительным индикатором того, что происходит на самом деле, выступает возникшая после 11 сентября любовь политиков к «паушальным трансферам» (*lump-sum transfer*). Этот экономический термин обозначает выплаты, не зависящие от действий реципиента и которые, следовательно, не дают стимула к изменению поведения. Хорошо, если трансфер предназначен для оказания помощи нуждающемуся и не уменьшает его мотивацию к работе, но плохо, если цель, на которую, как утверждается, выделен трансфер, состоит в том, чтобы добиться от реципиента чего-либо полезного, например инвестиций или найма большего числа рабочих.

Так о чем вам говорит то, что Конгресс проголосовал за выделение 15 млрд долларов помощи и гарантии по кредиту для авиакомпании, но не выделил ни пенни для временно уволенных работников авиакомпаний? Это скажет вам много больше в ситуации, когда Палата представителей издает «законопроект о стимулах», в котором почти ничего не говорится о безработных, но включены 25 млрд долларов на сокращение налогов корпораций, и это решение имеет обратную силу — по существу, это чистой воды единовременный перевод средств корпорациям, большинство из которых приносит большую прибыль.

Большинство политических обзоров характеризует споры вокруг «закона о стимулах» как конфликт идеологий. Но идеология здесь ни при чем. Ни одна экономическая доктрина, насколько мне известно, будь она

правая или левая, не подтверждает, что единовременный трансфер в 800 млн долларов для «Дженерал Моторс» приведет к бóльшим инвестициям, когда компания уже сидит на денежном мешке в 8 млрд долларов.

Как указал Джонатан Чейт, обычным явлением стали вопросы об истинных мотивах людей, подобных Дику Арми и Тому Делэю<sup>1</sup>. Верят ли они на самом деле в свободный рынок или всего лишь хотят взять у бедных и дать богатым? Теперь мы знаем об этом.

Конечно, единовременные переводы средств — это далеко не все. С 11 сентября не прекращаются усилия под прикрытием критического положения страны открыть общественную землю для нефтяных компаний и интересов лесозаготовителей. Чиновники из администрации заявляют, что все это делается ради интересов национальной безопасности, но когда вы обнаруживаете, что они также намерены изменить инструкции, запрещающие движение снегоходов по Йеллоустоуну, истина становится очевидной.

Так каково реальное состояние нации? По телевидению все это выглядит подобно Второй мировой войне. Но хотя наше дело правое, для 99,9 процентов американцев эта война, проводимая небольшим количеством хорошо обученных профессионалов, — зрелище, зрителями которого они являются. И внутренний фронт напоминает не военное время, а последствия послевоенного, когда нормальные инстинкты нации, ведущей борьбу, — собраться под флагом страны и довериться нашим лидерам — слишком легко эксплуатировать.

---

<sup>1</sup> Соответственно лидер республиканского большинства в Конгрессе и помощник лидера во время голосования от Республиканской партии.

В действительности нынешние события несут почти зловещее сходство с периодом, наступившим сразу после Первой мировой войны. Джон Эшкрофт<sup>1</sup> возобновляет рейды Палмера<sup>2</sup>, выдворившего из страны тысячи иммигрантов, на которых пало подозрение в радикализме; подавляющее большинство, как оказалось, невиновны в преступлениях, а некоторые оказались американскими гражданами. Администрация «Энрон», по-видимому, действует в духе Чарльза Понци. А поддержка идеи предоставления общественных земель под использование частными компаниями звучит как напоминание о деле «Teapot Dome»<sup>3</sup>, которое также включало бурение нефти на общественных землях. Возможно, на этот раз неприкрытого взяточничества не было, но уступок, сделанных корпорациям, на деле много больше.

Вот что нужно нашей стране — так это возврат к нормальной жизни. Я говорю не о выборочной нормальности, которой хочет администрация Буша, когда все отправляются за покупками, а СМИ продолжают излагать вдохновляющие истории и военные новости. Время показать американскому народу картину в целом.

---

<sup>1</sup> Министр юстиции США.

<sup>2</sup> Э. Митчел Палмер (A. Mitchell Palmer) — генеральный прокурор США, организатор борьбы с «красным заговором», инициировал в 1919–1920 гг. серию рейдов против лиц, в основном иностранцев, в том числе русских, подозреваемых в организации большевистского заговора на территории США.

<sup>3</sup> Скандал периода президентства Уоррена Гардинга (1921–1923 гг.), связанный со сдачей в аренду за взятки федеральных нефтеносных земель (в том числе «Teapot Dome») нефтеносным компаниям главой Министерства внутренних дел Альбертом Фоллом.

## ДОКТРИНА РОУВА

11 ИЮНЯ 2002 ГОДА

Несколько месяцев назад коллега по университету — человек с большими связями в демократических кругах — убеждал меня написать пару статей, в которых бы содержались хвалебные отзывы в адрес администрации Буша. «Что же мне хвалить?» — спросил я.

Наступила долгая пауза, — странно, не правда ли, до какой степени поддержание «равновесия» становится самоцелью, — но в итоге он подошел ко мне с предложением: «Как насчет приверженности свободной торговле?».

Гм... По существу, Джордж У. Буш оказался в полном смысле слова протекционистом. Тарифы на сталь и законопроект о фермерском хозяйстве — это лишь часть более обширной картины, включающей штрафной (и почти совершенно неоправданный) тариф на канадские пиломатериалы из мягких пород древесины и отмену торговых привилегий в Карибском море. Когда дело доходит до свободной торговли, администрация Буша целиком за, если только не существует политической издержки, какой бы маленькой она ни была, которая оказала бы честь утверждаемым принципам.

Что подводит меня к истории, о которой в Вашингтоне сплетничают те, кто интересуется политикой: статья в «Esquire», в которой руководитель кадровой службы Белого дома Энди Кард волнуется, что с исчезновением сдерживающего влияния Карен Хьюджес руководство перейдет целиком в руки сторонника жесткой линии Карла Роува. Если политика, которая проводилась последние полтора года, считается лишь частич-

но контролируемой м-р Роувом, можно содрогнуться, представив себе перспективу.

Ибо наиболее отличительной чертой образа действий м-ра Роува является не его консерватизм, а его точка зрения на меры, которые нужно предпринять администрации, если такие меры будут политически выгодны. Это, само собой, подразумевает использование в своих целях войны с терроризмом — темы, которая является гордостью м-ра Роува. Но сюда же входит и потакание отдельно взятым интересам. Экономист Брэд Делонг из Беркли хвалил такую клинтоновскую черту характера, как «готовность взять на себя большой политический риск, чтобы сделать то, что, по его мнению, подходит для страны в случае, когда в деле замешана международная экономическая политика». Он имел в виду то, в каком трудном положении оказался Клинтон, проигнорировав отразившееся в опросах общественное мнение и пойдя наперекор партийной линии, чтобы принять Североамериканское соглашение о свободной торговле в 1993 г., и даже еще больший риск, который он взял на себя, помогая Мексике выбраться из финансового кризиса в 1995-м. Как и м-р Делонг, я знаю некоторых ключевых игроков, участвовавших в принятии этих решений, и я уверен, что принятие их было оправданным: сторонники Клинтона действительно искренне полагали, что они поступают правильно.

Эта щепетильность привела к логической развязке. Если бы Билл Клинтон дал сталепрокатной индустрии тарифы, которые та хотела, вероятно, Эл Гор проживал бы теперь в Белом доме. Но чиновники администрации действительно были обеспокоены последствиями уступок интересам отдельных отраслей для государства и для мировой экономики.



Администрации м-ра Роува такая разборчивость ни к чему. Сделки не ограничились сферой торговли и фермерскими субсидиями. Как указывают аналитики Института Като, энергетический план Буша—Чейни может быть консервативен в том смысле, что он не учитывает проблем окружающей среды, но во всем остальном он битком набит тем, что сторонники свободного рынка, как считается, должны ненавидеть: распространение власти правительства на захват частных земель (для установки линий передач), большие налоговые льготы для источников энергии, которые не окупают себя при продаже по рыночным ценам (в частности, ядерной энергии). Энергетический план не завязан на принципах, его суть — окупаемость.

И если администрация не отстаивает принципиальную позицию, так кто же тогда будет принципы отстаивать? Особенно я был поражен историей в «The Hill», озаглавленной «Профсоюзы по-новому глядят на Республиканскую партию». В ней приводятся слова председателя профсоюза работников автомобильной промышленности, заявившего, что его организация «смотрит поверх партийных ярлыков» на то, как политики относятся к «определенным вопросам». Другими словами, его профсоюз пойдет за любым, кто удовлетворит интересы данной отрасли.

В какой-то степени такие позиции мы уже занимали ранее. Пола Штерн, прежний руководитель Комитета по международной торговле, весьма прозаично характеризовала Рональда Рейгана как «наиболее протекционистски настроенного президента со времен Герберта Гувера» и заявила, что он «легитимизировал попытки влиятельных отраслей использовать политические мускулы, а не экономические достоин-

ства или юридические критерии», чтобы получить то, что хотят. Так что в известном смысле м-р Буш следует по пятам м-ра Рейгана.

Но мне кажется, что на этот раз дела обстоят еще хуже — что мы являемся свидетелями гонки, по существу ведущей нас к политике, которой управляют те или иные интересы, что опускает нас на дно, которое никто не наблюдал со времен, предшествовавших «новому курсу». И если верить истории в «Esquire», следует полагать, что ситуация будет ухудшаться. Закон Смута—Хоули<sup>1</sup> или еще что-то?

---

## НАСТОЯЩАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

---

25 ИЮНЯ 2002 ГОДА

Об администрации Буша можно сказать так: там, где другие усмотрели бы проблемы, она видит возможности.

Экономический кризис стал возможностью пропихнуть сокращение налогов, что в краткосрочной перспективе дает очень незначительный стимул, но даст огромную нехватку бюджета в 2010 г. Проблемы с электроэнергией в Калифорнии стали возможностью добиться разрешения на буровые работы в Аляске, которые не дадут электричества и вряд ли позволят получить сколько-нибудь нефти до 2013 г. или около того. Атакой легковооруженных агентов терроризма воспользо-

---

<sup>1</sup> Закон Смута—Хоули принят в США в 1930 г. по настоянию промышленного лобби, установил самые высокие таможенные пошлины на ряд сельскохозяйственных и промышленных товаров. Закон Смута—Хоули имел своей целью сокращение импорта и стимулирование роста внутренней экономики.

вались для того, чтобы настаивать на необходимости закупки большого количества тяжелого вооружения и ракетных оборонительных комплексов, как раз на случай, если в следующий раз Аль-Кайеда пойдет во фронтальное наступление с помощью танковых дивизионов или вздумает выстрелить межконтинентальной баллистической ракетой.

Президент Джордж Буш-старший как-то признался, что в чем-то ему недостает «дара предвидения». У консультантов его сына таких проблем нет: они обладают ярким видением американского будущего. В этом будущем, как мы узнали недавно, тот, кто занимает Белый дом, будет иметь право лишить свободы на неопределенный срок любого, на кого упадет его выбор, в том числе и американских граждан, в отсутствие судебного процесса или контроля. Но они значительно менее интересуются реальностью.

Так, отличительной чертой всех программ, проталкиваемых администрацией в ответ на реальные проблемы, является то, что с решением этих проблем они имеют мало общего или вовсе ничего схожего. Проблемы существуют для того, чтобы быть использованными в целях достижения своего видения. И проблема, которая такой цели не служит, будь это коллапс доверия корпоративному правлению или неразбериха на Ближнем Востоке, рассматривается как досадная помеха, которую следует игнорировать, если это возможно, или — в лучшем случае — решать ее исключительно косметическими мерами. Очевидно, люди Джорджа Буша полагают, что проблемы реального мира решаются сами или, по меньшей мере, не создадут заголовков для вечерних новостей, так как по чистой случайности они будут заменены тревожными сигналами о террористической угрозе.

Но реальные проблемы как воспаление: если не уделять им внимания, то они склонны нагнаиваться. За последние несколько недель, как кажется, нарывать стала целая серия проблем. Однако во вчерашней речи политика на Ближнем Востоке, очевидно, оставлена на волю случая. Доллар и фондовый рынок падают, угрожая уже недостаточно стойкому экономическому выздоровлению. «Амтрак» была доведена до грани закрытия, так как не смогла добиться внимания к себе со стороны администрации. И само федеральное правительство близко к тому, что у него иссякнут деньги, ибо республиканцы в Конгрессе не хотят взглянуть в лицо реальности и увеличить предел федеральной задолженности. (Похоже, что привычка избегать решения проблем заразна.)

Таким образом, теперь наступят хорошие времена для того, чтобы осуществить то, к чему Белый дом всегда призывал своих критиков, — не руководствоваться соображениями межпартийной борьбы. Будет ли готов м-р Буш приостановить, хотя бы на день или два, свои усилия по консолидации собственной политической основы и в действительности сделать что-то, что не было бы частью его заранее сложившейся программы? О, не беспокойтесь.

Я полагаю, что большинство комментаторов упустили из виду один из моментов, комментируя речь Буша на церемонии вручения университетских дипломов в Университете штата Огайо, ту, в которой, как сказал его референт, он опирался на размышления Эмили Дикинсон<sup>1</sup>, папы Иоанна Павла II, Аристотеля и Цицеро-

---

<sup>1</sup> Эмили Дикинсон — известная американская поэтесса (1830–1886), в чьих стихах можно различить влияния пуританского мировоззрения, «культы природы» Г. Торо, а также английских романтиков.

на. Конечно, замечания референта были сделаны не от большого ума, но они позволили нам сделать выводы, какого рода подхалимаж, очевидно, во вкусе м-ра Буша. Следующее, о чем вы узнаете, будет сообщение, что м-р Буш также искусный каллиграф и запросто переплывает реку Янцзы. И смеяться никто не посмеет — как раз перед тем, как м-р Буш произнес свою подлинную, без примеси Аристотеля речь, студенты в Университете Огайо получили предупреждение, что они будут исключены и арестованы в случае, если будут прерывать его или задавать вопросы, и им было дано задание вместо этого разразиться по окончании спича «громовыми аплодисментами».

Интересно отметить, что планируемый ныне Департамент внутренней безопасности, несмотря на сомнительную эффективность в деле достижения объявленной цели, будет огражден от будущих Коллин Роули<sup>1</sup>: на новый отдел не будет распространяться правило о защите донощиков, а также действие Закона о свободе информации.

Но вернемся к наболевшим проблемам — с точки зрения экономики, все выглядит так, что и для страны, и для мира наступила опаснейшая ситуация, какой не было с лета 1998 г. Но тогда, по счастью, наша экономическая политика управлялась разумными людьми, готовыми учиться на своих ошибках. Можете ли вы сказать то же самое и о нынешней администрации?

Как я уже отметил прежде, у администрации Буша есть комплекс непогрешимости: она и мысли не допус-

---

<sup>1</sup> Агент ФБР, поставившая под сомнение адекватность действий своей организации — по ее мнению, руководство ФБР не смогло сделать должные выводы из поступавшей из разных источников информации о готовящемся теракте, имевшем место 11 сентября.

кает, что может совершить ошибку. И этот тип высокомерия, в итоге, приводит к несчастью. Вы можете почитать об этом у Аристотеля.

---

## НАСТОЯЩЕЕ ДЕЛО

---

20 АВГУСТА 2002 ГОДА

Не говорите, может быть, они не спросят. Такая мысль содержалась в официальном июльском меморандуме Совета по делам ветеранов, размещенном Джошуа Маршаллом на [talkingpointsmemo.com](http://talkingpointsmemo.com). Цитируя «бюджетные директивы консервативного Административно-бюджетного управления» о расходах на здравоохранение ветеранов, инструкция рекомендовала подчиненным, чтобы те «обеспечили отсутствие в вашей структуре любого рода маркетинговой активности по вовлечению новых ветеранов». Ветеранам дается право на медицинское обслуживание, но администрация надеется, что некоторые из них об этом не знают и их неведение поможет сэкономить деньги.

Это не то, чего можно ожидать от администрации, которая столь старательно прикрывается национальным флагом, — если не приглядываться. Истории подобные описанной выше, случаются все чаще и чаще.

Возьмем принятое на прошлой неделе Джорджем Бушем решение продемонстрировать свои намерения — заблокировав 5,1 млрд долларов, предназначенных для затрат по обеспечению безопасности внутри страны. Оно оказалось большим промахом, так как отвергнутый законопроект направлял деньги и на сферу здравоохранения ветеранов, и на обеспечение пожарных новым оборудованием, в том числе системами ком-

муникации, которые 11 сентября могли бы спасти не одну жизнь. Вспоминая те сцены на нулевом уровне, которые столь многое добавили в повышении рейтинга Буша, президент Международной ассоциации пожарных предупредил: «Не поднимайте шума вокруг памяти наших павших братьев, если не хотите нанести нам удар в спину».

А как насчет горняков, оказавшихся в ловушке? После того как они были спасены, м-р Буш счел своим долгом лично их поздравить, и Майкл Новак, сотрудничающий с «National Review Online», объявил Сомерсет в Пенсильвании «консервативной столицей мира».

Но м-р Новак не упомянул о масштабной помощи, предоставленной Управлением федерального правительства по обеспечению безопасности и охраны здоровья на шахтах. Это должно было поднять некоторые щекотливые вопросы: несмотря на то, что планы администрации Буша в области энергетики требуют значительного роста угольной промышленности, программа капиталовложений в эту отрасль урезает средства, выделяемые на обеспечение безопасности в шахтах. Еще одно свидетельство консервативного управления бюджетом.

Суть в том, что существует постоянно увеличивающийся разрыв между образом и реальностью политики администрации Буша.

М-р Буш — мастер фоторепортажного популизма до тех пор, пока его ассистенты ищут возможность показать его в кругу «синих воротничков» на производстве. Но на деле администрация любит их, покуда вокруг снуют телевизионщики, а не когда дело доходит до реальной политики.

Федеральный бюджет испытывает глубокий дефицит, и все, кроме администрации, полагают, что поло-

жение это сохранится не по причине роста расходов, но из-за того, что уже сказалось большинство налоговых сокращений прошлого года. И, как указывает мой коллега Фрэнк Рич, чтобы возместить потери дохода, возникшие из-за этого налогового сокращения, каждый рабочий день в следующем году Бушу придется накладывать вето на предложение о расходах в 5 млрд долларов. М-р Буш более не может притворяться, как он делал это в ходе кампании 2000 г., что денег хватит на все. Теперь, чтобы оправдать это сокращение налогов, он должен стабильно урезать программы, имеющие значение для обыкновенных людей.

Но, может, сокращение налогов все-таки имеет значение и для обычных людей? Как сказать. Скидки прошлого года коснулись многих семей. Тем не менее разрабатываются планы сокращения налогов на доход для групп с наиболее значительными доходами, особенно с наиболее высокими доходами, и отказа от налога на наследство. В категорию семей с самыми высокими доходами попадают семьи, чей доход выше 297 000 долларов, и только имущество стоимостью свыше 2 млн долларов подлежит уплате некоторого налога на наследство. Пожарные и горняки таких денег не получают.

Другими словами, за пределами фоторепортажей администрация занимается сокращением программ, приносящих пользу пожарным, полицейским, горнякам, ветеранам и прочим «скромным американцам» (слова м-ра Новака), чтобы высвободить место для сокращений налогов, которые затронут по преимуществу горсточку людей, не столь уж неприятельских. Это не демагогия, это чистая правда. И это такая правда, которую становится все сложнее скрывать.

Каковы же политические выводы? Когда Эл Гор написал в одну из газет статью, в которой осуждалась эли-



тарная политика администрации Буша, ученые мужи и многие политики-демократы, в том числе и прежний кандидат на пост вице-президента при Эл Горе, набросились на него как один. Популизм, настаивали все, в американской политике не срабатывает.

Однако консерваторы с энтузиазмом опираются на популизм — фальшивый популизм, базирующийся на деланном заигрывании с обычными американцами и атаках на воображаемую культурную элитарность либеральных СМИ. Почему бы либералам, на стороне которых имеются действительные факты, не попытаться заняться настоящим делом?

---

## ОБЩЕСТВО ДОХЛОГО ПОПУГАЯ

---

25 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

Пару дней назад Дана Милбанк из «The Washington Post» написала статью, в которой разъяснялось, что для Джорджа Буша «факты податливы». Приводя ряд документов в подтверждение своего тезиса о том, что президент сделал «сомнительные, если не ошибочные» утверждения по ряду вопросов, от военных возможностей Ирака до федерального бюджета, корреспондент заявила, что бушевская «риторика вдохновлялась полетом фантазии».

Также в последние дни «The Wall Street Journal» сообщил, что «должностные лица, занимающие высокие посты, постоянно ссылаются на данные разведки... которые остаются большей частью неподтвержденными». Бывший руководитель подразделения по борьбе с терроризмом ЦРУ выразился прямее: «По существу в заявления на высоком уровне проникает сфабрикованная

информация». «USA Today» сообщает, что «на учреждения разведки оказывается давление с целью добиться намеренного искажения оценок так, чтобы они подходили к политической повестке дня».

Читая все эти эвфемизмы, мне вспомнился попугай из «Monty Python»<sup>1</sup>: он помогает расти маргариткам, процессы обмена веществ для него в прошлом, он присоединился к невидимому хору. И все это означало, что он попросту мертв.

А администрация Буша попросту много лжет.

Я спешу сказать, что я не обвиняю репортеров в том, что они формулируют это иначе. М-с Милбанк — смелый человек, и она платит обычную цену за свое мужество — ныне она стала целью клеветнической кампании Белого дома.

Эта типичная реакция поможет понять, почему в глазах широкой публики м-р Буш сохраняет облик человека прямодушного, хотя на деле он изворотлив, как любой политик. Вы заметили его недавнее заявление о том, что разрешение Саддаму Хусейну сохранить власть не равносильно отказу от «изменения режима», потому что выполнение иракским тираном требований ООН будет само по себе означать, что режим изменился? Последний поток статей о нечестности администрации по преимуществу отражает кампанию по продвижению войны с Ираком. Но традиция сама по себе во всех отношениях берет начало в кампании 2000 г., и это очевидно в отношении широкого спектра вопросов. Главными вопросами станет план частичной приватизации социального обеспечения с применением арифметики,

---

<sup>1</sup> Название группы, снявшей телевизионный комедийный телесериал «Monty Python Flying Circus», впервые показанный в Великобритании в 1969–1974 гг.; имела много подражателей.

правилом которой является  $2 - 1 = 4$ ; заявление о том, что сокращение налогов нацелено на средний класс, притом, что 40% от суммы сокращения принесет выгоду лишь наиболее богатому 1% населения; обещание включить в план защиты окружающей среды ограничения на углекислый газ.

В целом м-р Буш управлял как умеренный «объединитель, а не разделитель». «The Economist» поддержал его в 2000 г. потому, что видел в нем кандидата, более способного переступить пределы партийной приверженности, теперь же журнал характеризует его как «главного сторонника отстаивания партийных интересов».

Заманчиво рассматривать все это просто как вопрос о личности, но это нечто большее. Во лжи этой администрации существует метод.

Ибо администрация Буша — крайне приверженная интересам элиты клика, пытающаяся сохранить популистский фасад. Ее внутренняя политика служит на пользу очень небольшому числу людей — по преимуществу тем, кто зарабатывает по меньшей мере 300 000 долларов в год и которых на деле не заботит ни окружающая среда, ни их менее счастливые соотечественники. Правда, эта база усилена несколькими мощными группами, отстаивающими свои деловые интересы, особенно христианскими правыми и лобби торговцев оружием. Но хотя эта коалиция может собрать огромные суммы и в состоянии мобилизовать агентов для организации «буржуазных мятежей», когда потребуется, политика по сути своей непопулярна. Отсюда потребность придать новый вид этим податливым фактам.

Что остается загадкой, так это долгосрочная стратегия. Несмотря на контроль м-ра Буша над самой высокой проповеднической кафедрой страны, он мало преуспел в деле изменения фундаментальных воззрений

общественности. До 11 сентября нация испытывала растущее беспокойство по причине поворота администрации к крайне правым. Терроризм дал Бушу беспредельную личную популярность, так как люди сплотились под государственным знаменем; но ведь гелий из этого воздушного шарика постепенно вытекает.

Именно сейчас администрация разыгрывает военную карту, изобретая необходимые факты и пытаясь использовать остатки популярности Буша, возникшей после 11 сентября, чтобы добиться контроля над всеми тремя ветвями власти. Но что потом? В конце концов, нет ни малейшего признака того, что м-р Буш собирается когда-либо переместиться ближе к центру.

Таким образом, узкий кружок внутри администрации, должно быть, думает, что полный контроль правительства можно использовать для получения перманентного политического преимущества, даже при том, что чем больше публика узнает об их политике, тем меньше она ей нравится. Принципиален и вопрос, потеряет ли вновь перед лицом однопартийного правительства голос пресса, который она только начала обретать.

## ПРИНЦИП ПИТТА

---

1 НОЯБРЯ 2002 ГОДА

Итак, Харви Питт решил не сообщать другим членам Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям маленькую подробность о человеке, которого он выбрал для руководства нового совета по контролю за бухгалтерскими расчетами, отвергнув много более квалифицированного кандидата. Уильям Вебстер, как сообщает Стивен Лабатон из «The Times», возглавил ревизи-

онный комитет «Ю Эс Тенкнолджис». Теперь эта компания преследуется в судебном порядке инвесторами, заявляющими, что менеджмент обманом присвоил их миллионы.

И что сделал комитет м-ра Вебстера после того, как сторонний аудитор выразил беспокойство относительно постановки финансового контроля в компании? Правильно: он уволил этого аудитора.

Реакция м-ра Питта, после того как эта история раскрылась, превосходит все, что мог бы придумать сатирик. Один из заголовков гласит: «Питт стремится расследовать свою деятельность». И правда: собственная организация м-ра Питта будет изучать то, как он выбрал м-ра Вебстера.

Между тем, о чем думал м-р Вебстер? Никто не считает, что он коррумпирован, но, столь эффектно провалив контроль над администрацией одной маленькой компании, как он может вообразить, что у него хватит квалификации обеспечить честное ведение бухгалтерских книг для всей корпоративной Америки?

Все же — то, что м-р Питт выбрал не того человека, не случайность. М-ру Вебстеру было отдано предпочтение перед лучшими кандидатами именно благодаря лоббистам бухгалтерской отрасли — группы, которая, само собой разумеется, все еще включает в свои ряды м-ра Питта, — полагавшим, что он потерпит неудачу.

Давайте назовем его принципом Питта. Известный принцип Питера гласит, что менеджеры терпят неудачу потому, что поднимаются до уровня своей некомпетентности. Принцип Питта говорит нам о том, что иногда некомпетентность — это как раз то, что хотят иметь люди на руководящих должностях.

В этом конкретном случае рядовые инвесторы требовали применения жестких мер к лицам, допустившим

корпоративное преступление, а м-р Питт сделал вид, что согласен на это. Но нынешняя администрация управляется людьми и для людей, которые получают обильную прибыль от своих связей внутри. (Помните о «Харкен» и «Халлибертон»?<sup>1</sup> И почему бы администрации не сказать правду о группе специалистов, созданной для решения проблем энергетики?) Так что — он выбрал человека с впечатляющим, но не имеющим отношения к делу прошлым, который, как он мог рассчитывать, не справится с данным поручением.

Этот принцип многое объясняет. К примеру, должность секретаря государственного казначейства состоит в поддержании стабильной фискальной и экономической политики. И если вы не хотите, чтобы эта работа была сделана, вы назначаете видного администратора, имеющего опыт работы в обрабатывающей промышленности, который мало понимает как в федеральном бюджете, так и в макроэкономике. Он будет всего лишь человеком, председательствующим в период молниеносного скачка от рекордных излишков бюджета к гигантскому дефициту. Он даже жизнерадостно сообщит о том, что «последние показатели смотрятся замечательно», как раз за несколько дней до того, как доверие потребителей упадет до отметки девятилетней давности.

---

<sup>1</sup> «Харкен Энерджи» — компания, членом совета директоров и одновременно членом аудиторской комиссии которой был Джордж Буш в начале 1990-х гг.; в ходе расследования Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям оказалось, что она несла огромные убытки, что не было своевременно отражено в отчетности. Вице-президент Чейни до прихода в Белый дом возглавлял тexasскую компанию «Халлибертон», финансовая деятельность которой также привлекла пристальное внимание Комиссии по ценным бумагам и биржевым операциям.

Работа министра юстиции состоит в том, чтобы защищать Конституцию и проводить в жизнь нормы закона. Поэтому, если вы не хотите, чтобы это было сделано, вы выбираете бывшего сенатора, который не питает большого уважения ни к закону, ни к Конституции, особенно ко всякой чепухе вроде надлежащей правовой процедуры, разделения церкви и государства и всего такого. Он станет всего лишь человеком, которыйотреагирует на государственный кризис заключением в тюрьму более чем 1000 человек без предъявления им обвинения, не поймав ни одного из тех, кто совершил террористический акт, ни даже того, кто рассылал письма со спорами сибирской язвы.

Этот же принцип может быть применен и на более низком уровне. Эксперты в деле разведки и обороны должны реалистически оценивать угрозу национальной безопасности и следствия военных действий США. И если вы не хотите, чтобы эта работа была выполнена, вы отдаете ее в руки известных неоконсерваторов-интеллектуалов, которые не имеют опыта взаимодействия с реально существующим миром. Можно рассчитывать, что они учуют террористические связи там, где, по словам ЦРУ, они отсутствуют, и продемонстрируют беспечную уверенность в вопросе о возможностях ведения войны в плотно заселенном городском районе, когда военные и без того пребывают в постоянном нервном напряжении.

Но наиболее значительное применение принципа Питта требуется поискать на самом верху. Задача президента состоит в том, чтобы объединить нацию и провести ее сквозь трудные времена. Если вы не хотите, чтобы эта работа была сделана, вы назначаете приветливого парня из известной семьи, который занимался бизнесом и политикой благодаря своему пре-

имуществу инсайдера. Он окажется тем типом, который не видит ничего плохого в том, чтобы искать поддержки в национальном кризисе, доходя даже до заявлений о том, что члены другой партии не заботятся о безопасности нации.

На этом пути менее чем через год гигантская волна национального единения и добрых чувств может преобразоваться в растущее чувство смятения, когда все большее число американцев заговорит о том, что страна движется не в том направлении.

---

## ПОБЕДИТЕЛИ И ТРОФЕИ

---

19 НОЯБРЯ 2002 ГОДА

Правило № 1: всегда имейте под рукой брошю иллустрацию на обложке. План администрации Буша декларирует цель: открыть 850 000 рабочих мест в федеральных учреждениях для усиления конкуренции с частными фирмами с целью содействовать улучшению эффективности труда. Нам говорят, что энергия составлятельности покончит с бюрократической нерасторопностью, затраты уменьшатся и все, за исключением горстки получающих слишком много членов профсоюза, окажутся от этого с прибылью.

И кто знает? Там и сям реформа, возможно, действительно сэкономит несколько долларов. Но я сомневаюсь, что в Вашингтоне есть хотя бы один политик или журналист, верящий в то, что приватизация значительной сферы федерального правительства, которую, по заявлению администрации, она может предпринять без изменения законодательства, в действительности мотивирована стремлением снизить расходы.



В конце концов, существует немалый опыт приватизации правительствами всех уровней — на уровне штата, федеральном или местном, — и он не подтверждает сумасбродные заявления о росте эффективности. Да, иногда значительное снижение расходов случается, но все же обещанная экономия слишком часто оборачивается миражом. Особенно распространенной практикой частных подрядчиков является предложение низких цен, чтобы заполучить в свои руки ведение дел, а затем повышение цен, когда использовавшиеся правительством работники уже распущены. Проектные оценки о 20- или 30-процентной экономии затрат для всех учреждений недальновидны — и есть подозрение, что чиновники, занимающиеся их расчетами, знают об этом.

Так о чем же идет речь?

Во-первых, речь идет о политическом прикрытии. Перед лицом бюджетного дефицита, как можно наблюдать, администрация — полная решимости расширять, а не пересматривать программу сокращения налогов, которую она первоначально оправдывала планами наличия гигантских излишков, — должна продемонстрировать сокращение расходов. Но как она может их сократить? Значительная доля государственных расходов приходится либо на важнейшие подразделения, такие как оборона и система правосудия, или на права среднего класса, такие как социальное обеспечение и страхование здоровья престарелых, которые администрация не посмеет атаковать открыто.

Приватизация федеральных должностей — превосходная попытка ответить на этот трудный вопрос. Выход этот кажущийся — деньги, выплачиваемые служащим, оказавшимся под угрозой, составляют лишь 2 процента федерального бюджета, так что выгода от приватизации, даже если она произойдет, не оставит почти

никакого следа на расходах в целом. Впрочем, в течение нескольких лет разговоры о приватизации будут создавать впечатление, что администрация предпринимает какие-то меры в отношении дефицита.

Но мы можем быть уверены, что отвлечение внимания общественности от реально существующего дефицита является лишь второстепенным фактором. Также имеет значение тот факт, что приватизация является способом разрушения одного из последних оставшихся оплотов профсоюзной мощи. Карл Роув стремится к гораздо более крупной игре.

Несколько месяцев назад м-р Роув сравнил своего босса с Эндрю Джексон<sup>1</sup>. Как уже отмечалось в свое время, одной из ключевых составляющих политического наследства Джексона стал «дележ трофеев», согласно которому федеральные должности резервировались для сторонников политической партии. Федеральная гражданская служба, с тщательно продуманной системой защиты работников от политического давления, была создана специально для того, чтобы свести на нет систему дележа трофеев; но теперь администрация нашла способ обойти эти ограничения.

Нам не нужно размышлять о том, что за этим последует, так как Джеб Буш уже проложил путь.

Губернатор Флориды оказался энергичным приватизатором, и — как сформулировала после тщательного изучения данных по штату «The Miami Herald», — «как показывают эти данные, его смелый эксперимент увенчался успехом, по крайней мере, для него и для Республиканской партии. Эта политика породила сеть подрядчиков, которые дали ему, другим политикам-рес-

---

<sup>1</sup> Президент США в 1829–1837 гг., один из основателей Демократической партии.

публиканцам и Республиканской партии Флориды миллионы долларов пожертвований на ведение кампаний».

И не только привязка больших пожертвований к большим контрактам привлекает внимание к сети подрядчиков; это конец традиционной практики, при которой коммерческие фирмы страховали свой выбор, выделяя средства обеим партиям. Основные победители во Флориде м-ра Буша — это компании, которые ничего не дали демократам или дали очень мало. Странно, не правда ли? Это выглядит так, как если бы фирмы, стремящиеся вести бизнес в штате Флорида, проходили тест на лояльность.

Так я говорю, что мы возвращаемся ко дням Босса Твида<sup>1</sup> и Марка Ханны?<sup>2</sup> Боже, нет, эти ребята были осторожными игроками. Однопартийный контроль сегодняшнего правительства предоставляет такие возможности для вознаграждения друзей и наказания врагов, о которых старорежимные политики и не смели мечтать.

Как далеко может быть продвинута новая система распределения трофеев? В какой степени она будет использована для фиксирования перманентного преимущества правящей партии? Оставайтесь на нашей волне; я уверен, мы скоро это выясним.

---

<sup>1</sup> Сенатор от штата Нью-Йорк (1823–1878), был обвинен в незаконном присвоении средств штата и махинациях, допущенных в ходе предвыборной кампании, умер в тюрьме.

<sup>2</sup> Советник президента Мак-Кинли, промышленник из Кливленда, сенатор с 1897 г., умер в 1904 г.

## ГРАНДИОЗНЫЙ ЗАГОВОР?

ДЫМОВАЯ МАШИНА

---

29 МАРТА 2002 ГОДА

В известном смысле жаль, что столь большая часть сочинения Дэвида Брока «Ослепленные правыми: сознание бывшего консерватора» («Blinded by the Right: The conscience of an ex-conservative») повествует о частной жизни наших духовных стражей, назначенных нами самими. Эти истории позволяют сбыть тираж книги, но за ними может остаться незамеченной важная информация: что «грандиозный заговор правых» — это не преувеличенная метафора, но неприкрытая реальность и что этот заговор работает во многом как лобби деловых кругов.

Современная политическая экономия учит нас, что маленькие, хорошо организованные группы зачастую превалируют над интересами более широкой публики. Сталелитейная промышленность получила тариф, который хотела, хотя это и означало потери для потребителей, значительно превысившие прибыль производителей, ибо типичный потребитель стали не понимает, что же происходит.

Книга «Ослепленные правыми» показывает, что та же логика применима и к вопросам,

не связанным с экономикой. Машина для раскручивания скандалов, на службе у которой был м-р Брок, была, по существу, группой, представляющей интересы деловых кругов, финансируемой горсткой богатых фанатиков, людей типа преподобного Сун-Мен Муна, чья Церковь объединения, выстроенная наподобие культа, владеет «The Washington Times», и Ричарда Меллона Скайфа, который финансировал скандально известный «American Spectator» и многие другие предприятия правого толка. Действия ее были эффективными, потому что типичный потребитель новостей не понимает, что происходит.

Усилия этой группы были направлены на то, чтобы сделать символом скандала «Уайтуотер» — неудачную инвестицию 200 000 долларов, несмотря на восьмилетнее расследование, обошедшееся в 73 млн долларов, которое так и не выявило каких-либо доказательств преступлений Клинтонов. Только представьте, что могла бы сделать машина для разворачивания скандалов с более обещающим сырьем, таким как решительно необычные деловые операции молодого Джорджа Буша.

Но, конечно, у левых нет сопоставимой машины для раскручивания скандалов. Почему же?

Один из вариантов ответа — по ряду причин среди правых существует определенный уровень озлобленности и ненависти, который среди левых, в лучшем случае, имеет слабое отражение в антиглобалистском движении и вовсе никакого подобия в господствующем либерализме. Действительно, либералы, которых я знаю, как правило, выглядят людьми, которым неприятно сталкиваться с неприглядными сторонами современной политики.

Также справедливо и то, что по природе вещей миллиардеры более склонны примыкать к правому крылу,

чем к фанатичным левым. Когда миллиардеры оказывают поддержку более или менее либеральным предприятиям, они обычно пытаются помочь миру, а не вступить во владение американской политической системой. За примером далеко идти не надо: пока Джордж Сорос тратил щедрые средства на спонсирование демократии за границей, м-р Скайф столь же щедро тратил деньги на то, чтобы подорвать ее внутри страны.

И его достижения впечатляют: ключевые фигуры из империи Скайфа теперь главные чиновники в администрации Буша (а газета м-ра Муна теперь по существу орган администрации). Очевидно, сплетни срабатывают: общественность и, что менее простительно, серьезные СМИ — все они слишком поспешно соглашались с предположением, что там, где есть дым, должен быть и огонь, когда в реальности есть всего лишь несколько сердитых богатых молодчиков, которые купили себе дымовую машину.

А средства массовой информации по-прежнему на удивление легко одурачить. Только взгляните на то, как падка пресса на жульнический рассказ о вандализме ушедших сотрудников штата или распространившееся в последнее время фальшивое сообщение о том, что в Клинтоновском Белом доме останавливался Кен Лэй<sup>1</sup>.

Постоянные читатели этой колонки знают, что не так давно я обнаружил, что тоже стал целью низкопробной кампании по дискредитации. Она была организована по обычной модели: источники в стане правых настаивали, что обычная коммерческая сделка (в моем случае консультирование «Энрон» в ту пору, когда я был преподавателем колледжа, а не политическим обозревателем, т. е., занимая эту должность, я не мог ока-

---

<sup>1</sup> Кен Лэй — глава концерна «Энрон».

зять какие-либо услуги указанной компании) — это свидетельство о коррумпированности; затем эту историю подхватили серьезные СМИ, допуская, что с учетом всего поднятого шума в данном обвинении, должно быть, что-то есть; и, без сомнения, надолго осталось впечатление, даже если ни одна услуга не была дана или получена, что тот, кого выбрали мишенью для обвинений, должно быть, сделал что-то не так («Не лицемерие ли это с его стороны — критиковать назначение на посты по знакомству при капитализме, когда сам он брал взятки?»). Теперь, прочитав книгу м-ра Брока, я понимаю, что произошло.

Тим Ноа из «Slate», с которым я обычно соглашаюсь, говорит о том, что м-р Брок не сообщает нам ничего нового: «Мы знаем... что поразительно хорошо финансируемых крайне правых преследовала идея — дискредитировать Клинтона». Но кто это «мы»? Большинство людей этого не знают, и, во всяком случае, ему не следовало использовать прошедшее время: на удивление хорошо финансируемые крайне правые по-прежнему занимаются очернением любого, выразившего несогласие с их повесткой дня, и слишком многие журналисты все еще позволяют использовать себя.

Я нахожу, что читать «Ослепленные правыми» неприятно, но информация в этой книге разоблачающая. И, полагаю, многие со мной согласятся.

---

## РАССЕРЖЕННЫЕ

---

23 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

Политик, центрист с левым уклоном, баллотируется на пост президента. В здравомыслящем мире он легко бы выиграл. В конце концов, его партия весьма успешно

руководила страной: снизился уровень безработицы, ускорился экономический рост, улетучилось чувство недомогания, превалировавшее при прежней администрации.

Но все пошло не так. Его умеренность становится помехой; ставя в вину кандидату его прорыночную позицию, кандидаты левого крыла, не имеющие шанса выиграть, но задействованные в политике, как в театральном представлении, оттянули на себя решающую поддержку. Кандидат, хотя по всему видно, что он очень хороший человек, по своей природе не создан вести кампании; у него, по словам критиков, «профессорский стиль», который кажется многим избирателям «снисходительным и лишенным юмора». Более того, среди умеренных царит апатия и самоуспокоенность, они считают, что его победа — сама собой разумеющаяся или что в любом случае выборы не имеют значения.

Результат — ошеломляющая победа крайне правых. Это в общем и целом страна толерантных людей с широкими взглядами; но существует и ядро, возможно, 20 процентов электората, которые сильно рассержены даже в хорошие времена. И благодаря особенностям electoralной системы это крайне правое меньшинство превалирует даже в том случае, когда большее количество людей на деле голосуют за умеренных левых.

Если все это звучит подобно погребальной речи в адрес кампании Гора в 2000 г. — то умышленно. Но в действительности я описываю шокирующие выборы, прошедшие в воскресенье во Франции, в которых нынешний премьер-министр Лионель Жоспен занял третье место после фанатичного реакционера Жан-Мари Ле Пена. До недавнего времени господин Ле Пен рассматривался как исчерпавшая себя сила. Теперь он достиг удивительного успеха.



Как я уже намекнул, между потрясениями французской политики и недавними политическими событиями в Соединенных Штатах существует несколько важных параллелей. Позвольте привести эти параллели, а затем указать на большую разницу.

Что показали французские выборы — так это то, что во Франции, как и в Соединенных Штатах, есть много рассерженных людей. Они не представляют собой большинство; м-р Ле Пен получил около 17 процентов голосов, меньше, чем Росс Перро получил у нас в 1992 году<sup>1</sup>. Но у них есть значительная мотивация, и они могут оказать влияние, несоразмерное их количеству, если умеренные сочтут толерантное общество за данность.

Почему же сердятся рассерженные? Не экономика тому причиной; мир и процветание не примирили их с Биллом Клинтоном или господином Жоспеном. Вместо этого, по-видимому, речь пойдет о традиционных ценностях. Наши сердитые правые ругают безбожных либералов; французские выбрали целью иммигрантов. В обоих случаях то, что действительно их волнует, — это потеря уверенности; они хотят вернуться к более простому времени, когда не существовало причудливой современной смеси людей и идей.

И в обоих случаях это сердитое меньшинство оказало много большее влияние, чем можно было бы предположить по его количеству, большей частью по причине слабости левых и индифферентности умеренных. У Эла Гора был Ральф Нэyder, у м-ра Жоспена — поппури из бесхитростных левых (два троцкиста набра-

---

<sup>1</sup> В ходе предвыборной кампании 1992 года выступивший в дебатах беспартийный миллионер Росс Перро неожиданно для всех получил поддержку 19% избирателей.

ли 10 процентов голосов). И оба они были осмеяны и проигнорированы самодовольными умеренными.

Теперь вернемся к важному различию. Господин Ле Пен — политический аутсайдер, его показатели на воскресных выборах выводят его во второй круг голосования, но в действительности президентом Франции он не станет. Так что его крайне правые идеи в ближайшее время в практику внедрены не будут.

Напротив, в Соединенных Штатах крайне правые, по сути, кооптированы республиканской партией, или, возможно, их действия — это один из обходных маневров. В этой стране люди со взглядами в своем роде столь же крайними, что и воззрения Ле Пена, занимают должности, позволяющие им претворять их на практике.

Рассмотрим, к примеру, случай с членом Палаты представителей Томом Делэем. На прошлой неделе м-р Делэй рассказал собравшимся, что он послан Богом для того, чтобы пробудить «библейское мировоззрение», и что он добивался импичмента Билла Клинтона частично из-за того, что у м-ра Клинтона «неправильное мировоззрение». Что же, чудачки среди политиков встречаются везде. Но м-р Делэй является организатором партийного большинства Палаты и, по мнению большинства обозревателей, реальной силой, стоящей за спикером Деннисом Хастертом.

А затем есть еще Джон Эшкрофт.

Что показали выборы во Франции, так это то, что у нас и у французов гораздо больше общего, чем готова была бы признать любая из этих стран. Там, как и здесь, оказались запасы иррационального гнева, как обычно, скрывающегося как раз под прикрытием политики. Разница состоит в том, что здесь «рассерженные» уже управляют страной.

ПЕРВОКЛАССНАЯ КАФЕДРА  
ПРОПОВЕДНИКА<sup>1</sup>

6 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

Война — это мир. Свобода — это рабство. Невежество — это сила. У Колина Пауэлла и Дика Чейни — идеальное согласие. И администрация Буша не приватизирует социальное обеспечение.

Настойчивое утверждение Ари Флейшера<sup>2</sup> о том, что у м-ра Пауэлла и м-ра Чейни нет разногласий относительно Ирака, как кажется, подтолкнуло некоторых журналистов к тому, что они примирились, по крайней мере ненадолго, с очевидным. Веб-ресурс «ABC» — «The Note» — охарактеризовал это как заявление о том, что «шоколад — это ваниль», соглашаясь с тем, что «у команды Буша всегда возникала проблема доверия в отношениях с некоторыми репортерами из-за того, что она утверждала: “верх — это низ” и “белое — это черное”».

Но администрации не нужно волноваться: если история способна научить чему-либо, многие репортеры вскоре вернутся к обычному низкопоклонству. В следующий раз, когда администрация примется настаивать, что шоколад — это ваниль, многие СМИ, опасаясь обвинений в либеральных пристрастиях и пытаясь создать видимость «равновесия», не сообщат, что ве-

<sup>1</sup> В оригинале — *bully's pulpit* («Первоклассная кафедра проповедника») — выражение, вошедшее в политический жаргон и восходящее к президенту Теодору Рузвельту. Имеется в виду президентский пост и использование президентского престижа в целях убеждения широкой общественности.

<sup>2</sup> Помощник президента и пресс-секретарь Белого дома.

щество, о котором идет речь, на самом деле коричневого цвета; в лучшем случае, они заявят, что некоторые демократы объявили, что оно коричневое.

Оруэлловские склонности команды Буша к двоемыслию давно были очевидны любому, кто следил за его заявлениями, затрагивающими вопросы экономики. Даже в ходе кампании 2000 г. эти заявления полагались на двоемыслие, на способность верить в одно и то же время в два несовместимых понятия. К примеру, план Джорджа У. Буша частично приватизировать социальное обеспечение всегда базировался на утверждении, что  $2 - 1 = 4$ , то есть что мы можем переместить средства от налога с заработной платы на высокодоходные личные счета, при этом по-прежнему используя те же деньги для выплат пособий ветеранам.

Оруэлловский подход заключается не только в двоемыслии; он также подразумевает создание новояза, то есть придание словам нового смысла, с целью исключить нелояльное мышление. Опять-таки прекрасным примером служит социальное обеспечение. Политические консультанты республиканцев сочли, что в эру стремительного падения курса ценных бумаг и корпоративных скандалов слово «приватизация» приобрело негативное содержание. Каков же выход? Отрицать, что счета частных лиц создают факт приватизации, и угрозами или силой заставить согласиться с этим прессу. Меморандум национального республиканского комитета по проведению избирательной кампании выдвигает новую стратегию: «Крайне важно, чтобы мы не позволили репортерам прибегать к демагогическим уловкам демократов, ошибочно приравнивая “личные счета” к “приватизации”».

Является ли неточным высказывание, что личные счета — это приватизация? Мы можем поспорить о

сути вопроса. По плану Буша, личный счет работника отражает его прибыли или потери от ценных бумаг. Когда риск или вознаграждение сказываются на отдельном человеке целиком, разве это не приватизация?

Но подождите, мы можем поступить лучше. Толчок к преобразованию социального обеспечения в систему личных счетов был дан Институтом Като. План Буша возник напрямую из проекта Като по данной тематике, несколько членов комиссии по реформе социального обеспечения м-ра Буша поддерживают тесные связи с Институтом Като, а значительная часть членов комиссии пришла прямо оттуда. Вы можете прочитать все о роли Института Като на специальном веб-сайте, организованном институтом, — [socialsecurity.org](http://socialsecurity.org).

И каково же название проекта Като, направленного на содействие организации личных счетов? Ну конечно, проект о приватизации социального обеспечения.

Что вновь подводит нас к проблеме запугивания. Республиканский комитет по проведению предвыборной кампании в действительности не считает, что сможет убедить людей в том, что приватизация — это не приватизация. Но это и не является целью. Меморандум не сообщает о том, как общаться с публикой; это перечень требований, выдвигаемых журналистами. Как сформулировал на [talkingpointsmemo.com](http://talkingpointsmemo.com) Джошуа Маршалл, цель состоит в том, чтобы «отвадить репортеров от использования слова “приватизация” в данном контексте».

И такое запугивание, вероятно, достигнет своей цели. По существу, оно уже срабатывает. Как отмечает м-р Маршалл, в ходе недавнего интервью с лидером меньшинства в Палате представителей Ричардом Гепхардтом Джуди Вудраф из CNN надлежащим образом

вторила формулировке меморандума республиканского комитета.

К сожалению, вопрос о политике в сфере социального обеспечения не единственный. Раз администрация полагает, что ей удастся обман, когда она настаивает, что белое — это черное, что верх — это низ, и все, что касается прошлого этой администрации, доказывает, что она именно так и считает, сложно вообразить, когда этот процесс остановится. Привычка игнорировать неудобную реальность и предположение, что послушные СМИ с этим согласятся, вскоре заразит все аспекты политики. И конечно, это коснется и вопросов войны и мира.

Проблема в том, что, в конце концов, у реальности есть способ отстоять свои права. И на тот случай, если вас это заинтересует, замечу, что невежество — это не сила.

---

## РАДИ ЛОДЕЙ

---

29 ОКТЯБРЯ 2002 ГОДА

Отвратительно, но это так: в пору, когда Миннесота оплакивает смерть сенатора Пола Уэлстона, многие из жителей штата получили листовки с изображением надгробия. Листки, разосланные группой консервативных бизнесменов, осуждают поддержку, оказанную покойным сенатором налогу на имущество. Вот фрагмент текста, который можно прочесть под изображением надгробной плиты: «Пол Уэлстон до последнего издыхания хотел обложить налогом вас и ваш бизнес... но он хочет подвергнуть вас налоговому обложению и в загробном мире».

Справедливости ради, надо сказать, что люди, рассылавшие эти листовки — в которых четко указано, что стоимость почтовой рассылки формально не считается пожертвованием на проведение кампании, — не понимали, насколько бестактными они будут выглядеть. Все же в известном смысле массовая рассылка — это подходящая эпитафия; она напоминает нам о том, что отстаивал Пол Уэлстон и какую смелость он проявил, встав на эту позицию.

Временами возникает впечатление, не забыли ли американцы, что такое мужество. Вот вам шанс: неуступчивость не превратит вас в героя; вам нужно взять на себя личный риск. И я говорю не только о риске физическом, хотя поражает, как мало людей среди тех, кто любит у нас помахать флагом, подвергали себя опасности. Что нужно требовать от наших представителей в Вашингтоне, так это готовности принять на себя политический риск — занять принципиальную позицию, даже если это означает бросить вызов влиятельным группировкам, защищающим интересы деловых кругов.

Пол Уэлстон брал на себя риск. Он, как подтвердит любой, был политиком, который искренне голосовал за свои убеждения, который поддерживал то, что считал верным, а не то, что, по его соображениям, помогло бы ему добиться переизбрания. Он занимал рискованную позицию по многим вопросам: согласны вы с этим или нет, вам придется признать, что его голосование против санкций для Ирака было особо смелым поступком. Но наиболее последовательной темой в его биографии была экономическая — его мужественная поддержка интересов обычных американцев в противовес растущей власти нашей нарождающейся плутократии.

В нашей политике, где доминируют деньги, такую позицию занимать опасно. Когда Уэлстон впервые вы-

ставил свою кандидатуру в Сенат, его оппонент израсходовал в семь раз больше. По словам одного из его консультантов, успех этой хилой кампании пришел из трясущегося зеленого школьного автобуса, «вновь вернувшего доверие популистам в политике».

Если только оттуда. Почти каждый политик в современной Америке претендует на звание популиста; на деле общим явлением стало то, что чем раболепнее поддерживает политик интересы богатых людей и крупных корпораций, тем более компанейские у него манеры. Но быть истинным популистом, тем, кто действительно пытается встать против того, что Уэлстон называл политикой «Робина Гуда наоборот», нелегко: вам придется столкнуться не только с властью денег, но с непрерывной и бесстыдной фальшью.

И вот почему эти листовки являются превосходной иллюстрацией того, за что боролся Пол Уэлстон.

С одной стороны, включение пункта об отказе от налога с имущества в сокращение федеральных налогов за прошлый год — это наиболее удивительный пример, показывающий, как наша политическая система служит интересам богатых. В конце концов, налог на имущество задевает только незначительное меньшинство семей; основную часть этого налога платит крошечный слой элиты. По сути, аннулирование налога на имущество благоприятствует богатым до такой степени, что защитники прошлогоднего налогового сокращения — такие как сенатор Чарльз Грэсси, республиканец от штата Айова, опубликовавший вводящее в заблуждение письмо в «The Times» в прошедшую пятницу (25 октября 2002), — всегда тщательно опускают расчеты относительно тех, кто получает от этого пользу. (В письме говорилось только о налоге с доходов; если бы оно охватило результаты отмены налога на имуще-



ство, ему пришлось бы признать, что свыше 40 процентов льгот от налоговых сокращений отошло к 1 проценту наиболее богатых). Ликвидация налога на имущество перед лицом бюджетного дефицита означает: сделать богатых еще богаче, урезая жизненно важные льготы для среднего класса и бедноты.

С другой стороны, споры о налоге на имущество иллюстрируют распространение притворства в нашей политике. Ибо отмена «налога на смерть» была подана, что невероятно, как вопрос, затрагивающий интересы широких масс. Благодаря продолжительной, щедро финансируемой пропаганде, классическим примером которой является листовка с нападка на Уэлстона, миллионы американцев ошибочно представляют себе, что налог на имущество влияет в основном на малый бизнес и на фермы и что его отмена поможет простым людям. И кто же платит за эту пропаганду? Угадайте!

Поразительно, чего только не купишь за деньги.

В эпоху фальшивых популистов Пол Уэлстон был настоящим. Теперь его нет. Хватит ли у других мужества продолжить его дело?

---

## IN MASS-MEDIA RES<sup>1</sup>

---

29 НОЯБРЯ 2002 ГОДА

На этой неделе Эл Гор сказал очевидное. «В современной политике СМИ играют, пожалуй, роль предопределения, — заявил он «The New York Observer», — а громкие голоса некоторых из этих учреждений, по правде говоря, неотделимы от Республиканской партии».

---

<sup>1</sup> В оригинале: «In media res», т. е. перефразируется латинское выражение «In medias res» — «в самую суть дела».

Реакцией большинства журналистов «либеральных СМИ» стало растерянное молчание. Я не вполне понимаю, почему так, но есть ряд вещей, о которых, предполагается, вы говорить не станете, именно потому, что они столь явственно справедливы.

Политическая повестка «Fox News», которой мы воспользуемся как наиболее выразительным примером, вряд ли представляет собой загадку. Роджер Эйлс, председатель компании, давал консультации администрации Буша. Брит Хьюм из «Fox» даже объявил о кредите на промежуточные выборы. «Все произошло так именно благодаря нашему освещению событий», — заявил он Дону Аймусу. «Люди смотрят на нас и получают от нас намек, какой делать выбор. Ни у кого не должно быть сомнения во влиянии “Fox News” на эти вопросы». (Эта ремарка, возможно, была насмешливой, но представьте себе реакцию, если бы выиграли демократы, и Дэн Разэр, даже в шутку, позднее упомянул бы о кредите.)

Но цель сегодняшней моей статьи не в том, чтобы ударить по «Fox». Я хочу обратиться к более широкой проблеме: подрывает ли экономические интересы СМИ объективное освещение новостей?

Большую часть времени в последние 50 лет государственная политика считала само собой разумеющимся то, что пристрастия СМИ представляют собой потенциальную проблему. В конце концов, существовали только три национальные компании, ограниченное количество лицензий на радиовещание, и во многих городах выходили только одна-две газеты. Как можно было бы удержать тех, кто контролирует крупные новостные точки, от злоупотребления их положением?

Ответ заключался в комбинировании регулирования и неформальных директивах. «Доктрина справед-

ливости» вынуждала радио- и телевизионные каналы давать сопоставимое представление о противоположных точках зрения. Ограничения на право владения поддерживали разброс мнений. И в целом от крупных новостных каналов ожидалось, что их позиции останутся над схваткой, благодаря четкому различию между высказываемыми мнениями и сообщением новостей. Система не всегда срабатывала, но она все же создавала определенные рамки.

Однако за последние 15 лет многое в этой системе оказалось утраченным. Доктрина справедливости была упразднена в 1987 г. Ограничения на владение постепенно становятся менее строгими, и вполне вероятно, что в следующем году Федеральная комиссия по связи отменит многие из еще сохраняющихся ограничений, вполне возможно, даже позволив крупным сетям приобретать друг друга. А неформальное правило о неприемлемости очевидно предвзятого сообщения новостей также осталось в прошлом, по крайней мере, если вы оказываете поддержку в нужном направлении, то есть правым.

Федеральная комиссия по связи заявляет, что старые правила более не нужны, так как изменился рынок. Согласно официальной точке зрения, новые средства массовой информации, прежде всего кабельное телевидение, а также Интернет, — предоставляют обществу доступ к самым различным источникам новостей, что ликвидирует потребность в публичных директивах.

Но действительно ли дела обстоят именно так? Кабельное телевидение значительно расширило спектр доступных развлечений, но оказало незначительное влияние на освещение новостей. Ныне существуют пять основных источников теленовостей, а не три, но

прогресс в этой сфере вызывает сомнения более, чем разрастание других тенденций. Во-первых, влияние новостей в печати начало долгий путь упадка; во-вторых, все пять телевизионных источников новостей являются теперь подразделениями крупных конгломератов — вы черпаете новости из AOLTimeWarnerGeneral ElectricDisneyWestinghouseNewsCorp.

А Интернет — превосходная вещь для тех, кто увлекается политикой и испытывает пристрастие к новостям: любой теперь может читать канадские и британские газеты или загружать в свой компьютер осуществленный «мозговыми центрами» анализ политических событий. Но у большинства людей нет ни времени, ни намерения этим заниматься. Если трезво взглянуть на современное положение, компьютерная сеть не в состоянии значительно уменьшить влияние пяти крупных источников.

Вкратце, мы имеем ситуацию, изобилующую конфликтами интересов. Горстка организаций, поставляющая новости большей части населения, имеет приоритетные коммерческие интересы, которые неизбежно подталкивают к тому, чтобы тенденциозно освещать события, а говоря в целом — с уважением относиться к правящей партии. Уже имеются некоторые конкретные примеры того, о каких новостях не сообщается. К примеру, антивоенная демонстрация в прошлом месяце в Вашингтоне, в которой участвовало 100 000 человек, — важное событие, какой бы ни была ваша точка зрения на этот вопрос, — была почти целиком игнорирована некоторыми ключевыми каналами СМИ.

На настоящее время откровенное пристрастие СМИ все еще ограничивается старыми законами и старыми нормами поведения. Но вскоре законы будут отменены, а нормы разрушаются у нас на глазах.

Создают ли конфликты интересов в наших значительно сконцентрированных СМИ угрозу демократии?  
Я охарактеризовал ситуацию — решать вам.

---

## «БАРОНЫ-РАЗБОЙНИКИ»<sup>1</sup> ЦИФРОВОЙ ЭРЫ

---

6 ДЕКАБРЯ 2002 ГОДА

Плохие метафоры создают плохую стратегию. Все говорят о «скоростных информационных магистралях». Но в том, что касается экономики, сеть телекоммуникаций напоминает не информационную магистраль, а железнодорожную индустрию эпохи баронов-разбойников, то есть железные дороги до того времени, пока они не столкнулись с действенной конкуренцией со стороны грузовиков. И железные дороги в итоге столкнулись с жестким регулированием по очевидной причине: у них в руках была власть над рынком, и они нередко ею злоупотребляли.

И тем не менее люди, принимающие сегодня решения о будущем Интернета, прежде всего Майкл Пауэлл, председатель Федеральной комиссии по связи, кажется, об этой истории не знают. Они полны энтузиазма, когда речь идет о чудесах отсутствия регулирования, освобождающих от забот о рынке. А тем временем завтрашние бароны-разбойники продолжают укреплять свои замки.

До недавнего времени Интернет выглядел воплощением идеала свободного рынка — места, где конкури-

---

<sup>1</sup> «Бароны-разбойники» — презрительное прозвище основателей крупных промышленно-финансовых корпораций, сколотивших состояния в период первичного накопления капитала во второй половине XIX и начале XX в.

ровали тысячи провайдеров услуг, где каждый мог посетить любой сайт. И сектор технологии был благодатной почвой для идеологии сторонников свободы доктрины о свободе воли, а многие технари утверждали, что им не требуется ни помощи, ни регулирования со стороны Вашингтона.

Но широко открытый, конкурентный мир Интернета, доступ к которому идет через телефонную связь, зависит от того самого правительственного регулирования, которое недооценивают столь большое число энтузиастов Интернета. Предоставление телефонной связи на местах является естественной монополией, и там, где отсутствует регулирование, местные телефонные монополии настаивают на том, чтобы вы использовали их услуги по набору номера. Причина, по которой у вас есть выбор, состоит в следующем: от них требуется, чтобы они выполняли функции обычных посредников, и они позволяют независимым провайдерам услуг воспользоваться их линиями.

Несколько лет назад все ожидали, что это же обнаружится в сфере скоростного Интернета. Закон о телекоммуникациях 1996 г., как предполагалось, создаст весьма конкурентоспособную индустрию в сфере скоростной передачи всех видов информации. Но работа была проведена небрежно; обещанная конкуренция так и не стала реальностью. К примеру, лично у меня выбора не было вовсе: если я захочу иметь скоростную передачу информации, то могу выбирать только ту Интернет-услугу, которую предоставляет моя местная кабельная компания. Я оказываюсь в той же ситуации, что и фермер в XIX веке, вынужденный поставлять свое зерно по Union Pacific<sup>1</sup>, и никак иначе. Если бы я жил

---

<sup>1</sup> Железная дорога в США.

ближе к телефонному узлу или мог бы отчетливо видеть южное небо, возможно, какие-то альтернативы у меня бы были. Но в США есть лишь несколько мест, где конкуренция в сфере скоростной передачи информации действительно существует.

И вероятно, все так и останется в этом состоянии. Улетучилась политическая воля к закреплению закона 1996 г., к созданию в сфере скоростной передачи информации свободной среды, которую многие пользователи Интернета все еще считают само собой разумеющейся.

В марте этого года Федеральная комиссия по связи прибегла к лингвистическому обману — дав определение кабельному доступу в Интернет как «информационной услуге», а не как телекоммуникации, с целью исключить кабельные компании из числа тех, что подчиняются требованию действовать как обычные передатчики. Комиссия, вероятно, примет подобное решение об услуге высокоскоростного доступа в Интернет, которая оказывается за рамками линий, находящихся во владении вашей местной телефонной компании. В результате возникнет система, при которой большинство семей и фирм будут иметь не больше выбора в способе проникновения в киберпространство, чем имел типичный фермер в XIX веке, решая, по какой железной дороге ему везти зерно.

Этому были и есть альтернативы. Мы могли бы восстановить конкуренцию, раздробив индустрию скоростной передачи информации и ограничив местные телефонные и кабельные компании ведением дел по продаже пространства на своих линиях независимым провайдерам Интернет-услуг. Или мы могли бы согласиться на ограниченную конкуренцию и управление Интернет-провайдерами таким образом, каким мы привыкли регулировать AT&T. Но в настоящее время мы, по всей вероятности,

рискуем получить систему, в которой отсутствует и результативная конкуренция, и регулирование.

Что еще хуже, Федеральная комиссия по связи постепенно снимает ограничения на одновременное владение медиа- и коммуникационными компаниями. Возможно, недалек тот день, когда ваша местная газета, несколько местных телевизионных каналов, ваша кабельная компания и телефонная компания могут оказаться во владении единого конгломерата, который предложит вам единственный путь в Интернет.

Результатом всего этого станут, вероятно, чрезмерные издержки доступа, но это еще полбеды. Провайдеры скоростной передачи информации, столкнувшись с отсутствием эффективной конкуренции или регулирования, вполне возможно, смогут затруднить для своих клиентов доступ на сайты за пределами их собственного домена — что станет концом Интернета, каким мы его знаем. И существует еще политический аспект. Что произойдет, когда несколько медиа-конгломератов станут контролировать не только то, что вы смотрите, но и то, что вы можете загрузить на свой компьютер?

Еще есть время подумать над этим; немалое число конгрессменов из обеих партий испытывают опасения относительно современного курса м-ра Пауэлла. Но время истекает.

---

## ЗА СКАЛИСТЫМИ ГОРАМИ

---

18 ФЕВРАЛЯ 2003 ГОДА

Немало предположений было высказано относительно того, почему между Европой и США внезапно оказалось столько разногласий. Возникли ли они из-за раз-



ницы культур? По историческим причинам? Но мне практически не попадались работы, где рассматривался бы очевидный момент: у нас разные точки зрения, потому что мы смотрим разные новости.

Вернемся назад. Ныне многие американцы ставят в вину Франции охлаждение отношений между США и Европой. Поговаривают даже о бойкоте французских товаров.

Но отношение Франции не является чем-то исключительным. Гигантские демонстрации в прошедшую субботу подтвердили данные опросов, показывающие глубокое недоверие к администрации Буша и скептицизм по отношению к войне в Ираке, присутствующий во всех крупных европейских странах, какие бы позиции ни занимали их правительства. По существу, самыми крупными были демонстрации в тех странах, чьи правительства поддерживают администрацию Буша.

В Америке также прошли грандиозные демонстрации. Но недоверие к США за рубежом достигло такого уровня, даже среди наших британских союзников, что недавно проведенный в Великобритании опрос поставил США на место наиболее опасной страны мира — впереди Северной Кореи и Ирака.

Так почему же другие страны не видят мир так, как видим его мы? Во многом ответ на этот вопрос дает освещение новостей. В недавно вышедшей книге Эрика Олтермана «What Liberal Media?» не делается упор на различия между странами, но разница в подаче новостей для американцев и европейцев является абсолютным доказательством этой точки зрения. Если только сравнить их с зарубежными коллегами, СМИ США поразительно консервативны — а в данном случае воинственны.

Я говорю в основном не о печатных средствах информации. Различия есть, но крупные национальные газеты в США и Великобритании выглядят, по крайней мере, как СМИ, описывающие одну и ту же реальность.

Однако большинство людей узнают новости из телевизора — и разница здесь огромна. Освещение субботних антивоенных митингов было напоминанием о полноте, с какой, в частности, американские кабельные новости сообщают о событиях на планете, по всей видимости, совершенно отличной от той, о которой идет речь в зарубежных СМИ.

Что увидели бы на экранах те, кто смотрел новости по кабельному телевидению? В субботу в изложении основных новостей от «Фох» демонстранты в Нью-Йорке были охарактеризованы как «привычно протестующие» или «время от времени протестующие». CNN несомненно не была раскрепощенной, но в воскресенье утром заголовок на веб-сайте компании гласил: «Антивоенные митинги радуют Ирак», и картинка рядом показала митингующих в Багдаде, но не в Лондоне и не в Нью-Йорке.

О субботних событиях совсем не так сообщили СМИ остального мира, но эта разноголосица не является чем-то особенным. Месяцами обе крупнейшие кабельные новостные компании США действовали так, будто бы решение о вторжении в Ирак уже было принято, и, по сути, считали, что перед ними стоит задача подготовить американскую общественность к грядущей войне.

Так что неудивительно, что аудитория, на которую вещают эти компании, несколько туманно представляет себе разницу между иракским режимом и Аль-Каидой. Опросы показывают, что большинство американцев

полагают, что некоторые или все террористы, захватившие самолеты 11 сентября, были иракцами, в то же время многие полагают, что в событиях 11 сентября был замешан Саддам Хусейн — утверждение, которого даже администрация Буша никогда не делала. И так как многие американцы полагают за очевидное необходимость войны против Саддама, они думают, что европейцы, которые не хотят с этим согласиться, — трусы.

Европейцы же, которые по телевизору подобного рода материалов не видят, в гораздо большей степени интересуются вопросом, почему Ирак, а не Северная Корея — или по той же причине Аль-Кайеда — не стали средоточием американской политики. Вот почему многие из них ставят под сомнение мотивы американцев, подозревая, что все дело в нефти и что администрация попросту выбрала удобного врага, которого, как она знает, сможет победить. Они не считают оппозицию войне с Ираком трусостью; они видят мужество в том, чтобы противостоять задиристой администрации Буша.

Существуют два возможных объяснения того, что разделяет крупные трансатлантические СМИ. Одно из них сводится к тому, что среди европейских СМИ распространяется предубеждение против Америки, в результате чего происходит искажение новостей даже в странах, подобных Великобритании, где лидеры обеих крупных партий настроены про-бушевски и поддерживают нападение на Ирак. В то же время некоторые каналы СМИ в США, действуя в среде, где любой, кто ставит под вопрос внешнюю политику администрации, обвиняется в отсутствии патриотизма, считают своим долгом продавать войну, фильтруя информацию таким образом, чтобы не вызвать сомнения в оправданности войны.

Так какое же из них верно? Я рассказал, решать вам.

## КАНАЛЫ ВЛИЯНИЯ

25 МАРТА 2003 ГОДА

В общем и в целом последние митинги в защиту войны привлекли почти столько же людей, сколько и антивоенные, но они, определенно, были более неистовыми. Один из наиболее впечатляющих митингов случился после того, как Натали Мэйнс, солистка «Dixie Chicks», критически высказалась в адрес президента Буша, — в Луизиане собралась толпа понаблюдать за тем, как многотонный трактор давит коллекцию CD, магнитофонных записей и других атрибутов «Dixie Chicks». Для тех, кто знаком с европейской историей XX века, это покажется зловещим напоминанием о... Но, как заметил Синклер Льюис<sup>1</sup>, «у нас это невозможно».

Кто организовывал эти митинги в защиту войны? Вот и ответ — как оказалось, их спонсировали ключевые игроки радиоиндустрии, имеющие тесные связи с администрацией Буша.

Митинг с уничтожением CD был организован KRMD, филиалом «Cumulus Media», радиосети, которая наложила запрет на трансляцию на своих волнах треков «Dixie Chicks». Однако большинство провоенных демонстраций по всей стране были организованы станциями, находящимися во владении «Clear Channel Communications», монструозного образования, которое базируется в Сан-Антонио, контролирует более чем 1200 станций и все более увеличивает свое влияние на радиоволнах.

<sup>1</sup> Льюис Синклер — американский писатель, автор утопического остросатирического романа-памфлета «У нас это невозможно» (1935).

Компания заявляет, что демонстрации, проходящие под названием «Rally for America», отражают инициативу отдельных станций. Но вряд ли это так: по словам Эрика Белерта, автора разоблачительных статей о «Clear Channel» в «Salon», компания эта известна своим жестко централизованным контролем, и многие не любят ее за это.

До настоящего времени жалобы на «Clear Channel» сосредоточивались на ее коммерческой деятельности. Критики говорят, что она использует свою власть для нажима на звукозаписывающие компании и певцов, и во все более нарастающей легковесности музыки на радио есть и ее вклад. Но теперь, по-видимому, компания использует свое влияние ради того, чтобы помочь одной стороне политического спора, который глубоко разделил нацию.

С чего бы медиакомпания взялась за проникновение в политику подобным образом? Это, конечно, может быть просто вопросом личного убеждения части менеджмента. Но для «Clear Channel», которая стала гигантом только в последние несколько лет, после того как закон 1996 г. о телекоммуникациях снял многие ограничения на владение СМИ, — есть немало причин для того, чтобы заискивать перед правящей партией. С одной стороны, «Clear Channel» ощущает некоторый нажим: против нее возбуждено несколько исков по обвинениям, что она угрожает сократить трансляции звукозаписей певцов, не принимающих участия в турах с ее концертным подразделением, и есть даже некоторые политики, желающие вернуть силу законам, отмена которых сделала возможным рост компании. С другой стороны, Федеральная комиссия по средствам коммуникации рас-

смаатривает возможности дальнейшего отказа от регулирования, которые позволят «Clear Channel» расширить масштабы своей деятельности, в частности проникнуть на телевидение.

Или, возможно, недоумение можно развеять много быстрее. Опытные «бушологи» хором сказали: «Ага!», когда выяснилось, что за митингами в защиту войны стояла «Clear Channel», так как топ-менеджмент компании имеет давнюю историю отношений с Джорджем У. Бушем. Вице-председатель «Clear Channel» — Том Хикс, чье имя, возможно, знакомо читателям моей колонки. Когда м-р Буш был губернатором Техаса, м-р Хикс был председателем компании по управлению инвестициями Университета Техаса, носившей название «Utimco», а председатель «Clear Channel», Лоури Мэйс, входил в состав правления. При м-ре Хиксе «Utimco» разместила изрядную часть средств университета под контроль компаний со значительными связями в республиканской партии или с семьей Бушей. В 1998 г. м-р Хикс приобрел «Тексас Рейнджерс» в сделке, которая сделала м-ра Буша мультимиллионером.

Здесь происходят какие-то события. Что именно, не вполне понятно, но неплохой догадкой является предположение, что ныне мы наблюдаем следующую стадию эволюции новой американской олигархии. Как писал в «The New Republic» Джонатан Чейт, в администрации Буша «правительство и бизнес слились в одно большое “мы”». При решении почти любого вопроса внутренней политики правят интересы бизнеса: «Множество назначенцев среднего уровня... теперь контролируют отрасли, на которые они работали когда-то». Нам надо бы признать, что это улица с двухсторонним

движением: если политики заняты предоставлением протекции бизнесу, который поддерживает их, почему мы должны ожидать, что бизнес не оплатит этим политикам тем же, к примеру, организуя за свой счет «стихийные митинги».

Что делает все подобные вещи возможными, так это отсутствие эффективного наблюдения. В годы президентства Клинтона малейший намек на некорректность быстро раздувался в гигантский скандал; в настоящее время те, кто раздувает скандалы, по всей видимости, ушли вслед за журналистами, задающими вопросы. Так или иначе, разве вы не знаете, что идет война?

---

ЧАСТЬ IV

**КОГДА РЫНКИ  
НАХОДЯТСЯ  
В УПАДКЕ**

---





По-видимому, люди, не слишком сведущие в экономике, нередко имеют представление о том, что экономисты подразделяются на два лагеря: они принадлежат либо к числу консервативных сторонников свободного рынка, либо к числу либеральных сторонников большого правительства, и между ними нет точки взаимопонимания. По сути, между экономистами существует много меньше несогласий, чем это приписывается им легендами. В частности, экономисты, в целом придерживающиеся либеральных политических взглядов, такие как я, часто питают глубокое уважение к эффективности свободных рынков.

Но уважать рынки не означает обожествлять их. Иногда рынки терпят неудачу — и за последние несколько лет можно было наблюдать ряд захватывающих примеров явления, именуемого экономистами «крахом рынка», влекущего за собой очень неприятные последствия для государства.

В главе 12 особое внимание уделяется калифорнийскому энергетическому кризису 2000–2001 гг., когда попытка высвободить из узды рыночные силы путем дерегулирования рынка электричества обернулась катастрофой. Природа этой катастрофы скрывается

за стойкими предрассудками свободного рынка. Статья эта посвящена вере, существующей у многих людей и, конечно, среди ученых мужей, что рынки всегда правы и что правительственное регулирование — это всегда плохо. Так что, когда Калифорния внезапно столкнулась со взмывшими до небес ценами и повторяющимися отключениями света, большинство комментаторов знало, что это следует отнести на счет ошибок правительства, или «порочного дерегулирования» (хотя они не слишком отчетливо представляли, в чем же состоял изъян).

Но я подошел к этому вопросу с незашоренным взглядом и, что еще лучше, с достаточным знанием экономики для того, чтобы отыскать нескольких подлинных экспертов и понять то, что они говорят. Вскоре мне стало ясно, что калифорнийская катастрофа не была результатом дефицита производственных мощностей. Она явилась результатом влияния на рыночную ситуацию производителей энергии и тех, кто ее продает.

Сначала я занимался этим делом почти в одиночестве, доказательства, хотя и неотразимые, были случайными и шли вразрез с преобладающими предрассудками. Но в итоге доказательства выявили то, что оказалось убедительным даже для неэкономистов: меморандумы, содержащие детали стратегии для игры на рынках, и записи разговоров торговцев, отдающих приказ об увольнении операторов электростанций. Тогда стало очевидным даже в условиях, когда почти никто не был готов поверить, — что при свете ясного дня был совершен гигантский рыночный набег.

Почему множество людей так охотно поверили, что кризис в Калифорнии был вызван деятельностью защитников окружающей среды, когда у этой точки зре-

ния никогда не было ни малейших доказательств? Запишем это на счет еще одного мифа о несовместимости свободных рынков и защиты окружающей среды. Конечно, радикальные защитники среды и радикальные сторонники свободного рынка имеют одну общую черту, а именно — веру в то, что хорошая экономика и защита окружающей среды не сочетаются. Но это не так: в учебнике по экономике приводятся очень серьезные резоны для защиты окружающей среды, при этом признается, что экологический ущерб во всех отношениях столь же реальная затратная статья, как и более традиционные денежные расходы. Экономисты, в том числе и я, часто критикуют то, как работает нынешняя политика в деле защиты окружающей среды, но это критика средств, а не целей: более масштабное регулирование не означает меньшую степень экологической защиты.

Но наше современное политическое руководство, хотя иногда и говорит о том, что политику в этой сфере следует ужесточить, в основном, как кажется, хочет, чтобы регулирование любого рода уменьшилось. По сути, администрация Буша настроена к вопросам защиты среды на удивление враждебно, может быть, потому, что многие из ее членов, так же как и большое количество средств на ее предвыборную кампанию, пришли из добывающих отраслей (нефть, уголь, древесина и т. п.). В главе 13 характеризуется политика администрации, направленная против защиты окружающей среды, а также неизбежное мошенничество, используемое для прикрытия этой политики.

Последняя глава в этом разделе вкратце касается большой темы: провала, как это ощущается, политики свободного рынка в других странах. Справедливо это

или несправедливо, большая часть мира теперь полагает, что Соединенные Штаты оказывали давление на другие государства с целью высвобождения их рынков, а затем отрекались от ответственности, когда экономика в этих странах поражала валютная спекуляция и другие рыночные несчастья. Здесь я предлагаю рассмотреть несколько конкретных случаев.

## КРИК КАЛИФОРНИИ

---

### КРИК КАЛИФОРНИИ

10 ДЕКАБРЯ 2000 ГОДА

Предполагалось, что дерегулирование энергетической промышленности Калифорнии, при котором производители смогут продавать электричество на любые нужды в том объеме, в каком только сможет выдержать трафик, принесет более дешевую и более чистую энергию. Но вместо этого штат столкнулся со столь суровым дефицитом электричества, что губернатор выключил огни на официальной рождественской елке; дефицитом, который, оказалось, был весьма прибыльным для энергетических компаний и вызвал подозрения, что явился следствием рыночного манипулирования.

Этот случай поднимает вопрос об отмене регулирования. Или, говоря шире, это предупреждение об опасности слепой веры в рынки.

Действительно, часть калифорнийской проблемы — это неожиданный подъем спроса на электричество, побочный продукт процветающей экономики. Возможно, что кризис произошел бы, даже если регулирование не было бы отменено.

Но возможно, что это не так. В старые недобрые времена компании, обладающие мощностью монополий, гарантированно получали хорошую прибыль, даже если их отрасли имели избыточную производственную мощность. Таким образом, они строили больше мощностей, чем было нужно, достаточно, чтобы удовлетворить даже неожиданно высокий спрос. Но на нерегулируемом рынке, где цены постоянно колеблются, компании знают, что если они вложат чересчур много инвестиций, цены и прибыли стремительно упадут. Так что они неохотно строили новые предприятия, вот почему неожиданно большой спрос привел к дефициту и росту цен.

Теперь вы вправе заметить, что, в конце концов, ничего плохого здесь нет. Строительство дополнительных энергетических мощностей обходится дорого, и затраты были переложены на потребителей, в то время как в системе, где избыточных производственных мощностей меньше, цены могут колебаться и в среднем потребители заплатят меньше. По сути, экономика согласно учебнику предполагает, что в действительности взлет цен на электричество при нехватке запасов — это хорошо, это то, что дает энергетическим компаниям стимул для инвестирования. И таким образом, вы могли бы заявить, что вмешательство государства неоправданно, — действительно, пределы, которые все еще устанавливаются для верхнего уровня цен на электричество, только ухудшили бы проблему, — что для разрешения кризиса нам следует полагаться на рыночную конкуренцию.

Но насколько развита конкуренция на рынке электричества? Что делает энергетический кризис в Калифорнии политически взрывоопасным, так это подозрение, что он сводится не только к нехватке мощностей, но также и к искусственно вздутым ценам.

Как можно было повлиять на рыночную ситуацию? Предположим, на дворе — жаркий июль, по всему штату кондиционеры во всю мощь создают потоки искусственного воздуха, а энергетическая отрасль — на пределе своих мощностей. Если некоторые из этих мощностей внезапно выходят из строя по какой бы то ни было причине, возникший дефицит заставит резко взлететь цены на электричество. Так что крупный производитель может на деле увеличить свои прибыли, изобретая технические проблемы, из-за которых некоторые из его генераторов остановятся, таким образом поднимая цену, которую он получает, на оставшуюся выработку.

Действительно ли дело обстояло таким образом? В последнем рабочем докладе Национального бюро экономических исследований, написанном Северином Боренштайном, Джеймсом Бушнеллом и Фрэнком Волаком, приводятся данные, что именно такого рода воздействие на рыночную ситуацию имело место в Великобритании до 1996 г. и в Калифорнии в течение лета 1998 и 1999 гг.

Вряд ли стоило ожидать, что это произойдет в более прохладные месяцы, когда спрос ниже. Все же государственные чиновники по вполне понятным причинам исполнились подозрения к нынешней чрезвычайной энергетической ситуации в Калифорнии и критическому положению, подозрения, которое было усугублено одним странным обстоятельством — около четверти энергетических мощностей штата не работает по причине либо планового ремонта, либо аварий.

Может быть, энергетические компании Калифорнии и не занимаются искусственным повышением цен. Но у них, что совершенно очевидно, есть и средства, и



стимулы для этого — и возникает вопрос, почему сторонники отмены регулирования не обеспокоились этим, почему они не задали вопросы, которые лежат на поверхности: о том, будет ли рынок, который они планируют создать, действительно работать так, как об этом было объявлено.

И возможно, это поражение позволит извлечь более масштабные уроки: не стремитесь принять решение в пользу рынка, когда существуют серьезные сомнения в том, будет ли работать этот рынок. И экономический анализ, и опыт Великобритании должны были прозвучать предупреждением системе отмены регулирования в Калифорнии; но эти предупреждения были проигнорированы, так же как энтузиасты рынка игнорируют сходные предупреждения, касающиеся всего, от сферы рецептурных лекарств до сферы образования.

## ИСКАЖЕННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

---

18 ФЕВРАЛЯ 2001 ГОДА

«Измена никогда не принесет благоденствия: в чем причина? — задавался вопросом сэр Джон Харрингтон. — А если принесет, не осмеливайтесь называть ее изменой». К счастью, ставки ныне не столь велики. Современная версия может быть сформулирована так: «Отказ от регулирования никогда не заканчивается провалом: в чем же дело? Когда же что-то не удастся, говорят, что отказ не был подлинным».

Похоже, калифорнийское энергетическое фиаско является объективным уроком, демонстрирующим риск отмены регулирования. Предполагалось, что магия свободного рынка даст обильную, дешевую, чистую элек-

троэнергию; взамен штат столкнулся не только с дефицитом и заоблачными ценами, но также с настойчивыми требованиями смягчения норм качества воздуха. Единственные светлые, в буквальном смысле слова, пятна, — это несколько городов, в том числе Лос-Анджелес, которые владеют собственными энергетическими системами.

Тем не менее растущий хор голосов отрицает, что отказ от регуляции был ошибочным. Согласно ставшему общим местом представлению, вмешательство бюрократов помешало штату добиться «реального» отказа от регулирования, создав взамен систему, которая сочетает худшие характеристики обоих подходов к проблеме. Это утешительная точка зрения: она позволяет тем, кто свято верит в непогрешимость свободных рынков, оставаться приверженными своей вере, и также позволяет сторонникам отмены регуляции в других штатах продолжать заявлять, что этого здесь произойти не может.

Увы, пристальный взгляд на утверждение, согласно которому прекращение регулирования в Калифорнии не было «подлинным», предполагает, что в то время как прекращение регулирования имело свои недостатки, не эти недостатки вызвали катастрофу.

Чтобы понять пределы дерегулирования в Калифорнии, припомним, что оно разделило энергетическую индустрию на две части. Производители, в основном находящиеся во владении компаний за пределами штатов, производят энергию и продают ее оптом в сферу обслуживания, которая затем продает энергию в розницу потребителям.

Калифорния не провела регулирование полностью в одном: в то время как цены на оптовом рынке были освобождены от государственного контроля,

взимаемые коммунальными предприятиями цены продолжал устанавливать штат. Это означает, что даже когда недостаток энергии вызвал взлет оптовых цен, домохозяйства и предприятия не имели финансового стимула для сбережения энергии. История контроля над розничными ценами несколько странная; в действительности это была временная мера, целью которой было «отблагодарить» коммунальные предприятия, дать им возможность заработать некоторую дополнительную прибыль в ситуации, когда ожидалось падение оптовых цен. Впрочем, как оказалось, отсутствие гибкого розничного ценообразования затруднило борьбу штата с кризисом.

Но была бы разница значительной, если бы эти цены не оказались фиксированными? Все данные свидетельствуют в пользу того, что для уменьшения спроса до пределов, когда его уровень позволил бы устранить дефицит розничного электричества, цены должны вырасти в гигантских масштабах, а такое увеличение было бы политически неприемлемым. По сути, замораживание первоначальных розничных цен в Сан-Диего прекратилось до наступления кризиса. Но когда прошлым летом внезапно цены выросли втрое, шквал общественного возмущения вынудил наложить новый контроль.

Прекращение регулирования оказалось неполным еще и в том, что те, кто занимался регулированием, мешали коммунальным предприятиям заключать долгосрочные контракты на покупку энергии, заставляя их вместо того покупать электричество оптом на краткосрочном рынке наличного товара. Взлет цен на этом рынке привел к банкротству служб коммунального хозяйства и вынудил правительство штата потратить миллиарды на то, чтобы электричество шло по сетям. Если бы коммунальные службы имели большие запасы по

более низким ценам, они потеряли бы деньги, но все же не обанкротились.

Весьма вероятно, что долгосрочные контракты, отложили бы дату финансовых выплат, но сделали бы они возможным получение большего количества энергии? Некоторые утверждают, что да: если бы значительная доля выработанной энергии была получена по долгосрочным контрактам, у производителей ее было бы меньше рыночной власти, то есть меньше стимулов для ограничения выработки с целью добиться повышения цен, предлагаемых в данный момент. Конечно, производители страстно отрицают, что занимались чем-либо подобным, несмотря на косвенные доказательства того, что да, занимались. Если мы согласимся с их протестом, значит, долгосрочные контракты будут бесполезны для предотвращения текущего дефицита энергии.

В любом случае, чьей же идеей был запрет на долгосрочные контракты? В 1999 г. некоторые из крупных коммунальных предприятий подали прошение о праве на подписание таких контрактов. Эту просьбу, в конце концов, поддерживали группы потребителей, которые первоначально испытывали сомнение по этому поводу. Но законодатели отвергли эту просьбу, преимущественно потому, что любому изменению в законах, которое позволило бы заключать такие контракты, яростно сопротивлялись — вы, конечно, угадали — производители. Создается миф, в котором Калифорния изображается как жертва не скверно проведенной отмены регулирования, но квазисоциалистических политиков, которые не дали системе шанса работать в отсутствие регулирования. Но все происходило иначе. Защитники отсутствия регулирования должны перестать выдумывать отговорки и серьезно взглянуть на то, что не удалось.

## ЦЕНА РУБИЛЬНИКА

24 МАРТА 2001 ГОДА

Добро пожаловать в картель «Калифорния»<sup>1</sup>. На прошлой неделе в отчете независимого системного оператора («Independent System Operator, ISO»), управляющего энергетической системой Калифорнии, прозвучало более или менее официальное заявление: кризис с нехваткой электричества в «золотом штате» отчасти явился результатом действий производителей электрической энергии, оказывавших влияние на ситуацию на рынке. В отчете утверждается, что за 10 с лишним месяцев производители назначали цены для коммунальных предприятий штата, занимающихся передачей энергии потребителям, завышенные на сумму в более чем 6 млрд долларов.

Отчет почти наверняка будет проигнорирован федеральными властями. Но я скоро вернусь к этой теме. Для начала есть несколько моментов, которые мне надо прояснить относительно содержащихся в данном отчете положений.

ISO не утверждает, что производители электричества состояли в каком-то обширном заговоре. По существу, мне не следовало бы использовать во вступительном предложении понятие «картель». Производителям не нужно было устраивать заговор: их задачу облегчила логика ситуации, почти неопровержимая, — каждая отдельная компания должна была повлиять на ситуацию на рынке. На деле, чтобы полагать, что производители

---

<sup>1</sup> В оригинале: «Welcome to the Cartel California», то есть измененная фраза из песни «Welcome to the Hotel California».

не участвовали в рыночных манипуляциях, вам потребуется поверить, что они либо святые, либо прескверные бизнесмены, ведь им пришлось бы упустить очевидную возможность увеличить свои прибыли.

Представьте себе эту ситуацию: стоит жаркое лето, а калифорнийский рынок электричества испытывает большие затруднения. Вы — лишь один из горстки крупных игроков, продающих электричество оптом. Конечно, вам в голову должна закрасться мысль: что произойдет с ценами, если так случится, что одна из моих станций именно сейчас выйдет из строя? И когда компании действуют согласно этой мысли... конечно, вы получили картину произошедшего.

Важно также понимать, что когда разразился кризис, обвинения в том, что энергетические компании придерживали электричество для взвинчивания цен, не возникли ниоткуда; это не тот случай, когда политики внезапно занимаются поисками козла отпущения. Напротив, экономисты били тревогу, говоря о возможностях воздействия на рыночную ситуацию задолго до того, как беды Калифорнии оказались в числе главных новостей. Действительно, некоторые экономисты делали предупреждения по данному вопросу прежде, чем даже в Калифорнии было отменено регулирование; существовали недвусмысленные свидетельства о том, что «использование власти рынка» стало проблемой в Британии, которая приступила к экспериментам в сфере отмены регулирования и приватизации за несколько лет до того, как эта волна докатилась до Америки.

Продолжают накапливаться и данные исследований. Как раз перед тем, когда ISO обнародовала свой отчет, экономисты Пол Джоскоу и Эдвард Кан распространили данные, в которых нашлись убедитель-

ные доказательства в пользу мнения, что «использование рыночных рычагов» сыграло значительную роль в росте цен на электричество прошлым летом. Авторы не являются сторонниками левых или даже противниками отмены регулирования. Они просто попытались объективно взглянуть на данные, которые более или менее однозначно приводят к заключению, что намеренное утаивание электричества с целью повышения цен стало важным фактором в калифорнийском кризисе.

Все же есть все причины полагать, что Вашингтон пропустит мимо ушей эти показания. Как пояснялось в статье, опубликованной в этой газете в пятницу, Федеральная комиссия по управлению энергетикой (FERC), которая, как предполагалось, будет действовать как сторожевой пес государства, присматривающий за энергетической отраслью, с течением времени стала походить, скорее, на комнатную собачку. Особенно поразил меня отчет, в котором сотрудники FERC обнаружили, что энергетические компании «обладали потенциалом для использования рыночных рычагов», но не смогли сделать вывод о том, что они на деле воспользовались этими рычагами. Как я уже говорил, производители энергии, которые этим не воспользовались, должны быть в таком случае святыми, плохими бизнесменами или и тем и другим.

Что следует предпринять тем, кто занимается разработкой разного рода постановлений? Я скептически отношусь к предложениям заставить производителей выплатить крупные штрафы; неочевидно, что вы сможете вычислить, какая компания несет ответственность за ту или иную часть проблемы, или что компании занимались чем-либо незаконным. Что может предпринять FERC, так это наложить временное ограничение

на оптовые цены. Это ограничит финансовые убытки Калифорнии — правительство штата в настоящее время тратит более миллиарда долларов в месяц на субсидирование покупок электричества. А на рынке, где «применение рыночной силы» является основным фактором, ограничение верхнего предела оптовых цен может на деле увеличить запасы, потому что энергетические компании будут лишены стимула придерживать электричество ради повышения цен.

Но этого не произойдет независимо от того, вините ли вы ни на что не способную идеологию свободного рынка или политическое влияние энергетических компаний (многие из них базируются... да, в Техасе). Какова бы ни была причина, трудно представить администрацию, менее склонную сочувствовать положению Калифорнии, чем та, что сейчас пребывает у власти.

И если это безразличие не заставило калифорнийцев испытать гнев, то пора бы.

---

## ВОЛК ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРИШЕЛ

---

29 АПРЕЛЯ 2001 ГОДА

Недавно я получил от одного уважаемого мною экономиста письмо, в котором он ругал меня за мои статьи «в защиту интересов потребителя», посвященные энергетическому кризису в Калифорнии. Он попросту не поверил, что рыночные манипуляции энергетических компаний могли стать важной проблемой: для него это звучало слишком сходно с тем, что можно услышать от левых, которые автоматически обвиняют жадных капиталистов в любых проблемах, будь то бедность в третьем мире или высокая квартирная плата. Левые так



часто подымали тревогу криком «Волк!», что благоразумные люди научились не принимать в расчет такие выкрики.

Но теперь появился волк собственной персоной, хищническое поведение которого наносит страшный урон нашему наиболее густонаселенному штату, — и этому никто не верит.

Действительно, Калифорния рисковала бы летним дефицитом энергии, даже если бы регулирование там никогда не отменялось. И даже если бы там существовала реальная конкуренция на оптовом рынке электричества, цены на этом рынке взлетали бы в периоды пика спроса, переводя производителям миллиарды долларов либо от налогоплательщиков, либо от потребителей.

Но теперь имеется огромное количество свидетельств, что на энергетическом рынке Калифорнии реальной конкуренции не было и что действия производителей, «играющих с системой», значительно увеличили масштабы кризиса. Ключевой момент состоит в следующем: Калифорния каким-то образом оставалась на более или менее длительные периоды в состоянии дефицита энергии и сохранялись высокие оптовые цены независимо от уровня спроса. Наплыв перебоев в работе держал рынок электричества в привычном — и очень прибыльном — состоянии: нехватка запасов существовала даже в течение периодов низкого спроса, в то время как должно было иметься множество лишних мощностей.

Как отметил Фрэнк Волак, экономист из Стэнфорда, занимающийся также консультированием энергетической системы штата, перебой в работе электростанции во многом напоминает заявление наемного работника о том, что он болен. Вы не можете сказать напря-

мую, действительно ли он болен или предпочел взять выходной по другим причинам, но вы можете разузнать косвенные доказательства. И такие доказательства убедили м-ра Волака, что «производители используют перебои в работе в стратегических целях, чтобы утаить мощности от рынка», — эту точку зрения разделяет все большее число других исследователей.

Что подводит нас к последнему шагу, предпринятому Федеральной комиссией по управлению энергетикой. В среду комиссия, видимо, решила дать Калифорнии некоторую передышку и назначить новые верхние ценовые пределы на калифорнийском рынке электричества. Я говорю «видимо» потому, что чем пристальнее глядишь на этот план, тем менее он наводит на мысль, что хоть какая-то помощь будет оказана. Действительно, эта мера была принята голосованием 2:1, и Уильям Мэсси, один из членов комиссии, сочувственно относящийся к призывам к ценовому контролю, голосовал против нее на том основании, что она будет неэффективной.

Что же неверно в плане FERC? Во-первых, он назначает ценовые ограничения только в условиях чрезвычайной ситуации, игнорируя тот факт, что цены на электричество оставались на труднообъяснимом уровне даже в отсутствие чрезвычайной ситуации. На самом деле план изложен так, как если бы рынок электричества в действительности был конкурентоспособен, несмотря на все доказательства в пользу того, что это не так.

Во-вторых, даже эти ценовые пределы полны лазеек и предоставляют широкие возможности для того, что м-р Волак называет «отмыванием мегаватт», — а именно продажи энергии дочерним компаниям, которые по той или иной причине освобождены от контроля за це-

нами (например, контроль не применяется к «импорту» из соседних штатов), а затем для продажи ее обратно на рынок Калифорнии. Северин Боренштейн из Института энергетических ресурсов Калифорнийского университета добавляет, что в связи с зависимостью дозволенной цены от стоимости выработки на наименее производительной станции у производителей явно появляется стимул для того, чтобы работать неэффективно: «По моим прогнозам, мы наткнемся на некоторые станции, о которых раньше никто не слышал, которые заработают вновь и окажутся весьма неэффективными».

В целом вердикт указывает на то, что этот план несерьезен. Существуют серьезные предложения относительно возможностей облегчения сложившейся кризисной ситуации — действительно, прошлой осенью м-р Волак внес предложение, которое было положительно принято другими экспертами, — но FERC игнорировала их все.

Доброжелательная интерпретация этого сводится к следующему: FERC все еще не поняла сути происходящего, она все еще не может заставить себя поверить в то, что на этот раз волк настоящий. Недоброжелательная интерпретация действий, предпринятых на истекшей неделе, состоит в том, что они изначально должны были кончиться неудачей. «The Medley Report», он-лайн-газета, называет план FERC «грандиозным упражнением в бессодержательном позировании... очень мудрой временной мерой администрации Буша, цель которой — избежать отрицательной политической реакции» на разрастающуюся катастрофу.

Каковым бы ни было объяснение, факт остается фактом: FERC и администрации еще придется предлагать Калифорнии существенную помощь.

---

ВКЛЮЧЕНИЕ КАЛИФОРНИИ

---

27 ИЮНЯ 2001 ГОДА

Предполагалось, что безответные калифорнийцы, вяло ругающие Большую Энергию, проведут это лето, изнемогая от зноя и в темноте. Однако события пошли по другому сценарию. Лето началось, до настоящего времени запасов энергии было достаточно, и цены были вполне приемлемыми. По сути, за последние несколько дней электричество оптом, которое в прошлом году в это же время продавалось по 750 долларов за мегаватт/час, стоило менее 100 долларов, иногда менее 50 долларов.

Кажется, все не расположены беседовать об этой хорошей новости из страха, что оптимистическое суждение может прозвучать как обреченное на провал пророчество. И все еще существует возможность того, что дела пойдут скверно. Однако контраст между гнетущими ожиданиями и относительно благоприятной картиной, наблюдаемой до настоящего времени, требует некоторого объяснения.

Одна из значительных причин для улучшения ситуации с энергией в Калифорнии — это сбережение. Учитывая температуру, калифорнийские потребители этим летом используют на 5–10 процентов меньше электричества, чем ожидалось.

Другая причина — резкое снижение цен на природный газ, важную составляющую стоимости выработки электричества. Остановимся на этом подробнее.

Наиболее важным фактором в этом сдвиге, впрочем, является то, что электростанции штата вновь заработали. В марте, когда кондиционеры выключены,

должно иметься большое количество сбереженных энергетических мощностей. Но около 15 000 мегаватт, треть мощностей штата, оказалась таинственным образом недоступной. Теперь незадействованных мощностей меньше 4000 мегаватт.

Почему электростанции штата вновь заработали? Или, ближе к теме, почему они не работали тогда, когда штат отчаянно нуждался в электричестве, а цены были много выше, чем теперь?

Многие экономисты теперь соглашаются с неудобным ответом: производители сознательно скрывали электричество от рынка, чтобы добиться еще большего повышения и без того высоких цен. До недавнего времени данные об этих рыночных манипуляциях были чисто случайными, но теперь этот вывод подтверждается прямыми свидетельскими показаниями бывших служащих одного из производителей.

Так почему же прекратилось искусственное повышение цен? Производитель теперь продает большую долю своей продукции по долгосрочным контрактам со штатом, что снижает стимул к взвинчиванию цен на рынке наличного товара. Но, вероятно, ответ прежде всего в том, что пристальный взгляд со стороны общественности, достигший кульминации в последнем решении федеральных законодателей о наложении ценовых ограничений, убедил производителей в том, что им следует вести себя лучше. (Детали верхних ценовых пределов, оказывается, могут быть менее значимыми, чем сам сигнал, что законодатели, наконец, готовы ввести некоторое регулирование.)

История с природным газом может оказаться чем-то подобным. В прошлом году «El Paso Natural Gas», контролирующая один из главных трубопроводов, обслуживающих Калифорнию, сдала внаем значитель-

ную часть своих труб своей собственной дочерней маркетинговой компании. Эта дочерняя компания и была, в основном, обвинена в использовании контроля над трубопроводом с целью утаить газ от калифорнийского рынка и тем самым повысить цены. Компания отрицает обвинение и заявляет, что внутренний документ, говорящий о «способности влиять на физический рынок с выгодой для финансового положения или страхования от потерь», не имеет в виду того, что, казалось бы, он сообщает. Но когда в начале этого месяца срок аренды истек, цены на газ в Калифорнии упали сразу на 50 процентов.

И таким образом, складывается впечатление, что худшее, возможно, уже позади раньше, чем кто-либо ожидал этого. Засуха или наступление жары все еще могут стать причиной череды отключений. Но на стороне Калифорнии время: через несколько недель будут введены в строй несколько новых электростанций, а многие начнут работу в течение следующих полутора лет.

От всего этого в проигрыше — ибо даже добрые вести всегда причиняют кому-то неприятности — конечно же, Дик Чейни, архитектор выработанного администрацией Буша энергетического плана бурить и сжигать. Вспомним, что м-р Чейни презрительно отверг идею сбережения, как простой «признак личной добродетельности», и уничижительно говорил о людях, полагавших, что может помочь контроль над ценами. Теперь положение внезапно улучшилось, частично благодаря сбережению, а отчасти за счет того, что ценовой контроль и угрозы дальнейшего вмешательства правительства удерживают производителей энергии от рыночных манипуляций.

Другими словами, оказывается, что м-р Чейни, который гордится своей практичностью, оказался не в

курсе реальных событий. А реалистически мыслящими были те простоватые люди, которые полагали, что Калифорния сможет справиться с кризисом за счет сбережения энергии и преследования в судебном порядке производителей энергии.

## «ЭНРОН» ЛЕЗЕТ ИЗ КОЖИ ВОН

---

17 АВГУСТА 2001 ГОДА

Когда боги хотят кого-то погубить, они помещают его портрет на обложку «Business Week». Когда номер от 12 февраля вышел в свет с портретом Джеффри Скиллинга на обложке, стало ясно, что и с «Энрон», и с его новым шефом вот-вот произойдет что-то нехорошее. Действительно, во вторник м-р Скиллинг ушел в отставку по «личным мотивам». На следующий день он признал, что наиболее важным из этих личных мотивов было 50-процентное падение акций «Энрон», начиная с января.

Перед нами всего лишь еще одна история разочарования в сумасбродных ожиданиях, повествование такого рода, которое в последнее время стало слишком распространенным? Нет, этот случай более значим. Базирующаяся в Хьюстоне «Энрон» находится в авангарде влиятельного движения, которое надеется «финансиализировать» (термин «Энрон») почти все вокруг нее, то есть торговать почти всем, как если бы она была акционерным опционом.

Это движение в такой же степени связано с политикой, в какой имеет отношение к бизнесу, и компания не слишком стеснялась прибегать к политическим связям для продвижения своего дела. С приходом в Белый дом Джорджа У. Буша (во многом благодаря «Энрон»,

важнейшему двигателю его компании) пределом для компании стали разве что небеса.

Но «финансиализация» выглядит все более как движение, которое перехитрило само себя.

Первоначально «Энрон» была газопроводной компанией, сдерживаемой, как и все такого рода компании, тесными рамками законодательства. Однако в середине 1980-х гг. рынки газа были освобождены от регулирования. И Кеннет Лэй, который был в то время руководителем компании и возвращается теперь, чтобы стать преемником м-ра Скиллинга, увидел в этом превосходную возможность.

Он преобразовал «Энрон» из компании, которая поставляла тепло, в компанию, имеющую дело с контрактами; и, по выражению «Business Week», она стала «более близкой “Голдмен Сакс”, чем “Консолидейтед Эдисон”»<sup>1</sup>. «Энрон» стала лидером рынка новой дерегулированной отрасли природного газа; так как отмена регулирования благотворно сказалась на индустрии природного газа, который все в большей степени становился национальным видом топлива, новая роль «Энрон» оказалась весьма прибыльной.

После газа — электричество. Так как отмена регулирования в сфере электроэнергии стала в США манией, «Энрон» взяла на себя ключевую роль брокера в оптовых продажах электричества. Вскоре компания отправилась на поиски новых миров, которые требовалось завоевать: водоснабжение, передачу информации по стекловолоконным кабелям, хранение данных, даже рекламное пространство.

Затем дела пошли хуже. «Энрон» отказалась от ведения дел в сфере водоснабжения, так как стало ясно,

---

<sup>1</sup> Крупная нью-йоркская энергетическая компания.



что правительство отказывалось доверять столь значимый вопрос магии невидимой руки. И скептики нашли достаточно оправданий отсутствию у тех доверия, когда дерегулирование в сфере электричества, которому, как предполагалось, была выдана гарантия на успех, обернулось эффектным блужданием в потемках Калифорнии.

Истинно верующие настаивают, что энергетический кризис 2000–2001 гг., в течение которого компаниям, производящим электричество, — а отчасти и «Энрон» — были переданы десятки миллиардов долларов налогоплательщиков, не был вердиктом отказу от регулирования, что кризис этот целиком на совести политиков, заинтересованных в том, чтобы не позволить рынку работать. Но это утверждение не слишком убедительно, во многом потому, что оно неверно. На деле урок калифорнийской катастрофы состоит в том, что проблемы, которые в первую очередь ведут к регулированию — власть монополий и угроза манипулирования рынком, — сегодня все еще реальны.

Правительства штатов и отдельных местностей, которых насторожило то, что произошло в Калифорнии, с этого времени будут много более осторожно относиться к отказу от регулирования. Существует даже движение за принятие новых постановлений, регулирующих рынок электричества. И это означает уменьшение возможностей «Энрон», цена на акции которой определяется ожиданиями, что она продолжит искать для завоевания новую Калифорнию.

Конечно, люди, которых «Энрон» поставила в Белый дом, все еще там, и они, по всей видимости, ничего не усвоили из калифорнийского урока. Это правда, что администрация Буша иногда поступает своими принципами приверженности свободному рынку; она, к при-

меру, полагает, что производители энергии нуждаются в гигантских субсидиях, несмотря на то, что дефицит, который эти субсидии, как предполагалось, исправят, оказался вымышленным (недавно опубликованная центральная статья номера «Vaggon» предупреждает о «грядущем энергетическом излишке»).

Но в иных случаях вера администрации в абсолютно нерегулируемые рынки остается непоколебимой. Новый руководитель Федеральной комиссии по управлению энергетикой — наблюдательного учреждения, которое обратило на себя внимание тем, что отказалось выполнить свою задачу в Калифорнии, — да, вы угадали, техасец, имеющий прочные связи с энергетической отраслью. А администрация продолжает надеяться, что «финансиализация» — это способ продвижения вперед повсюду, начиная от школьных талонов до социального обеспечения.

Но это не так. И будем надеяться: чтобы научить нас, что есть пределы рыночной деятельности, не потребуются череды катастроф.

---

«ВАШ МАЛЬЧИК КУРИТ!»

---

10 МАЯ 2002 ГОДА

Вот старая шутка: фермер услышал подозрительные звуки в своем курятнике. «Кто там?» — спрашивает он. «Никого нет, только мы, цыплята», — отвечает вор. Удовлетворенный, фермер возвращается домой спать.

К этому сводится поведение федеральных законодателей в ходе энергетического кризиса в Калифорнии. Как я указывал более года назад, существуют обильные косвенные свидетельства, что в этом кризи-

се ключевую роль сыграли рыночные манипуляции. Энергетические компании имели мотивы, средства и возможности взвинтить цены до небес. И кризис показал именно те черты, появления которых можно ожидать, когда рыночные манипуляции сказываются в большой степени: значительная часть энергетических мощностей штата бездействовала, в то время как оптовые цены на электричество были в 50 раз выше нормального уровня.

Но федеральные чиновники, от Джорджа У. Буша и ниже, предположили, что Калифорния — не что иное, как проповедь достоинств свободного рынка. Федеральная комиссия по управлению энергетикой (FERC), которая, как предполагается, отслеживает такого рода вещи, не обнаружила никаких свидетельств нечистой игры. По существу, FERC спросила энергетические компании, не пытались ли они повлиять на рыночные цены. «Кто, мы?» — ответили они, и этим все ограничилось. Вдохновляющее меня исследование FERC обнаружило, что энергетические компании имели возможность использовать «рыночные рычаги» и для них это было бы прибыльным занятием, но не существует доказательств в пользу того, что они действительно поступили так. Администраторы от энергетики, должно быть, прекрасные парни!

«Дымок», ошутимый в меморандуме «Энрон», как выяснилось спустя несколько дней, свидетельствовал о том, что эти документы показали, насколько замечательными на деле были руководители энергетических предприятий. Оказывается, что «Энрон» играла на повышении рыночных цен, используя схемы, имевшие развязные прозвища, такие как «толстяк», «звезда смерти» и «укоротись». Кто сказал, что бизнес — это не развлечение?

Эти меморандумы стали известны, несмотря на очевидное решение FERC не видеть ничего плохого. (Мы знаем ныне, что по существу администрация Буша позволила «Энрон» выбирать членов комиссии.) Вот как сформулировал это один калифорнийский чиновник: «FERC напоминает родителей, которые не хотят поверить, что их дети-тинэйджеры пошли по плохой дорожке. Меморандумы значимы потому, что их можно сравнить с находкой дневника в рюкзаке подростка, где говорилось бы: “Я ограбил винный магазин”».

Велик риск, что этот случай будет рассматриваться исключительно как история «Энрон». Это неверно: «Энрон» была по преимуществу маклером, а не производителем энергии, и в таком своем качестве могла оказать только ограниченное влияние на цены на электричество. Более масштабная история затрагивает рыночные манипуляции целым рядом производителей. Косвенных свидетельств такого рода манипуляций предостаточно. И если меморандумы, подобные дымящемуся пистолету, еще не были обнародованы, так чего же вы ожидаете? История с «Энрон» показывает только то, насколько легко компаниям удастся скрывать свои следы, особенно когда на их стороне законодатели. И не потеряй «Энрон» своего влияния вследствие банкротства, можно быть уверенным в том, что мы никогда не узнали бы о «толстяке» или «звезде смерти».

Существует, впрочем, одна сторона дела, касающаяся именно «Энрон». Возможно, я не справедлив к Томасу Уайту, министру сухопутных войск. Он управлял «Энрон Энерджи Севисез», подразделением, которое, или мне так думается, по преимуществу использовалось для извлечения прибыли как способ извлекать прибыль

нечестным путем — за счет вздувания цен на акции «Энрон». Но оказывается, это подразделение играло и другую роль, заключая дутые сделки по продаже энергии и увеличивая реальные прибыли «Энрон» за счет штата Калифорния. Почему же м-р Уайт все еще занимает свой пост?

Впрочем, что действительно раздражает меня во всей этой истории, так это не поведение энергетических компаний. Это даже не поведение администрации Буша — хотя администрация не только бездействовала, покуда Калифорнию грабили на сумму около 30 млрд долларов, она также беззастенчиво эксплуатировала невзгоды штата, чтобы протолкнуть собственный, крайне неуместный, энергетический план. (Теперь, конечно, этот самый энергетический план играет важную роль в борьбе с терроризмом.)

Нет, мне не дает покоя позиция, занятая столь большим количеством фирм и политических комментаторов, — что калифорнийская катастрофа ничего не говорит о риске отмены регулирования и опасностях слишком преданной любви к свободным рынкам. Они говорят, что Калифорния сама виновата, создав «порочную» систему: поразительно туманный термин, позволяющий избежать необходимости объяснять, что произошло на самом деле. По сути, основной промах состоял в том, что у системы не нашлось приспособлений, позволяющих защитить ее от игры на рыночных ценах.

И я уверен, что теперь будут предприняты определенные усилия с целью игнорировать эти последние разоблачения. В конце концов, почему бы фактам не уместиться в красивую и политически удобную теорию?

СРЕДЬ БЕЛА ДНЯ

---

27 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

«Вы — лишь один из горстки крупных игроков, продающих электричество оптом. Конечно, вам в голову должна закрасться мысль: что произойдет с ценами, если так случится, что одна из моих станций именно сейчас выйдет из строя? И когда компании действуют согласно этой мысли... конечно, вы получили картину произошедшего».

Я написал это в марте 2001 г., когда калифорнийский энергетический кризис достиг своего пика. Даже тогда эксперты, с которыми мне довелось разговаривать, экономисты, которые пристально наблюдали за ситуацией и сохраняли непредвзятое мышление, полагали, что энергетические компании намеренно создавали дефицит. Но только за последние несколько недель, с серией изобличающих отчетов и приговоров, житейская мудрость нехотя согласилась с очевидным.

А вот и настоящая загадка калифорнийского кризиса: как среди бела дня могло произойти ограбление на сумму в 30 млрд долларов?

Конечно, достоверно установить конкретные меры, предпринятые для оказания воздействия на рынок, всегда было трудно. Фрэнк Волак из Стэнфорда уподобляет энергетические компании служащему, который сказался больным: все очевидно, но пока вы не поймаете его на притворстве, трудно доказать, что он симулирует болезнь.

Но свидетельства начинают накапливаться. Во-первых, было несколько меморандумов «Энрон». Затем

Калифорнийская комиссия по коммунальным предприятиям определила, что большинство исключений, беспокоивших Калифорнию в промежутке между ноябрем 2000 г. и маем 2001 г., имели место не из-за нехватки производственных мощностей, а потому, что крупные энергетические компании не дали работать большой доле своих мощностей. В самое последнее время арбитр Федеральной комиссии по управлению энергетикой постановил, что «Эль Пасо Корпорэйшн» использовала свой контроль над главным трубопроводом с целью добиться искусственного дефицита природного газа.

Но почему же энергетические компании считали, что смогут выйти сухими из воды?

Один из возможных вариантов ответа — бесспорные правонарушители внесли очень крупные взносы в республиканскую партию. Некоторые аналитики предположили, что энергетические компании чувствовали свободу, искусственно завышая цены, ибо полагали, что купили себе защиту от федерального законодательства, — те, кто верил в заговор, указывали, что серьезная нехватка электричества стала ощущаться сразу после выборов 2000 г. и закончилась после того, как демократы получили контроль над Сенатом.

Федеральные законодатели, конечно, выглядят людьми, полными решимости не видеть и не слышать ничего плохого и, сверх того, не сообщать чиновникам штатов свидетельств о причиненном вреде. Поспешное постановление FERC об «Эль Пасо» было, с точки зрения многих обозревателей, реабилитацией. В другом случае «АЭС/Вильямс» была обвинена в закрытии электростанций, что вынудило энергетическую систему закупать электроэнергию по значительно более высоким ценам у других подразделений той же компании. В апреле 2001 г. FERC и «Вильямс» достигли соглаше-

ния, согласно которому компания возместила дополнительную прибыль, но не заплатила штрафа, и FERC скрыла улики. На прошлой недели «CBS News» сообщила, что «федеральные законодатели обладают аудиозаписями из помещений, откуда осуществлялся контроль над работой станции, подтверждающими, что спекулянты из “Вильямс Энерджи” звонили операторам станций и приказывали им “выключить рубильник”». Правительство скрыло пленки согласно секретному соглашению (тому же соглашению?) «и все еще отказывается опубликовать их».

Если это так, FERC застала по меньшей мере одну энергетическую компанию на месте преступления в разгар кризиса — в период, когда власти штата умоляли это учреждение предпринять действия, — и затем скрыла полученные данные. До сих пор эта история получила крайне незначительный резонанс в стране.

По той же причине никогда не было принято говорить о том, что же действительно происходит в Калифорнии. Когда кризис был в полном разгаре, большинство комментаторов придерживались той версии, согласно которой виновны были назойливые бюрократы, а не спекулирующие корпорации. Когда кризис завершился, все, что касается его, вдруг стало считаться неактуальным.

Возможно, наша национальная вера в свободные рынки столь сильна, что люди просто не хотят говорить о случае, когда рынки проявили себя донельзя плохо. Но меня озадачило отсутствие внимания не только к катастрофе, но даже к намекам на сокрытие ее причин. В конце концов, вот наиболее наглядный пример злоупотребления рыночной властью со времен баронов-разбойников, и федеральные власти не сделали ничего, чтобы воспрепятствовать этому.



И если FERC оказалась странным образом неэффективной в период калифорнийского кризиса, что можно ожидать от других учреждений? Во всем правительстве, от Министерства внутренних дел до Службы охраны лесов и Агентства по охране окружающей среды, прежние лоббисты регулируемых отраслей промышленности теперь удерживают ключевые позиции и выказывают минимум желания причинять беспокойство своим бывшим и будущим работодателям.

Так что, игнорируя калифорнийский кризис, мы подвергаем себя опасности. Он слишком напоминает нам о том, что может ждать нас в будущем.

---

## ИЛЛЮЗИИ ВЛАСТИ

---

28 МАРТА 2003 ГОДА

Они считали себя трезвыми реалистами и полагали, что сомневающиеся — безвольные нытики. Они отмалчивались, когда кто-то ставил под сомнение их предположения, хотя среди скептиков было изрядное количество аналитиков собственно правительства. Они были в высшей степени уверены в себе, и все же с шокирующей быстротой все, что они произнесли, оказалось на удивление лживым.

Нет, я не говорю о войне, я веду речь о группе специалистов по проблемам энергетики, организованной в 2001 г. Диком Чейни. Но между тем и другим существует несколько настораживающих параллелей. Как раз в настоящее время ученые мужи задаются вопросом, как м-р Чейни, который самоуверенно предсказывал нашим солдатам, что их «будут приветствовать как освободителей», мог так ошибаться. Но поразительный

новый отчет о калифорнийском энергетическом кризисе напоминает о том, что м-р Чейни был столь же уверен и в той же мере ошибался в других вопросах.

Весной 2001 г. свет гас по всей Калифорнии. Там и тут происходили отключения, практиковалось частичное уменьшение освещения, а цены на электричество быстро росли. Комиссия Чейни была создана в разгар кризиса. Вкратце она сделала вывод, что энергетический кризис — долгосрочная проблема, вызванная вмешательством бюрократов и безответственными защитниками окружающей среды, которые не позволили крупным компаниям сделать то, что нужно было сделать. Решение? Избавиться от экологических норм и предоставить энергетической отрасли субсидии, измеряющиеся миллиардами долларов.

Все это время м-р Чейни насмешливо объявлял, что сбережение энергии — это просто «вопрос личной добродетели», и с презрением относился к калифорнийским официальным лицам, требовавшим ценового контроля и утверждавшим, что кризис обострился по причине рыночных манипуляций. Справедливости ради, надо сказать, что насмешливое отношение м-ра Чейни к последнему пункту разделяли почти все политики и СМИ, и я хвалю себя за то, что считал это предположение верным.

Так как теперь мы знаем, что все, что сказал м-р Чейни, оказалось неверным.

По существу, калифорнийский энергетический кризис не имел ничего общего с природоохранными ограничениями, но много общего с мерами, воздействующими на рыночную ситуацию. В 2001 г. свидетельства рыночных манипуляций сводились в основном к косвенным данным. Но теперь у нас есть новый отчет Федеральной комиссии по управлению энергетикой, ко-

торая до нынешнего времени не принимала в расчет заявлений о наличии попыток повлиять на рынок. Все изменилось: в новом отчете есть заключение о распространенных случаях влияния на рыночную ситуацию, и в нем предлагаются горы прямых свидетельств, в том числе телефонных разговоров, электронных писем и меморандумов. Более сомнений нет: дефицит энергии в Калифорнии был в значительной части вызван энергетическими компаниями искусственно, с целью взвинтить цены и увеличить прибыль.

Ну и как же завершился этот кризис? Ключевые факторы, сыгравшие роль в прекращении его, — это энергосбережение и ценовой контроль. Между тем, что произошло с тем долгосрочным дефицитом мощностей, который потребовал устранения норм защиты окружающей среды и предоставления значительной материальной помощи корпорациям? За прошедшие со дня обнародования отчета Чейни месяцы биржевые аналитики снижали рейтинг энергетических компаний по причине увеличения долгосрочных мощностей.

Если суммировать, м-р Чейни и его трезвомыслящие реалисты втирали людям очки: их отчет описывал фантастический мир, не имевший ни малейшего сходства с реальностью. Как же в их расчеты закралась такая ошибка?

Один из ответов состоит в том, что м-р Чейни принял меры, чтобы его комиссия включала только людей, мыслящих сходным образом, насколько мы можем говорить об этом, он не проконсультировался ни с кем другим, за исключением руководителей энергетической отрасли. Так что комиссия оказалась подвержена тому, что представители военных именуют «заразным преувеличением», которое еженедельник «Jane's Defence Weekly» определяет, как «состояние в период военных действий,

когда прислушиваются только к тем, кто уже имеет сходное мнение, что упрочивает существующие убеждения и порождает ситуацию, чреватую ошибками».

Еще один вариант ответа такой: м-р Чейни в основном получал советы о том, как покончить с энергетическим кризисом, от тех же самых компаний, что и создавали кризис — шутки ради и ради прибыли. Но не подшутили ли над ним самим?

Возможно, мы никогда не узнаем, что действительно происходило в комиссии для решения энергетического вопроса, так как администрация Буша зашла необычайно далеко ради того, чтобы удержать нас в неведении. Во-первых, беспристрастное Управление общей бухгалтерской отчетности, предназначение которого быть внутренним контролером, казалось, полно решимости расследовать этот вопрос. Но после промежуточных выборов, по данным информационного бюллетеня «The Hill», республиканцы в Конгрессе связались с руководителем учреждения и пригрозили, что урежут бюджет учреждения, если он не отступит от своего.

И отсюда — более общая мораль. За последние два года м-р Чейни и другие чиновники администрации вновь и вновь допускали ошибки в сфере энергетики, экономики и бюджета. Но политическая мускулатура уберегла их от каких-либо вредных последствий. Так что и они, и страна не учатся на своих ошибках, а масштабы ошибок продолжают расти.

## КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА И ДЫМОВАЯ ЗАВЕСА

### ГОРЬКАЯ ПРАВДА

---

9 МАЯ 2001 ГОДА

Цены на бензин опять растут, а администрация всеми силами старается использовать эту ситуацию как еще один довод в защиту своей энергетической политики по добыче нефти на территориях, принадлежащих США. Однако если тщательно проанализировать причины нынешнего дефицита бензина, то в глаза бросается совсем другой вывод, а именно: экономии энергии следует считать самым важным элементом нашей энергетической политики, а недостаточная экономия, соответственно, — наш главный промах.

В первую очередь следует отметить, что заоблачное повышение цен на бензин в этом году никак не связано с дефицитом сырой нефти. Даже если бы мы утыкали тундру Аляски и океанское дно Флориды нефтяными скважинами, мы все равно остались бы на той же отметке. Сейчас сдерживающим элементом служит ограниченная способность страны перерабатывать сырую нефть в бензин.

Почему предложение не удовлетворяет спрос? За последние 20 лет в стране не

было построено ни одного нового нефтеперерабатывающего комбината, и этот момент с особым смаком отметил Дик Чейни. Конечно, он намекает на то, что это вина защитников окружающей среды, которые стоят на пути нефтеперерабатывающей промышленности страны. Ведь проблема именно в этом, правда?

Нет, не правда. Законы, касающиеся охраны окружающей среды, действительно несколько ограничивают деятельность существующих нефтеперерабатывающих комбинатов. Проблема заключается не столько в суровости законодательства, сколько в отсутствии согласованности в законах, касающихся этой отрасли, — в каждом регионе свои собственные правовые нормы. Например, штаты Среднего Запада упорно настаивают на том, что бензин содержит этанол и это разрушает налаженное производство во всей стране. Однако настоящая причина того, что за два десятка лет не было построено ни одного нефтеперерабатывающего комбината, заключается в отсутствии потребности в таковых. По сути, до сегодняшнего момента нефтепереработка была низкорентабельной отраслью, страдающей от перепроизводства.

И вот что произошло: в начале энергетического кризиса в 1970-х гг. простые американцы стали беречь энергию. Причем это был не «признак личной добродетели», как насмешливо отметил м-р Чейни, а обычное желание сэкономить. Новый подход особенно коснулся автомобилей — они стали весьма экономичными. Тем временем нефтеперерабатывающая промышленность стала постепенно увеличивать производительность, эта тенденция развивалась, получала одобрение у политиков, несмотря даже на то, что новые комбинаты не строились. В результате до само-

го конца 1990-х гг. производительность была чрезмерной, а прибыли слишком низкими.

Что в конечном итоге воспрепятствовало ограничению производства, так это всплеск спроса, который отчасти произошел из-за экономического подъема в конце президентства Клинтона, а в основном из-за возродившейся любви американцев к огромным транспортным средствам, причем эту любовь можно было заправлять дешевым бензином. В 1998 г. стоимость бензина, по сравнению с уровнем цен в целом, была низкой, как никогда за всю историю Соединенных Штатов, — на 60% ниже, чем в 1981 году. Страна бросилась покупать самые большие внедорожники, которые существуют в природе, и внезапно мы столкнулись с недостатком производства топлива. Нефтеперерабатывающая отрасль не тормозилась законами, которые запрещали строительство новых комбинатов, она просто была застигнута врасплох.

Вам нужно иметь это в виду, когда вы анализируете последние речи м-ра Чейни. Послушать его, так получается, что мы живем в стране, где влиятельные политические силы выступают против производства энергии и проповедуют возвращение старых добрых темных времен. «Говорить исключительно об экономии, — заявил м-р Чейни, — значит избегать насущных вопросов... это не достаточное основание — само по себе — для стабильной и полноценной энергетической политики». В другой речи он высмеивал некую вымышленную, по всей вероятности, фигуру, «призывающую американцев жить в темноте, выключив все лампы». Другими словами, дефицит энергии случился из-за того, что крайние сторонники экономии энергии не дали нам возможности развить производство и вывести его на дос-

таточный уровень, хотя серьезные люди знали, что это необходимо.

Нужно ли мне отмечать, что все то, что мы слышим от администрации, это циничное искажение действительности? Я требую, чтобы г-н Чейни привел конкретные примеры этих влиятельных людей, которые «выступают исключительно за экономию энергии», я даже не прошу показать мне тех воображаемых людей, которые говорят американцам, что им надо жить в темноте в целях экономии. На деле, едва ли хоть один важный политик за последнее десятилетие говорил об экономии вообще, неважно — ставя ее во главу угла или нет.

Нам, несомненно, надо построить больше нефтеперерабатывающих комбинатов, больше электростанций, больше нефтепроводов и т. д. Однако смешно считать, что наши нынешние энергетические горести являются следствием политики с излишним упором на экономию. Будет более похоже на правду, если мы скажем, что мы в беде, потому что наши политики просто не посмели сказать хоть слово.

---

## ГОРИ ВСЕ СИНИМ ПЛАМЕНЕМ

---

20 МАЯ 2001 ГОДА

Кто знал, что у Дика Чейни такое чувство юмора?

Он оставил нас в полном недоумении своим знаменитым утверждением, что рассматривает экономию энергии лишь как «признак личной добродетели». Однако эта шутка приобрела новый смысл в четверг, когда был обнародован энергетический план администрации. Просто ради смеха м-р Чейни бросил несколько



камешков в огород мер по экономии энергии. Вершиной было предложение налоговых льгот тем людям, которые приобретают автомобили с гибридным бензиново-электрическим двигателем.

Возможно, вы не вполне улавливаете смысл этой шутки: во время предвыборной кампании одним из излюбленных приемов г-на Буша было высмеивание предложения г-на Гора (вы понимаете, о чем речь) ввести налоговые льготы для тех, кто покупает такие автомобили-гибриды. Это предложение вызвало приступ насмешек, поскольку многие считали программу г-на Гора слишком тривиальной, а подобная мера считается просто вершиной банальности. А теперь, правда, в весьма сатирической манере, г-н Чейни сделал то же самое предложение. Эй вы, обыватели, получите!

Выходит, что ученые мужи, введенные в заблуждение во время предвыборной кампании г-ном Бушем и г-ном Чейни, «заблудились» снова. Сейчас мы знаем, что разумные предложения, которые выдвигал г-н Буш во время своей предвыборной кампании, были неискренними, однако оказалось, что борьба администрации за свободу во время продвижения законопроекта о снижении налогов тоже была неискренней. Эти ребята не верят в свободный рынок, на самом деле они верят в тяжелый металл. Нефтеперерабатывающие комбинаты! Нефтепроводы! Атомные электростанции! Вот что нам нужно!

Чтобы оправдать свою страсть к стальным трубам в виде различных нефтепроводов, г-н Чейни и его соратники сфабриковали данные об энергетическом кризисе, кроме того, они внезапно решили, что свободный рынок вообще не работает. «Оценки, — говорится в отчете, — показывают, что в ближайшие 20 лет потребление нефти в Соединенных Штатах увеличится на 33%». А кто

сделал такие оценки? Нам никогда этого не скажут. Однако это невероятно большая цифра. За последние двадцать лет XX века, по статистическим данным, потребление нефти выросло меньше чем на 5%. Я могу предположить, что помощники г-на Чейни раздуют ситуацию с нехваткой автомобильного топлива последние несколько лет, хотя это происходит просто потому, что американцы пересаживаются с обычных автомобилей на внедорожники. А администрация утверждает, будто нам имеет смысл основывать свою энергетическую политику на спорном предположении, что недавно появившаяся мода продлится на десятилетия.

Это не обязательно произойдет. По сути, этого и не должно произойти, даже при отсутствии серьезных мер по экономии энергии. Чтобы сжечь столько нефти, сколько нам нужно (по словам г-на Чейни), все, кто еще ездит на обычной машине, должны приобрести огромные джипы, а те, кто ездит на джипах, должны начать водить нечто, сравнимое по размерам с танком «Шерман».

Что стоит за спорной математикой г-на Чейни? Понятно без слов, что он хочет заставить нас ослабить законодательство по охране окружающей среды. Однако есть еще кое-что: план Чейни предполагает предоставление производителям энергии многократные субсидии, как прямые, так и косвенные. Вы и сами это понимаете, а Институт Като называет этот план «грандиозной кормушкой для всех энергетических лобби в Вашингтоне». Странно, не правда ли? Если вы низкооплачиваемый рабочий или просто потребитель энергии, свободный рынок неприкосновенен и произойдет что-то ужасное, если правительство окажет вам поддержку. Однако оказалось, что производителям энергии нужно постоянное поощрение, чтобы они нормально делали свою обычную работу.

На самом деле они прекрасно обойдутся и без этой поддержки. М-р Чейни обожает говорить о необходимости строить новую электростанцию каждую неделю в течение следующих 20 лет, подчеркивая, что этот подвиг Геракла осуществим только при значительной поддержке Вашингтона. Однако высокие цены уже вызвали такой строительный бум в энергетике, который добавит 3–4 электростанции еженедельно в течение ближайших лет. Но поскольку некоторые производители энергии уже высказали открыто свою позицию, то строительную программу придется попридержать, если им хочется отвечать требованиям м-ра Чейни.

Правда заключается в том, что у администрации получается не все желаемое. Она утверждает, что мы находимся в долгом энергетическом кризисе и для его решения нет краткосрочных мер. А реальность в том, что в долгосрочной перспективе рыночные механизмы спроса и предложения позаботятся о наших энергетических нуждах, невзирая на новую дорогостоящую программу г-на Чейни по поддержке благосостояния корпораций. Сейчас нам нужна стратегия, которая позволит решить проблему заоблачных цен и огромных нежданных прибылей. Однако, похоже, что мы не собираемся принимать соответствующих мер, по крайней мере от Вашингтона не исходит никакой инициативы.

---

## ПОСОЧУВСТВУЕМ ОПЕК

---

5 АВГУСТА 2001 ГОДА

Джордж Буш-младший сказал нечто весьма интересное об экономике будущего. Нет, правда. Он не гнул свою обычную линию о том, что снижение налогов —

это ответ на все наши беды, он сказал нечто непредсказуемое, нечто, отражающее его настоящие мысли и чувства. Можно предположить, что последние ремарки обнажили его душу. И оказалось, что его душа или, по крайней мере, его сердце принадлежит людям, которые продают нефть, независимо от того, к какому народу они принадлежат.

Недавно г-на Буша спросили о его отношении к решению ОПЕК сократить добычу нефти на миллион баррелей в день. Это — по оценкам Министерства энергетики — примерно столько же, сколько мы получим нефти, пробуравив скважины в тундре Аляски, однако мы получим эту нефть не раньше середины десятилетия. А ОПЕК сократила добычу нефти, чтобы поддержать цены на высоком уровне, несмотря на растущий мировой спрос, и эта мера, похоже, была направлена против интересов США.

Однако г-н Буш довольно сочувственно отнесся к решению ОПЕК, похоже, он симпатизирует экспортерам нефти. «Очень важно, чтобы на рынке была стабильная ситуация. Я читал некоторые пояснения руководителей ОПЕК, которые говорят, что эта мера направлена на то, чтобы рынок был стабильным и предсказуемым», — заявил он. Если слова г-на Буша могут оставить некоторые сомнения по поводу того, действительно ли он одобрял повышение цен на нефть или просто старался быть вежливым, то его пресс-секретарь Ари Флейшер не оставил никаких сомнений: «Президент считает, что важно сохранить стабильность, а стабильность может прийти и в виде низких цен, и в виде умеренных цен».

И это говорит тот же человек, который во время предвыборной кампании хвастался, что сможет заставить ОПЕК «открыть кран». Не восприняли ли стра-

ны — участницы ОПЕК заявление г-на Буша как зеленый свет для дальнейшего сокращения добычи нефти?

По словам одного эксперта по вопросам объема добычи нефти, который дал интервью агентству Рейтер, показное выражение поддержки г-на Буша служит его усилиям сохранить высокие цены, которые «так нравятся руководителям ОПЕК».

Забавно, не правда ли? Когда Калифорния пожаловалась на высокие цены на электричество, то ей прочитали целую лекцию о том, что нельзя игнорировать законы спроса и предложения. Однако когда иностранные производители сговорились, чтобы предотвратить снижение цен из-за перепроизводства нефти, администрация не просто высказала свое одобрение, но и похвалила устаревшую и давно доказавшую свою несостоятельность экономическую теорию, что подобным образом картели действуют в интересах потребителей.

И это не единственный случай, когда администрация поступила своими принципами, едва дело коснулось вопросов продажи нефти. Энергетический законопроект, который Белый дом принял на прошлой неделе, был весьма показателен, поскольку демонстрировал полное безразличие к отрицательным последствиям для окружающей среды и предполагал недостаточное количество мер по экономии энергии, хотя повышение стандартов для более эффективного использования топлива легко сэкономит столько нефти, сколько нам никогда не добыть на Аляске.

Однако больше всего поражает тот факт, что законопроект предполагает субсидии и налоговые льготы для производителей энергии на сумму в 30 млрд долларов. Но еще больше поражает то, что эти средства кажутся недостаточными, а республиканцы

обеспокоенно ожидают новых оценок баланса бюджета, которые, по мнению многих политиков, покажут, что пресловутое снижение налогов истребило предполагаемые излишки бюджетных средств на много лет вперед.

Вероятно, многие принципы администрации содержат специальную поправку, которая позволяет делать исключения, когда дело касается нефти. Администрация призывает народ доверять свободному рынку и принимать тот факт, что цены будут то повышаться, то снижаться, отвечая на изменения соотношения спроса и предложения, — до тех пор, пока определенные люди будут заниматься продажей нефти. Администрация говорит гражданам, что им нужно надеяться на себя и не ждать помощи от федерального правительства — до тех пор, пока определенные люди будут заниматься продажей нефти. И наконец, администрация говорит странам, что они должны понимать, что США будет отстаивать свои собственные интересы, а наше правительство не волнуется по поводу того, что может оскорбить их нежные чувства, — до тех пор, пока определенные страны будут заниматься продажей нефти.

Нет нужды говорить, что г-н Буш был наивен в приписывании неких альтруистических мотивов руководителям ОПЕК. Они не хотят стабильности, они хотят денег — ваших денег. И их действия не оказывают услугу мировой экономике, напротив, снижение цен на нефть, по мнению многих экономистов, поможет предотвратить общий спад мировой экономики. Таким образом, решение ОПЕК сократить добычу нефти, которое так защищал г-н Буш, невыгодно ни для всего мира, ни для США в частности, за исключением, конечно, тех людей, которые занимаются продажей нефти.

---

## НАС «ВОЛНУЕТ» ГЛОБАЛЬНОЕ ПОТЕПЛЕНИЕ

---

15 ФЕВРАЛЯ 2002 ГОДА

Бдительные покупатели знают, что одно-единственное лишнее слово в описании продукта может изменить отношение к нему, причем, как правило, в худшую сторону. Я приношу извинения ценителям плавленого сыра «Velveeta», однако большинство из нас не считает «как бы сыр» подходящей заменой обычного сыра.

Весьма неосторожно вчера администрация Буша пообещала снизить «концентрацию газов, вызывающих парниковый эффект», на 18%. Может сложиться впечатление, что это — обещание снизить вредные выбросы (в основном, двуокись углерода, выделяющуюся при сжигании ископаемого топлива), которые вызывают глобальное потепление. В некоторых статьях действительно было дано именно такое объяснение. Однако всего одно слово полностью меняет весь смысл. На деле администрация пообещала практически ничего не сделать для достижения такой цели, так как провозгласила проведение специальной политики, которая совершенно бесполезна и не будет иметь особых результатов.

А что это за штука такая, которая называется «концентрация газов, вызывающих парниковый эффект»? Это общий объем выбросов, ведущих к появлению парникового эффекта, поделенный на внутренний валовой продукт. Администрация говорит, что будут приняты меры для уменьшения этой пропорции на 18% в течение следующих 10 лет. Однако, учитывая тот факт, что большинство прогнозов на этот период предсказывают

увеличение ВВП на 30%, а возможно, и больше, то, по сути, это предложение допускает существенное увеличение вредных выбросов.

Итак, стремление сдержать рост вредных выбросов не является, по крайней мере, попыткой подготовиться к изменению климата? Нет, потому что это произойдет в любом случае. По сути, цель администрации сократить концентрацию вредных выбросов может быть достигнута без особых политических мер, и это хорошо, поскольку на деле администрация ничего и не пообещала.

Причина, по которой концентрация газов, вызывающих парниковый эффект, снизится сама собой, довольно комплексная, однако логика проста. Постепенно наше общество преобразуется в постиндустриальное, то есть сфера образования и услуг развивается быстрее, чем старые «дымные» отрасли. Поскольку для оперирования битами информации требуется меньше энергии, чем для оперирования большими кусками листового металла, один доллар в ВВП новой экономики требует сжигания меньшего количества угля, чем один доллар в ВВП старой экономики.

Однако старая экономика еще не умерла, а новой экономике пока требуется значительное количество энергии, особенно учитывая тот факт, что сотрудники ездят на огромных джипах от дома до своего компьютера в офисе. Итак, поскольку экономика развивается, концентрация газов, вызывающих парниковый эффект, будет снижаться, но выбросы этих газов, которые действительно наносят вред планете, будет продолжать расти.

Что же администрация Буша предложила сделать? Ничего особенного.



Главной мерой, которую предлагали использовать вчера, является предоставление налоговых льгот тем, кто согласен спасать планету, то есть тем, кто готов установить солнечные батареи или собирать метан, выделяемый мусорными свалками. Не стоит пытаться анализировать специфику этого предложения, например, почему налоговая льгота должна быть способом завоевания голосов на выборах. (О, я совсем забыл, что снижение налогов — это решение всех проблем!) Ключевой момент заключается в том, что этого слишком мало. Предложение предполагает выделение 4,6 млрд долларов в течение следующих 5 лет. Это меньше, чем цент в день на каждого американца. Вы всерьез полагаете, что такой суммы достаточно, чтобы коренным образом изменить наше отношение к использованию энергии, и это явится достойным ответом на главную угрозу планеты?

А это основная часть предложения. Оставшаяся часть предполагает создание «реестра»: компании, по своему желанию, могут заявлять о своих выбросах вредных газов. Если эти выбросы сокращаются, то они получают... Вообще-то они ничего не получают. Хотя, может быть, следующая администрация будет любезнее.

Настоящий вопрос звучит так: почему администрация, которая не хочет ничего делать с проблемой изменения климата, чувствует себя обязанной поднимать этот вопрос на публике?

Ответ, понятно, следующий: в вопросах охраны окружающей среды администрация идет не в ногу с обществом. Ее безразличие к судьбе планеты, если оно будет замечено, может снизить ее популярность.

Для того чтобы справиться с потенциальной политической угрозой, администрация Буша преувеличивает стоимость правовых мер, регулирующих охрану ок-

ружающей среды. Весной прошлого года Дик Чейни изворотливо намекнул, что законы об охране окружающей среды привели к снижению производства нефти, сейчас г-н Буш объясняет нам совершенно невероятную вещь — будто Киотский протокол лишит работы миллионы человек.

Тем временем администрация предлагает иллюзию охраны окружающей среды, заявляя о готовящихся мерах, которые выглядят впечатляюще, а на деле — бессмысленны.

Итак, покупатели, будьте настороже. То, что администрация предложила вчера, это якобы забота об изменении климата, а не действенные меры.

## ДВЕ ТЫСЯЧИ АКРОВ

---

1 МАРТА 2002 ГОДА

Согласно моим подсчетам, мое рабочее место занимает лишь несколько квадратных дюймов помещения офиса. Вы можете мне не верить, однако я воспользовался широко применяемой методикой. Когда я говорю «широко применяемой», то имею в виду сторонников добычи нефти в Национальном заповеднике дикой природы Арктики.

На прошлой неделе министр внутренних дел Гейл Нортон повторил стандартный ответ на волнения, касающиеся широкомасштабного развития нефтедобычи в одном из последних диких районов, принадлежащих Америке: «Вмешательство будет ограничено 2 тыс. из 1,9 млн акров всей территории». Эта цифра пришла из плана по версии Буша—Чейни, которые обещали, что «общая площадь территории, занятая производствен-

ным оборудованием и другими устройствами», не будет превышать 2 тыс. акров. Картина обнадеживающая: небольшой промышленный островок, практически затерянный в ледяных просторах.

Однако все это ложь. Разработка не может вестись на столь маленькой территории. По данным Службы геологии, геодезии и картографии США, нефть в Арктике содержится в небольшом количестве в отдельных местах, поэтому скважины придется бурить вдоль всей береговой линии. Причем дороги, которыми нужно будет соединить эти скважины, не учитываются при подсчетах, поскольку они не относятся к «производственному оборудованию и другим устройствам». А «общая площадь территории» — это очень узкое определение, вдоль всей местности должны змеиться трубопроводы, а они тоже не учитываются как часть этой площади, в расчет принимаются только сами скважины.

Теперь вы понимаете, как мне удается работать, занимая столь маленькую площадь. В соответствии с этими определениями, мое «вмешательство» ограничено поверхностью пола, на которой что-нибудь стоит: ножки стола и стула да подметки моих ботинок. Остальные части пола офиса девственно нетронуты.

Все заявления администрации по поддержке своей энергетической стратегии добычи нефти на территории, принадлежащей США, пропитаны ложью. Те из нас, кто занимался этим вопросом, никак не могут понять, почему люди создают такую суету вокруг плана Пентагона по распространению ложной информации. Чем это отличается от политики сегодняшнего дня?

Помните, что последняя попытка предложить программу по освоению арктических территорий для добычи нефти следует по пятам за попыткой представить

план, который якобы изменит к лучшему ситуацию с глобальным потеплением (он, кстати, считается главной политической инициативой администрации).

Конечно, ключевой довод в пользу этой программы — утверждение, что освоение арктических территорий является вопросом национальной безопасности, поскольку может положить конец нашей зависимости от импортируемой нефти. Фактически администрация предпочитает озвучивать сценарий, согласно которому спустя всего 10 лет после начала разработок в этом регионе можно будет добывать 600–900 тыс. баррелей нефти ежедневно — малую толику от 11 млн баррелей, которые мы импортируем сейчас.

Далее следует абсурдное утверждение, что эти разработки предоставят десятки тысяч рабочих мест — это утверждение основано на отчете десятилетней давности, составленном ассоциацией торговцев нефтью.

Но самый неприглядный аспект энергетической пропаганды администрации — в ее настойчивой попытке связать спад в энергетической отрасли с охраной окружающей среды. Сейчас понятно, что эта попытка часто была сознательно нечестной.

Например, весной прошлого года Дик Чейни сокрушался по поводу того, что в США с 1970-х гг. не было построено ни одного нефтеперерабатывающего комбината, связывая это с ограничениями законодательства по охране окружающей среды. В мае прошлого года в одной из колонок я писал, что охрана окружающей среды не имеет к этому никакого отношения, а комбинаты не строились, поскольку отрасль вполне справлялась со спросом. Чего я не знал, так это того, что несколько недель назад сотрудники Национального заповедника дикой природы Арктики в пух и прах раскритиковали

отчет по энергетике, написанный г-ном Чейни, приводя ту же точку зрения. В окончательной версии отчета, кстати, не так много внимания уделено тому, что законы, контролирующие загрязнение воздуха, привели к бензиновому кризису, однако намеков на это там содержится.

Сейчас настойчивые граждане могут уличить администрацию в жульничестве — например, в Интернете можно ознакомиться с настоящими данными Службы геологии, геодезии и картографии США о запасах нефти в Арктике. Однако я не устаю удивляться, почему администрация не прикроет эти сайты. В конце концов, в соответствии с новым законодательством Джона Эшкрофта, службы больше не получают инструкций по обнародованию информации, и всякий раз, когда это возможно, они могут отвергнуть требования обнародовать информацию в соответствии с существующими правовыми нормами. А истинные оценки нефтяных запасов в местах, требующих особо тщательной охраны окружающей среды, могут быть использованы террористами — так что вы о них никогда не узнаете.

---

## ДЕНЬ ПЛОХОГО ВОЗДУХА

---

26 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

На День Земли Джордж Буш-младший продемонстрировал несколько фото для поддержки своей разрекламированной политической инициативы «Чистое небо». Демократы насмешливо называли его орудием в руках загрязнителей окружающей среды.

Можно ли сказать что-нибудь положительное по поводу планов администрации по улучшению качества

воздуха? Ответ — да. Но, вы сами прекрасно знаете, что хоть одно «но» должно быть, хорошее всегда спорно и проблематично, а плохое — принимается быстро и охотно.

Действующая система контроля над загрязнением воздуха остро нуждается в пересмотре. Вспомните 1970-е гг. — тогда был принят закон, налагающий строгие ограничения, однако только на «новые» источники загрязнения. Существующих электростанций, заводов и т. д. эти ограничения не коснулись, поскольку было высказано предположение, что с течением времени эти устаревшие, вредные производства закроются сами.

Результат был предсказуемым. Работоспособность старых заводов поддерживалась изо всех сил, поскольку новые законы их не касались. То есть корпорации вкладывали средства в реконструкцию и модернизацию существующих электростанций и заводов и не стремились строить новые.

Администрация Клинтона попыталась прекратить эту практику, предъявляя иски компаниям на основании того, что они все же создают новые источники загрязнения, прикрываясь уже существующими производствами, которые современное законодательство не затрагивает. Нет ничего удивительного в том, что эти компании ненавидели этот «пересмотр источников» и вкладывали миллионы долларов в предвыборный фонд г-на Буша.

Должен быть лучший способ, и он есть. Суть заключается в следующем. Существующие источники загрязнения получают разрешение (квоту) выбросить определенное количество вредных веществ, однако они также имеют право продать это разрешение. Таким образом, создается стимул для сокращения вредных

выбросов старых производств, чтобы получить возможность продать разрешения. Этот подход уже был успешно применен с несколькими производствами, особенно с теми, которые выбрасывают двуокись серы. А постепенно сокращая число квот, правительство сможет значительно снизить количество вредных выбросов.

Несомненно, что существенной частью плана администрации Буша по сокращению вредных выбросов является проведение в жизнь описанной стратегии для предприятий, выбрасывающих диоксид серы, оксиды азота и ртуть. Неужели есть какие-то поводы для возражений? Увы, их немало.

Во-первых, план явно не затрагивает двуокиси углерода — главного виновника глобального потепления. Помимо того, что это нарушает одно из предвыборных обещаний г-на Буша, подобное упущение осложняет будущую политику в этой области. Эксперты по охране окружающей среды сказали мне, что гораздо дешевле включить ограничения, касающиеся выбросов двуокиси углерода, сейчас, как часть общей стратегии, касающейся загрязнения, чем вводить дополнительный контроль над выбросом этого соединения потом, после того как ключевые решения уже будут приняты. Таким образом, не делая ничего с проблемой глобального потепления, нынешняя администрация подрывает политику и будущей администрации тоже.

Во-вторых, план Буша предполагает разрешить вдвое больше выбросов, чем Агентство по охране окружающей среды признает допустимым. Требование снижения вредных выбросов еще на 50%, по подсчетам все того же агентства, обойдется в ничтожную сумму.

И наконец, самое важное: на данный момент программа администрации «Чистое небо» — это просто

воздушный замок — никаких законодательных мер принято не было и, судя по всему, особого рвения в этом вопросе нет. Тем временем администрация стремительно разрушает программу пересмотра новых источников загрязнения, сберегая миллиарды долларов на издержках по очистке за счет окружающей среды (особенно северо-западных штатов). Поступая таким образом, администрация может с легкостью разрушить и собственную политическую инициативу по борьбе с вредными выбросами. До тех пор пока они были под прицелом, вредные производства поддерживали новую, менее неуклюжую систему контроля вредных выбросов. Сейчас они и их влиятельные союзники в Конгрессе постараются оставить все как есть.

Также очевиден упадок духа в Агентстве по охране окружающей среды, где чиновник, разбирающий жалобы по поводу опасного мусора, недавно примкнул к параду сотрудников государственного аппарата, уволившихся в знак протеста. Сотрудники агентства понимают, что возврата к прежним политическим приоритетам нет. Эрик Шеффер, недавно уволенный с поста главы наблюдения за соблюдением законов, охарактеризовал ситуацию так: «Агентство по охране окружающей среды сейчас едет на заднем сиденье, а может, даже на подножке, а энергетика переживает знаменательный день».

Итак, действительно была предложена умеренная инициатива по сокращению загрязнений; возможно, со временем, администрация и воплотит ее в жизнь. Вы случайно не знаете, эта война идет? А пока крупные компании, владеющие вредными производствами, получают назад те средства, которые они вложили в предвыборную кампанию, а это много миллиардов долларов.



## БУШ В ОГНЕ

27 АВГУСТА 2002 ГОДА

Опять все те же подозрения! Новый план г-на Буша под названием «Безопасные леса» звучит как пародия на стандартный образ действий администрации. Понимаете, специалисты по охране окружающей среды вызывают лесные пожары, а некоторые милые корпорации решают проблему, если мы не будем им мешать.

Я слишком резок? Нет, на самом деле все еще хуже, чем кажется с первого взгляда. «Безопасные леса» — это не просто якобы программа по защите окружающей среды, это прямой способ увеличить состояния корпораций.

Любой согласится, что главное зло для лесов — это пожары. Десятилетиями их тушили, такая тактика в результате привела к опасной концентрации легковоспламеняющегося подлеска и молодой поросли. И в некоторых, но не во всех, лесах страны уже недостаточно просто сменить политику предохранения от лесных пожаров, поскольку из-за растущего населения и разрастания городской застройки некоторые леса слишком близко подходят к жилым домам, чтобы их можно было просто выжечь.

Безусловно, в некоторых лесах можно и нужно уничтожить это «топливо». Но как? Г-н Буш настаивает, что это бесплатный сыр: позволив увеличить вырубку, мы убьем двух зайцев — получим ценное сырье и уменьшим пожароопасность.

Однако оказалось, что те деревья, которые следует вырубить, в основном подлесок, близко прилегающий к жилым зонам, имеет невысокую коммерческую стоимость. С точки зрения получения выгоды, вырубать надо большие, зрелые деревья, которые обычно выжи-

вают в лесных пожарах, кроме того, они находятся далеко от жилых зон.

Поэтому администрация предлагает заключить сделку с лесозаготовительными компаниями: в обмен на вырубку подлеска они получают право вырубить и те ценные деревья, в уничтожении которых нет необходимости. Заметьте, что бесплатного сыра, в конце концов, не получается. Этот план вызывает по крайней мере три серьезные проблемы.

Во-первых, действительно ли получится услуга за услугу или лесозаготовительные компании просто возьмут обещанное, забыв про свои обязательства? Служба охраны лесов, которая отвечает за выполнение правовых норм в своей области, очень часто критикуется Управлением общей бухгалтерской отчетности Конгресса за неэффективное управление и безответственность. И это учреждение, по инициативе администрации, сейчас возглавляется бывшим лоббистом промышленности. (Во время предвыборной кампании 2000 г. лесозаготовительные компании внесли 82% от всех вкладов республиканской партии.) Не надо быть крайним циником, чтобы сомневаться по поводу того, действительно ли лесозаготовительные компании выполнят свои обещания.

Во-вторых, нелогично связывать ценные деревья с вырубкой подлеска. Представьте городского голову Майка Блумберга, который заявил, что позволит компании «Вэст Менеджмент Инк.» бесплатно собирать мусор с Манхеттена в обмен на возможность складировать токсические отходы на Стейтен-Айленд. Жители острова совершенно справедливо могут объявить протест и сказать, что если население Манхеттена хочет, чтобы их мусор вывозили, то им следует платить за услугу, а если город хочет продать компаниям право складировать мусор где угодно, то это отдельный воп-

рос для обсуждения. Точно так же, если федеральное правительство хочет убрать подлесок с жилых территорий, то это следует оплатить, а если оно хочет продать право на вырубку ценных деревьев, то это отдельный вопрос для обсуждения.

Это приводит нас к последнему пункту: на самом деле правительство не получит выгоды, продав право на вырубку ценных деревьев лесозаготовительным компаниям. По данным Управления общей бухгалтерской отчетности, Служба охраны лесов постоянно тратит больше средств на организацию продажи прав вырубки, чем получает от этих продаж. Сколько? Забавно, что вы спросили: в прошлом году администрация Буша перестала публиковать эту информацию. В любом случае средства, полученные от продажи прав на вырубку, — это лишь малая толика от истинных бюджетных затрат на вырубку лесов страны, которая поддерживается сотнями миллионами долларов в виде федеральных субсидий, особенно на строительство дорог. Это значит — оставим пока вопросы охраны окружающей среды, — что предоставление лесозаготовительным компаниям права на вырубку ценного леса в обмен на уничтожение подлеска, возможно, обойдется налогоплательщикам дороже, а не дешевле, чем если бы проблему решали напрямую.

Итак, как и в случае с энергетической политикой администрации, за восхвалениями свободного рынка стоит желание власти угодить корпорациям. Сюрприз!

И заключительная мысль. Как здорово будет, если вдруг администрация Буша предложит какой-нибудь план, который не усугубит положение окружающей среды, не предоставит налоговые льготы состоятельным людям и корпорациям, а придется по душе обычным гражданам, не правда ли?

## ЗАРУБЕЖНЫЕ КАТАСТРОФЫ

### ТЯЖЕЛЫЙ УРОК ГОНКОНГА

---

ЖУРНАЛ «FORTUNE», 28 СЕНТЯБРЯ 1998 ГОДА

Никому не говорите, но я придумал ловкую финансовую схему. Во-первых, несколько моих друзей-перекупщиков потихоньку заняли «короткую» позицию по акциям корпорации «Майкрософт». Затем мы пустили слух, что Бил Гейтс стал кришнаитом или что-то в этом духе. Акции упали, а потом взлетели — мы заработали сотни миллионов!

Да, я понимаю, на второй взгляд план не кажется таким уж прекрасным. Во-первых, у меня нет друзей-перекупщиков акций. Но даже если бы они у меня были, есть еще одна маленькая проблема: в результате реализации этой схемы мне пришлось бы явиться в Комиссию по ценным бумагам и биржевым операциям для очень интересного разговора, который закончился бы вежливым, но настойчивым приглашением провести следующие несколько лет моей жизни в тюрьме.

Поэтому план следует несколько доработать. Вместо того чтобы компрометировать корпорацию, давайте сделаем это с маленькой страной. Мы займем «короткую» позицию на

фондовом рынке страны, затем продадим достаточное количество ее валюты на иностранном валютном рынке, что вызовет высокий спрос на ее валюту. Центральный банк этой страны будет вынужден повысить ставку долгосрочного процента, создав кризисную ситуацию на внутреннем фондовом рынке, а мы получим неплохую выгоду.

Правда, здесь тоже есть несколько досадных моментов, мне все равно будут нужны друзья-миллиардеры. Поэтому основная проблема в том, что я могу опоздать со своей идеей. Понимаете, получается, что некоторые перекупщики уже додумались до такой схемы и воплотили ее в жизнь. Или, по крайней мере, так утверждает Валютное управление Гонконга; возможно, вы уже слышали, что оно уже обвинило нескольких инвесторов в «коротких» продажах и намеренном подрывании экономики города-государства. Управление вкладывало средства в фондовый рынок Гонконга, чтобы защитить его от подобных сделок, а затем оно полностью запретило «короткие» продажи больших пакетов ценных бумаг и валютных сумм.

Давайте поподробнее рассмотрим эту ситуацию. Правительство Гонконга долго было знаменито своей политикой невмешательства. В этом городе, если вы спекулируете на рынке, то вам совершенно не обязательно извиняться. Валютное управление никогда не вмешивалось в политику. Центральный банк жестко зафиксировал обменный курс отечественной валюты и доллара, причем местная валюта на 100% обеспечивалась долларом США, то есть Гонконг ближе, чем все остальные страны, подошел к воссозданию системы золотого обеспечения. Как и консервативная партия в США, Гонконг на примере показал, что все, что нужно правительству, это обеспечить твердую

валюту и безопасность прав собственности, а все остальное сделает частный сектор. Поэтому когда Гонконг начал войну со спекулянтами, сторонники политики невмешательства во всем мире, мягко говоря, были в ужасе. Что же произошло с этим священным принципом?

Конечно, я не могу ни подтвердить, ни опровергнуть существование заговора перекупщиков против Гонконга. Однако многие экономисты согласны, что смена политики произошла из-за существующих условий, при которых валюта может быть подвергнута так называемому «самопроизвольному спекулятивному нападению», то есть потенциально твердая валюта может обесцениться из-за потери доверия инвесторов, что, в свою очередь, приведет к девальвации. При таких обстоятельствах «Sogo», крупные игроки, которые уже заняли «короткую» позицию по этой валюте, действительно могут получать гигантские прибыли, а затем намеренно спровоцировать подобное нападение.

Гонконг, который не желает терять доверие к себе по причине девальвации, но также не хочет повышать ставку процента, когда экономика страдает от серьезного кризиса, прекрасно подходит на роль мишени для спекулянтов. И если ранее в Азии утверждения о существовании заговора исходили от настроенных против Запада людей, практически фанатиков, то сейчас они исходят от уважаемых финансистов, вроде Джозефа Яма — исполнительного директора Валютного управления Гонконга.

Если Ям так уверен, что заговор существует, то почему он просто не представит свои доказательства контролирующим органам и не предложит вызвать их для выяснения обстоятельств? Ответ следующий —

каким контролирующим органам? Если я создаю заговор против акций корпораций США, то я нарушаю закон. Однако если фонды в Нью-Йорке нападают на иностранные финансовые рынки, то непонятно, чья это юрисдикция. Неважно, что у нас больше поводов сожалеть о Гонконге или Аргентине, чем о корпорации «Майкрософт»; заговоры против компаний четко регулируются, а против стран — нет. И в этом состоит мораль всей истории. Если и существует причина хаоса в экономике последних лет, то она следующая: рынки ценных бумаг имеют глобальный масштаб, а органы, контролирующие деятельность этих рынков, остаются органами национального масштаба. Трудно представить, возможно ли создание таких органов, но сейчас мы не можем наказать американских спекулянтов, работающих в Лондоне, за манипуляции на китайских рынках. И пока мы этого не поймем, все будет по-прежнему.

---

## ПЛАЧЕМ ВМЕСТЕ С АРГЕНТИНОЙ

---

1 ЯНВАРЯ 2002 ГОДА

Несмотря на то что репортажи о мятежах в Аргентине показывали по всем каналам, вряд ли они сильно взволновали хоть кого-нибудь в США. Это просто очередная катастрофа в маленькой, чужой стране, о которой мы ничего не знаем, это государство отдалено от нас настолько, насколько, скажем, Афганистан, поэтому маловероятно, что оно может как-то повлиять на нашу жизнь.

Я не просто так сделал такое сравнение. Большинство людей полагают, что это просто очередной, зау-

рядный кризис в Латинской Америке — у этих ребят постоянно какие-то проблемы, правда? Однако, по мнению большинства обывателей, аргентинская политика делается в Вашингтоне. Катастрофический провал политических начинаний — это, в первую очередь, катастрофа для жителей Аргентины, но это также и неудача внешней политики США.

Посмотрим на ситуацию глазами жителей Латинской Америки. Аргентина больше, чем другие развивающиеся страны, купилась на обещания «неолиберализма» (то есть либерализма в смысле свободного рынка, а не по программе Теда Кеннеди), так рекламируемого Соединенными Штатами. Пошлины были срезаны, государственные предприятия приватизированы, приветствовались международные корпорации, а песо привязано к доллару. Финансисты с Уолл-стрит пришли в восторг, и деньги полились рекой, на время экономические системы со свободным рынком были реабилитированы, а их защитники не стеснялись просить о кредитах.

Потом ситуация стала ухудшаться. Никого не удивило, что азиатский финансовый кризис 1997 года сказался на Латинской Америке, а Аргентина поначалу казалась затронутой им меньше всего. Но хотя Бразилия опомнилась, экономический спад в Аргентине продолжался и продолжался.

Я могу подробно объяснить причины спада в Аргентине — он больше касается валютной политики, чем свободных рынков. Однако, по понятным причинам, аргентинцы не могут быть удовлетворены подобными объяснениями, учитывая тот факт, что финансисты с Уолл-стрит и политики из Вашингтона уверяли их, будто свободный рынок и твердая валюта неразделимы.



Более того, когда экономическая ситуация стала ухудшаться, Международный валютный фонд — самый большой и влиятельный в мире — был абсолютно бесполезен: можно сказать, что он выглядел как одно из подразделений Министерства финансов США. Сотрудники МВФ многие месяцы, а может быть, и годы знали, что политика «один песо равен одному доллару» не может быть вечной. И МВФ мог предложить Аргентине помощь, чтобы избежать этой денежной ловушки, также он мог предоставить политическое покровительство аргентинским лидерам, когда они не знали, что им предпринять. Однако вместо этого представители МВФ, как средневековые доктора, настаивающие на кровопускании своих пациентов даже тогда, когда эта процедура могла нанести вред, посоветовали Аргентине начать режим жесткой экономии.

Сейчас страна повергнута в полный хаос, некоторые исследователи даже сравнивают ее с Веймарской республикой. А латиноамериканские страны не считают, что Соединенные Штаты так уж не виноваты.

Я не знаю, сколько американцев, даже среди политической элиты, понимают это. Люди, которые воодушевили Аргентину на изначально обреченную политику, сейчас быстро переписывают историю, проклиная тех, кто пострадал. В любом случае мы не умеем взглянуть на себя со стороны. Последний опрос общественного мнения о политиках показал, что 52% американцев считают, что США любят за то, что «они делают много хорошего», и лишь 21% иностранцев и 12% латиноамериканцев согласны с этим утверждением.

Что случится дальше? В лучшем случае, кризис в Аргентине был обычной девальвацией, с помощью которой правительство снизило долларовое наполнение песо, одновременно конвертировав многочисленные

долларовые долги в отечественную валюту. Однако это очень маловероятно.

Скорее всего, новое правительство Аргентины постарается повернуть время вспять. Оно введет контроль над обменом валюты и квотами импорта, повернувшись спиной к мировому рынку. Не удивляйтесь, если помимо всего прочего Аргентина опять вернется к антиамериканской пропаганде.

Я позволю себе сделать предсказание: устаревшие методы сделают свое дело, в том смысле, что они временно улучшат экономическую ситуацию так, как случилось в 1930-х гг. Однако отказ работать на мировом рынке плохо сказывается на долгосрочном росте, и лучшее тому доказательство — история самой Аргентины. Однако, как сказал Джон Кейнс, спустя долгое время мы все умрем.

Давайте вспомним апрель прошлого года, когда г-н Буш настаивал на том, что создание свободной торговой зоны для стран Америки это главная цель его внешней политики, это сможет «создать эпоху процветания для полушария свободы». Если эта цель действительно была важна, то мы потерпели сокрушительную неудачу. Не плачьте по Аргентине — плачьте по нам.

---

## МЫ ПОТЕРЯЛИ ЛАТИНСКУЮ АМЕРИКУ

---

16 АПРЕЛЯ 2002 ГОДА

Многие люди, как мне кажется, согласны, что Уго Чавес — это не тот президент, который нужен Венесуэле. Однако так случилось, что его все же выбрали президентом — свободно, честно и в соответствии с конституцией. Именно поэтому демократические государ-

ства западного полушария не очень любят г-на Чавеса, продемонстрировав на прошлой неделе удачный ход против него.

Все демократические государства, кроме одного.

Канал «ВВС» дал этому следующую характеристику: «Вместо того чтобы осуждать отстранение от власти демократически избранного президента, политики США обвинили в кризисе самого г-на Чавеса», и они были «явно удовлетворены результатом», даже несмотря на то, что новое временное правительство намеревается отменить законодательную и юридическую власти и конституцию. Вероятно, они были меньше обрадованы, когда их шаг не удался. Еще раз процитируем ВВС: «Возвращение президента Чавеса... привело к тому, что Вашингтон глупо выглядит». Советник по национальной безопасности Кондолиза Райс не помогла исправить это впечатление, когда призвала вернувшегося президента «уважать конституционные процессы».

Конечно, самое худшее в создавшейся ситуации — это нарушение наших демократических принципов: предполагается, что «для народа, с народом, во имя народа» не продолжится словами «до тех пор, пока это отвечает интересам США».

Несмотря на то что предпринятые нами меры были вполне адекватными, слишком снисходительное отношение к успешному ходу Венесуэлы, несомненно, было необдуманным.

В наших же интересах, чтобы Латинская Америка, наконец, разорвала свой традиционный политический цикл, когда огульный популизм сменяется военной диктатурой. Все, что имеет значение для США: торговля, безопасность, ситуация с оборотом нарко-

тиков и т. п., — станет лучше, если у нас будут стабильные соседи.

Однако как можно достичь этой стабильности? В 1990-х гг. казалось, что мы нашли формулу и назвали ее «новый мировой порядок». Экономическая реформа должна была положить конец искушению популизмом, а политическая реформа — риску диктаторства. И в 1990-х большинство стран Латинской Америки по собственной инициативе, правда, с подачи США, действительно приступили к проведению реформ — и экономических, и политических.

Результаты были весьма неоднозначными. В экономической сфере, где изначальные надежды были оправданными, не было достигнуто особых улучшений. Экономического чуда не произошло, наоборот, в некоторых странах разразились настоящие катастрофы, и кризис в Аргентине начался последним. Можно, правда, сказать, что некоторые катастрофы, особенно мексиканская, способствовали восстановлению финансового баланса стран (надо сказать, не без существенной помощи администрации Клинтона) и эти государства встали на путь постепенного, умеренного экономического роста.

Однако экономические катастрофы не дестабилизировали ситуацию в регионе. Кризис в Мексике в 1995-м, кризис в Бразилии в 1999-м, даже нынешний кризис в Аргентине не отдали эти страны ни в руки радикалов, ни в руки диктаторов. Причина этого в том, что политические реформы прошли успешнее, чем вообще можно было ожидать. Латинская Америка стала демократической, более того, новые режимы выглядят сильными.

Итак, хотя США рассчитывали на стабильность в Латинской Америке, которая основана на хрупком

процветании, на самом деле благодаря демократии была достигнута стабильность, несмотря на экономические трудности. Все могло быть гораздо хуже.

Именно это произошло в Венесуэле. Г-н Чавес — это популист до мозга костей, а его политические меры всегда были некомпетентными и непостоянными. Да, он действительно победил на честных выборах, в регионе, который начал осознавать важность демократических принципов. На что надеялись США, когда свергали его? Да, он действительно поощрял антиамериканские настроения и доставил немало неприятностей нашим дипломатам, но его нельзя считать серьезной угрозой.

Однако мы весьма активно вмешивались во внутреннюю политику, напоминая всем о жутком прошлом, когда любой диктатор, претендующий на правые взгляды, мог рассчитывать на поддержку США.

Как только это произошло, мы приравняли себя к абсолютно бездарным интриганам. Г-н Чавес был неприятен многим гражданам своей страны, демонстрации, которые привели к его краткосрочному отстранению от власти, начались с общей забастовки, организованной профсоюзами. А правительство, которое было назначено, включало представителей крупного бизнеса и состоятельных людей. Результатом стал полный провал. Ничего удивительного, что этот политический шаг не удался.

Но даже если бы он был успешным, наше поведение было бы весьма глупым. Мы хотели сделать как лучше — создать в нашем полушарии атмосферу доверия, основанную на общих демократических ценностях. Как мы могли все разрушить?

---

ПОТЕРЯННЫЙ КОНТИНЕНТ

---

9 АВГУСТА 2002 ГОДА

Администрация Буша заявила, что она за свободную торговлю и против денежной помощи другим странам. Буквально два недели назад министр финансов Пол О'Нил создал дипломатический инцидент и отправил валюту Бразилии в свободное падение своим замечанием по поводу того, что помощи не будет, а «деньги на счетах швейцарских банков закончились». Сейчас Международный валютный фонд с благословения г-на О'Нила согласился одолжить Бразилии беспрецедентную сумму в 30 млрд долларов.

Я полагаю, можно считать добрым знаком, что наши лидеры, наконец, осознали существование двух неприятных моментов: главная угроза интересам США развивается в нашем полушарии, и она появилась из-за того, что Билл Клинтон действительно не всегда проводил мудрую политику. В самом деле, если бы Бразилия не получила займа, финансовый кризис в Южной Америке, который сейчас по своему размаху уже сравним со спадом в Азии в 1997 г., мог закончиться полным крахом в предельно короткие сроки.

Однако у меня плохое предчувствие. Я позволю себе подробнее остановиться на анализе позиции МВФ, заранее прошу прощения за свои ошибки.

Хорошо то, что сейчас власть в Бразилии осознает свою ответственность. В прошлом МВФ предоставлял займы правительствам, которые либо не собирали налогов (я имею в виду Россию), либо фиксировали неприемлемый обменный курс (я имею в виду Аргенти-

ну). Бразилия, по сравнению с этими государствами, просто образец примерного поведения.

Так почему же там разразился кризис? Фернандо Энрике Кардозо, преемник предыдущего президента, на выборах, прошедших в октябре, оставил далеко позади двоих своих соперников, которые придерживались умеренно левых взглядов. Инвесторы в панике, и в результате начались процессы, столь характерные для нынешних кризисов. Появились опасения, что правительство откажется от своих долгов, следовательно, снизится стоимость валюты, а ставка процента взлетит на заоблачную высоту. Поскольку большинство долгов зафиксированы либо по отношению к доллару, либо по отношению к краткосрочной ставке процента, то дефолт весьма вероятен.

Замечание г-на О'Нила было незабываемым, поскольку оно вызвало кризисные процессы. Кредит МВФ — это попытка улучшить положение вещей. Конечным результатом промаха г-на О'Нила было предоставление Бразилии дополнительных 10 млрд долларов.

Почему я столь деликатен? Одна из причин состоит в том, что есть некоторые вопросы о том, кому именно помогали. Пол Эрдман написал на сайте CBSMarket Watch.com, в колонке, восхваляющей администрацию, что «тот факт, что Бразилии также оказали поддержку финансовая группа “Ситигруп” и корпорация “Флит-Бостон”, которые сообща инвестировали примерно 20 млрд долларов в бразильский рынок, едва ли можно оставить незамеченным, учитывая то, что пришло время собирать средства в фонды предвыборной кампании среди элиты с Уолл-стрит».

Более важно другое: если опустить вопрос краткосрочной финансовой стабилизации, то вы поймете, к

чему все это приведет. Азиатские экономические системы прекрасно функционировали до кризиса, и можно считать, что финансовая помощь — это способ вернуть их в прежнее состояние. Однако существует причина, по которой левые приходят к власти не только в Бразилии, но и во всем латиноамериканском регионе: мы обещали им небо в алмазах, но даже до этого последнего кризиса слишком много людей не имели вообще ничего.

Десять лет назад Вашингтон уверял страны Латинской Америки, что если они откроют свои рынки для иностранных товаров и капитала и приватизируют государственные предприятия, то у них начнется грандиозный экономический рост. Однако этого не произошло. Аргентина в катастрофическом положении. Еще несколько месяцев назад считалась, что в Мексике и Бразилии все благополучно, но сейчас в обеих странах доход на душу населения едва превышает уровень 1980 года. А поскольку распределение по доходу весьма значительно, то большинство людей чувствуют себя беднее, чем 20 лет назад. Есть ли еще какие-нибудь сомнения в том, что народ, как никогда, стремится к воздержанности и дисциплине рыночных отношений?

Почему реформы не привели к обещанным результатам? Это сложный и неприятный вопрос. Я тоже купился на многие, хотя и не на все, из предложений Вашингтона, но сейчас, как выражается Бред Делонг из Университета Беркли, пришло время привести мои убеждения в соответствие с рыночными условиями. И моя уверенность в том, что мы давали хорошие советы, уже не так крепка. Можно только посочувствовать лидерам Латинской Америки, которые стремились утвердить веру в свободный рынок, чтобы защитить рабочих и нуждающихся.



Что-то мне подсказывает, что Соединенным Штатам стоит быть очень осторожными в своих ожиданиях по поводу возврата своих денег. Сейчас именно мы сталкиваем Бразилию в пропасть, но это не значит, что Латинская Америка опять будет четко следовать нашим указаниям. Правда в том, что мы потеряли доверие наших соседей с юга. Если мы не изменим свою политику, то потеряем и то, что осталось.

---

ЧАСТЬ V

**ВЕЛИКОЕ  
РАЗОБЛАЧЕНИЕ**



Бо́льшая часть этой книги, как вы видели, повествует о том, что в Соединенных Штатах в последние несколько лет происходило не так. Но хотя это объемная тема, она представляет собой только часть более широкомасштабной картины. В конце концов, американцы составляют только 5 процентов населения Земли, и когда-нибудь проблемы современной американской политики отступят на второй план. В этом разделе делается попытка сделать шаг в сторону и взглянуть более широко.

С точки зрения общества глобализация — всеохватный термин для растущей мировой торговли и укрепления связей между финансовыми рынками в разных странах, и многое другое, посредством чего мир уменьшается в размерах, — это проблема XXI века. Это также проблема, над решением которой я много работал в течение своей научной карьеры. Названием глава 15 обязана моим родителям, которые когда-то подарили мне футболку, на которой красовалась надпись «Global Schmo-bal». Когда я спросил их, что бы это значило, они пояснили — если мне придется появиться на научной конференции и мне зададут вопрос о значении этих слов, я отвечу: «О, гло-

бал шмобал, знаете ли...» Так что, теперь вы знаете правду о моей научной жизни.

В целом я сторонник глобализации в большей степени, чем немалое число людей, с кем я соглашаюсь, когда дело доходит до современной политики США. Действительно, именно мои доводы в пользу фритредерства навлекли на меня неприязнь Ральфа Нэйдера и различных либеральных изданий. Я не изменил своей точки зрения на этот вопрос: значительная часть главы 15 посвящена аргументам в пользу свободной торговли, выгоды, которую она несет бедным странам, и ошибочности некоторых популярных аргументов, направленных против глобализации. Но свободы недостаточно, предоставление помощи бедным странам — наш человеческий долг, и это тот долг, как я показываю в этой главе, от исполнения которого мы как государство отклоняемся.

Глава 16 позволяет взглянуть шире в ином смысле. В ней рассказывается об экономистах и экономике, о людях, которые помогают нам извлечь смысл, заключенный в приобретениях и тратах, и о том, как они делают свою работу. Это более жизнерадостные очерки, если сравнивать их с остальной частью книги, даже мое надгробное слово Джеймсу Тобину — это восхваление хорошо прожитой жизни. Моя глубочайшая надежда — когда-нибудь то дурное, о чем мне довелось писать, будет забыто, а работы этих экономистов будут жить.

## GLOBAL SCHMOBAL

ВРАГИ ВТО:  
ФАЛЬШИВЫЕ АРГУМЕНТЫ  
ПРОТИВ ВСЕМИРНОЙ  
ТОРГОВОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

---

«SLATE», 24 НОЯБРЯ 1999 ГОДА

Если одна картинка стоит тысячи слов, двухстраничный разворот в «The New York Times», в котором помещено более дюжины картинок, может оказаться красноречивее всяких слов. И, без сомнения, роскошно оформленный в газете от 15 ноября «Проект поворотной точки» союза активистов, противостоящих глобализации в целом и Всемирной торговой организации в частности, говорит больше, чем любое словесное описание о том, что на деле могло стать мотивом для этих активистов. По сути, показано много больше, чем было задумано.

Поводом для размещения объявления стало приближающееся «совещание руководящих лиц» ВТО, которое будет проходить в Сиэтле через несколько дней. ВТО стала мифом левых, таким же, каким ООН является для антиглобалистов — центром всемирного заговора против всего, что хорошо и благопристойно. Согласно этому мифу, «сверхсекрет-

ная» ВТО стала чем-то вроде надправительственного органа, который заставляет государства подчиняться желаниям мультинациональных корпораций. Она разрушает местные культуры (заголовок в объявлении гласит: «Глобальная монокультура»); она обирает окружающую среду и тиранит демократию, вынуждая правительства отменять законы, противоречащие ее мрачным целям.

Подобно большинству успешно распространяемых легенд, эта тоже содержит крупицу истины. Последовательное всемирное движение к свободной торговле, которое началось в 1930-е гг., когда Франклин Рузвельт принял Закон о международных торговых соглашениях, всегда зависело от международных переговоров: я снижу свои тарифы, если вы снизите ваши. Но всегда существовала проблема правительств, которые одной рукой дают, а другой отнимают, которые покорно отменяют тарифы, а затем используют другие отговорки, чтобы не допустить импорта. (Конечно, внутри Европейского Союза практикуется свободная торговля, но «эти английские коровы, они же опасны».) Чтобы заставить соглашения работать, должно существовать нечто вроде квазизаконного процесса, который определяет, когда очевидно внутренние меры являются *de facto* установлением новых торговых барьеров и тем самым нарушением договора. В системе, существовавшей до ВТО, согласно Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ), этот процесс был медленным и громоздким. Теперь он стал более стремительным и его легче осуществить. Неизбежно, некоторые из его решений могут быть поставлены под сомнение: был ли американский запрет на опасный для дельфинов отлов тунца на деле замаскированным торговым барьером? Но власть ВТО над местными законами, ко-

торой так бояться, строго ограничена контролем за соблюдением духа существующих соглашений. Невозможно в сколько-нибудь значимых масштабах заставить страны, которые скептически относятся к выгодам глобализации, продолжать развивать торговлю с другими странами и способствовать иностранным инвестициям. Если большинство стран, тем не менее, охотно или, по меньшей мере, без возражений участвуют в глобализации, это происходит в силу уверенности в их собственных интересах.

И в общем и целом они правы. Сам по себе факт состоит в том, что любой успешный пример экономического развития в прошлом столетии — каждый случай, когда бедное государство добилось выхода на более или менее приличный уровень жизни или, по меньшей мере, значительно улучшило жизненный уровень, — связан с глобализацией, то есть с развитием производства ради удовлетворения нужд мирового рынка, а не своих собственных. Многие из рабочих, занимающихся производством товаров для мирового рынка, по стандартам Первого мира, получают мизерную зарплату. Но заявлять о том, что глобализация стала причиной их обнищания, означает всячески игнорировать сопоставление во времени и пространстве, а именно забыть о том, что эти работники были еще беднее, прежде чем для них оказались доступными рабочие места на предприятиях, работающих на экспорт, и игнорировать тот факт, что те, у кого нет доступа к всемирному рынку, оказались во много более трудном положении, чем те, у кого он есть (см. мою старую статью в «Slate» «В похвалу дешевому труду»). Финансовый кризис 1997–1999 гг. на время дал новое оружие тем, кто заявлял, что глобализация плоха для рабочих повсюду, но кризис не бывает вечным, и в любом слу-



чае решение о выходе из грядущих кризисов, очевидно, будет состоять в определенной мере в управлении краткосрочными движениями капитала, а не отходом от глобализации как целого. Даже малазийцы продолжали приветствовать долгосрочные иностранные инвестиции и полагаться на промышленный экспорт.

А что же до окружающей среды? Конечно, для насыщения мирового рынка вырубается леса. Но государства, не берегущие окружающую среду, вполне способны нанести ей огромный вред и без помощи мультинациональных корпораций — стоит спросить об этом жителей Восточной Европы. Чтобы посмотреть, насколько серьезно это обвинение, стоит обратить внимание на то, что наиболее заметные примеры грабежа окружающей среды в современном Третьем мире не имеют ничего общего с ВТО. Лесные пожары, которые каждый год окутывают Юго-Восточную Азию облаком дыма, устраиваются местными жителями, стремящимися скупить земельные участки; субсидированное истребление влажных тропических лесов Амазонки началось в качестве составляющей бразильской стратегии внутреннего развития. В целом интеграция мировой экономики, которая ставит действия государств под международное наблюдение, возможно, помогает создать равновесие, позволяющее проводить политику в сфере охраны окружающей среды лучше, а не хуже.

Впрочем, в любом случае, это второстепенные вопросы, ибо то, что делает это объявление совершенно понятным, — я подозреваю, даже более прозрачным, чем намеревались его спонсоры, — это то, что оппозиция глобализации на самом деле очень мало связана с проблемами заработной платы или окружающей сре-

ды. В итоге, если мы отложим в сторону фотографии пней от срубленных деревьев и дренажного коллектора, то ужасы глобализации на иллюстрациях, отобранных «Проектом поворотной точки», предстанут в следующем виде: развязка скоростных магистралей, места для парковки, заполненные автомобилями, автомобильная пробка, типовые дома вдоль пригородной дороги, многоквартирное здание с многочисленными тарелками-антеннами для приема передач по спутниковому телевидению, офис со множеством компьютерных экранов, работники офисов в уличной толчее, высотные офисные здания, «специализированные хозяйства» со множеством цыплят, проход супермаркета, «золотые арки» Макдоналдса.

Каждая картинка сопровождается заголовком, вопрошающим: «Это Лос-Анджелес или Каир?», «Это Индия или Лондон?» и т. п.

Что же так ужасает в этих сценах? Вот как говорит об этом текст объявления: «Несколько десятилетий назад еще существовала возможность выйти из дома и отправиться куда-либо еще: архитектура была иной, ландшафт был иным, язык, платье и ценности были иными. То было время, когда можно было говорить о культурном разнообразии. Но с экономической глобализацией разнообразие быстро исчезает».

С этим не поспоришь: существует ли турист со столь омертвевшей душой, чтобы у него не возникало желания, если бы это было возможно, посетить деревенскую Францию, или Мехико, или по той же причине Канзас такими, какими они были, а не те, какими они стали? Но мир существует не для того, чтобы служить развлечением для туристов. Он движется или должен двигаться к благосостоянию обычных людей в

их повседневной жизни. И здесь негодование авторов «Проекта поворотной точки» начинает выглядеть достаточно странным.

Ибо, конечно, наиболее поразительным в ужасах глобализации, проиллюстрированных на этих фото, является вот что: для большинства людей мира такие картинки представляют собой то, к чему они стремятся, те вещи, которые они желали бы иметь, а не то, что им угрожает. Автомобильные пробки и уродливые развязки раздражают, но большинство людей с радостью согласятся на такое досадное неудобство в обмен на свободу, которая приходит с владением машины (и хотели бы иметь достаточно средств на приобретение таковой машины). Типовые и многоквартирные дома, возможно, безобразны, но и они рай, если сравнивать их с деревенскими хижинами и городскими трущобами. Носить костюм и работать за компьютером в многоэтажном офисе, верите вы тому или нет, более предпочтительно, чем, не разгибаясь, трудиться на рисовом поле. А обедать в «Макдоналдс» вас никто не заставляет.

Теперь, конечно, следует заметить: то, что хорошо для одного, не всегда хорошо для другого. Иметь просторный дом с садом — замечательно, но видеть сельскую местность, сплошь покрытую пригородными застройками — нет, и нам, возможно, жилось бы лучше, если бы мы согласились (или были бы убеждены налоговыми стимулами) на то, чтобы занять несколько меньшее пространство. То же относится и к культурным предпочтениям: жители Бостона, отдавшие свое предпочтение канадским примадоннам, тем самым подрывают перспективы местных певцов и создателей песен, и возможно, лучше было бы для всех, если бы местные радиостанции имели нечто вроде

норм, регламентирующих долю передач, принадлежащих той или иной культуре. Но существует четко просматриваемая линия, разделяющая такие аргументы к коллективным действиям и высокомерный патернализм, особенно когда затрагиваются вопросы культуры; предостерегаем ли мы общество о непреднамеренных следствиях или мы просто не согласны со вкусами отдельных людей?

И что совершенно ясно из объявления в «The New York Times», так это то, что «Проект поворотной точки» и все движение, которое он представляет, находятся выше этой черты. Хотя представители его говорят о свободе и демократии, основное их требование состоит в том, чтобы помешать отдельным людям получить то, чего они хотят, чтобы правительства имели свободу отрицать право людей водить машины, работать в офисах, есть чизбургеры и смотреть спутниковое телевидение. Почему? Вероятно, потому что люди были бы счастливее, если бы они сохранили свои традиционные «язык, одежду и ценности». Таким образом, испанцы оказались бы счастливее, если бы они по-прежнему одевались в черное и позволяли узколобым священникам руководить их жизнью, а жители американского Юга были бы счастливее, если бы фермеры попивали мятный джулеп, носили белые костюмы и принимали традиционные знаки уважения от издолщиков... вместо того чтобы жить в «тоскливом» современном мире, где Мадрид похож на Париж, а Атланту не отличить от Нью-Йорка.

Впрочем, я подозреваю, что жители Мадрида и Атланты, хотя они, возможно, и сожалеют о некоторой потере традиций, предпочитают современность. И знаете что? Я думаю, что остальной мир имеет право сделать тот же выбор.

СВЯТЫЕ И БАРЫШИ

---

23 ИЮЛЯ 2000 ГОДА

Джордж Оруэлл писал, что святые всегда должны признаваться виновными, если только не было доказано, что они невинны. Я не думаю, что он подразумевал заурядную лживость — хотя многие из тех, кого считают аскетами, как оказалось, имели что скрывать. Наиболее значим тот момент, что существуют другие соблазны, помимо плотских. И те, кто отвергает маленькие удовольствия, могут оказаться более восприимчивы к мономании, к побуждению пожертвовать хорошим ради лучшего. Другими словами, остерегайтесь причин, вызывающих мятеж, для которого не видно повода.

Некоторые комментаторы придавали слишком большое значение секретности, скрывающей расчеты организаций Ральфа Нэйдера, а также разоблачениям, что вознаграждения за лекции и инвестиции в фондовый рынок сделали из него мультимиллионера, и намекам, что его образ жизни, возможно, не столь аскетичен, каким он кажется. Но тех, кто симпатизирует м-ру Нэyderу, должны беспокоить не его грехи — если они у него и есть, — но его добродетели и его стремление навязать эти добродетели остальным.

М-р Нэyder не начинал свой путь как экстремист. Напротив, в 1960-е гг., когда он начал приобретать имя, как это ни поразительно, м-р Нэyder был относительно умеренным. Бывшие в ту пору в моде радикалы проповедовали революцию; он же требовал большей безопасности от конструкции автомобилей. И потому, что его радикализм был практичным и реалистичным, о нем

сохранилась долгая память: наша традиция активности потребителя, традиция, которая, по справедливости, чтит м-ра Нэйдера как отца-основателя, — это то, что во всех отношениях идет на пользу стране. Можно даже говорить, что нашим нынешним процветанием мы в некоторой степени обязаны м-ру Нэyderу: если бы Япония разделила наше здоровое недоверие к утверждениям типа «что хорошо для “Дженерал Моторс”, хорошо для всей Америки», то ей, возможно, удалось бы избежать той трясины, в какой находится ее нынешняя экономика.

Но где-то по пути трезвомыслящего радикала не стало. Дела, которыми занимаются м-р Нэyder и его организация в течение последней пары десятилетий, как кажется, имеют все меньше общего с первоначальными, гуманистическими целями.

Все знают о яростной оппозиции м-ра Нэйдера соглашениям о всемирной торговле. Но менее известно о том, что он в равной степени противостоял законопроекту, уничтожавшему барьеры на пути экспорта из Африки — шаг, который сами африканцы приветствовали, но который м-р Нэyder осудил по причине боязни, что африканские страны «будут истощены мультинациональными корпорациями, внедряющимися в местные экономики». (Большинство африканских стран с удовольствием заполучили бы некоторое количество иностранных инвестиций.) Сходные страхи привели к порицанию, высказанному м-ру Нэyderом в адрес новой, покончившей с апартеидом, Конституции Южной Африки по той причине, что она дарует корпорациям, как и отдельным лицам, определенный правовой статус, подобно законам любой рыночной экономики.

Или рассмотрим другой пример — ближе к нашим реалиям, в частности, к тому, что беспокоит меня. Когда мой артрит перестал реагировать на лекарства, отпускаемые без рецепта, я начал контролировать свое состояние с помощью противовоспалительного средства «Feldene». Но организация м-ра Нэйдера «Public Citizen» («Гражданин общества») не только попыталась заблокировать внедрение «Feldene» в 1980-е гг., она также пыталась добиться его запрета в 1995 г., несмотря на то, что к тому времени среди медэкспертов существовал консенсус относительно того, что выгоды, получаемые от приема лекарств, перевешивают риск от его приема.

Если вы ищете единой темы во всех этих случаях, кажется, это не защита потребителя, а враждебность к корпорациям в целом. М-р Нэyder полагает теперь, очевидно, что являющееся хорошим для «Дженерал Моторс», или «Пфайзер», или любой другой корпорации должно быть плохим для всего мира. Чтобы не дать корпорациям возможности извлечь прибыль, он вполне готов помешать безнадежно бедным государствам продавать свои товары на американских рынках, не позволить пациентам принимать лекарства, которые могут обеспечить им достойную жизнь, и помешать умеренному кандидату, который уживается с бизнесом, стать президентом.

Временами враждебность м-ра Нэйдера к корпорациям переходит всяческие границы. Ньют Гингрич<sup>1</sup> был многими воспринят с отвращением, когда в своей первой крупной речи после ухода из Конгресса он обви-

---

<sup>1</sup> Ньют Гингрич — старший научный сотрудник Американского института предпринимательства, бывший спикер Палаты представителей Конгресса США.

нил либерализм в колумбийских инцидентах с применением огнестрельного оружия в школах. Но несколькими днями ранее речи м-ра Джингрича Ральф Нэyder опубликовал статью, в которой те же инциденты были отнесены — я не шучу! — на счет корпоративного влияния.

И был ли я единственным, кого бросило в дрожь, когда м-р Нэyder объявил, что, будь он президентом, он не назначил бы вновь Алана Гринспена, а «заново обучил» бы его?

Многие из тех, кто подумывал о том, чтобы голосовать за м-ра Нэйдера, вероятно, воображают, что он все еще умеренный борец за гуманистические идеалы 1960-х гг. Им надо бы знать, что по какой бы то ни было причине — ваша непрофессиональная психология сгодится в той же степени, что и моя — теперь это совсем другой человек.

---

## РАБОЧИЕ ПРОТИВ РАБОЧИХ

---

21 МАЯ 2000 ГОДА

В 1920-е гг. коммунистическая партия Южной Африки выступала под лозунгом: «Пролетарии всего мира, объединяйтесь ради белой Южной Африки!» Тогда этот лозунг не был столь нелепым, каким он кажется сегодня: политическое движение, которое, в конце концов, навязало апартеид, имело сильные популистские, даже социалистические корни. Оно было искренне озабочено улучшением экономического положения рабочих-африканеров и защитой их от ограбления со стороны международного капитала. К несчастью, это движение улучшило положение белых рабочих во многом за счет



того, что помешало капиталистам предоставлять места на производстве людям с иным цветом кожи, предельная степень нищеты которых вынуждала их мечтать о работе за мизерное вознаграждение.

Профсоюзное движение в США не столь жестко в своих лозунгах. Возможно, его лидеры даже не допускают, что их все возрастающая горластая оппозиция импорту, по сути, является попыткой улучшить условия для американских рабочих за счет отрицания возможностей для работников остального мира. Но когда президент Teamsters<sup>1</sup> Джеймс П. Хоффа объявляет, как он сделал это не так давно на этих страницах, что «американских рабочих не следует просить конкурировать с иностранцами, которым не платят прожиточного минимума», смысл становится ясен. При условии низкой производительности труда в странах Третьего мира, с учетом недостатков инфраструктуры их государств и общего отставания в развитии настаивать, чтобы такие работники получали деньги, которые американцы считали бы прожиточным минимумом, означает настаивать на том, чтобы они завышали цену своего труда. И в этом нет ничего случайного, любая политика, которая не повысит цену на труд иностранных работников до уровня выше рыночного, не даст никакого облегчения рабочим здесь.

Есть некая трагическая неизбежность в том, каким образом профсоюзное движение достигло этого морального тупика. Американское профсоюзное движение имеет все права полагать, что американские рабочие были обмануты. По стандартным меркам, реальный чистый заработок производственных рабочих,

---

<sup>1</sup> Teamsters — профсоюз водителей грузовиков, крупнейшее профсоюзное объединение США, основан в 1903 году. Насчитывает около 2,3 млн членов (1993).

«синих воротничков», ниже того, что был четверть века назад. Вы можете играть статистическими данными, но, без сомнения, «голубые воротнички» в массе своей не были затронуты экономическим ростом государства. И отнюдь не пытаюсь бороться с этим неравенством в вопросах вознаграждения, политика в целом усиливает его: налоги стали меньше, а не более прогрессивными, бесплатные средние школы для тех, кто не может позволить себе жить в хорошем месте, стали хуже и т. д.

Исполненный благих намерений экономист может написать для вас перечень того, что может помочь рабочему классу Америки: нечто вроде государственного страхования зарплаты, более крупные, усовершенствованные доплаты к окладу наряду с налоговыми скидками на доход от зарплаты и т. д. и т. п. Но если бы я был профсоюзным лидером, я посмеялся бы над своей профессиональной наивностью. Вы знаете, и я знаю, что такие мечты являются воздушными замками, что в современной Америке левые, какие они есть, все время прилагают усилия для того, чтобы склонить систему налогов и льгот еще более в сторону интересов богатых слоев. И рабочее движение, чье влияние стало значительно меньшим по сравнению с тем, что было 20 лет назад, не находится в положении, позволяющем изменить политические течения.

Так что же делать лидеру профсоюза? Выбрать борьбу, которую он, возможно, сумеет выиграть: борьбу за ограничение импорта, конкурирующего с продукцией рабочих, которых представляет этот лидер. Избиратели могут не видеть в протекции прямую угрозу своим финансам (хотя это так). Вознаграждение может быть ограниченным — арифметика предполагает, что даже полный запрет на промышленный импорт из стран Тре-

тъяго мира подымет заработную плату «голубых воротничков» не более чем на 3 или 4 процента — но кто займется подсчетами? И если цель недостаточно привлекательна, если это, скажем, неприглядный режим в Китае, — ограниченная, но не игнорируемая лоббистская сила профсоюза как раз может добиться победы.

Другими словами, вполне понятно, что профсоюзы решили, что они должны попытаться помочь американским рабочим за счет того, что станут отвергать возможности для еще более нуждающихся работников за рубежом, в то же время отрицая, что они предпринимают что-либо подобное. Если бы я был профсоюзным лидером, я, вероятно, тоже стал бы протекционистом. Но понять политическую стратегию, даже согласиться с ее неизбежностью, не означает одобрить ее.

Те, кому нравится определенность в вопросах морали, а значит, все мы, желали бы, чтобы все стало проще, чтобы корпоративная скупость была единственным врагом, чтобы люди, подобные м-ру Хоффа, защищали права рабочих повсюду. Либералам тяжело признаваться в том, что профсоюзное движение в США, с его благородными традициями, теперь работает против интересов большинства бедных жителей мира. Но это так.

---

## СИНДРОМ СКРУДЖА

---

25 ДЕКАБРЯ 2001 ГОДА

«Ба! Вздор!» — воскликнул министр финансов США. Пусть Пол О'Нил на самом деле не говорил «Ба!». Но на прошлой неделе он пренебрежительно отклонил предложения об увеличении помощи бедным государствам. И его оправдания, что он «хотел бы видеть сви-

детельства того, что же работает, прежде чем давать новые обязательства», — было чистой воды вздором.

Так как на самом деле мы уже знаем о том, что работает, то никто не ожидает, что иностранная форма сотворит чудеса и превратит неожиданно Мозамбик в Швецию. Но более скромные цели, такие как спасение миллионов людей в год от болезней, подобных малярии и туберкулезу, вполне достижимы за вполне умеренные суммы денег.

Вот фраза из отчета комиссии, только что опубликованного Всемирной организацией здравоохранения и содержащего призыв к развитым странам предоставить ресурсы на осуществление плана, чтобы «постепенно увеличить доступ бедных слоев населения мира к важнейшим видам здравоохранения». Программа обеспечила предметы первой необходимости, которые многие бедные государства попросту не могут себе позволить: антибиотики для лечения туберкулеза, обработанные инсектицидами противомоскитные сетки и т. д. Для развитых стран цена этого составит около 0,1 процента их дохода. В результате мы сохраним, по меньшей мере, восемь миллионов жизней ежегодно.

Это не наивный идеализм. В отчете приводятся слова Джеффри Сакса, гарвардского профессора, возглавившего комиссию: «Я могу быть “реалистичным” и “циничным” с лучшими из них — приводя все доводы, почему положение вещей слишком трудно изменить». М-р Сакс знает, что развитые страны будет сложно убедить предложить свои деньги и что, в частности, США, вероятно, откликнутся с крайней неохотой. Но это один из тех случаев, когда тот, кто играет руководящую роль, может кардинально все изменить.

В настоящее время США является Скруджем западного мира — наименее щедрым богатым государством

планеты. Одна из таблиц в отчете ВОЗ показывает долю ВВП, выделенную в качестве иностранной помощи развитыми странами; США плетется в самом конце, на много отстав от значительно более бедных стран, таких как Португалия и Греция. Суммы, о выделении которых говорит ВОЗ, увеличили бы наш бюджет, выделяемый на помощь другим государствам, вдвое не потому, что суммы столь велики, но потому, что мы начинаем с очень низкой отметки — около 10 центов в день в расчете на каждого американского гражданина.

Тем не менее увеличение статьи бюджета на оказание помощи другим государствам выглядит несбыточной мечтой. Но так ли это? Мы, возможно, прижимистое государство, но мы не нация скряг. Американцы не только зачастую щедры каждый в отдельности, они, не зная об этом, очевидно готовы предоставлять значительно большие средства на иностранную помощь, чем это делает государство на деле. Отвечая на вопрос, какую часть федеральную бюджета следует выделить на оказание иностранной помощи, американцы, как правило, предлагают цифру около 10 процентов, что почти в 20 раз больше того, что мы тратим в настоящее время.

Избиратели, впрочем, обладают недостоверной информацией: они полагают, что доля иностранной помощи в федеральных расходах должна быть сокращена до 10 процентов. И они удивляются, почему жители других стран не выказывают большей признательности за те деньги, которые мы им даем. Другими словами, американцы живут в прошлом: план Маршалла был осуществлен более 50 лет назад, а они и не заметили.

Суть в том, что нам нравится думать, что мы щедры. Это предполагает, что американская администрация, которая действительно хотела бы последовать ре-

комендациям отчета ВОЗ, не столкнулась бы с трудностями в деле создания политической поддержки. И все, что ей понадобилось бы сделать, это использовать трибуну президента для информирования общественности о разнице, существующей между представлениями американцев о своей собственной щедрости и менее привлекательной реальностью.

О чем же беспокоиться? Можно сказать, что у США есть эгоистический интерес в том, чтобы помогать бедным людям мира. Комиссия Сакса утверждает, что улучшение здравоохранения в беднейших странах мира имело бы значительные сопутствующие благоприятные последствия. Он утверждает, что болезни — это основной барьер на пути к экономическому росту, а экономический рост развивающихся стран сделал бы мир в целом более богатым и безопасным.

Можно также сказать, что уменьшение разрыва между словами и делами Америки даст нам большее право на моральное лидерство, которое, нам думается, мы заслуживаем.

Но ключевой аргумент здесь, несомненно, моральный. Денежная сумма, которую американцы вряд ли заметят, десять центов в день на среднего гражданина, в буквальном смысле слова спасла бы жизни миллионов. Можем ли мы действительно сказать себе в этот рождественский день, что такой подарок дарить не стоит?

---

## СРЕДОТОЧИЕ СКУПЕРДЯЙСТВА

---

31 МАЯ 2002 ГОДА

Бедный Боно. Он оказался в трудном положении и не смог выбраться из него.

Во время одного из наиболее странных предприятий в истории экономики развивающихся стран Боно — солист рок-группы «U2» — совершал тур по Африке вместе с министром финансов Полом О'Нилом. Некоторое время скрытая напряженность, существовавшая между этими двумя людьми, была замаскирована обходительностью Боно, но в понедельник он не смог сдержаться.

Эти двое посещали деревню в Уганде, где новый источник, дающий чистую воду, значительно улучшил здоровье жителей деревни. Из этого м-р О'Нил сделал вывод, что, как и при осуществлении других виденных им проектов, нацеленных на развитие, значительное улучшение в жизни людей не требует большого количества денег и, следовательно, крупное увеличение помощи иностранным государствам не оправдано. К слову, США в настоящее время затрачивает на оказание помощи другим государствам 0,11 процента ВВП, Канада и основные европейские страны почти в три раза щедрее. Предложенный администрацией Буша «Фонд тысячелетия» увеличит нашу долю помощи, но только до 0,13 процента.

Боно был разъярен, заявив, что объекты демонстрировали как раз противоположное, что колодец был «примером того, почему нам нужно вкладывать большие деньги в развитие. И колодец ни в коей мере не представляет собой примера, почему нам не следует этого делать. И если министр этого увидеть не может, похоже, придется купить ему пару очков и новые уши в придачу».

Возможно, проще всего опровергнуть м-ра О'Нила можно напоминанием о прошлогоднем отказе от предложения Всемирной организации здравоохранения, которая стремится обеспечить бедные страны та-

кими предметами первостепенной необходимости, как антибиотики и обработанные инсектицидами москитные сетки. Если бы США поддержали предложенную программу, которая, по оценкам ВОЗ, ежегодно спасала бы восемь миллионов жизней, американские пожертвования составили бы ежегодно около 10 млрд долларов — десять пенсов в день в расчете на одного американца, но тем не менее сумму, вдвое большую, чем наши нынешние затраты на иностранную помощь. Спасение жизней — даже африканских жизней — стоит денег.

Но действительно ли м-р О'Нил слеп и глух к нуждам Африки? Возможно, нет. Он оказался зажат между рок-звездой и каменной стеной: он хочет показать озабоченность нищетой в мире, но у Вашингтона другие приоритеты.

Выразительная демонстрация этих приоритетов — это контраст между резким отказом администрации Буша от предложения ВОЗ и кампанией, проводимой обеими партиями, за то, чтобы сделать постоянной недавнюю отмену налога на наследство. Что примечательно в этой кампании, так это полное отсутствие попыток оппонентов налога на наследство прибегнуть к аргументу о просачивании благ сверху вниз, утверждая, что снижение налогов на богатых наследников на пользу всем нам. Вместо этого они делают эмоциональное заявление — они хотят, чтобы мы почувствовали боль тех, кто платит налог на наследство (налог на смерть). И душещипательные истории сработали; Конгресс отмахнулся от предложений сохранить налог, даже от предложений, которые подняли бы планку границы освобождения от налога — долю любого наследства, свободного от налогов, — до 5 млн долларов.



Давайте немного посчитаем. Налог на наследство, превышающее сумму 5 млн долларов, затронет лишь горсточку очень богатых семей: в 1999 г. только 3300 наследств стоимостью свыше 5 млн долларов имели налогооблагаемую ценность. В среднем стоимость такого имущества была 16 млн долларов. Если излишек, превышающий 5 миллионов долларов, облагался налогом по ставке, существовавшей до 2001 г., в среднем обязанная платить налог семья осталась бы с 10 млн долларов, что, по моему мнению, не равнозначно жизненным лишениям, а правительство ежегодно собирало бы 20 млрд долларов дохода. Но нет, налог требуется отменить целиком.

Так вот где наши приоритеты. Столкнувшись с предложением, которое ежегодно сохраняло бы жизни восьми миллионов людей, многие из которых — дети, мы отказываемся от расходов. Но когда нас просят отказаться от доходов, в два раза превышающих эти расходы, чтобы дать каждой из 3300 счастливых семей возможность получить свое 16-миллионное наследство вместо каких-то 10 млн долларов, мы не колеблемся. Не забудем ни одного наследника!

Эти расчеты возвращают нас к туру Боно—О'Нила. Должно быть, рок-звезда надеялась, что чиновники высшего ранга в американском правительстве невежественны, а не бессердечны, что они просто не понимают, каковы условия жизни в бедных странах и как иностранная помощь может все изменить. Показав м-ру О'Нилу реалии бедности и те блага, которые может принести помощь, Боно надеялся обнаружить и разжечь искру сострадания, которая, конечно, должна скрываться в сердцах тех, кто заявляет, что сочувствует консерваторам.

Но он пока не нашел того, что искал.

## АМЕРИКА — НАРУШИТЕЛЬ

24 МАЯ 2002 ГОДА

В начале правления администрации Рейгана я в течение года работал в составе Совета консультантов по экономическим вопросам. Тогда я получил возможность без иллюзий взглянуть на то, как на самом деле создается экономическая политика. Но обнадеживающей неожиданностью было серьезное отношение американских чиновников к соглашениям о международной торговле.

Администрация Рейгана, вопреки своей фритрейдерской риторике, весьма охотно защищала отдельные отрасли промышленности ради политических дивидендов: наиболее примечательным примером стало «сознательное» ограничение экспорта японских автомобилей. Все же существовало твердое правило, что вмешательства в торговлю должны быть узаконены с помощью ГАТТ, то есть они не могли нарушать Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ с тех пор было включено в нормы Всемирной торговой организации). И эта щепетильность соблюдалась до конца правления Клинтона. Все понимали, что есть некоторые действия, которые не предпринимают, независимо от того, что они могут принести в виде краткосрочных политических выгод.

Другими словами, в те дни нашей международной экономической политикой руководили ответственные люди.

Когда администрация Буша установила жесткие тарифы на импорт стали, стало очевидным, что отныне это не так. Исключительно в экономическом измере-

нии тариф на сталь не столь уж большое дело. Но он демонстрирует беспрецедентное нарушение норм международного права.

Непосредственная угроза состоит в том, что другие государства ответят на этот шаг. Европейский Союз угрожает ответным введением тарифов, а ранее на этой неделе Япония, Бразилия, Южная Корея и Китай заявили, что они подадут иск. (М-р Буш на деле объединил мир, по крайней мере, в том, что касается этого вопроса.) Но как однажды сказал мне один мудрый эксперт по торговле, угроза того, что США презирает нормы, — не в возмездии, а в подражании: если мы не уважаем торговые соглашения, кто будет их уважать?

В любом случае, зачем нам нужны торговые соглашения? Расходы, которые несут из-за тарифов и квот на импорт внутренние потребители, почти всегда превышают выигрыш, который они дают местным производителям. Тем не менее, если бы у нас не было торговых соглашений, протекционизм, как правило, выигрывал бы. Потребители не понимают, что тарифы на сталь или квоты на сахар их задевают, но производители стали и сахара точно знают, что они получают.

Причина, по которой мы стараемся иметь в значительной степени свободную торговлю, состоит в том, что мир, под руководством США, разработал систему, которая противопоставляет собственные интересы экспортеров влиянию отраслей, которые предпочли бы не конкурировать с импортом. Каждая страна соглашается на то, чтобы принять экспорт из других стран в обмен на доступ к их рынкам. На языке торговых переговоров, стороны в таком соглашении делают «уступки», но реальная цель этих уступок — защитить нас самих от наших собственных скверных инстинктов.

Данная система зависит от суждения, что сделка — это сделка. Страна, которая, скажем, согласилась допустить импорт стали, не изменит своему обещанию лишь потому, что ветер внутренней политики сменил направление. Торговые соглашения в обязательном порядке включают гарантии — особые условия, при которых разрешен ввод временных тарифов; но условий, при которых вы можете их применить, весьма ограниченное количество.

А сталелитейная индустрия очевидно не соответствует этим условиям. В частности, импорт стали в последнее время шел на спад, а не увеличивался. Когда, тем не менее, администрация Буша решила дать сталепромышленникам защиту, которую те хотели получить, они заявили, что нормы, существующие во многих других сферах, не применимы конкретно к ним.

Администрация настаивает, что она всего лишь отстаивает американские интересы. Роберт Зелик, торговый представитель, который привык выступать как истинный фритрейдер, а в наше время его слова звучат как речь человека, объявленного вне закона, объявил, что «дядя Сэм не собирается играть роль дубинки для этих людей». Но если вы считаете, что это связано с национальными интересами, то примерно так же, как если бы я собирался совершить теракт на Бруклинском мосту, который вы, возможно, собирались приобрести.

Конечно, на самом деле все это связано с несовершенной, близорукой политикой, той же политикой, которая, чтобы выручить конгрессмена из Южной Каролины, привела администрацию к отмене торгового доступа для карибских государств, имеющего большое значение для последних, что в перспективе пагубно скажется на экономике региона. В случае со сталью Карл

Роув трижды поставил голоса выборщиков от Западной Вирджинии против мировой системы торговли, созданной более 60 лет назад, и кто победил, вероятно, ясно.

Вскоре у м-ра Буша появятся полномочия способствовать торговле, то, что мы привыкли именовать «быстрым маршрутом», который, по его словам, нужен ему, чтобы вести переговоры о новых торговых соглашениях. Но чем хороши новые соглашения, если мы не соблюдали старые?

---

## БРЕМЯ БЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

---

24 СЕНТЯБРЯ 2002 ГОДА

Нам следует прислушиваться к Карлу Роуву, когда он хвалит прежних президентов. К примеру, недавно м-р Роув прибег к сравнению, назвав Джорджа Буша-младшего новым Эндрю Джексоном. Так как Конгресс рассматривает запрос м-ра Буша об освобождении Министрства внутренней безопасности от действия законов государственной гражданской службы, следует припомнить, что законы эти были введены благодаря изменениям в «системе распределения трофеев», согласно которой федеральные должности резервировались для политически лояльных людей — практике, берущей начало со времен Джексона.

Но прообразом для м-ра Роува был Уильям Мак-Кинли. До 11 сентября мы думали, что м-р Роув в восторге от внутренней политической стратегии Мак-Кинли. Но Мак-Кинли был также президентом, приобретшим заокеанскую империю. И в воздухе вновь явственно повеяло имперскими амбициями.

Конечно, новая доктрина Буша, согласно которой Соединенные Штаты будут стремиться к «смене режима» в странах, в которых, по нашему суждению, может таиться будущая угроза, движима высокой моральной целью. Но империалисты эры Мак-Кинли также полагали, что их действия морально оправданы. Война с Испанией, управлявшей своими колониями с большой, но не представлявшей для нас угрозы жестокостью, была оправдана очевидным террористическим актом, потоплением военного корабля «Майне», хотя нет доказательств, которые позволили бы связать это нападение с Испанией. А целью нашего завоевания Филиппин было, как объявил Мак-Кинли, «дать филиппинцам образование, поднять их культуру, цивилизовать и христианизировать их».

Оставим в стороне моральную чистоту. Параллель между стремлением определить участь других стран, существовавшим в Америке столетие назад, и новым чувством возложенной на нее миром миссии многому должна нас научить.

Во-первых, опыт испано-американской войны должен напомнить, что быстрая военная победа, определенная договором, не обязательно означает окончание связанных с войной событий. Благодаря техническому превосходству Америки адмирал Джордж Деви разгромил испанский флот в Манильском заливе, не потеряв ни одного человека. Но чистая, высокотехнологичная война против Испании обернулась в крайне грязную войну против филиппинского сопротивления, в которой погибли сотни тысяч гражданских лиц.

Во-вторых, американское имперское предприятие должно служить нам предостережением против слишком серьезного отношения к грандиозным стратегическим теориям. Доктрины тогдашнего времени рассмат-

ривали колонии как стратегические активы. В конечном счете вызывает сомнения, сделал ли нас сильнее наш контроль над Филиппинами. Теперь мы уверены, что военные действия против стран-изгоев защитят нас от терроризма. Но страна-изгой в поле нашего нынешнего зрения, по-видимому, не участвовала в событиях 11 сентября: что определяет то, чей режим будет сменен?

Наконец, нам следует помнить, что экономические доктрины, использовавшиеся для оправдания строительства западных империй в конце XIX века, оказались ошибочными, полагая колонии ценными рынками и источниками сырья. За редким исключением, затраты на содержание и защиту колониальной империи значительно превышали даже щедрые подсчеты полученной выгоды. В наши дни ученые мужи говорят о том, что война с Ираком снизит цены на нефть и, может быть, даже принесет финансовый доход. Но однако воздействие на цены на нефть отнюдь не бесспорно, тогда как тяжкое бремя затрат на войну, оккупацию и восстановление — ибо мы не станем бомбить Ирак, а затем умывать руки, уходя от ответственности, не так ли — бесспорно. И нет, Соединенные Штаты не смогут взять расходы на войну из иракской нефтяной прибыли, если только мы не захотим заявить всему миру, что — несмотря ни на что — мы всего лишь старорежимные империалисты.

В конце концов, империализм XIX века был обходным маневром. Трудно не заподозрить, что бушевская доктрина также обходной маневр — отвлекающий внимание от реальных проблем дисфункциональности, обеспечивающих безопасность учреждений, увязнувшей экономики, опустошенного бюджета и разорванных отношений с союзниками.

## ЭКОНОМИКА И ЭКОНОМИСТЫ

### ПРЕДЛОЖЕНИЕ, СПРОС И АНГЛИЙСКАЯ ПИЩА

---

«FORTUNE», 20 ИЮЛЯ 1998 ГОДА

Мы, американцы, любим похвастаться нашими экономическими достижениями 1990-х гг., но можно смело утверждать, что Англия, где я провел последние несколько недель, демонстрирует истинную историю экономического выздоровления в развитом мире. Когда я впервые начал ездить туда в начале 1980-х гг., Лондон был захудалым и унылым городом, а старые промышленные регионы были заброшенными пустырями, заполненными закрывающимися фабриками и очередями безработных. Однако сегодня Лондон деловито гудит, демонстрируя признаки процветания, на улицах его слышен многоязычный говор тысяч молодых европейцев — особенно французов, — пересекших Ла-Манш в поисках рабочих мест, которые они не могут получить дома. Как это было достигнуто — это один из вопросов; сможет ли новое лейбористское правительство сохранить достижения — другой.

Но я не собираюсь предпринимать попытку ответить на оба вопроса, так как мысли мои



о еде. Я не Марсель Пруст (во всяком случае, я оставляю ему эти печенье и кексы), но изменений в английских обычаях питания достаточно, чтобы экономисту было о чем поразмышлять: о жизни, мире и природе потребительского общества.

Для тех, кто помнит прежние времена, еда в современной Англии стала наиболее удивительной переменной. Традиционно английская еда пользовалась заслуженной известностью благодаря своим жутким характеристикам — жирная рыба и чипсы, студенистые пироги со свиной и кофе, напоминающий помои. Теперь не только можно легко приготовить что-то много лучшее, но трудно отыскать традиционно скверную английскую кухню. Что произошло?

Может быть, на первое место следует поставить вопрос о том, как английская еда стала столь плохой. Вполне обосновано предположение, что виновником этого является ранняя индустриализация и урбанизация страны. Миллионы людей в кратчайшие сроки уезжали с земли и оказывались оторванными от доступа к традиционным сельхозпродуктам. Что еще хуже, они поступили так в то время, когда технология поставки еды в город была неразвита: викторианский Лондон уже насчитывал свыше миллиона людей, но большая часть пищи для него доставлялась на баржах на конной тяге. И таким образом, простые люди, и даже средний класс, были вынуждены прибегнуть к кухне, основанной на консервированных продуктах: разваренный горох, мясо, приготовленное так, чтобы его можно было долго хранить (отсюда упоминавшиеся пироги), и корнеплоды, которым не требуется заморозка (например, картошка, что и объясняет происхождение чипсов).

Но почему еда осталась столь же плохой после того, как появились вагоны-рефрижераторы и корабли с морозильными камерами, замороженные продукты (в любом случае, они лучше, чем консервированные) и со временем стала возможной доставка свежей рыбы и овощей грузовыми самолетами? Теперь поговорим об экономике и об ограниченности традиционной экономической теории. Ответ, несомненно, в том, что ко времени, когда британцы-горожане получили возможность достойно питаться, они более не ощущали разницы. Способность ценить хорошую пищу, вполне буквально, является приобретенным вкусом, — но в связи с тем, что типичный англичанин, скажем, где-то в 1975 г. никогда не пробовал действительно хорошей пищи, он ее и не требовал. А так как потребители не требовали хорошей пищи, они ее и не получали. Даже тогда были отдельные люди, которым хотелось бы лучшего, но их было недостаточно для того, чтобы обеспечить критическую массу.

А затем положение вещей изменилось. Отчасти это можно считать одним из результатов иммиграции. (Хотя ранние волны иммиграции попросту адаптировались к английским стандартам — я вспоминаю посещение одного весьма дорогого итальянского ресторана в Лондоне в 1983 г., который рекомендовал обедающим звонить заранее, если они хотят, чтобы их блюда из макарон были свежеприготовленными.) Рост зажиточности и отпуска за рубежом, которые сделал возможным подъем благосостояния, может быть, стали более важными факторами: как можно удержать людей на диете из сосисок, раз они пробовали гусиную печенку? Но в определенный момент процесс стал идти за счет собственных ресурсов: достаточно большое количество

людей узнало вкус хорошей пищи, таким образом, магазины и рестораны начали ее поставлять, и это позволило еще большему числу людей приобрести начатки цивилизованного вкуса.

Так что же общего имеет все это с экономикой? Хорошо, взгляд на рыночную систему в целом предполагает, что она обслуживает потребителей, давая нам то, что мы хотим, и тем самым максимально увеличивая наше коллективное благосостояние. Но история английской еды предполагает, что даже в столь принципиальном вопросе, как питание, экономика свободного рынка может оказаться на длительное время в ловушке, достигнув плохого равновесия, когда хорошее не запрашивается потому, что его никогда не предлагали, и не поставляется, потому что нет достаточного количества людей, его требующих.

И напротив, может нарушиться и хорошее равновесие. Предположим, что страна с хорошей едой оккупирована поставщиками дешевой кухни, предназначенной более грубым вкусам. Вы, возможно, скажете, что люди имеют право есть то, что они хотят, но когда рынок традиционных припасов пищи истощится, их вкусам труднее будет ее обнаружить и, таким образом, труднее обучаться ценить, — и все могут оказаться в затруднительном положении. Англичане часто удивляются истерии своих ближайших соседей, которые испуганы притоком пончиков за счет круассанов. Сколько была смеху, когда испуганные французы поняли, что «Макдоналдс» стал официальной кухней для Кубка мира. Но озабоченность Франции не вполне глупа (глупа, конечно, но не так чтобы очень).

По сравнению с этническими чистками в Косово и падением иены такие вопросы являются пустяками. Но они, однако, дают неплохую пищу для размышлений.

## О, КАНАДА: ЗАБЫТАЯ НАЦИЯ ПОЛУЧАЕТ НОБЕЛЕВСКУЮ ПРЕМИЮ

---

«SLATE», 19 ОКТЯБРЯ 1999 ГОДА

Это вопрос времени. Тех из нас, кто работает над международной кредитно-денежной теорией, десять лет интересовал вопрос, когда Роберт Манделл получит совершенно заслуженную Нобелевскую мемориальную премию по экономике. Работа Манделла занимает центральное положение в этой сфере, она столь «конструктивна» (термин, который используется слишком часто, чтобы применить его здесь в полном смысле слова), что по многим обсуждаемым вопросам его идеи стали базисом для обеих спорящих сторон. Но дилетант может быть сбит с толку в отношении того, кто же такой Манделл и за что им получена премия.

Редакционная статья «The Wall Street Journal» достаточно патетично назвала эту Нобелевскую премию «приоритетом предложения». Это неудивительно: в последние годы попытки редактора Роберта Бартли претендовать на интеллектуальные доказательства этому все более бесперспективны. После восьми лет подъема экономической активности при Клинтоне, благодаря которым рейгановские «семь жирных лет» смотрятся безусловно жалкими, и в связи с тем, что герои, отстаивающие приоритет предложения, такие как Джуд Ванниски, выглядят день ото дня все более экстремистски, «The Wall Street Journal» схватится за все, что сможет достать. (С каких это пор Бартли заботит то, что думают шведы о чем бы то ни было?) То, чего стоит это утверждение, показывает цитата из решения Нобелевского комитета, где не упоминается ничего, что напи-

сал бы Манделл с тех пор, как его идеи взяли на вооружение Бартли и прочие около 25 лет назад. Получил Нобелевскую премию тот молодой Манделл, чьи теории все еще доминируют в учебниках.

Так если это не Нобелевская премия «приоритета предложения», что это такое? Хорошо, как насчет того, чтобы считать ее канадской Нобелевской премией?

У меня нет объяснений тому, почему вопросы канадской политики повсюду считаются чем-то скучным, почему оставивший далеко позади своих конкурентов по занудности заголовок «Стоящая канадская инициатива» все еще выглядит таким забавным (да, мне он тоже кажется смешным). Может быть, это каким-то образом связано с тем, как они говорят, а? Но когда дело доходит до международных кредитно-денежных проблем, Канада всегда оказывается весьма интересным случаем — страна, которая не поддается общим тенденциям, которая демонстрирует пример суетности традиционного мышления настоящего времени. В данный конкретный момент, к примеру, способность Канады благоденствовать, имея собственный доллар, — это наилучший взятый в отдельности аргумент, который я знаю, свидетельствующий против британских еврофилов, настаивающих, что их страна должна присоединиться к Европейскому монетарному союзу или погибнуть. И когда молодой канадский экономист Роберт Манделл выполнил свою наиболее важную работу в начале 1960-х гг., вероятно, именно канадское своеобразие вдохновило его на нестандартные мысли.

Вот как выглядел мир в 1960-м: почти все страны имеют фиксированный курс обмена валюты, привязанный к американскому доллару. Передвижение капитала между странами крайне ограничено, частично за счет правительственного регулирования, отчасти с ог-

лядкой на дефолты и экспроприации 1930-х гг. И большинство экономистов, размышлявших о международной денежной системе, явно или скрытно считали, что такое положение вещей должно сохраниться в течение прогнозируемого будущего.

Но Канада была иной. Контролирование движения капитала по всей длинной границе с Соединенными Штатами никогда не имело практического смысла, и американские инвесторы менее нервозно относились к вложению денег в Канаду, чем в любую другую страну. С учетом этого неподконтрольного движения капитала Канада не могла зафиксировать свой курс обмена, не отказавшись от полного контроля над собственной денежной политикой.

Не желая стать финансовым подопечным Федеральной резервной системы, с 1949 по 1962 г. Канада приняла уникальнейшее решение, позволив своей валюте колебаться по отношению к американскому доллару. В нынешнее время высокая мобильность капитала и колеблющийся курс обмена являются нормой, но тогда они выглядели скандальными или показались бы вопиющими, если бы в них принял участие кто-либо помимо канадцев.

Итак, возможно, именно канадский случай привел Манделла к вопросу, поставленному им в одном из трех его наиболее известных трудов: каким образом денежная и фискальная политика будут работать в экономике, где капитал свободно перетекает внутрь и наружу в результате возникновения какой-либо разницы между ссудными процентами, назначаемыми в стране и за рубежом. Его ответ был таков: это зависит от того, как поступила данная страна с курсом обмена. Если страна настаивает на том, чтобы удерживать на постоянном уровне ценность своей валюты сравнительно с

деньгами других стран, денежная политика окажется абсолютно беспомощной. Только допустив возможность колебания курса обмена, можно восстановить эффективность денежной политики.

Позднее Манделл расширил свое первоначальное видение, предложив концепцию «несовместимой троицы»: свободное движение капитала, фиксированный курс обмена и эффективная денежная политика. Проблема в том, что вы не можете получить это все вместе: страна должна выбрать два условия из трех. Она может установить свой курс обмена без того, чтобы обессилить центральный банк, но только сохранив контроль над потоками капитала (как Китай сегодня); она может оставить движение капитала свободным, но сохранить денежную автономию, только позволив колебаться курсу обмена (как Великобритания или Канада); или она может сделать выбор в пользу того, чтобы оставить капитал свободным и стабилизировать валюту, но только отказавшись от возможности приспосабливать процентные ставки к борьбе с инфляцией или рецессией (как Аргентина сегодня или, коли на то пошло, большинство европейских стран).

Какой же выбор следовало сделать стране, такой как Канада, где контроль над капиталом — несерьезный вариант? Следовало ли ей открыто или неявным образом отказаться от владения собственной валютой и обходиться американским долларовым стандартом, или риск согласиться на колеблющийся курс канадского доллара к доллару был той ценой, которую стоит заплатить за способность активно влиять на стабилизацию экономики внутри страны? Споры о том, как определить «оптимальную валютную зону», бесконечны, но Манделл определил ее условия, в частности, предположив, что ключевой характеристикой такой зоны,

как правило, будет высокая внутренняя мобильность рабочей силы, то есть готовность и способность работников переезжать из районов, терпящих кризис, в регионы, испытывающие рост. (Этому критерию, между прочим, Европа, чью одновалютную систему теперь Манделл с энтузиазмом поддерживает, очевидно не удовлетворяет.)

Сегодня трудно в полной мере оценить даже то, насколько новым в то время было определение Манделлом этих проблем и способ, которым он попытался их решить. Но если обратиться к международной литературе по вопросам денежного обращения в пору, когда Манделл переживал лучшие дни, сложится впечатление, что он на 15 или 20 лет опередил своих современников. Они по-прежнему мыслили в рамках контролируемого мира — мира, где деньги движутся туда и в те сроки, какие укажут им власти. Он мыслил в рамках мира, где деньги движутся свободно и массово в любое место, где они могут принести наибольшую отдачу. В то время только Канада, благодаря своему соседу-гиганту, жила в мире, чем-то напоминающем мир Манделла, а сегодня все мы живем в нем. И если вы заглянете в любой крупный учебник по международной экономике, такой как многолетний бестселлер Пола Р. Кругмана и Мориса Обстфельда, — вы по-прежнему обнаружите, что та половина книги, которая посвящена денежно-кредитной политике, в очень значительной части основана на работах, написанных Манделлом в начале 1960-х гг.

Так каков же этот экономист, которого «The Wall Street Journal» считает своим единомышленником? Да, экономисты меняют свой стиль и свои взгляды с возрастом, и Манделл изменился в большей степени, чем большинство из них. Те конструктивные ранние



работы были свежими и минималистскими; они прозревали будущее и замечательно предвидели дикий и неотесанный, неподконтрольный мир современной международной экономики. Напротив, сочинения Манделла с начала 1970-х гг. стали более бессвязными, можно сказать, почти хаотичными, и часто выказывают нечто вроде стремления вернуться к утраченной уверенности, заключенной в «золотом стандарте». (Да, конечно, он сказал ряд вещей, которые, с некоторым усилием, можно истолковать как поддержку экономике с приоритетом предложения.) Ранний теоретик предвидел 1990-е гг., стареющий государственный деятель обратился к 1890-м.

Так что вы можете выбирать, какого Манделла вы предпочитаете; но Нобелевский комитет, по существу, оказал честь Манделлу молодому, экономисту, который был достаточно иконоборчески настроен, чтобы представить, что Канада, как это ни удивительно, имела экономику будущего, и оказался прав.

---

## КТО ЗНАЛ? ШВЕДСКАЯ МОДЕЛЬ РАБОТАЕТ

---

«FORTUNE», 25 ОКТЯБРЯ 1999 ГОДА

До недавнего времени, когда мне задавали вопрос, какой тип общества я хотел бы увидеть, у меня всегда был наготове ответ: «Швецию летом 1980-го». Почему Швецию? Потому что я — нудный либерал, а Швеция традиционно была моделью того, что обычно именуется «средним путем», рыночной экономикой, острые края которой приглажены щедрыми правительственными программами. Почему летом? Потому что Стокгольм, вероятно, красивейший город мира летним днем в июне,

зимой имеет невероятно маленький световой день. И почему 1980-й? Потому что к началу 1990-х гг. шведская модель стала разваливаться. Общество, идеальное в прошлом, заразилось евросклерозом, с замедленным ростом и уровнем безработицы, превысившим 8 процентов. И шведское государство всеобщего благосостояния, казалось, обанкротилось: в 1993-м бюджетный дефицит достиг абсурдной отметки — 12 процентов ВВП.

Крах шведской модели вызвал радость у консерваторов. Как ликующе объявлялось в отчете 1991 г. Института Като, «Швеция, казалось, являет вызов тем умам, которые доказывают, что высокие налоговые ставки и всестороннее вмешательство государства препятствуют экономическому росту... Мало кто теперь рассматривает шведскую систему как образец для подражания».

Но приглядывались ли они к Швеции в последнее время? Во время недавнего визита в Стокгольм я, как и обычно, был ошеломлен красотой города, но также изумлен теми очевидными признаками успеха, которые не могут обманывать. Первые впечатления подтверждаются и статистическими данными: с 1993 г. экономика испытывала быстрый рост; большинство прогнозов указывают на рост почти в 4 процента ежегодно. Безработица медленно снижается, и многие предсказывают, что в следующем году она снизится до уровня менее пяти процентов — достижение, которое производит еще большее впечатление, если принять во внимание очень высокую долю участия рабочей силы (в Швеции, как и в США, работает около трех четвертей людей трудоспособного возраста — для сравнения: в континентальной Европе эта доля не достигает двух третей.) Кроме того, бюджет профицитен.

Как шведам удалось осуществить эти преобразования? Рейганизировали ли они свою экономику, приняв систему в американском стиле: низкие налоги и рынки типа «все достанется победителю»? Одним словом: нет. О, Швеция стала государством с несколько более скромным благосостоянием и устранила некоторые поистине безумные сдерживающие факторы налоговой системы (по общему мнению, нередко были случаи, когда предельные налоговые ставки превышали 100 процентов). Но в прошлом году Швеция собрала в виде налогов гигантскую сумму — 63 процента ВВП. Шведское государство всеобщего благоденствия остается крайне щедрым, предоставляемые в нем социальные гарантии заметно выше базовых. Если вы верите людям, полагающим, что относительно незначительное налоговое бремя (всего лишь 34 процента ВВП!) является гнетущей обузой для экономики, вам следовало бы ожидать, что шведская экономика взлетит на воздух, а не испытает подъем.

Сами шведы не вполне уверены в том, что они сделали так, как надо. Но весьма вероятно предположение о том, что формула шведской «новой экономики» складывается из культуры, восприимчивой к современным информационным технологиям, в сочетании с денежной политикой, давшей экономике шанс извлечь выгоду из более высокого потенциала роста.

Начнем с технологии. Никто не знает точно, как случилось, что скандинавы и цифровые технологии подходят друг к другу, будто селедка и вареная картошка, но определенная аналогия явно есть. Американцы считают, что они владеют Сетью; но по большинству критериев Финляндия (формально не относящаяся к скан-

динавским странам, но достаточно близкая к ним страна) — родина «Linux» и «Nokia» — это страна, в наибольшей степени охваченная кабельной связью, и Норвегия и Швеция ненамного отстают от нее. Некоторые утверждают, что дело в сочетании высокообразованного, говорящего на английском языке населения и низких телефонных тарифов; другие — что длинными, темными зимами там мало чем найдется заниматься помимо этого.

Но более высокой производительности недостаточно: должен быть достаточный спрос, чтобы извлечь пользу из более высокого потенциала экономики. И вот здесь шведы оказались удачливыми. В те мрачные дни 1992-го шведские чиновники полагали, что для восстановления благоденствия им придется стать частью европейского движения к единой валюте. Хотя Швеция формально не входила в Европейскую монетарную систему, но она вела себя так, будто бы входила, приносив крону к немецкой марке даже перед лицом роста безработицы. В конце концов, любая девальвация будет катастрофой, ведущей к новому витку инфляции, так ведь? Тогда, вследствие девальвации в Британии в сентябре 1992 г., дельцы предприняли атаку, в итоге заставив Швецию согласиться на собственную девальвацию — то, что требовалось экономике.

Вне всякого сомнения, будущее Швеции гарантировано. Реагируя и на глобализацию, и на высокие ставки налогового обложения, некоторые шведские компании перенесли свои штаб-квартиры за границу — к примеру, «Ericsson» теперь имеет головной офис в Лондоне. Но шведская история должна служить доказательством того, что замечательные общества иногда финишируют первыми.

## ДВА ЛАРРИ

19 НОЯБРЯ 2000 ГОДА

Предположим, что Джордж Буш-младший выиграл — что он попал в Белый дом в силу сложившихся обстоятельств. Осуществит ли он то, чем гордится, станет ли «объединителем, а не разделителем»? То, как он ведет себя с тех пор, как закончилась ночь после выборов, — плохой признак, такое поведение предполагает, что м-р Буш имеет в виду, а именно: всем следует объединиться, чтобы дать ему то, что он хочет. Но существуют также другие, более тонкие индикаторы того, каким образом м-р Буш может повести себя на этой должности. Увы, они далеко не обнадеживают. Рассмотрим, в частности, проявленное им предпочтение к экономическим консультантам.

Назовем это случаем с двумя Ларри. Один Ларри — это Лоренс Саммерс, министр финансов и главный экономист администрации Клинтона. Другой — Лоренс Линдси, главный экономический советник м-ра Буша в ходе предвыборной кампании, который, как в значительной степени ожидается, будет играть центральную роль, если м-ру Бушу удастся достичь Овального кабинета.

На первый взгляд, оба эти человека выглядят в высшей степени похожими друг на друга. Оба в свое время преподавали в Гарварде, оба в течение некоторого периода входили в состав Совета консультантов по экономическим вопросам в эпоху Рейгана, оба начали свою карьеру с работ по проблемам налогообложения.

Но более пристальный взгляд показывает, что они совершенно разные люди.

М-р Саммерс, прежде чем оказался в администрации Клинтона, проделал головокружительную карьеру как академический исследователь, опубликовавший массу статей в профессиональных журналах и закрепивший за собой место в ряду лидирующих экономистов страны. Кульминацией его карьеры вне сферы политики стал 1993 г., когда он удостоился медали Джона Бейтса Кларка, желанной награды для экономистов, не достигших 40 лет, получить которую в чем-то труднее, чем Нобелевскую премию.

М-р Линдси избрал иной путь. Хотя он преподавал в Гарварде после трехлетнего пребывания в администрации Рейгана, его сердце к этому не лежало; он опубликовал мало научных работ, но зато выпустил книгу, в которой прославлялись налоговые сокращения Рональда Рейгана. В 1989 г. он ушел из науки и получил должность в бушевском Белом доме; в 1991 г. старший м-р Буш назначил его в Совет управляющих Федеральной резервной системы, к удивлению многих, кто ожидал назначения экономиста-республиканца, пользующегося большим доверием. Теперь он работает на «мозговой трест» консерваторов.

Суть этого сравнения не в том, что м-р Саммерс превосходит м-ра Линдси; м-р Саммерс — выдающийся человек (спросите его, и он вам скажет), но и м-р Линдси — не болван. И дело не только в том, что м-р Линдси — поборник определенной идеологии. Суть в том, что Билл Клинтон обратился за советом к сильному, независимому профессиональному экономисту, который должен был стать важным игроком вне зависимости от политических убеждений. М-р Буш обратился к экономисту, чья карьера была однозначно политически ориентирована. А если конкретнее, карьера м-ра Линдси зависела от покровительства семьи Бушей.

Так что решение молодого м-ра Буша поставить м-ра Линдси выше многих экономистов-республиканцев, пользующихся репутацией людей, независимых от своих политических взглядов, говорит нам о многом. Нет, я не думаю, что м-р Буш исповедует идеологию фанатично, просто м-р Линдси намного более предан партии, чем любой из экономистов м-ра Клинтона. По большей части, это говорит нам о том, что м-р Буш ценит лояльность выше опытности, что он, вероятно, предпочитает консультантов, чьи личные судьбы почти целиком связаны с его собственной.

Джон Эллис, политический комментатор, печально известный тем, какую неблагоприятную роль он сыграл в «Fox News» — он не только предоставил м-ру Бушу конфиденциальную информацию о выборах, но, вероятно, он был человеком, стоящим за поспешным решением объявить о победе м-ра Буша на выборах, — когда-то заявил: «Я предан своему союзнику, губернатору Техаса Джорджу Бушу. Я ставлю эту преданность выше преданности кому бы то ни было еще, кроме членов моей семьи». Большинство людей были бы сконфужены такого рода заявлением; м-р Буш, кажется, принял его как должное.

Возможно, это объясняет послевыборную готовность м-ра Буша позволять своим людям использовать любой аргумент, использовать любое политическое преимущество, чтобы обеспечить за собой победу, вне зависимости от того, какой запашок это может придать выигрышу. Кто из кружка м-ра Буша осмелится сказать ему о том, что надо примириться с возможностью проигрыша?

И это предполагает ужасную перспективу. Скоро мы, возможно, получим президента, который потерял голоса избирателей, который выиграл голосование вы-

борщиков только после мучительных ссор, которому потребуется действовать с беспрецедентной умеренностью и проницательностью, чтобы избежать раздробления страны. Но он окружит себя подобострастными придворными.

## ПАМЯТИ ДЖЕЙМСА ТОБИНА

---

12 МАРТА 2002 ГОДА

Вчера умер Джеймс Тобин, йельский профессор, нобелевский лауреат и консультант Джона Ф. Кеннеди. Он был великим экономистом и замечательным человеком; его уход в моих глазах символизирует уход целой эпохи, когда экономические споры велись аккуратнее и много честнее, чем сегодня.

М-р Тобин относился к числу тех экономистов-теоретиков, чье влияние простирается столь далеко, что многие, никогда и не слышавшие о нем, тем не менее являются его последователями. Он, впрочем, был также общественным деятелем, в свое время наиболее заметным сторонником идеологии, которую можно обозначить как свободнорыночное кейнсианство, — веры в то, что рынки — хорошая вещь, но они лучше всего работают, если правительство сохраняет готовность ограничивать проявления их неумеренности. В известном смысле, м-р Тобин был подлинным новым демократом; ирония же ситуации в том, что его по существу умеренные идеи в последнее время были похищены экстремистами справа и слева.

М-р Тобин был одним из экономистов, принесших кейнсианскую революцию в Америку. До этой революции, как кажется, среди экономистов не существовало



середины между фатализмом *laissez-faire*<sup>1</sup> и сторонниками жесткого вмешательства государства, и так как политике *laissez-faire* в значительной степени ставилась в вину Великая депрессия, сложно было разглядеть за этими событиями возможности для выживания свободной рыночной экономики.

Джон Мэйнард Кейнс изменил все это: при разумном использовании денежной и фискальной политики, предположил он, система свободного рынка сможет избежать депрессии в будущем.

Что привнес Джеймс Тобин? По существу, он взял необработанное, механистическое кейнсианство, преваляровавшее в 40-х гг., и преобразовал его в более изощренную доктрину, где особое внимание уделялось компромиссам, на которые идут инвесторы, обдумывая риск, прибыль и ликвидность.

В 1960-е гг. утонченное кейнсианство м-ра Тобина сделало его наиболее известным интеллектуальным оппонентом Милтона Фридмана, в ту пору отстаивавшего соперничающую (и довольно наивную) доктрину, известную как монетаризм. Если вкратце, убеждение м-ра Фридмана, настаивавшего, что изменения в денежных запасах объясняют все подъемы и спады, не выдержало проверки временем; внимание м-ра Тобина, уделяемое цене авуаров как движущей силе, стоящей за экономическими колебаниями, никогда не выглядело более оправданным, чем сейчас. (М-р Фридман сам по себе — выдающийся экономист, но в основу его нынешней репутации легли другие работы.)

Но, вероятно, м-р Тобин сегодня более всего известен двумя политическими идеями, обе из которых были

---

<sup>1</sup> *laissez-faire* — от фр. «пусть будет, как будет». Здесь речь идет о доктрине невмешательства государства в экономику.

захвачены — его собственное выражение — людьми, чьи политические воззрения он не разделял.

Во-первых, м-р Тобин был интеллектуальной силой, стоявшей за сокращением налогов периода Кеннеди, с которого начался подъем деловой активности 1960-х гг. Ирония в том, что ныне это налоговое сокращение восхваляется бескомпромиссными консерваторами, которые рассматривают такие сокращения как чудодейственный эликсир от любой хвори. М-р Тобин с этим согласен не был. По сути, когда на прошлой неделе я участвовал вместе с ним в работе одной комиссии, он решительно заявлял, что нынешняя ситуация требует большего количества внутренних расходов, а не снижения налогов.

Во-вторых, еще в 1972 г. м-р Тобин предложил правительствам взимать незначительный налог на сделки с иностранной валютой в качестве способа создать препятствия дестабилизирующей спекуляции. Он думал, что этот налог является способом поддерживать свободную торговлю за счет внушения другим странам уверенности в том, что они могут открыть свои рынки, не подставив себя под разрушительное воздействие потоков спекулятивного денежного капитала. Вновь, по иронии судьбы, «налог Тобина» необычайно популярен у жестких оппонентов свободной торговли, особенно французской антиглобалистской группы «Attac». Как заявил сам Тобин, «самые громкие аплодисменты слышатся не с той стороны».

Почему я считаю, что уход м-ра Тобина знаменует конец эпохи? Взглянем на Совет консультантов по экономическим вопросам при Кеннеди, самую примечательную коллекцию экономических талантов, служивших американскому правительству с эпохи, когда решения принимались в одиночестве Александром Га-

мильтоном<sup>1</sup>. Невероятно, но м-р Тобин был лишь одним из трех будущих лауреатов Нобелевской премии, работавших при Кеннеди в этом совете. Возможна ли такая группа сегодня? Сомневаюсь. Когда м-р Тобин отправился в Вашингтон, лучшие экономисты не подвергались строгим политическим проверкам — и с ними никогда не случалось, чтобы должностная инструкция включала необходимость сообщать сведения, которые очевидно ошибочны. Надо ли мне что-то добавлять к этому?

Вчера я разговаривал с Уильямом Брэйнардом, другим йельским профессором, работавшим с м-ром Тобином, и он прежде всего отметил «веру в силу идей», которую питал его коллега. Это вера, которую все труднее сохранить, так как в наших рассуждениях доминируют скверные идеи, пользующиеся мощной политической поддержкой.

Итак, мне недостает Джеймса Тобина, и я оплакиваю не только его смерть, но и конец эпохи, когда столь порядочные и принципиальные экономисты могли успешно работать и даже оказывать влияние на политику.

---

<sup>1</sup> Сподвижник Дж. Вашингтона, первый министр финансов США (1789–1795), «архитектор американской экономики».

## СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	
<b>Крестовый поход</b>	
<b>Пола Кругмана</b>	
<i>Андрей Лактионов</i>	5

## ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ

Выражение благодарности за помощь и поддержку	9
Предисловие	11
Введение	31

## ЧАСТЬ I ПУЗЫРИ

ГЛАВА 1. <b>Необъяснимый взлет</b>	60
ГЛАВА 2. <b>Недобрые вести из-за рубежа</b>	88

ГЛАВА 3.	
<b>Гринспеномика</b>	102

ГЛАВА 4.	
<b>Капитализм для избранных, США</b>	137

## ЧАСТЬ II **СТРАННАЯ МАТЕМАТИКА**

ГЛАВА 5.	
<b>Пряник...</b>	178

ГЛАВА 6.	
<b>...и кнут</b>	206

ГЛАВА 7.	
<b>2 – 1 = 4</b>	233

## ЧАСТЬ III **ПОБЕДИТЕЛИ И ТРОФЕИ**

ГЛАВА 8.	
<b>Несовместимые понятия</b>	267

ГЛАВА 9.	
<b>Личный интерес</b>	278

ГЛАВА 10.	
<b>На развалинах 11 сентября</b>	295

ГЛАВА 11.	
<b>Грандиозный заговор?</b>	323

ЧАСТЬ IV  
**КОГДА РЫНКИ  
НАХОДЯТСЯ В УПАДКЕ**

ГЛАВА 12.	
<b>Крик Калифорнии</b>	357
ГЛАВА 13.	
<b>Кривые зеркала и дымовая завеса</b>	388
ГЛАВА 14.	
<b>Зарубежные катастрофы</b>	411

ЧАСТЬ V  
**ВЕЛИКОЕ  
РАЗОБЛАЧЕНИЕ**

ГЛАВА 15.	
<b>Global Schmobal</b>	429
ГЛАВА 16.	
<b>Экономика и экономисты</b>	455

Исключительные права на публикацию книги  
на русском языке принадлежат издательству АСТ.  
Любое использование материала данной книги,  
полностью или частично, без разрешения  
правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Кругман Пол  
**ВЕЛИКАЯ ЛОЖЬ**  
**Сбиваясь с пути на рубеже нового века**

Ответственный редактор Е.Г. Кривцова  
Выпускающий редактор О.К. Юрьева  
Редактор Н.В. Большакова  
Художественный редактор О.Н. Адаскина  
Компьютерный дизайн: Н.В. Пашкова  
Технический редактор Л.Л. Подъячева  
Корректоры Г.Д. Бакастова, Н.В. Волохонская, Н.А. Тюрина  
Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2:  
953004 — научная и производственная литература  
Санитарно-эпидемиологическое заключение  
№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»  
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28  
Наши электронные адреса:  
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии  
ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати»  
443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.  
Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов

ISBN 5-17-025969-7



9 785170 259694